

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895–1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895–1906. Максим Горький

На арене борьбы за правду и добро
В недалёком прошлом так называлась пресса.

Борьба за правду и добро считалась её назначением, она высоко держала знамя с благородным девизом, начертанным на нём, и если порой впадала иногда в ошибки, то они не ставились публикой в фальшь ей, прессе, группе людей, расходовавших для общества действительно горячую кровь сердца и неподдельный сок нервов.

К её голосу прислушивались внимательно и серьёзно, а не скептически улыбаясь, как прислушиваются теперь.

Теперь слушают искусственно подогретое слово обличения и думают про себя:
«Ладно! Распинайся. Вижу я, что и ты тоже прежде всего – есть хочешь!..»

И правы те, кто так думает, ибо, к сожалению, нынешний газетчик, за редкими исключениями, вполне достоин нынешнего читателя.

Он так же жаден, туподушен и бессовестно откровенен в своих поползновениях за «куском», как и его читатель.

Грустно отмечать факты, подтверждающие столь мрачный взгляд на дело, но это наша обязанность.

Минул век богатырей,
И смешались шашки;
И полезли из щелей
Мошки да букашки...
Они полезли – и вот ныне откровенно действуют в прессе.

Без веры во что-либо, без бога и совести, без определённого взгляда на дело жизни, – им всё равно, о чём ни писать, лишь бы выходило хлётко, лишь бы понравиться улице и, поставив её симпатии на вид своего хозяина-издателя, получить с него побольше гонорара...

Полные всякого злопыхательства и отчасти не умея излить его на явления жизни, действительно заслуживающие осуждения, отчасти из трусости не делая этого, – они или пробавляются по мелочам, или «подсживают» своего брата-газетчика.

Зачем это нужно?

Должно быть, всё для того же, чтоб понравиться хозяину, или для того, чтоб по поручению хозяина подмарать репутацию другой газеты в надежде, что этим поднимется реноме своей и увеличится подписка на неё.

Расчётец пошленький и с действительными целями прессы ничего общего не имеющий.

Но ничем иным не объяснишь целей такой полемики, как, например, полемика газеты «Дальний Восток» с собратом по оружию «Владивостоком».

Хозяйки жалуются на дороговизну лука, обвиняя именно в этом манз, а между тем, оказывается, лук большими партиями скупается репортёрами газеты «Владивосток» для натирания глаз на случай сообщения каких-либо сенсационно печальных известий... По мнению почтенной редакции «Владивостока», крокодилы – идеал отзывчивости к несчастиям потому только, что, хватая свои жертвы, плачут горькими слезами. По мнению той же редакции, репортёр, искренно сочувствуя человеческому горю, передавая известие, обязан о крестинах в семье статского советника выразить на своей физиономии торжественно величавое настроение, а о каком-либо трагическом происшествии – непременно кричать: «Караул! Ратуйте, кто в бога вируе!..»

Обыватель читает и смеётся:

– Ловко отщёлкал, шельма!

Действительно смешно, чёрт возьми!

Ведь как зло написано-то, а?

Но... зачем это нужно было писать?

Ведь тут нет ни одного порядочного звука.

Ведь так писать – значит сводить благородную роль прессы к роли уличной фиглярки, значит таскать её по рыночной грязи, истязать и увечить её.

Ведь такие писания ставят прессу в какие-то фамильярные отношения к обывателю, смакующему всякую непорядочность как вкусное и лакомое блюдо, раз непорядочность и пошлость облечена в мало-мальски остроумную и злую форму. Зачем нужно прессу, которая должна быть бичом обывательской совести, благородным колоколом, вещающим только правду, делать подлой погремушкой на потеху уличной толпы?

Зачем это грошовой, бесцельное остроумие, эта злоба между двумя борцами на одном поле и за один и тот же идеал – за культуру духа?

И однако же такие выходки чуть ли не обыденное явление в нашей прессе.

В ней нечего больше делать мошкам и букашкам с их мизерным умственным цензом при полном отсутствии порядочности в растленных душах.

И, изощряясь в подсиживании «собратов по перу» за невольные оговорки, опечатки и прочие не менее важные отступления от серьёзных задач прессы, – они вносят в газетное дело своеобразную ноту какого-то голодного стона и рычаний да подленького торжества над чем-то только им и понятным.

Их остроумие – тупо, их негодование – поддельно.

Их умное слово – украдено, вся их деятельность – не только пуста и бессодержательна, но и прямо вредна.

Ибо у них нет ни во что «доброй веры». Они полны животного, тупого скептицизма и все явления жизни не могут оценить иначе, как с точки зрения количества строк и гонорара.

Нигде и ничем не выражается и не подчёркивается так ясно моральный крах и измельчание жизни, как в прессе, на арене борьбы за правду и добро и деятельности гаденьких мошек и букашек, приютившихся в ней.

Несколько тёплых слов

Все знают, каково положение учителей и учительниц у нас в деревне.

Вдали от культурного мира и его интересов, без книг и возможности следить за ростом интеллигентной мысли, во тьме невежества, окружённые полудикой массой, получая грошовой содержание, не допивая, не доедая, подвергаясь гонениям и насмешкам со стороны разной «деревенской силы» вроде кулаков и т. д., скромные труженики на благотворной ниве просвещения упорно бросают зёрна знания в грубую, нераспаханную почву, проросшую суеверием и предубеждением к «науке»; работают, тратят долгими годами кровь сердца и сок нервов и умирают, истощённые трудом, умирают скромно, как и жили, никому не известные, никем не оплаканные и ничем не вознаграждённые за свой великий труд, перерождающий почву.

Тут нет преувеличения – пигмеи, совершающие на русской земле колоссальное дело просвещения, стоят именно в таких нищенских, в таких трудных условиях, и где и в чём черпают они силу жить и работать – то тайна их простых сердец.

В наше худосочное, скептическое время, среди всеобщей моральной нищеты, среди шатания мысли и смятения духа даже у передовых представителей культуры, – в наше бедное подвигами время – тем ценнее и поучительнее гигантская работа этих маленьких, незаметных людей, неустанно, не щадя своих юных сил, перерождающих

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru нашу массу, бросающих в подавившую её тьму искорки знания.

Да здравствуют маленькие – когда нет больших героев!

А теперь посмотрим на те условия, среди которых готовятся к своей плодотворной деятельности эти маленькие герои.

В земской школе сельских учительниц не так давно весь четвёртый класс отказался есть хлеб, поданный к обеду.

Это были плохо пропечённые, полусырые, влажные куски какой-то чёрной массы, в которой вязли зубы и которая ложилась в желудке камнем.

Слух об этом отказе школьниц от такого корма, – несомненно, портившего желудки, которым в будущем предстоит немало хронических и периодических голодовок, – дошёл до сведения управы, и она 5 июня откомандировала одного из своих членов, господина В., произвести нечто вроде ревизии порядков школы. Но тьюторы, педеля и всякое другое начальство школы, очевидно, предупреждённое о надвигающейся опасности, моментально заменили уже поданные на столы куски хлеба иными, оказавшимися более доброкачественными, а те, что уже были предназначены для питания учениц, – живо были побросаны на печь и там скрыты от глаз господина В. разными тряпками и другой рухлядью.

«По ревизии всё оказалось в порядке» – к великой радости заправил школы.

Всё оказалось в порядке – господин В. не видал того деревянного обрубка, что стоит на дворе у крыльца. На нём рубят мясо на порции, и он никем и никогда не моется и не мылся с той поры, как употребляется в дело.

Что бы он представлял из себя, если б на дворе школы не существовало двух гуманных и Чистоплотных собак?

Каждый раз, как кончается операция деления мяса на порции, – эти две собаки подходят к нему и чисто-начисто вылизывают его языками.

Делают они это, конечно, из корыстных побуждений – есть хотят, – но в данном случае только их корысть и гарантирует учениц школы от того, что на этом обрубке ещё не завелись черви и не перешли, в виде добавочного приварка, в пищу учениц.

Вот какие казусы возможны в жизни.

Да живут же эти собаки дольше, раз их существование полезно для будущих просветительниц нашего народа!

Всё изложенное выше может быть объяснено индифферентизмом школьного начальства, но чем объяснить распоряжение об отобрании от учениц школьной формы при выходе их из школы?

Наступили каникулы. Хорошо тем девушкам, у которых есть родные, могущие снабдить их необходимой одеждой, но те, у кого нет таких родных?

Что остаётся для них?

Или оставаться на каникулы в тошнотворных стенах школы, вместо того чтоб дышать вакационное время чистым воздухом той деревни, которой со временем они отдадут всё своё время и силы, или же...

Или же отправляться в родную деревню в костюме Евы.

Люди формализма, копеечные экономисты, вам следует вдуматься – действительно ли экономите вы, сохраняя копейки?

Не подрываете ли вы в глазах учениц значение школы, не темните ли вы её задачи и не опошляете ли взгляд на будущее этих девиц, отданных под вашу опеку?

Дело, на которое жалеют грошей, может не показаться важным и необходимым –

И если порой среди сельской учащей массы встречаются антипатичные люди, относящиеся к своему труду только как к необходимости, как к источнику заработка, если порой честный и нужный работник просвещения меняет свой великий труд на чечевичную похлёбку более лёгкого заработка, – не вас ли нужно обвинить в этом печальном явлении?

Не вы ли это не умели внушить сеятелям знания уважение и любовь к их задаче, не вы ли не сумели показать, как важен, необходим и велик труд народного учителя?

Не на вашей ли обязанности лежит поставить дело воспитания и обучения будущих учительниц и учителей так, чтобы каждая деталь дела свидетельствовала о великом культурно- историческом значении той будущности, которая ждёт ваших учениц?

Пытаетесь ли вы возбудить в них уважение к себе и верный взгляд на их деятельность?

Облегчаете ли вы им начало их трудной жизни, полной лишений, отказа от самих себя и душевных надрывов?

Как и чем вы сглаживаете, скрашиваете первые шаги их трудного пути?

Понимаете ли вы, что они войдут в жизнь, как жертва в пасть Молоха, и что Молох пожрёт громадное большинство их раньше, чем они познают какую-либо радость бытия?

Д.А. Линёв (Далин). «Не сказки»
Д.А.ЛИНЕВ (ДАЛИН).

«НЕ СКАЗКИ»

Издание 2-е. Петербург, 1895 г., издание Ф.С. Хесина

Уже один тот факт, что первое издание этой книги разошлось в течение двух с половиной месяцев в количестве 2200 экземпляров, – ясно свидетельствует о её достоинствах. Представляя из себя ряд маленьких фельетонных набросков, немногословных, но всегда нервных и горячих, изложенных языком, может быть, несколько манерным, но всегда ясным и простым, – эти картинки русской жизни то полны глубокой печали, то пропитаны горькой иронией, всегда будят ум, всегда трогают сердце и о многом заставляют глубоко подумать, многое пожалеть, многое вспомнить. Конечно, в полуростах строк не исследуешь описываемое явление всесторонне, но можно указать его существо и наметить ряд причин, вызвавших его к жизни. Господину Далину всегда почти удаётся это, он обладает редкой особенностью для фельетониста – у него есть тонкое гражданское чутьё, позволяющее ему сразу открывать в глухих зарослях нашей тьмы и невежества разнообразную дичь, и он умеет бить её верно и метко. Ещё раз, книга Далина – хорошая книга, и если она не доставит читателю эстетического наслаждения, то заставит его стать ближе к жизни и серьёзно подумать о ней.

Между прочим. (Мелочи, наброски и т. д.)

[1]

Года два-три тому назад в «Северном вестнике», – журнале, где теперь засел и во всю мочь свищет малюсенький Соловей-разбойник господин Волинский, – была помещена статья В.Соловьёва – «Гроза с востока»

Это была хорошая статья, хотя в ней не было ровно ничего приятного для нас.

В ней очень доказательно говорилось о том, что со степей Гоби на Россию летит песок и понемножку сокращает у нас количество пахотной земли.

Что он ложится широкой полосой и на волжские степи и в землях Войска Донского и проникает даже до Киевской губернии. И что если мы своевременно не обратимся к лесным заградениям, так нас, пожалуй, и совсем засыплет.

Статья возбудила толки и вызвала возражения.

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895–1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Толки и возражения целиком свелись к мудрым русским изречениям:

– Улита-то вдет, когда-то что будет!

И:

– Бог не выдаст, – свинья не съест.

Затем мы позабыли о «Грозе с востока».

Недавно мы сообщили о песчаных заносах в Новоузенском уезде, где засыпано 6035 десятин 1276 сажень, и о том, что новоузенское уездное земское собрание хочет просить министерство земледелия рассадить по песчаным заносам деревья...

Видите? Два-три года тому назад мы хотели заградить деревьями движение к нам песка – ныне уже просим рассадить их на песке.

Пришёл песок-то, значит. Присыпался – и уже мешает жить.

А мы всё ещё собираемся воевать с ним.

И мне думается, что, пока мы действительно соберёмся, засыплет нас песком, совсем, и с ушами засыплет.

И на том месте, где некогда жила-была страна, зовомая Россия, будет необозримая песчаная равнина – жёлтая, пустынная, знойная.

И будут по ней рыскать степные волки, тощие, с поджатыми хвостами и ликом схожие с самарскими горчишниками.

[2]

Вот вам маленький образец легкомысленных рассуждений по поводу одного из премудрых вопросов...

..Вечерами, когда, изнывая от тоски, я сижу в моей комнате и из всех щелей этой комнаты на меня смотрят тёмные глаза одиночества и меланхоличные тени летней ночи собираются за окнами и безмолвно заглядывают в стёкла их, – невольно в душу мне закрадываются мысли на тему: «Не добро человеку быть единому» – и, минорно настроенный, я ухожу в Струковский сад.

Там, по большой скотопрогонной аллее и по аллее, смежной с ней, густой и медленной волной течёт самарская жизнь; клубы пыли вьются над ней, слышен запах цветов, тихий шелест листьев, что-то шепчущей закопчённому самарянами небу, слышен смех, слышен говор, и господин Мраз старательно производит большой музыкальный шум, исполняя творения европейских композиторов на зулусский лад.

Там я, холостой человек, Иегудиил Хламида, будущая жертва пенатов [1], сажусь в укромный уголок и из него рассматриваю прекрасных самарянок и прислушиваюсь к музыке речей их, и я смотрю на них с восхищением вплоть до той поры, пока не вспомню, что, быть может, скоро уж одна из них наречёт меня своим мужем, – и тогда предчувствие сей опасности охлаждает пыл моего восхищения.

Я смотрю на них, – а они дефилируют мимо меня все в бантиках, кантиках и прочих сантиментиках, в аромате духов и в пыли и щебечут, как те грациозные серые птички, которых в деревнях несправедливо и немзыкально именуют «трясогузками».

Я смотрю на них и распределяю их на две основные категории: барышни полненькие и барышни худенькие; я знаю, что полненькие барышни – пустенькие, а худенькие – полны бактериями нервных и иных болезней, полны истерических капризов, и хотя всё это пока ещё в потенции, но я знаю, всё это будет актуально через неделю после свадьбы.

Я смотрю на них и думаю: «Вот существа, большинство которых со временем превратится в женщин и матерей, войдёт в активную жизнь и будет воспитывать из детей своих мужей, твёрдых духом, и граждан – благородных, бескорыстных слуг отечеству».

И я смотрю на модно причёсанные головки барышень полненьких, смотрю и думаю –

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru где именно в их чертах помещена природой та частица мозга, которая должна выработать ясное представление о гражданских обязанностях матери и представление о том, какие именно люди нужны отечеству, и о том, что такое отечество.

И я сомневаюсь в том, что полненькие барышни имеют под причёсками какое-либо иное представление об отечестве, кроме того, которое во время оно извлечено ими в пот лица из тощих учебников по истории и географии, и я никак не могу представить себе, что полненькие барышни способны сознательно заглядывать в будущее и точно представлять себе те задачи и ответственность, которые ждут их впереди.

И я испытую взглядом направление мысли у барышень худеньких, отчаянно стреляющих глазками семо и овамо, я смотрю на них и вижу: свирепо перетянувшиеся корсетками, воспитанные как бы только на фиалках и лунном свете, анемичны и тощи они, и мне думается, что, когда у них будет по паре детей, к тому времени они приобретут по дюжине болезней тела и души...

И глухая скорбь сосёт мне сердце, ибо я не вижу в барышнях – будущих матерей, достойных этого имени.

...И тогда много тревожных и мрачных дум возникает в уме моём.

С какими душевными ресурсами и с каким моральным фондом примутся эти барышни за построение семьи, которая должна быть школой, имеющей воспитать в их будущих детях любовь к родине, стремление к подвигу во имя её, благородство духа, понятие о чести и о справедливости и многое другое, что в конце концов человеку всё-таки необходимо воспитать в себе, дабы тем оправдать узурпаторски присвоенное им право на звание высшего животного.

Есть ли у них представление о важной ответственности, которая ждёт их, матерей, в будущем, понимают ли они, что им придётся созидать будущего человека, имеют ли они представление о том, что нужно делать для того, чтоб дети не были точными копиями своих слабосильных и нежизнеспособных родителей, людей, устроивших себе такую бесцветную, скучную и нищую духом жизнь, как жизнь современная?

Что, наконец, кроме тела, принесут они мужу, чем, кроме поцелуев и объятий, могут облегчить его жизнь, что новое и не изведенное им внесут они с собой в сферу его духовной жизни, – если предположить, что у современного мужчины стремление к духовной жизни есть, а не иссякло уже под гнётом будничном жизни и её омертвляющих душу мелочей?

Что может принести с собой современная женщина современному мужчине, вступая с ним в союз?

...Я поднял вопросы старые, избитые в пыль, размолотые жерновами российского красноречия, – но всё-таки не разрешённые по существу.

«Жизнь есть труд», – говорит Тургенев; это «глупо, как факт», – говорит Бальзак, но это факт – жизнь есть труд.

Она требует серьёзного отношения к себе, и всякое легкомыслие терпимо ею только до времени, но время придёт и принесёт с собой жестокое наказание тем, которые относились к жизни невнимательно или легко, холодно или недостаточно активно... она поставит в счёт каждый ваш ложный и неосмотрительный шаг, и когда вы будете подводить итоги ей, в конечном может получиться роковой и ядовитый вопрос – зачем мы жили?

Мы живём в странное время оскудения энергии, в равнодушные, скептически тусклые дни, и на нашей обязанности лежит исправить это, расцветить жизнь желаньями, оживить её поступками, облагородить мыслью и всячески сделать её более разумной, живой и разнообразной; мы ничего не делаем в этом направлении, прикрываясь от укоров совести, как щитом, нашим ампула маленьких, шаблонных, дюжинных людей.

О женщины, что сделать вы б могли
Для родины, когда бы вы хотели!

– вздыхает Леопарди в одном из своих жгучих и мрачных сонетов и через несколько строк с тоской спрашивает от лица мужчин:

Но что вы в нас будили в наши дни?
А дальше спрашивает себя:

... Кто виноват в беде земли родной?
Скажите мне, о женщины, не вы ли?
Он был итальянец, этот Джакомо Леопарди, и его стихотворение адресовано итальянкам...

Я считаю нужным заявить об этом для того, чтобы облегчить русским женщинам возможность не признавать за его вопросами ни смысла, ни значения, чем они, наверное, и воспользуются.

[3]
Амплуа фельетониста – очень нелёгкое амплуа, скажу я вам.

Садись за стол и берёшь перо в руку с намерением отметить движение общественной жизни, совершившееся за истёкший день.

Оказывается, что жизнь за истёкший день, как и за все ранее его истёкшие дни года, никуда не подвинулась.

То есть в ней есть движение, но это только потому, что она разлагается...

Видишь это и думаешь:

«Весьма печально, но вполне естественно».

Переходишь к проявлениям обывателями своих чувств и своей морали.

На этом пути – лежит красный камень преткновения, а вокруг него произрастают разные другие колючие тернии.

Дойти сквозь них до публики ясным и точным фельетонисту удаётся редко, и большинство обывателей хотя и ведёт [себя] зазорно и достойно осмеяния, – но...

И даже «но» не только с запятой, а и со знаком восклицания – «но!».

Приходится искать «линии наименьшего сопротивления» своему желанию сказать правду, и таковые находишь в лице людей, которым решительно всё равно, обличают их в газете или нет.

Ибо они грамоты не знают и по сей причине газет не читают, в чём им – в скобках говоря – нельзя не позавидовать...

Сегодня, например, у меня нет иной темы, кроме оскорбления городского весёлой и буйной женщиной Большаковой и господином Б.

Но и на эту тему я не могу ничего сказать, ибо не знаю, как именно сии субъекты оскорбили городского.

Я могу сказать одно: оскорблять городского – о, госпожа Большакова и господин Б. – очень нехорошо, ибо городской тоже человек.

Могу сказать о предупредительном жулике, который, украв часы 20 августа, заявил хозяйке часов, что он придёт к ней ещё воровать уже только 6 сентября, и никак не раньше.

Раньше ему некогда.

Могу написать мораль и для жулика.

О, жулик! Ты глуп. Так, как воруеть ты, никто не ворует. Никогда, жулик, не надо предупреждать о дне, в который ты будешь красть, того, у кого ты будешь красть. Это не принято.

Но, милостивые государи и государыни, я знаю, что всё это скучно и что есть люди

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895–1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru и жулики, более нуждающиеся в морали и обличении, чем те, которые приведены мною выше.

Я знаю, что есть очень много людей, коих необходимо ежедневно публично и печатно сечь, – но!..

«Но», милостивые государи! И его никак не обойдёшь.

В моменты решительное чувство самосохранения и трусов перерождает в бесшабашных храбрецов.

Это доказано ещё раз самарскими обывателями, проявившими способность к коллективизму после того, как [их] обгрызли собаки.

Опасаясь, что самарские собаки пожрут самарских жителей, последние обратились к полиции, прося у неё защиты от собак.

И не просто обратились, а обратились коллективно.

Пришли и сказали:

– Заступитесь за нас у собак. Уже близко время, когда они перегрызут всех нас. Пожалуйста, заступитесь. А ежели не сделаете этого, то мы сами станем стрелять по собакам из огнестрельного оружия!

Вон оно куда пошло!

Смотрите–ка, сколько в этой речи храбрости и смелости.

Даже есть некоторый намёк как бы на сознание обывателем своих прав.

И всё это, я уверен, плоды коллективизма, который вызван к жизни собаками.

[4]

Если вы на улице встретите интенсивно чумазого мальчика с кипой печатной или чистой бумаги в его руках или на его голове, вы можете безошибочно сказать:

– Вот идёт мальчик из типографии!

Мальчик из типографии – совсем особенный мальчик.

Во-первых, он желтоватого цвета – потому что отравлен свинцовой пылью.

Во-вторых, он очень сонного вида – потому что много работает и мало спит.

В-третьих, у него непременно где-нибудь на физиономии, на руке, на шее есть болячка, – это его задело машиной и рану растравил свинец...

Жизнь мальчика из типографии вдвое тяжелее жизни всякого иного мастерового мальчика, ибо он имеет дело со свинцом.

А свинец очень тяжёлый металл, как известно.

Но я не решусь сказать, что тяжелее – свинец или рука типографщика Грана?

Я видел щёку мальчика, на которую упала рука господина Грана.

Щека этого мальчика из типографии господина Грана свидетельствовала, что у господина типографщика претяжёлая длань.

Щека была и синя, и багрова, и разбита в кровь, – и всё это только с одного удара, как объяснил мальчик.

Господин Гран положительно хорошо дерётся...

Жаль только, что для опытов бокса он избирает щёки своих мальчиков, а не свои собственные щёки.

я бы рекомендовал господину Грану последнее – это более безопасно.

А то мальчики, которых он так усердно лупит по щекам, недовольны таким обращением с ними и могут причинить господину Грану некоторое беспокойство, попросив его к судье для того, чтобы последний объяснил ему, что мальчики, которых бьют по щекам, не могут не чувствовать от этого боли.

Лучше бы господину Грану упражняться в боксе на своих собственных щеках.

Поставить против своей фигуры зеркало и колотить себя, глядя на своё отражение.

А в случае, если господин Гран утомился бы от такого занятия, можно рекомендовать ему пригласить дворника.

Давши сему последнему на чай, – можно получить от него весьма поучительный урок бокса.

Но необходимо дать на чай, ибо дворник, как бы он ни был груб, не станет бить человека даром.

Я могу рассказать, при каких обстоятельствах господин Гран расколотил щёку своего мальчика.

Суть дела в щётке и в кухарке.

Прежде всего щётка.

Есть щётка для кухни и щётка для типографии.

Щёткой из кухни строго воспрещается мести пол типографии и наоборот.

Затем есть кухарка.

Здесь во сто тысяч первый раз подтверждается справедливость французской поговорки:

«Cherchez la femme» [2]

Кухарка берёт щётку типографии и хочет мести ею пол кухни.

Мальчик из типографии видит в этом явное нарушение распоряжений хозяина, возмущается непочтением к ним со стороны кухарки и щётку ей не даёт.

– Не приказано! У тебя есть своя щётка!

А кухарка идёт к господину Грану и...

я не знаю уж, что у них там было.

Но только господин Гран выскочил в типографию, наскочил на мальчика и залепил ему полновесную оплеуху.

От этого щека мальчика страшно вспухла.

Вот и вся история.

[5]

В четверг, на гулянье общества книгопечатников в Струковском саду, было не особенно много «настоящей публики», но зато в нём присутствовало много оригинальных, шумных и весёлых, чумазных и оборванных маленьких людей, придававших устроенному симпатичным обществом вечеру милейший, задушевный характер.

Это были мальчики из типографий, воспитанники печатного станка, незаметные труженики слова, весёлые искры которых со временем, может быть, разгорятся в большие огни...

«Настоящая публика» не понимала значения чумазных мальчиков и их права на веселье, и часто субъекты из «настоящей публики» покрикивали на мальчиков:

– Ты! Вы, пострелята!

Но пострелят это не смущало, и они задорно, как ерши в садке, снуют между «настоящей публикой».

Играл оркестр господина Моттл, и мальчики кричали ему «браво» и хлопали в ладоши, похваливая маленького барабанщика и солиста на корнет-а-пистоне за то, что оба они так «ловко задувают».

Пиротехник Буров угостил мальчиков фейерверком и удостоился их благосклонного одобрения, чего едва ли дождутся от них те, что заставляют их работать над набором фейерверков слов и фраз.

Затем мальчикам показывали те орудия, которые их истязуют, и машины, сокращающие век мальчиков и здоровье их.

Показывали верстатку и наборную кассу, линейки и рамы и всё другое, с чем ежедневно имеют дело чумазные мальчики.

Они стояли густой толпой пред экраном и кричали, видя всё это:

– Знаем!

Потом им показали Гутенберга.

Мальчики встретили его изображение молча, хотя им сказали, что это именно он изобрёл печатный станок.

Но пока печатный станок ещё только усложнил жизнь мальчиков и не дал им почти ничего хорошего, – они молчали.

Вслед за Гутенбергом они увидели Фонвизина в мундире и с нахмуренными бровями.

Его тоже встретили молча, и только один мальчик заметил:

– Полицейский будто.

Шекспир, гладко причёсанный, с красным носом и с румяными щеками, не произвёл никакого впечатления на мальчиков, но «настоящая публика» заявила, что знакома с ним.

– Это Камюэнс! – предупредительно сообщил кавалер в пенснэ даме в богатой тальме[3]

– Ах, какой здоровый! – сказала дама.

– Это английский генерал Шекспир, победивший Наполеона! – рассказывал человек типа отставных военных, стоявший сзади меня, своему товарищу – юноше.

– А говорят, это писатель? – зевая, спросил юноша.

– Врут! – отрезал его собеседник.

За Шекспиром вскоре появился бедняга Третьяков, и на экране вызвавший смех над собой.

Григорович с лицом дипломата появился и исчез, не возбудив никаких толков в публике, кроме чьего-то замечания: «Скобелев в штатском платье».

– Гоголь!

– Знаем! – раздались два-три звонких голоса, прозвучавшие самодовольно и весело.

И мне стало весело...

А трое из «настоящей публики» расхохотались над Гоголем, находя, что у него смешной нос и допотопный костюм.

Впрочем, какая-то барышня нашла его «очень миленьким».

– Писатель Тургенев!

– Знаем! – врассыпную вскричало несколько детских голосов.

С экрана смотрело не публику и мальчиков умное и доброе старческое лицо с задумчивыми глазами, – смотрела и публика на него.

Смотрела и молчала.

Что она могла бы сказать?

И старый поэт, дрогнув, исчез.

И за всеми этими людьми на экране появилось изображение человека, которого я не знаю.

Я несколько испугался, увидав этот портрет.

Он напомнил мне издателя одной газеты, именуемой «Волгарь» и представляющей из себя водянистый волдырь на физиономии поволжской прессы.

Оказалось, что это пиротехник Буров, «мастер фейерверков».

Тут я понял, почему мой знакомый издатель похож на пиротехника, – он чисто пишет в своей газете передовые статьи.

Мальчики смеялись над господином Бутовым, видя его рядом с Нестором, Гутенбергом, Шекспиром и другими великими мира сего.

Мальчики были довольны вечером.

Общество книгопечатников, устроив своё гулянье, поступило прекрасно уже по одному тому, что сумело развлечь чумазных крошек – слуг печатного станка.

Я выражаю скромную надежду, что это симпатичное общество и впредь не обойдёт своим вниманием и заботой тружеников-детей.

Общество могло бы, например, показать мальчикам посредством туманных картин и объяснительных чтений, что сделало для человечества печатное слово, которому они служат пока механически и, может быть, будут служить – кто знает как?!

И затем от души желаю обществу всякого преуспевания, а его членам солидарности, уважения друг к другу, солидарности, ясного понимания преследуемых целей и точного представления о путях к достижению их...

И снова и ещё – солидарности.

[6]

...Центром общего внимания ярмарочной публики служат балаганы, вполне удовлетворяющие вкусы, о необходимости развития которых так много говорят...

Пред одним из балаганов ошалелый от водки, которой он «греется», и охрипший от зазывания зрителей к себе в «миниатюрный цирк» субъект, в красном трико, засовывает себе в разинутую пасть голову удава, обвивающего ему шею, и благим матом орёт:

– Видите?! Смотрите!

Змея, окоченевшая от холода, еле движется на его плечах...

– Это что! – скептически говорит парень, с ног до головы выпачканный в муке. –

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Нет, кабы к твоей-то шее наш Иван Митрич присосался – ты бы узнал, каков он
есть, настоящий-то удав...

– Н-да! – вторит ему товарищ..

– Тот поживее ворочается... Тот не токмо что свою голову в чужой рот совать, – он
сам живьём людей глотает...

И, довольные своей аналогией, зрители отходят...

[7]

Учебный сезон начался, а около трёхсот мальчиков остались с желанием учиться,
но, по недостатку места в городских школах, должны получить домашнее воспитание.

Поздравляю Самару – она в скором времени будет иметь ещё целую роту горчишников.
Совершенно свежих, ещё не бывших в «делах» полиции и не совершавших разных диких
«актов» – роту молодых пареньков, обалделых от скуки и пустоты жизни и
развлекающихся творением диких выходов против мирных обывателей.

Обыватели будут жаловаться и негодовать, новоиспечённые буяны и озорники не
будут обращать на обывательские вопли никакого внимания, а мудрые люди,
основываясь на подвигах горчишников, – будут трактовать о порче нравов и о том,
что в доброе старое время буянов и озорников «драли» и «лупили», – отчего и
нравы были строже и жилось проще и так далее, и прочее, и тому подобное.

Полиции, которой у нас мало, будет ещё больше дела.

Придёт время, и в городской думе появятся доклады и проекты лучших и удобнейших
средств искоренения горчишников...

Сей гласный предложит переловить их и сослать на пожизненное проживание
куда-нибудь в дикие страны.

Оный порекомендует отдать их поголовно в солдаты.

А там, глядишь, начитавшись «Света», «Сына отечества» и других специально и
специфически патриотических печатных бумажек, – предложит образовать из
горчишников вольный кадр и послать их на завоевание Китая.

О мальчиках, не нашедших себе мест в городских школах, я имел суждение с одним
из папаш города.

– Как же теперь мальчики эти? Куда их? – спросил я.

А он глубокомысленно высморкался и бессмысленно изрёк:

– Куда? Это вопрос, стоящий вне компетенции городского самоуправления... У каждого
порядочного мальчика, предполагается, есть папаша и мамаша. Сии субъекты и
должны ответить на ваш вопрос... Н-да... Они мальчиков народили? Мы их об этом не
просили? Так? Ну и... извольте управляться своими средствами...

– Но однако предполагается, что орган самоуправления обязан, до некоторой
степени, способствовать развитию грамотности среди...

– Это, положим, есть, но в этом нет солидных оснований. Наука ещё пока не
установила точно и незыблемо необходимость и пользу грамоты. Есть даже мудрые
мужи, относящиеся к грамоте явно отрицательно. Например, князь Мещерский... со
слов сотрудников его «Гражданина» и «Руси». Прислушайтесь-ка к ним! Можно придти
к убеждению, что именно грамота и есть главнейшая причина всевозможных
непорядков жизни.

– Помилуйте! – говорю я, сконфуженный.

– Нет, это вы нас помилуйте! Вы не соразмеряете ваших требований с наличностью
средств удовлетворения. Ведь городская-то касса пуста? Долгу у города по
маковку? А мостовые вам дай? Даём, извольте. Посмотрите-ка: какую мы грязищу на
Дворянской улице устроили! Думаете, это дёшево стоит? Да вы сообразите – ведь мы

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
люди... и мало этого – люди без денег! А вы пристаёте – собак вам перебей, ребят грамоте научи, съезды к Волге устрой, там подмети, здесь почисти, и что же? Расколется нам на тысячу кусков прикажете? А квартирного налога не желаете?... Нет, вы вот позвольте-ка нам налоги сочинить – налог на квартиры, на право женитьбы, на право деторождения, на право прогулок за город, на право езды по мостовым на колёсах и полозьях... и ещё там разные налоги... Вот дайте нам их устроить... а мы вам сейчас же за это настроим школ и прочее, что вам там нужно. А это непорядок: того подай, это устрой, а на какие средства, смею вас спросить? Да у города одних непредвиденных расходов тьма-тьмушая! Того напой, этого угости, там гора идёт в реку, здесь земля сквозь землю проваливается; инде – река в Симбирскую губернию уезжает... Школы! Грамота! Да будьте же справедливы, дяденька!

Быть справедливым?

Иногда и это человеку удаётся.

А двести восемьдесят мальчиков тем не менее лишены возможности учиться.

И дальнейшая судьба их не может не беспокоить того, кто смотрит на них как на будущих людей и, может быть, ценных граждан.

Быть может, среди них есть таланты.

И уж, наверное... Иван Китаев, десятилетний человек, прибывший в Самару из Баку по этапу в арестантской одежде и в компании взрослых воров и разных «потерянных людей» – мальчик Китаев, бежавший из полиции 11 сентября, – при других условиях тратил бы свою сметливость и бойкость на нечто другое, чем побеги из полиции и бродяжничество...

Подумайте, мальчик десяти лет – уже бродяга, путешествует по этапам и обучается арестантской премудрости...

Что же из него будет?

Трудно надеяться на хорошее...

Двести восемьдесят мальчиков, не принятых в самарские школы, – уже, наверное, выделяют из себя не одного Китаева.

Домашнее воспитание будет ему сильно способствовать.

Да и чем оно, это домашнее воспитание, лучше того, которое приобретается в тюрьмах у Преступников и бродяг?

Много в нём поучительного – это так, но как мало в этом поучительном умного, чистого, честного!

Слишком много гибнет мальчиков, ибо слишком мало уделяют им внимания.

[8]

Это было очень странное зрелище.

На Дворянской улице ехала телега, нагруженная кипами казённого вида бумаг. Её конвоировали двое полицейских и приблизительно дюжина каких-то вполне приличных господ...

Конвоиры шли молча, важно и сосредоточенно опустив на грудь головы, и на лицах их застыло выражение непоколебимой решимости.

Полицейские трусцой следовали по бокам телеги, а на высокой кипе её груза мрачно восседал возница, суровый, как Харон.

Из окон зданий смотрели на процессию физиономии разных людей, и слышно и видно было, как люди сии скрежетали зубами.

Я смотрел на всё это и в недоумении думал:

«Что сей сон значит? Что везут? И куда везут? Не есть ли господа, провожающие телегу, последователи того грибоедовского персонажа, который некогда рекомендовал собрать и сжечь все книги? Или же это везут думские доклады, сданные лет двадцать тому назад в разные комиссии, но, по недосугу, до сего дня не рассмотренные и ныне предназначенные к потоплению в Волге? Или же это прозаические и стихотворные труды местных авторов, везомые оными на Троицкий базар для продажи с пуда?»

Но все мои предположения (я чувствовал) были неверны, ибо они не объясняли зубовного скрежета домовладельцев Дворянской улицы.

Тогда, движимый любопытством, я решил спросить у людей, следовавших за телегой, – кто они суть?

И я спросил. Они в один голос возвестили мне:

– Мы суть участковые надзиратели! В нашем ведении находится Дворянская улица!

– Что же и куда везёте вы, милостивые государи?

– Мы везём полицейские акты о несоблюдении домовладельцами сей, первой в городе, улицы обязательных постановлений думы о переустройстве тротуаров... Мы долго ждали исполнения домовладельцами постановления думы, но не дождались. И вот мы составили сии акты и ныне везём их к городскому судье, дабы сей последний судил и штрафовал людей, не внимающих думе. Шестьдесят актов составили мы на жрецов Меркурия – бога торговли, – и вы слышите скрежет зубовный домовладельцев?

Я слышал его, видел злые взоры, бросаемые из окон домов на улицу, и, вздохнув, ушёл домой.

Бедные шестьдесят богачей!

Что-то предпримут они теперь?

Я рекомендовал бы вот что: подать в думу коллективное прошение о восстановлении срока, данного ею на устройство тротуаров.

Написать на хорошей бумаге этакую слезницу в самом жалобном и к послаблению порокам располагающем стиле и подать оную вопилицу в думу.

В думе сейчас же отыщутся родные человечки: они поговорят, посочувствуют и срок восстановят на полгода, положим.

Тогда шестьдесят домовладельцев пусть снова ждут истечения данного им срока...

И когда он истечёт – то снова пусть сочинят новую вопилицу и просят о восстановлении.

Дума даст ещё срок.

И так далее...

Только боги бессмертны. И в один из сроков господа домовладельцы помрут.

Не все сразу, конечно, но обязательно помрут.

А тротуары останутся существовать, всё более и более представляя из себя в миниатюре кавказские горы.

А шестьдесят домохозяев сэкономят по два-три десятка рублей и докажут, что они имеют гибкий ум и твёрдую волю...

А обыватель, за невозможностью ходить по тротуарам без риска свернуть себе шею, – будет ездить на конке и на извозчиках.

Отсюда истечёт польза, и даже – две.

Во-первых – увеличатся доходы конки.

Во-вторых – это поддержит убиваемый конкою извозный промысел.

И не только поддержит, но даже может развить его. Чем хуже будут тротуары – тем больше обыватель будет ездить...

Развитие извозного промысла увеличит доходы города.

А когда это произойдёт – то дума подумает:

«А ведь это мне шестьдесят домовладельцев с Дворянской улицы доход-то создали! Ах, милые мои, дай-кось я вам за это маленький презент сделаю!»

И тогда она устроит вдоль по всей Дворянской улице тротуары за свой счёт.

Ловко?! Я уверен, что шестьдесят бедных домовладельцев Дворянской улицы обратят своё внимание на мой простой проект вечных уклонений от исполнения обязательных постановлений.

[9]

У городских судей наступило страдное время. Почти ежедневно к ним являются толпы крестьян и слёзно жалуются.

– Сделайте божескую милость, ваше благородие, рассудите!

– В чём дело?

– Было у нас сорок три воза пшеницы, и в кажинном возу по двадцать четыре пуда. Привезли, запродали – всё хорошо. Стали ссыпать, хватить – ан в каждом возу по четыре пуда убыло... По двадцать ссыпали... Разор, ваше благородие!

– Неверно взвесили, значит?!

– Истинно так – по-грабительски взвесил!

– Зачем же это вы?

– Да али это мы, ваше благородие! Мы – вот вам крест! – фунт в фунт, по двадцать четыре пуда в телегу насыпали – и каждый ещё мерку на утечку накидывал... А ссыпать стали – по четыре пуда с телеги и просыпалось.

– Это уж у купца весы так устроены... Подавайте прошение!

Мужики чешут затылки и отправляются по кабакам искать себе «ходателя».

Когда-то он будет найден, нужно его напоить, дать ему за работу, купить марок и так далее, – каторжным трудом добытые гроши так и текут из тощих карманов.

Главный расход – это харч.

Сорок три лошади и человек двадцать пять людей живут три-четыре дня, а иногда и больше, в городе, и каждый день стоит им около пятидесяти копеек.

Таким образом, выходит нечто прямо-таки грабительское.

Из воза пшеницы, положим, пуда с два утянет купец да пуда по четыре на каждый воз сложится взыскание с купца этих двух пудов...

И это ещё хороший конец дела.

А бывают случаи, когда четверть и даже половина всего привезённого товара идут на то, чтобы получить деньги за другую половину, ссыпанную в амбар купца.

Вот, для примера, очень характерное «сезонное» крестьянское дело, начатое у

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895–1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru одного из городских судей.

Крестьяне Гусев и Платошин привезли 151 подводу льняного семени, весом 2281 пуд, и запродали его местному купцу Николаю Шашкову по 14 копеек за пуд.

Ссыпали.

А когда ссыпали – Шашков нашёл, что семя подмочено, и скинул по пятаку с пуда.

Хорошая скидочка – чуть-чуть не 40 процентов.

Крестьяне заплатили за ссыпку рабочим, потеряли много время – не пересыпать же семя обратно из амбара в телеги.

Если бы они решились на это – Шашков взыскал бы с них полежалое.

– Вы, дескать, своим товаром у меня место занимали. Я бы, может, другое что купил да на место вашего семя ссыпал! Несу убыток!

Тиски!

Крестьяне едут к судье и предъявляют иск.

Ищут недоанных за провоз 114 рублей, убытков на содержание 151 лошади и 44 рабочих – 61 рубль 50 копеек.

Дело назначено на 28 сентября.

Выиграют они его?

Трудно сказать! Купцы люди умные и весьма ловко «наблоснились» объегоривать крестьян!

Уж если человек решается действовать так нахально, как наши самарские толстосумы действуют на ссыпке, – значит он, этот человек, в успехе своего начинания уверен и для благополучного исхода дела в свою пользу всё припас.

И вот вы сообразите...

Сколько потеряет от судьбища этот четырнадцатикопеечный товар?

А купец, догадливый и ловкий человек, возьмёт да попросит судью назначить экспертизу – осмотреть семя...

Семя осмотрят. Наверное, найдут, что оно не подмочено, – тогда купец постарается ещё чем-нибудь затянуть дело.

И даже если судья постановит взыскать с купца 175 рублей 50 копеек проторей и убытков, купец перенесёт дело во вторую инстанцию.

А сам в это время будет вести с мужичками такой разговор:

– Бросили бы вы, ребята, эту самую волокиту! Вам со мной не тягаться. Помните, с волком кобыла тягалась – хвост да грива осталась... Уступите по чести купцу. А то я вас всё равно измором возьму. Я сужусь с вами, ничего не теряю, а вы каждый день на худой конец рубля два! Товар ваш дешёвый, барыш ваш грошовый! Всё вы со мной просудите... Бросили бы лучше! Ась? Добра ведь желаю вам, ребята... Уступите пятак с пуда...

И он, добрый человек, добьётся своего так или иначе...

Он не возьмёт убытка сам, – даже и в том случае, если иск крестьян будет удовлетворён, купец вгонит их в убыток.

Как так?

А такова уж крестьянская участь и купецкая сметка!

Будем говорить о технике.

Сначала о той технике, задача которой сводится к тому, чтобы создать наилучший и в то же время наивыгоднейший двигатель, одинаково применимый ко всем родам механической деятельности.

Мне кажется, что «искание наилучшего двигателя» – дело совершенно химеричное и даже совсем «плёвое», как говорится, дело – и именно вот с какой стороны оно никуда не годится.

Зачем нужно выдумывать усовершенствованный двигатель и всячески ломать головы над усовершенствованием разных моторов и локомотивов с целью экономизации их энергии и требуемых ими вспомогательных средств: топлива, смазочных материалов и прочего такого?

Совершенно излишнее времяпровождение...

И те люди, что известны миру своим творчеством в области техники, суть, по моему мнению, отчаянные дон Кихоты, не больше...

Ибо всё, что придумывается с целью облегчить труд человека, не достигает этой цели, и едва ли достигнет, пока жив человек и нужда управляет им.

И потом, какая двигательная сила может быть более экономична, чем сила мальчиков, отдаваемых в ученье бесплатно?

Бесплатные и беззащитные мальчики не требуют от своего хозяина дров и масла, ибо мальчиков, для того, чтобы они работали, не нужно ни накалывать огнём, ни смазывать маслом.

Они и без этого могут делать всё, что их заставит хозяин...

Ибо к нему их погнала непобедимая нужда.

Всё это прекрасно понимает господин Лебедев, хозяин местного чугунолитейного завода и бесконтрольный командир и властелин бесплатных мальчиков-учеников.

Господин Лебедев любит соблюдать экономию.

Это хорошее качество, если оно сдерживается чувством меры.

Но... зачем же нужно чувство меры для господина Лебедева в его стремлении к барышам, если он ничем не рискует, достигая их так, как ему это угодно и выгодно?

Он прекрасно знает, что за мальчиков вступитья некому и что мальчики суть самая выгодная двигающая сила...

Им не нужно платить, их не нужно топить, чистить, смазывать и вообще ухаживать за ними так, как того требуют металлические машины, которые хотя и ничего не чувствуют, но во многом нуждаются.

Мальчики же нуждаются только в ругани, в толчках, пинках, подзатыльниках, трёпках, выволочках и прочих дешёвых средствах.

Наградить всем этим мальчиков хозяину не только ничего не стоит, но даже доставляет ему удовольствие.

И мальчики на заводе господина Лебедева с этой стороны совершенно довольны и вполне, даже, можно сказать, с избытком, награждены всеми этими необходимыми атрибутами ремесленного обучения.

Но, знаете, с одним из мальчиков на заводе господина Лебедева произошла 24 сентября маленькая неприятность.

Это было так.

На заводе господина Лебедева есть паровой или газовый двигатель, приводящий в движение токарные станки.

Недавно завод приобрёл новый станок, и хотя к нему ещё не был устроен привод от двигателя, тем не менее господин Лебедев распорядился, чтобы на новом станке точили какие-то колеса. Вертеть же станок заставили мальчиков.

Брань, лязг металла, ворчание обтачиваемой вещи и равномерно-машинальное раскачивание ручки колеса у станка загипнотизировали одного из мальчиков...

Он как-то неловко пошатнулся, и его ручонка попала в шестерню станка...

Треск костей, дробимых железом, слабый крик – и станок останавливается...

Из раздробленной кисти бесплатного мальчика фонтаном хлещет кровь, а он даже и кричать не в состоянии.

Его, конечно, уводят...

Работа продолжается в том же порядке до устройства привода или до нового увечья другому мальчику...

Деталь происшествия:

Мальчику так искусно раздробило палец, что на пол «посыпались косточки».

Очевидец происшествия именно так и выразился: «Посыпались косточки».

Сколько же сэкономил господин Лебедев, раздробив косточки мальчика?

И во сколько он их оценит?

Говорят, что дробление косточек весьма часто практикуется на заводе господина Лебедева, и говорят, что он вообще очень хладнокровно смотрит на такие пассажи...

Раздробило косточки мальчику?

Ба! А он бы не зевал, так ему бы и не раздробило!..

Ну, а если раздробило, то я-то, Лебедев, при чём?

Мне, первым делом, нужно обточить на станке данную вещь, а если при этом неосторожный мальчик ухитряется изувечить себя, я, Лебедев, тут ни при чём.

Я не приказывал мальчику совать свои пальцы в шестерню!..

Так проста и ясна логика господина Лебедева и всех ему подобных господ, бесплатно обучающих и безнаказанно уродующих своих мальчиков...

Мальчик в их представлении – не велика штука.

И только...

По сей причине они свободно практикуют по отношению к мальчикам великие зверства, великую халатность и все прочие качества своих низких душ...

Хозяева широко применяют к бесплатным мальчикам знаменитую систему ремесленного воспитания – «воспитания от руки».

Всё это старо?

Я знаю...

Но ведь это случилось 24 сентября, наверное, произошло где-нибудь и 25-го, 26 число тоже вместило в себе дробление «косточек»...

И за все остальные числа каждого месяца я поручусь...

Всегда кости мальчиков дробят...

И как это ни старо, как ни привычно, это всё-таки возмутительно ввиду полной беззащитности мальчиков...

[11]

Извиняюсь пред читателем – не могу продолжать вчерашней истории.

Не могу, ибо сегодня в моём ампула выступает новое лицо, которому я, человек, чуждый зависти, с удовольствием уступаю своё место.

Пусть его займёт публику...

Но, мне кажется, я сам должен представить его читателю.

Представляю, – мой заместитель – это хозяин местного чугунолитейного завода господин Лебедев.

Он написал опровержение через «ять» на мою заметку о порядках на его заводе.

Он недоволен мной главным образом за то, что я сопричислил его к сонму низких душ. И вот он прислал некоторую ядовитую вопилицу, в которой доказывает, что у него, напротив, душа весьма даже высокая.

Он мог бы сделать это проще и не портя так искусно русского языка, как он ухитрился испортить его в своём сочинении.

Ему, на мой взгляд, следовало уплатить мальчику за раздробленный палец рублей этак сто хоть, что ли, и сообщить об этом поступке редакции.

Я бы ему печатно сказал за это спасибо.

Но он предпочел доказать мне, что я солгал и что я пишу – неприлично.

И вот – внимание!

И вот – как прилично и правдиво он опровергает меня.

И не просто опровергает, а через «ять».

Вот оно, его

«ОПРОВЕРЖЕНИЕ»

В номере 208 «Самарской газеты» в отделе «между прочим» автор этого хронического недуга, скрывавшийся под псевдонимом «Хламида», искажая несчастный факт повреждения токарным станком на моём механическом заводе пальца мальчику, позволил себе оскорбить меня бранными словами «низкая душа».

На брань «Хламиды» я, конечно, обратил бы внимание столько же, сколько обращает внимание лошадь, идущая с возом, на лай прыгающей перед нею выскочившей из подворотни дворняшки, но так как искажение факта и приписывание мне грубого обращения с мастерами и учениками возбуждает антагонизм между заводчиком и служащими, то на основании 3 п. 18 ст. закона о печати я прошу вас, господин редактор, настоящее опровержение поместить в редактируемой вами газете, в отделе «между прочим». Хламида говорит, что на моём механическом заводе мальчики награждаются: «пинками, руганью, подзатыльниками, трёпкой, выволочками». Всё это гнусная ложь, – результат воображения, болеющего от подзатыльников «пшавки», мозга. Надо заметить, что заводом я владею 10 лет, работает у меня до 200 человек и никогда (!) никто (!) из находивших на моём заводе средства к жизни, не жаловался на моё грубое с ними обращение. А ведь вести механическое дело, г. редактор, – далеко мудрёнее, чем составлять «между прочим» из лакейского

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
острословия и обстоятельств, при которых повреждён палец мальчику, переданных Синьором «Хламида» ложно. Мальчик этот не вертел маховика токарного станка, и если бы вертел, – в шестерню не попал бы (?). Он шалил шестернёю, несмотря на предостережение токаря, и сделался жертвою своей неосторожности (ах, уж эти шалуны бесплатные мальчишки! Всегда они калечат себя ради собственного удовольствия – Прим. М.Г.) без вины кого бы то ни было, а моей в особенности, потому что ни один заводчик не может везде и во всякое время охранять от неосторожного обращения с машинами работающих на них. Кто никогда ничего не делает, а в печать проникает как болезнетворная бацилла в здоровый организм, тот не в состоянии понять, как велико злоупотребление печатным словом. Но вы, Г. редактор, ближе, чем «Хламида», стоите к жизни, – вы не могли не понимать, что оглашать факты можно, а извращать их, а тем паче сопровождать бранью, по малой мере не прилично.

Н. Лебедев.

Не правде ли, господин Лебедев и вполне приличный и очень остроумный мальчик?

У него есть стиль.

Но как мне ни жаль господина Лебедева, а одним стилем меня не опровергнет.

Ибо у меня есть факты.

Он не опроверг их заявлением, что на его заводе не задают мальчикам трёпок и выволочек.

Он только подтвердил, что палец мальчику действительно оторвали и раздробили. Я повторяю, раздробили именно тогда, когда мальчик вертел маховик.

И он не сказал ни слова о том, как и чем за это мальчику заплатили.

Он много меня поносит и немножко на меня доносит, крошечку, знаете, доносит.

Сравнив себя с лошадыю, а меня с собакой, он полагал, что убил меня наповал.

Ах, это совершенно напрасно!

И это меня нимало не трогает. Я даже оттенил все сильные места его опровержения своим курсивом.

Мне чуть не каждый день приходится получать анонимные письма от обывателей и обывательниц, неосторожно задетых мною за живое, – и уверяю господина Лебедева, что господа анонимы обоего пола ругаются гораздо хлеще, чем он.

Так ругаются, что я – только удивляюсь образности их стиля и гибкости русского языка.

Но удивляясь, я думаю по адресу каждого ругателя-анонима:

«Ты сердисься, Юпитер, – значит, ты виноват!»

Вы сердитесь, великодушный господин Лебедев?

Очень жаль.

Вот я, надеюсь, успокоил ваше гневное сердце – поместил ваш буйный вопль во всей прелести его...

С соблюдением орфографии, не выкинув ни одного слова.

Будьте довольны – я имел право не делать этого.

И – до свидания.

До следующего раза, когда я несколько более подробно и основательно коснусь порядков прошлого и настоящего времени на вашем благоустроенном заводе.

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895–1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru [12]

В понедельник в камере городского судьи дан был комический спектакль с юмористической целью показать публике необязательность для домовладельцев обязательных постановлений думы.

В комедии участвовало шестьдесят именитых граждан города, не устроивших, вопреки постановлению думы, тротуаров около своих бедных хижин на Дворянской улице.

Сам господин судья в то же время один из «неисполнителей» и тоже подлежит суду другого судьи.

Положеньице!

Осудив шестьдесят купцов за халатность, он должен был и себя предать суду за то же качество...

Обвиняемые – всё люди солидные, с весом, бородатые и богатые...

Говорят сытыми басами, держатся корректно, улыбаются скептически.

Точно думают про себя:

«А интересно, как это нас судить будут за неисполнение постановления, которое мы сами же сотворили и издали? Хе, хе, хе! Чудно!»

Действительно чудно!

Большинство обвиняемых – гласные[4], и некоторые из них авторы постановления.

Издали они его к сведению и руководству домохозяев – и сами же первые отринули свой закон, не исправив тротуаров в установленный ими срок.

И вот привлечены к ответственности за то, что пошли сами против себя.

Начинается суд.

– Господин Z! – вызывает судья.

Z выходит и заявляет:

– Это я. Но только я тут ни при чём.

– То есть как?

– А так... мне какое дело до тротуаров? Я не домохозяин, а квартирант...

– Так как же вы? Вот полиция составила акт на вас...

– А мне какое дело? Составила, так составила...

– Да вы, может быть, ошибаетесь, – домохозяин вы?...

– Желал бы этого!

– Как же теперь? – недоумевают судья.

– А не знаю. Спросите полицию.

– Гм! Ну... господин X!

Но господин X тоже пока ещё не домохозяин.

Господа Y, F, V и ещё несколько господ также оказываются привлечёнными «занапрасно».

Наконец, добираются до настоящих «нарушителей».

Они подходят к столу судьи и спокойно ждут своей участи, уверенные в своей

– Мы законы сочиняли, мы их и нарушаем... И никому, кроме нас, до всего этого дела нет...

Это написано на их почтенных, уверенных лицах.

– Господа! Вы обвиняетесь... – говорит судья.

– Знаем...

– Как же это вы?..

– Чего?

– Нарушили свои же постановления?

– А как нам их не нарушить–то было? Сказано – строй тротуары и чтобы все они были на один лад. Как так на один лад? Не понимаем!

– Да чего же тут не понимать?

– Высоты не понимаем. Низость нам понятна, в уровень с мостовой, например, а какая высота? Нужно, чтобы тротуар был выше мостовой? Так? А на сколько? На аршин? На сажень? Никто нам высоты не объяснил. Ну, мы и того, и ждали. Объяснят, мол... А заместо того полиция составила акты и вот причинила нам беспокойство... Это как будто бы и не порядок... За что беспокоить купцов? Мы народ сырой...

– Да вы бы спросили думу насчёт этой высоты?

– Для чего? Сама должна сказать. Мы строй, да мы же ещё и расспрашивай, как строить...

– Да ведь некоторые из вас сами гласные думы?

– Нук что ж?

– Наверное, кто ни то из вас имеет же представление о типе тротуара, установленном думой?

– Никакого типа нету...

– То есть как же нету?..

– А так же... Да вы, господин судья, сами–то почему не строили тротуара?

– Я? Гм? Я! Мне... тоже не известно, что требуется... Я тоже ни ширины, ни высоты не знаю...

– Ну вот, то–то же!

– А всё–таки что–то не так у нас выходит. Постановление есть, авторы его налицо, а тротуаров нет, и представления о них тоже нет...

– А на нет и суда нет!

Суда и не было...

Ограничились разговором и благополучно разошлись по домам...

Только...

[13]

Как ни хороша погода, но веяние зимы на всём и всюду заметно...

Меховые магазины прихорашиваются, выставляя товар лицом.

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895–1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Жёны заводят с мужьями тёплые разговоры о модном зимнем костюме.

Всё сжимается в предчувствии холодов.

И разные самарские тёплые ребята, пользуясь благоприятными для них, но роковыми для других условиями времени, тоже сжимаются.

Не только сами сжимаются, но и других жмут.

Так, например, местные владельцы вальцовых мельниц [5], несмотря на то, что теперь самое бойкое время для их заведений, и не принимая в расчёт того, что они завалены работой, – убавили своим рабочим жалованье на трёшницу в месяц...

В сентябре платили 12 рублей, а теперь платят 9 рублей.

Расчёт верный.

В сентябре ещё навигация не закрывалась, и рабочий, чувствуя, что его жмут, мог уйти с мельницы и поехать искать «где лучше».

Теперь не уйдёт, шалишь!

Пароходов ходит мало, да и те, которые ходят, берут дорого.

Значит – хочешь не хочешь – работай со скидкой 25 процентов.

Рабочие, конечно, будут работать – ничего не поделаешь.

Осень, холодно...

На Татьянке[6], по летнему положению, теперь жить нельзя, и как-никак, нужно работать на купца.

Купец это понимает.

И, подождав, когда будет ещё холоднее, он ещё трёшну скинет.

Он не только просто хозяин, но и хозяин всего современного экономического положения.

И он, прекрасно понимая это, стремглав летит к своему идеалу, к такому положению вещей, при котором на его милость работали бы совсем даром.

Что ж? С богом!

Сведущие люди говорят, что его успехи подвигают к нему его гибель.

На днях редакция и контора «Самарской газеты» выдержала целый натиск хронически голодающих людей, – людей, чающих куска хлеба и ради него готовых всё делать и всюду ехать.

Это было прямо-таки нашествие.

Сначала являлись по одному.

Приходит человек, пылливо озирается и вождеющему тоном спрашивает:

– У вас было напечатано, что нанимают людей на сибирскую железную дорогу. Где остановился агент по приёму?

– В Харькове...

– Не знаю такой гостиницы. Где это она?

– Это не гостиница, а губернский город на юге.

– Так... Значит, это не в Самаре?

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895–1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
И лицо спрашивающего покрывается тенью разочарования.

– Ну, разумеется, не в Самаре, коли в Харькове...

– Н-да... А зачем же вы это печатали?

– Что?

– Да что принимают...

– Ну так что?

– Так, только людей мутите.

И он, несколько подавленный открытием, убившим его надежды, уходит.

За ним – другой:

– У вас было напечатано, что нанимают...

– Это в Харькове...

– В Харькове? Ишь... Вам бы не печатать ин...

За ним ещё двое поют дуэтом:

– У вас было напечатано...

– Идите в Харьков, в Харьков.

– В Харьков?

– Да, да, и всем говорите, что нанимают не здесь.

– Н-да... Прощайте...

Проходит пять минут без посетителей.

Но вот отворяется дверь, и снова звучит вожделеющий голос:

– У вас было...

– Харьков!

– ...напечатано...

– В Харьков! – орёте вы, потому что вам мешают.

Вы уже выпили два стакана холодной воды и приняли шестьдесят капель валерьянки.

Тем не менее вам хочется принять ещё и кали, дабы гарантировать себя от окончательного разрушения нервной системы.

– У вас... – раздаётся из-за двери.

Вы вырываете клоч волос у себя из головы и, скрежеща зубами, думаете, скоро ли посетят вас все самарцы, чающие мест?

– У в...

Вы приходите в холодное бешенство и внутренне предаёте себя анафеме за то, что позволили себе возбудить путём печати человеческие надежды.

Вы даёте себе клятвенное обещание молчать, всегда могильно молчать о требованиях на человека, которые заявляет кто-то где-то.

Вы достаточно наказаны.

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895–1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Впредь вы не скажете, что на земле есть свободные места для людей.

[14]

Есть на свете довольно вульгарная, но очень верная поговорка:

«У всякого свой вкус – кто любит арбуз, иные же предпочитают свиной хрящик».

Я вспомнил эту поговорку, когда посмотрел, что читают канцеляристы[7].

Их литературный вкус отдаёт полное предпочтение «свиному хрящику».

Так, например, толстые, скучнейшие, якобы исторические романы Георга Самарова, написанные тяжеловесным языком до тошноты точного немца и далеко уступающие как со стороны стиля, так и со стороны содержания творениям нашего графа Салиаса, взяты 80 раз в течение года, – каждая книга 10 раз.

Чем так полюбился канцеляристам Георг Самаров?

Семь книжек другого Георга – Георга Борна, бездарного подражателя Террайля, – взяты 42 раза.

И таким образом Борн, с точки зрения канцеляриста, так же интересен, как и Золя, 10 книг которого взяты 60 раз, и более интересен, чем Шпильгаген, 12 книг которого взяты 65 раз.

Бессмертные у нас, но давно уже забытые на родине Монтепен и Габорио читаются более, чем Ауэрбах, Жорж Занд.

Фламарион, туманный мистик, бесшабашный фантазёр и «любитель риторики скучной», и сентиментальный подражатель Жорж Занд – Марлитт, вместе с Дюма-сыном, пользуются одинаковым почётом с Самаровым, – их тоже читают по 10 раз.

Компания!

Но всё-таки всем им предпочитается и более всех читается Гюго, одна книжка которого взята в году 17 раз!

Вторым по качеству, с точки зрения канцеляристов, следует Вернер, хотя тоже романтик, но уже совсем в другом духе: скучный, сладкоречивый и любитель добродетельных героев, добродетельных во что бы то ни стало и против всякой логики.

Бальзак, Флобер, Диккенс, Мопассан, Бурже, Эллиот, Мольер, Бомарше и много других величин европейской литературы пока ещё не существуют для господ канцеляристов...

Но они уже обзавелись Сю, Эберсом, Купером, Эмаром, Онэ и с удовольствием их почитывают.

Вообще отдел иностранных писателей в клубе канцеляристов печально беден, а пользование им до слёз смешно.

Конечно, библиотека ещё молода, но, приобретая книги, будет ли она помнить имена великих писателей?

И новые книги исправят ли литературный вкус читателя?

Вопрос туманный, и решение его в положительную сторону сомнительно...

Делу развития литературного вкуса у средней читающей публики могло бы сильно помочь устройство популярных лекций по истории литературы... Но это, конечно, лишь «пленной мысли раздраженье».

Ибо кто тот человек, который взялся бы устроить такие в высокой степени полезные лекции, и где то общество, которое откликнулось бы на его начинание?

Ах! На Набережной города Самары следовало бы устроить такую же вывеску, как у жигулёвского завода, и на этой вывеске написать:

Смертный, входящий в Самару с надеждой в ней встретить культуру,
Вспять возвратится, зане город сей груб и убог.
Ценят здесь только скотов, знают цены на сало и шкуру,
Но не умеют ценить к высшему в жизни дорог.
Посмотрим на русскую литературу.

В ней первой величиной является...

Карнович!

Его читали 11 раз.

Он тоже исторический романист, и не знаю, кому из двоих – ему или Самарову –
следует вручить пальму первенства за своеобразное понимание истории и за
изложение скучным языком исторических анекдотов.

За Карновичем следуют: Мордовцев, Баранцевич, Мещерский князь–гражданин и
Станюкович.

Все они одинаково интересны и прочитаны по десяти раз.

Есть ещё очень хороший писатель – крещёный еврей и юдофоб Сергей Сергеевич
Окрейц – читан 9 раз.

Поучительно и занимательно...

лейкина читали 8 раз.

Ещё бы, это такой смешной писатель!

Смирнова, Маркевич, Назарьева – две дамы в компании ярого консерватора, читаны
по 9 раз.

Каждый том Достоевского взят по разику.

Тургенев – 4 раза.

А Неистович–Вральченко – 5!

Глеб Успенский взят 5 раз.

А Ясинский – 8!

8 книг Некрасова взяты 11 раз.

Каждую, значит, читало полтора канцеляриста.

Чехова читали в год пять раз.

Загоскина же и Всеенка – по 8...

Будет!

Ясно – крупные русские писатели не в чести у средних читателей.

[15]

Знаете ли вы, читатель, что в Самаре есть «Корневильский рынок»?

Настоящий «Корневильский рынок», на котором всегда к вашим услугам:

Есть блондинки
и брюнетки...

Предлагающие вам взять их в качестве нянек, кухарок, горничных по цене от трёх
рублей за месяц каторжной работы.

Предлагая свои услуги, они не поют, как в оперетке:

– а просто говорят:

– Барин! Не нужно ли вам какую-нибудь рабочую женщину?

Или:

– Барыня! Не требуется ли вам кого-нибудь для услужения?

По причине их простоты и жалобного тона их обращения, по причине полного отсутствия в их словах какой-нибудь гривуазности[9] и в их поведении опереточного жанра на них никто не обращает внимания.

И они уныло высидивают по двенадцати часов в сутки на холоде и под дождём в чаянии спроса на их руки.

Место их упорного сидения – угол Алексеевской площади и Дворянской улицы, на тротуаре, против дома Бахаревой.

Ранее они сидели в сквере, а теперь облюбовали себе как сборный пункт тротуар Бахаревой и ныне с полным удобством вымораживают из себя надежды на работу и на кусок хлеба.

Их спрыскивает дождь, посылает снег, продувает ветер до мозга костей, но они всё-таки сидят и ждут.

Чем чёрт не шутит?

Среди них создалась легенда, что когда-то одна из них чуть-чуть не попали кухаркой в хороший, богатый дом и даже, наверное можно сказать, попала бы, но простудилась во время сиденья на ветре, под открытым небом, схватила воспаление лёгких и умерла ранее, чем успела окончательно переговорить с нанимателем относительно условий найма.

В эту легенду верят и ждут подтверждения её реальным фактом – путём найма на службу одной из них на глазах всех её товарок.

Они коченеют от холода.

Они немножко неделикатны от голода.

С шести часов утра они идут дрогнуть на холоде и ветре до шести вечера, и всё безуспешно – на рынке труда перепроизводство рабочих рук, и никто из нанимателей и работодателей не хочет взять одну из этих замерзающих женщин себе в услужение.

И они сидят день за днём, сидят и ждут работы, простужаясь, заболевая, уродуя себя.

Мимо них ходят, ездят, но всё это мимо них.

А они мокнут на дожде и удивляются.

– Почему это, товарки, не нанимают нас куда-нибудь? а? – спрашивают они друг друга.

Никто не знает почему.

Добрейшая управа!

Твори добрые дела!

Пора!

Дни выборов близки – чем помянут тебя преемники после того, как большинство твоих членов помрёт гражданской смертью, убитые чёрными шарами?

Прикрой крышей «Корневильский рынок» на Алексеевской площади!

Дай где-нибудь приют корневильским брюнеткам и блондинкам, ничем не защищённым от капризов самарской осени!

Осени крышей кухарок, нянек, мамок, горничных и других особ из категории «услужующих людей»!

Сунь их куда-нибудь в уголок!

[16]

Это было недавно, на днях.

Возвращаясь однажды вечером из редакции домой, я был остановлен робким возгласом:

– Послушайте!

Обернулся и вижу – стоит сзади меня молодая девица и, смущённо перебирая пальцами концы шали, исподлобья смотрит на меня и что-то хочет сказать.

– Вы что?

– Можно мне пойти немножко с вами?

– Пойдёмте.

Пошли.

Сначала она всё вздыхала, поводила плечами и перекидывала муфточку из руки в руку – и всё это продолжалось столько времени, что мне уже стало скучно.

– Я вас хочу спросить, куда мне жаловаться на мать? – медленно выговорила она и вопросительно подняла на меня глаза.

Глаза у ней были робкие, бледные какие-то, бесцветные, лицо бескровное и худое, но миловидное, тёмные пятна под глазами придавали ему выражение печальное и убитое, а тонкие губы были так сжаты, точно она собиралась расплакаться. Одета она была по-мещански просто – в старенькую, потёртую шубёнку и шаль.

– Что вам сделала мать?

– Бьёт всё... очень больно... Да это бы ничего ещё...

– А разве есть ещё что? – спросил я.

– Да-а. Она, видите ли, продаёт меня одному господину... Потому она и бьёт, что хочет вот продать, а я не согласна... – вполголоса объяснила девушка, и губы у неё вздрагивали.

– То есть как же это она вас?

– А он, видите, даёт ей сто двадцать рублей за меня, и чтобы я жила с ним, вроде как бы жена, столько времени, сколько он захочет.

Как видите, дело шло о чём-то вроде новой формы брака, о браке на срок, о временном пользовании женщиной как таковой за известную арендную плату...

По всей вероятности, мать, сдающая в аренду своё дитя, при этом даст арендатору гарантирующую его права расписку, такого приблизительно содержания:

«Накануне XX столетия, в конце века гуманизма, всяческого просвещения и блестящего развития наук, в 1895 высококультурном и просвещённом году, я, нижеподписавшаяся самарская мещанка такая-то, сдала дочь свою Олимпиаду в аренду господину N за сумму в сто двадцать рублей серебром и на срок, какой ему, господину N, самому будет угодно пользоваться дочерью моей. Причем я, мещанка такая-то, за уплаченные мне господином N деньги, лишаюсь всех моих кровных прав на арендуемую у меня статью и никаких претензий за порчу господином N тела и души моей дочери обязуюсь не предъявлять, считая себя вполне удовлетворённой

Просто и основательно.

Было время, когда на рынках Рима глашатаи кричали:

– sardi venales! Alius alio nigerior!

Что по-русски значит:

– Сардинцы продажные! Один хуже другого!

Сардинцы считались плохими рабами и шли по дешёвой цене.

А было это в 179 г. до Р.Х.

Что, как настанет время, когда на наших рынках тоже будут кричать:

– Мещанские девушки продажные! Одна другой лучше! Недорого! Кому угодно?

Подумайте-ка, ведь, право же, это вполне возможно накануне XX столетия по Р.Х.

Нечто в этом духе уже существует, и кто хочет в этом убедиться, пусть погуляет по Дворянской улице вечером от семи до десяти.

Там очень много продаётся рабынь; вся разница между торговлей Рима и Самары в том, что у самарских рабынь нет глашатая...

...Я много говорил с этой девушкой и немало говорил о ней с другими людьми.

Из разговоров с ней я выяснил, что она не хочет идти в аренду потому, что арендатор рыжий и что у него всегда мокрые усы, которые при поцелуях мажут ей щёки, от чего её тошнит.

Затем она показывала мне три кровавые рубца на своей шее – это любящая рука её матери положила на шею дочке яркие знаки своих забот по адресу «плоти от плоти своей».

А из разговоров с другими людьми выяснилось, что помочь чем-либо девушке очень трудно.

Чем можно доказать, что мать продаёт её?

Девочка уже совершеннолетняя – ей шестнадцать лет и четыре месяца.

Я рекомендовал ей обратиться к прокурору, предлагал написать прошение, много говорил ей о возмутительности того положения, в которое она встает.

Но – увы! Возмутительность эта с её точки зрения сводилась, главным образом, к рыжему цвету волос и мокрым усам арендатора, а моральный смысл факта был не доступен её пониманию.

Однажды она даже сказала:

– Это-то ничего бы! Всё равно ведь как-нибудь да нужно же выходить замуж! Иной ещё с тебя приданое возьмёт.

Как видите, у неё не особенно лестное представление о браке, но... может быть, она права.

С ней трудно было говорить, её возмущало только то одно, что «он» – «рыжий чёрт» и что он «сопливый».

Pardon! [10] Но она именно так выражалась.

Итак, поговорив с нею раза четыре, мы пришли, наконец, к одному соглашению, по поводу которого она решила «подумать».

Прощаясь с ней, я уже чувствовал, что потерпел фиаско в моих намерениях, – не умея думать, нельзя обещать «подумать» и нельзя что-либо выдумать.

– Он нездешний, этот рыжий-то: из-под Уфы откуда-то... А мать уезжает в Балаково, коли это дело сойдётся... – нашла нужным сказать мне эта девочка.

И вот теперь я узнаю, что «это дело» – сошлось.

Рыжий, должно быть, покрасился и вытер себе усы.

Человек временно продан за сто двадцать рубликов.

Дорого это или дешёво – как по-вашему?

В хорошей книге господина Далина «Не сказки» среди фактов, рисующих бесправие женщины, есть вот какой факт.

На харьковском вокзале сидят одиннадцать красивых девушек в возрасте до 17 лет, а около них увивается «восточный чэлавэк» и на вопрос, что это за девочки, – откровенно, и даже торжествуя, объясняет:

– Дэвочки? Очэнь хороши! На Одэсс вэзу...

Словом, перед публикой был налицо так называемый «живой товар» – партия живого товара, ещё не бывшего в обращении.

Днём, при ярком свете солнца и на глазах сотен людей, одиннадцать живых душ отправляются на гибель: всем известно, что их втопчут в грязь, погубят, отравят, уничтожат.

Никто не вправе помешать этому, никто.

Нужно доказать, что эти одиннадцать «продаются» без разрешения и согласия родителей, – тогда можно бороться с восточным человеком.

Но если девушку помимо её согласия «продают» родители – тут нечем и не с кем бороться.

Тут нечем помочь девушке.

Особенно если она сама – без души.

[17]

Стоимость интеллигентного труда с точки зрения самарского коммерсанта на днях точно установлена одним из последних, господином Т.

Ему потребовалось подготовить своего десятилетнего сына для поступления в учебное заведение, и вот он ищет человека, способного «образовать сынишку, штобы ён в емназию вперся».

Такой человек найден и готов служить.

– Ты мне, миляга, – устанавливает господин Т. количество труда, – обучи его всему, что там требуется по порядку. Еграфия – и еграфии, рихметика – и её напхай ему в голову, одно слово, приведи мне малого в нужную ролю – и больше никаких! Можешь?

– Могу... – говорит человек.

– Так. А денег тебе сколько за это?

– Три часа занятий?

– Мне хоть пять. Мне штобы обучить мальчишку. А сколько часов тебе работы – это твоё дело. Хоть десять.

– За три часа ежедневных занятий я с вас возьму десять рублей, – говорит

Купец разевает рот и делает круглые глаза.

Он долго молча смотрит в лицо учителя и наконец хохочет во всю мочь и силу.

Учитель в недоумении.

– Уморил! – покатывается со смеху купчина.

Учитель просит его успокоиться и объяснить.

– Изволь – объясню. Чудак ты, вот что! Да ты понимаешь ли, что я за десять рублей в месяц имею кухарку и горничную, десять рублей плачу кучеру, семь целковых дворнику, и все эти люди за своё жалованье целый день у меня работой заняты – понял? Целый день! А ты за три часа в сутки хочешь с меня эту сумму слупить. Эх ты, учёный! Видно, по учёности своей бога-то ты уж и не боишься совсем.

– Но – позвольте! Какое же вы мне вознаграждение предложите? – спросил ошеломлённый учитель.

– Какое? Я, брат, по чистой совести, могу тебе дать один рубль пятьдесят копеек в месяц!

– Полтора рубля?!

– Серебром! Получай – и с богом принимайся.

Учитель рассчитал, что полтора рубля в месяц – это будет максимум по семишнику за час работы.

Семишник за час умственного труда – унижительно дёшево, и предложение этого семишника – варварски глупо.

– Ну, нет, мы не сойдёмся, – сказал учитель.

Купец удивился.

– Чего ты пыжишься, скажи на милость? Вашего брата, учёных, уйма без делов шляется. Я, брат, найду и такого, который с меня полтину в месяц возьмёт... Так-то... Больно ты чобуньковат. Фря какая! Полтора рублей ему мало... Десять целковых дай... Ишь! Я за десять-то рублей в месяц верхом на человеке кататься буду.

– Прощайте!

– Прощай – не стражай... Горд ты, брат. Видно, ещё у воды без хлеба не сиживал? Постой, погоди! Хошь, прибавлю? Кажинный день два стакана чаю буду давать – хошь? Полтора, значит, целковых и стаканов сорок, а то полсотни чаю в месяц. Идёт?

Не сошлись...

Да, вот он каков, этот купец Т.

Оценивая так дёшево просвещение и интеллигентный труд, он плохо понимает, что творит.

Нельзя не порадоваться тому, что он так плохо понимает это.

Ибо существует мнение, что чумазый скоро захватит жизнь в свои руки, захватит, исковеркает и испачкает её.

Ну, это не скоро будет, если чумазый сохранит в себе первобытность отношения к людям и взглядов на просвещение.

При таком плохом понимании жизни и запросов современности, как у купца Т.,

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895–1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
трудно купцу Т. доминировать над жизнью и верховодить людьми.

Зелен...

Не созрел...

[18]

Прошлый раз я говорил о том, как в уфимских железнодорожных мастерских дерутся.

Говорил я на основании письма, присланного мне неким уфимским человеком, но рассказать всё, что было сообщено мне в письме, – не мог.

Тем не менее и то, что я рассказал, возымело действие, как снова сообщает мне мой уфимский корреспондент.

Толкуйте там, что пресса не имеет влияния на жизнь!

Вот вам доказательство противного.

Когда номер «Самарской газеты» с намёками на железнодорожные порядки попал в руки начальства, оно сейчас же нашло среди рабочих одного из невинно битых людей, к своему несчастью, ещё и грамотного, и предъявило ему номер.

– Это что?

– ?!

– Нет-с, это твоего ума дело. Мы тебе советуем поостеречься... да-с. Позаботься, чтоб на предбудущий раз такие писания были невозможны. Сор из избы не выноси. А то!..

Ни в чём неповинный малый возмутился.

– Да это писал не я! Какие у вас доказательства, что это именно я?

– Ты грамотный?

– Да!

– Ага! Ну и достаточно! Так ты и помалкивай. Понял?

Малый ничего не понял, но, конечно, замолчал. Кто-то, что-то, о чём-то написал, а он,

ничего не ведая, оказался во всём этом виновен.

Ясно – пресса влияет на жизнь.

Вот факт из области уфимского скулодробления.

Обвинённый в писательстве человек, по словам моего корреспондента, имел суждение о каком-то служебном деле с мастером токарного цеха Т.

Мастер – это тоже начальство – горячился и говорил лаконично и красноречиво...

– Ну? Да! Э! Х-хе! Болван! О? Дурак! Н-но? Х-ха!

А когда увидал, что всё это недостаточно убеждает его собеседника, то употребил самый веский аргумент и дал собеседнику в зубы...

Тот пожаловался начальству.

Начальство выслушало жалобу и положило такую резолюцию:

«А не надо было выводить человека из терпения».

Зачем выводить его из терпения? Конечно, если и меня вывести из терпения, и я

И ещё как вздую! Идите и не выводите человека из терпения.

Жалобщик ушёл сконфуженный.

Встречается с ним мастер Т.

– Ну что, пожаловался?

– Отстань...

– Пожаловался, ха-ха-ха!

– Скажи, чего ты надо мной издеваешься?

– Я? Я и ещё тебе в зубы дам!

И мастер дал жалобщику ещё в зубы. На, жалуйся!

Но тот уже не пошёл жаловаться.

Какой в этом смысл?

Он решил проглотить пару зуботычин в чайнии, что третья последует ещё не скоро.

Но – увы! Он не обрёл в смирении покоя.

Кто-то написал о происшествии мне, я тоже написал, а начальство прочитало и прописало жалобщику выговор, повергший его в трепет.

Увы, ещё раз! Не буду больше писать о битых – их и за это бьют.

[19]

Недавно в Самаре был такой анекдотический случай.

В одном учреждении заметили, что некто из служащих не приходит работать.

Заметив это, начальство решило:

– Оштрафовать его!

Оштрафовали.

Но и это не подействовало на строптивного служащего, – он всё не являлся работать.

«Гм! Странно!» – думало начальство.

И вдруг оказалось, что этот служащий не ходит работать потому, что он умер.

Тогда начальство ещё подумало и пришло к убеждению, что смерть – причина, вполне уважительная для того, чтоб не являться на службу.

Сложилось ли оно с покойника штраф, не знаю.

Думаю, что сложилось, потому что с покойников крайне трудно взыскать что-либо за невозможностью определить место их жительства.

История – не вся, в ней нет середины.

Дело, видите ли, в том, что этот служащий, прежде чем умереть, заболел, как это очень часто и совершенно «ни к чему» делают люди.

Заболев, он сейчас же лишился средств к существованию.

Отсюда следует вытащить мораль:

«Бедняки! Не хворайте, ибо сие для вас есть роскошь, роскошь же безнравственна.

Не хворайте, о бедняки, ибо это лишает вас средств к существованию и посему невыгодно.

Бедняки, служащие где-либо!

Вы тем более не должны хворать, что за вышеперечисленными неудобствами болезнь ваша имеет и ещё одно – она беспокоит ваше начальство.

Ибо, заболевая, вы имеете дурную привычку обращаться к нему за пособиями».

Так-то!

Вот как много морали я вытащил из этой маленькой истории.

В данном случае так же было.

Герой моей правдивой повести, захворав, обратился к начальству с просьбой о пособии.

«Гм!» – сказал про себя начальство.

Пособие? человек хворает и просит пособия.

Следует ли пособлять человеку, который занимается тем, что хворает? Морально ли такое занятие, и заслуживает ли оно поощрения? Какая польза может быть извлечена обществом из человека, который лежит, обременённый недугами, на скудном одре своём, лежит и стонет? Итак, следует ли помогать ему в этом занятии, раз оно бесполезно?

Ясно – не следует.

По сей причине больному служащему пособия не дали.

Тогда он умер.

Он, наверное, умер бы и с «пособием». Да, впрочем, он с «пособием» и умер, ибо, не давая ему сего «пособия», ему тем самым и помогли умереть. И вот, когда он умер, то решили: «Выдать ему награду в пятьдесят рублей!»

Повторяю для вящего эффекта:

– Наградить его пятьюдесятью рублями!

Ну, скажите же, разве это не гуманно?

Не хорошо?

Не вызывает слёз умиления на ваши глаза?

Нет?

Так это потому, сударь мой, что у вас чёрствое сердце и вы не умеете ценить гуманизма вашего начальства!

Но один вопрос, если вы позволите.

За что выдана награда этому бедняге?

За своевременное удаление к праотцам?

Почему тогда ему для поощрения «в путь-дорогу» не дано пособия?

Мудрые Эдипы города Самары!

Решите сей вопрос.

Доставивший лучшее и яснейшее решение заслужит мою вечную благодарность и навеки нерушимую преданность.

Мне так хочется проникнуть в смысл сего аллегорического – надо полагать – события.

[20]

Миллионеры–недоимщики!

Громко звучит – не правда ли?

Трудно поверить, что человек, имеющий миллионное состояние, при ежегодном окладе в 80 рублей умеет накопить за собою долг городу 2396 рублей!

Заметьте, чем крупнее состояние недоимщика, тем солиднее сумма его недоимки.

Как будто бы чем богаче человек, тем халатнее его отношения к обществу и к нуждам города.

Один почтенный гражданин не платит городу денег сорок лет.

Своего рода подвиг!

«Совершенно обычное дело» – не платить ни копейки сборов в течение двадцати лет.

Какая высокая гражданственность!

Полумиллионное состояние не позволяет человеку своевременно внести деньги по окладным сметам, и он накапливает за собою 1869 рублей!

Это уже прямо–таки самодурство!

Ни в какой другой стране невозможно такое халатное отношение к делам города, столь дерзкое игнорирование его интересов и такая уверенность в том, что меня никто не смеет тронуть, потому что у меня есть миллион!

Я миллионер, не препятствуйте моему нраву!

А наш господин лорд–мэр по родству с господами толстосумами им мирволит.

К нему обращаются с вопросом:

– Толстосумов–Тугоумов не платит городских сборов с тысяча восемьсот двенадцатого года. Прикажете послать ему окладной лист в этом году?

– Не приказываю! – кратко режет лорд–мэр.

Ну, ещё бы приказать!

Можно ли пойти противу родного человечка?

И родной человечек и лорд–мэр – одному богу молятся, – богу, имя коего – рубль.

И это радение об интересах города со стороны представителя самоуправления!

Вот люди, которые твёрдо убеждены в том, что своя рука – владыка!

И в то время как господа миллионеры считают себя вправе игнорировать законные требования думы и управы, последняя, халатничая и мирволя их степенствам, «дёрлом дерёт» недоимки с мелких владельцев.

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895-1906. Максим Горький gorkiy.maxim.ru
Среди разных богом обиженных мещан, жителей окраин города, недоимщиков почти нет, хотя доходы этих людей исчисляются всего десятками рублей.

Они живут на не мощёных улицах, тонут во тьме крошечной и в грязи непролазной и, не пользуясь никакими культурностями, платят налоги аккуратно.

Ещё бы! Из них можно недоимку выбить кулаками, на них можно кричать, их имущество можно продать.

Ничего такого не сделаешь с миллионщиком.

Господин Михайлов говорит о своём соседе, что сей почтенный барин воду в свою квартиру провёл, а о водопроводном займе и знать ничего не хочет.

Кто может его познакомить с его обязанностями?

Никто. Некому.

Постыдные вещи слушали господа гласные нашей думы в последнем заседании.

– Требовалось предъявить иск к одному из местных «степенств», так ведь адвоката не нашли, – бросает господин Буслаев бомбу.

– Неужели? Не поверю! – восклицает господин Лавров.

– Это – факт! – возражает ему господин Буслаев.

И это утверждение сходит ему с рук, несмотря на то, что среди гласных думы есть несколько человек адвокатов.

Господин Подбельский, присяжный поверенный, просит указать ему этот «факт».

Господин Кожевников, городской судья, говорит:

– Вы оскорбляете присяжных поверенных!

Эти последние были немые, несмотря на то, что честь их корпорации была задета представителем «чумазого царства».

Вот она, современная самооценка интеллигентными людьми своего значения в жизни!

Молчат!

Выясняется ещё такой милый порядок.

Многие из недоимщиков получают в управе деньги, и с них управа не делает никаких вычетов.

Один из членов управы – тоже недоимщик.

Чем же объясняется такое послабление, как не родством да кумовством управы с недоимщиками?

Очень жаль, что к предложению господина Кожевникова отдать управу под суд не присоединились другие двое членов ревизионной комиссии.

Господин Михайлов всегда ревностно защищает интересы города и смело ставит на вид управе её бесчисленные грехи, – непонятно его несогласие с господином Кожевниковым по данному вопросу.

Разве не преступно со стороны управы это продолжительное бездействие власти, столь ярко выясненное работой ревизионной комиссии, и разве можно чем-либо иным, кроме угрозы, действовать на людей, считающих себя недосыгаемыми господами положения и творящих всё так, как им хочется, а не так, как нужно в интересах города и принципа самоуправления?

Понимают ли они, с чем имеют дело?

Ведь им дана частица того самоуправления, за которую люди других стран лили кровь, добиваясь его!

А они своими неумытыми руками портят этот великий дар, не умея правильно понять и оценить его.

Грянет ли над ними какой-либо гром и перестанут ли они изображать из себя самоуправцев?

И перестанут ли они дурачить гласных такими наивными объяснениями, похожими на глумление, каковы объяснения господ Арычкина и Степнова?

Особенно хорош последний с своими «кажется», «должно быть» и прочими столь же определёнными словами. Недурён и господин Арычкин, находящий, что уж раз недоимки накоплены издавна, – почему это непременно он должен их взыскивать!

Итак, вот каковы наши городские дела!

У города нет денег, и город имеет в долгу за миллионерами 34 400 рублей!

Солидная сумма всё-таки!

Ей можно бы найти место в хозяйстве города.

Быть может, дума изберёт депутацию и поручит ей «почтительно просить у их степенств» возврата городу его тысяч, на которые они совершают свои обороты?

Наверное, процент этих оборотов превышает сумму пени, начисляемой за неплатёж.

[21]

Должно быть, суждено, чтобы эта неделя была неделей «о купцах».

Некоторые из них, обратив на меня своё степенное внимание, рассердились, прогневались, говорят, что я их незаслуженно обидел и что меня нужно за это избить.

Желаю успеха, но сомневаюсь в нём.

Был в Новгороде в старинное вечевое время удал-добрый молодец В.Б., и, по словам былин, он очень любил и умел драться.

Наберёт себе приятелей, ходит с ними по улицам, всякого встречного в ус да в рыло, недругов своих до смерти забивал – и так верховодил делами Новгорода, пока не был укрощён каликой-перехожим.

Но всё это было давным-давно, и какое нам дело до В.Б. «со товарищи»? Я бы и не вспомнил о этом добром молодце, кабы у него в Самаре не было тёзки и однофамильца, желающего подражать своему прототипу вечевых времён.

На мой взгляд – это нехорошо.

В 1895 году самарским купцам не следует подражать новгородским ушкуйникам.

Купцу по нынешним временам надлежит быть солидным и культурным.

Ныне купец силой событий вынужден играть в жизни едва ли не первенствующую роль.

В его руках – деньги, один из сильнейших рычагов жизни.

Он является крупной общественной силой, силой первостепенного значения, ибо интеллигенции мало и важная пружина жизни страны в руках купца.

Он – фабрикант, он – экспортёр, он стоит у кормила самоуправления, у него в зависимости многое, и много он мог бы сделать для страны.

Но он не понимает своего жизненного значения, в набивании кармана он видит цель жизни, забывая о том, что человеку, сколько бы миллионов он ни имел, в конце

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895–1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
концов всё-таки понадобится три аршина земли на кладбище и больше ничего.

Будучи типичным русским человеком, добродушным и грубым, способным в один час этому нищему дать в ухо, тому подать тысячу рублей милостыни, – как это делал Г.Ч., пребывая, несмотря на все обличения, самодуром, – он совершенно не умеет быть гражданином своей страны и очень плохой христианин.

Сидя на сундуке со своими тысячами, он никогда не помнит о других тысячах, – о тысячах людей, голодных, холодных и бесприютных, о которых он, – если бы верил словам Христа, – должен бы был позаботиться.

А кто из самарских богачей уделит что-либо от своих тысяч в пользу дома трудолюбия, учреждения, несомненно, глубоко христианского?

И кто из местных тысячников и миллионеров откликнулся на наш призыв помочь людям, ищущим мест прислуги, тем несчастным, что толпятся на Алексеевской площади у дома Бахаревой, – толпятся с утра до ночи на морозе?

Для них нужно только выстроить загородку, и стоит она много-много 100 рублей.

Какие дела, полезные городу, совершил данный состав думы и управы?

Что вообще хорошее и важное для города сделало наше богатое купечество, что оно делает и что предполагает сделать?

Я знаю за ним одно дело – это ненависть к местной прессе и преследование её разными путями.

А между тем – чем виновата перед купечеством пресса?

И зачем нужно на зеркало пенять, коли...

Кому много дано, с того много и спрашивают.

Один купец побил своего «мальчика» за то, что этот мальчик принёс сыну купца бутылку пива.

Разве это не дико?

За что бить мальчика, раз он стоит в такой же зависимости от сына хозяина, как и от «самого»?

Это однако в нравах почтенного класса, в данное время чуть ли не доминирующего над жизнью и, кажется, всё более расширяющего район своего влияния в ней.

Хорош же этот класс, намеренный играть в своей стране историческую роль и забывший умыться!

Две тысячи лет тому назад у язычников-римлян представление о гражданине и о его роли в государстве было таково, что православным – миллионерам-христианам нынешних времён – со стыда сгореть следует пред язычниками-то!

Так уж пусть они, купцы, не обижаются, если в прессе их дикая жизнь отражается, как в зеркале.

Нужно быть почтенным для того, чтобы вызвать к себе почтение.

Нужно уважать других для того, чтоб иметь право на уважение к себе.

Нужно, наконец, быть грамотным, то есть умственно зрячим, для того, чтоб уметь судить о людях и о себе и о прессе справедливо и предъявлять к ней разные претензии.

Нужно на себя оглянуться, господа купцы, да, взвесив своё жизненное значение, проверить, насколько ваша жизнь в её действии соответствует вашему значению в стране.

А кто сердится, тот доказывает, что он виноват...

[22]

С новым годом, читатель!

Что новый год, то новых дум,
желаний и надежд

Исполнен легковёрный ум...

Это сказал Некрасов двадцать лет тому назад, но он едва ли сказал бы так в наше время, когда нет желаний и нет надежд, и новых дум тоже нет, а есть только серенькая, бледная жизнь людей, утомлённых жизнью и заплутавшихся в её противоречиях, – людей сухих и чёрствых, с отсохшими сердцами, с тёмным умом, без интереса к жизни как к общему явлению, всецело поглощённых собой, верующих только в себя (да и то слабо!), живущих исключительно для себя, считающих центром жизни себя, – нет ничего нового, и нет стремления к новости в людях, нищих духом!

С новым годом, читатель!

С новым годом, старые мехи, в которые не следует вливать новое вино, но всё-таки да возродятся надежды и запылают желания, хотя бы все мы и сгорели в огне их.

С новым годом!

Но не будет ничего нового, если мы не захотим его, а трудно ожидать, чтоб мы захотели, ибо, кажется, нам нечем хотеть, у нас чувств нет!

И нет в жизни священного огня, творившего ту жизнь, которая не была такой фатальной и механической, как наша, а была жива, оригинальна и горела разноцветными огнями желаний, среди которых особенно ярко блистало пламя желания «общего блага», желания добра для всех.

Для «всех»! Это было могуче ясно!

Но вот наступило новое время, желания погасли, жизнь стала тусклой и бледной впечатлениями, «все» – куда-то исчезли, и остались одни «мы», но и «мы» недолго существовали, – «нас» сменило «я», и вот ныне оно главенствует над жизнью, напыщенное, но пустое, самолюбивое и бессильное.

Чего оно хочет, каждое из этих «я»?

кто его бог?

В чём цель его жизни?

Все это вопросы, и каждый из них кроет в себе целую трагедию.

Оторванное от общей почвы, каждое из этих «я» так бессильно, так жалко, так нищенски бедно надеждами, желаниями, думами.

Как же оно может создать новый год?

– Тик-так! – звучит маятник часов; потом часы бьют двенадцать ударов, и мы полагаем, что наступил новый год.

Но если без пяти минут двенадцать мы не успели вырвать из нашей души ни одной из тех соринки, которые затемняют её и заглушают в ней всё святое и чистое, – как может наступить для нас новый год?

Человек делает время, а потом уже время воспитывает его.

С новым годом, читатель!

Ах, как грустно, что мы не умеем больше верить и разучились надеяться и нечем нам любить, ибо сердце потеряли мы!

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Как тени, мелькаем мы в жизни, как тени, мы исчезаем, не оставляя по себе никаких воспоминаний; как тени, мы бежим от солнца – и скоро нам не о чем будет говорить друг с другом, ничто не [за]интересует нас, и тогда мы будем немые, как тени.

А наступил новый год...

С новым годом, старые люди!

На новый год принято делать пожелания, хотя доброе пожелание одинаково уместно во все дни года.

Но, очевидно, и на это, как на всё доброе, люди тоже стали скупы и желают добра друг другу только один раз в году, именно при его встрече.

И, право, чудится что-то недоброе в этом официальном желании добра, что-то предостерегающее.

Но – по службе фельетониста – я тоже обязан сделать пожелания читателям.

– Пожелаю!

Прежде всего, желаю читателям найти в «Самарской газете» всё то, что они в ней ищут, и получить от неё всё, что хотят. И не сердиться на неё – все люди, все человеки.

Засим искренно желаю их детям не походить на своих родителей.

Жёнам желаю увидеть их мужей хорошими семьянинами и внимательными мужьями. О любви мужей я, конечно, не буду говорить, боясь быть наивным.

Пожелав этого одной из враждующих сторон, я, чтобы не обидеть другую, и ей того же желаю.

И та и другая партия непримиримых одинаково нуждаются в более ясном понимании внутреннего смысла таких явлений, как семья, жена и дети.

Людам, ничем не довольным, желаю пробыть таковыми до гроба.

А тем, кто доволен собой и окружающим его, искренно желаю утратить это довольство и принять человеческий образ и подобие.

Барышням желаю – веселиться, пока они ещё барышни... и хорошенько подумать перед тем, как превращаться в дам.

Желал бы видеть молодых людей именно молодыми людьми, но, кажется, это совершенно невозможно теперь, когда люди в двадцать пять лет от роду ухитряются впадать во что-то вроде старческого маразма.

Самаре желаю процветать, но не думаю, что это ей удастся, ввиду её неуклюжести и сонной тишине излюбленной ею жизни.

Городской управе – от души желаю управляться с её делами, а думе – хорошенько думать и не так много говорить.

Горчишникам – увеличения штата полиции, а также учреждения специально для них какого-нибудь скулодробительного конкурса победителей, на котором, в виде награды, сажали бы в ванну со льдом часа на три.

Местным купцам – я желал бы умыться, – нехорошо быть очень уж чумазыми людьми.

Остаётся ещё много людей, которым тоже есть чего пожелать, но мне некогда, а всем им воздастся по заслугам, так что желаю я им добра или нет – всё равно, роковым образом все они получают своё возмездие за поступки, требующие такового, и надежды на награду – за всё, что заслуживает награды.

Итак – с новым годом!

Со счастьем жить, которое мы так мало ценим, устраивая из нашей жизни что-то бесцветное, скучное или наполняя её плохими драмами и трагикомедиями собственного творчества.

Или заваливая её смысл хламом будничных забот, в котором задыхаются наши живые души.

Да будет же ново для нас счастье жить!

[23]

Хотя святки уже и прошли, но последствия их ещё очевидны.

По крайней мере, для меня.

Я чувствую, что будничная действительность вдруг почему-то стала выше моего понимания.

Какие-то загадки будто бы совершаются вокруг меня.

Вот, например, село Выселки ходатайствует о продовольствии, потому что село Выселки постиг неурожай.

До сей поры я понимаю явление – село Выселки хочет кушать, вот узел явления.

Дальше я начинаю затрудняться в усвоении хода события.

У села Выселок, которое хочет кушать, есть хлеб, и даже очень много – 9734 пуда хлеба.

И вот оно просит разрешения у ставропольской земской управы есть этот хлеб.

После праздников мне такая канитель кажется нелепой.

У меня есть хлеб, и я буду его есть без всякого разрешения.

Но у села Выселок какая-то странная логика.

И оно находит нужным просить разрешения на еду своего собственного хлеба.

Поймите-ка это сейчас же после праздников!

Итак, село ходатайствует пред ставропольской земской управой о разрешении кушать.

Ставропольская управа находит нужным предварительно посмотреть, что именно хочет село.

Смотрит и видит.

Село хочет есть пшеницу.

Скажите!

Белый хлеб, значит!

Но, присмотревшись к пшенице, управа находит её «недоброкачественной, с сильной примесью головни и негодной для продажи».

Предмет потребления, негодный для продажи, годен ли для потребления?

Управа решает этот вопрос так:

«Для потребления порядочных людей – нет, негоден, для потребления мужицкого – да, годен!»

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895–1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
И в этом смысле она отписывает губернской управе:

«Можно удовлетворить просьбу села Выселок. Пускай его, село, ест недоброкачественную пшеницу, если хочет, но всё-таки пусть заплатит за каждый пуд этой негодной для продажи пшеницы пудом хорошей ржи».

Губернская управа согласилась со всем этим.

И всё это, должно быть, очень человеколюбиво, замечательно гуманно и, несомненно, очень выгодно.

Хотя я лично ничего в этой истории не понимаю.

После праздников с большим трудом постигаются такие махинации.

В них столько такта административного и ещё чего-то столь же непонятного, что голова идёт кругом, как подумаешь.

Существует в Самарской губернии земское санитарное бюро, о котором очень много говорят и пишут господа врачи и о котором публика всё-таки ничего не знает.

Я тоже ничего не знаю.

А мне очень хотелось бы знать, как взглянет санитарное бюро на это дело – на поедание крестьянами недоброкачественной пшеницы с головнёй и с прочими неудобосъедаемыми штучками.

Коли есть санитария, должна быть где-нибудь поблизости от неё и гигиена.

А задача последней... впрочем, я не знаю задач земской гигиены и земской санитарии.

И вообще я не говорю, что нехорошо кормить крестьян недоброкачественной пшеницей с какой-то головнёй, может быть, и с углями и даже с золой...

Весьма возможно, что им это очень полезно, – мы так плохо знаем наш народ и его свойства.

Но меня несколько смущает «пуд за пуд».

За пуд недоброкачественной пшеницы – пуд хорошей ржи, – это дорого.

Право же, дорого!

Один из наших репортёров, человек редкой души, но очень наивный, сказал вчера нечто об одном из двухсот купцов, подписавших заявление о прекращении торговли в праздничные дни, заставившем своих приказчиков торговать в день святого крещения.

Он несправедлив.

Или он ошибается.

Я справедлив и справедливости ради считаю нужным отметить, что торговал в день крещения не один господин Савельев, а и многие другие из двухсот.

Он, репортёр, видит в этом факте – противоречие.

Я не вижу.

Одно дело – подписать бумагу, другое дело – торговать противно смыслу её.

Бумага подписана и лежит, а подписавшиеся люди торгуют, и в их карманы денежка бежит.

Из этого следует, что они своё дело знают.

А что они жадные – это точно.

И что они плохие христиане – это тоже верно.

Но всё это для них трын-трава.

«Жизнью пользуйся, живущий!»

Для них жизнь – купля-продажа, бог их – целковый, и ему они – верные дети.

И никакой добродетельной моралью их ранее кануна их смерти не прошибёшь.

А всё-таки иногда нелишне пощекотать им селезёнку – пусть позеленеют немного.

[24]

В наше серенькое, меркантильное время, – время, когда люди так мало ценят своё человеческое достоинство, то и дело меняя своё первородство на жиденькие чечевичные похлёбки земных благ, – дон Сезар де Базан, истый дворянин и аристократ по своим понятиям о чести, но демократ по отношению к людям, – в наше время этот испанский дворянин, для которого действительно честь «прежде всего», является смешным и мало кому понятным романическим анахронизмом.

А сколько однако истинно хорошего и истинно рыцарского в этой оборванной фигуре бродяги-гранда!

Господин Сарматов – приятно сказать похвальное слово от души! – верно понял изображаемый им характер и провёл роль дворянина-бродяги с искренним чувством и с таким огнём, какого до сей поры нам не приходилось замечать в его игре.

Сцену пред смертной казнью он провёл почти с такой же бравадой храбреца и с таким же художественным чутьём, как – я видел – вёл эту сцену Ленский...

Немного скептик, немного фаталист, беззаботный храбрец и благородная душа, – дон Сезар был живым на сцене...

Да, господин Сарматов ещё первый раз за сезон был так хорош, как хорош был он в этой роли.

Спектакль не обошёлся без лёгоньких курьёзов.

Прежде всего, я усмотрел такую вещь. Господин театральный парикмахер, очевидно, очень много занимается современной политикой, главный узел которой, как известно, завязан в Южной Африке.

Должно быть, по сей причине неаполитанец, капитан стрелков, был загримирован зулусом.

Прямо-таки зулус: медно-красное лицо, чёрные курчавые волосы, толстушие красные губы – портрет короля Сетевайо и – только!

Затем, хороши были придворные дамы, роли которых исполнялись если не театральными плотниками, то, несомненно, пожарными.

Мне также очень понравилась тяжёлая каменная стена тюрьмы, которая меланхолично раскачивалась целый акт, как бы думая: упасть или уж не надо?

А часы тюремной башни в продолжение целых двух часов неуклонно показывали двадцать семь минут шестого, хотя господин Сарматов и говорил, что видит на них сначала пять часов, а потом без четверти семь.

Затем, есть в театре нашем ещё нечто, нарушающее цельность художественного впечатления от игры на сцене.

Я говорю о разных забавных физиономиях, высовывающих свои длинные и чумазые носа из-за кулис.

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Сначала вам кажется, что из-за кулисы кто-то дразнит вас, показывая вам варёную сосиску.

Потом вам кажется, что это не сосиска, а палец, но палец феноменальной величины.

Наконец вы видите, что это нос, и даже вы слышите, что это нос, потому что он фыркает.

После чего скрывается затем, чтоб появиться за другой кулисой в сопровождении одного глаза и уха.

Глаз посматривает, ухо шевелится, нос снова фыркает и снова исчезает.

Это, конечно, забавно, если дано в умеренном количестве. Но большой порцией всё это – носа, зулусы и прочее – вредит цельности художественного впечатления.

[25]

Происшествие!

Маленькое, но характерное: на страницах «Самарского вестника» заговорил «один из теперешних».

Глас его вопиет ко мне и так глаголет:

Во-первых, я не поэт.

Не спорю, да. Хламида не поэт.

Во-вторых, я неостроумен.

Совершенно верно, это не я остроумен, а «один из теперешних», особенно там, где он рекомендует мне из Хламыды превратиться в ротонду и позвать акушерку.

В-третьих, я бываю в гостинице Шемякина – одной гостинице на десять университетов, и с тайным сожалением и намеренно неверно высчитывает «теперешний», желая показаться наивной и чистой душой.

В-четвёртых, Герцен, будучи студентом, сбивал шпагой горлышки с шампанских бутылок, – больше ничего о Герцене «теперешнему» не известно.

В-пятых, Н.К. Михайловский отказался высказаться о преобладающем характере современной молодёжи, говоря, что он не знает его.

В-шестых, мундир и шпага суть одна форма и больше ничего, а теперешние студенты, нося её с удовольствием, поносят всё другое.

Из всего же этого следует, по словам «теперешнего», что студенты наших дней – ничуть не хуже всех других студентов, я же безусловно неправ и так далее, и прочее, и тому подобное.

Вообще могу сказать, – мне досталось!

Но всё-таки я с «теперешним» не согласен.

Не согласен, а почему – тому следуют пункты, которые в то же время представляют факты, и я, – вы мне, господин «теперешний», поверьте, – с глубоким огорчением напомню вам о них.

Не отличайся господа «теперешние» от прежних, общераспространённое мнение об измене «теперешних» заветам старого студенчества не имело бы места в жизни.

Молчание Н.К. Михайловского о характере «теперешних» ничуть не лестно для них, и они поступили бы умнее и тактичнее, если бы молчали об этом молчании.

Дело-то не в нём, не в молчании, а в том, что господин Михайловский тоже заговорил о моральной физиономии современной молодёжи, хотя и не высказался ни за, ни против неё.

Но другие не молчали, и букет, составленный из отзывов о студенчестве наших дней со стороны таких лиц, как Василевский-Буква, Михневич, Н. Гарин, хотя и менее Н.К. Михайловского, но всё-таки достаточно известных, – такой букет пахнет крайне нелестно для господина «теперешнего» и «иже с ним».

Есть, конечно, исключения, но в общем, в массе, студенчество, как и общество, умертвило в себе душу живую, оскудело духом, променяло идеалы на идолов, забыло все святые слова и живёт без морали, инертной жизнью людей духовно нищих.

Против этого общекультурного явления ни «одному», ни всем «теперешним» нечего сказать, – факт можно изучать, но опровергнуть его нельзя – я полагаю, хотя как человек, не читавший логику Минто и не собирающийся читать её, несмотря на рекомендацию господина «одного из теперешних»; полагая так, я, может быть, и стою вне законов логики Минто, книги, «кажется», прочитанной господином «одним из теперешних», но, очевидно, не ознакомившей его с логикой.

Да, так вот я не согласен с «одним из теперешних», и тот факт, что именно этот господин выступил на защиту студентов от моих якобы нареканий на них, поддерживает моё несогласие.

Пусть-ка господин «один из теперешних» прочитает то, что он написал, – разве это достойно студента?

Где в этом писании горячий протест молодой и честной души истинного студента против моей якобы несправедливости?

Где в нём благородство и пыл юноши, встающего на защиту корпорации, с которой он духовно слит?

Пусть он вдумается в тон его писания, я знаю – ему от этого не может быть стыдно, – стыд в наше время такая редкая вещь, но я уверен – он сильно разозлится на себя за себя...

Если мы, газетные волки, вечно всеми травимые, иногда слишком зверски и резко огрызаемся, – нам это простительно.

Мы утомляемся до бешенства, и мы слишком много говорим для того, чтоб не ошибаться, а говорить меньше нам нельзя, потому что нас мало.

Но вам, – а вы один, к сожалению, из «теперешних», – вам не следует учиться у нас ошибкам нашего тона, – заметьте – только тона! – и не следует вам выходить на защиту своих товарищей таким неумытым, чумазым и неряшливым, каким вы предо мной явились.

И ваша защита ещё сильнее утверждает меня во мнении, что «теперешние» – плохи.

Они плохи ещё и потому, что у них нет ясной оценки людей и их действий.

Вот, например, среди них есть один, совершивший нечто такое, о чём нельзя не только писать, но и говорить иначе, как шёпотом и с краской стыда на лице, – нечто такое, что никогда не совершалось студентами и что так грязно, так неприлично, стыдно!

Он студент и ваш товарищ – один из «теперешних».

На концерте 9 января я видел, как один из студентов ударил другого по щеке, и этот другой ответил ему на удар только несколькими напыщенными движениями своей маленькой, клоунски развинченной фигурки.

Это было в гостиной, часов в пять утра, когда публики было уже мало.

Недавно один из студентов на Дворянской улице довёл до обморока какую-то девушку грязными предложениями.

Сколько за последнее время этих скандальчиков и скандалов творится студентами!

«Да это всегда было и совершенно в порядке вещей!..» – возразят мне.

да? в порядке вещей?

Не верю. Не согласен.

Это всегда было – может быть.

Но я знаю студентов, и мой опыт, моё знание их повелевает мне сказать, что хотя студенты прежнего времени и дебоширили, но и в этой области они были чище «теперешних».

Ибо в каждом скандале, в котором они принимали участие, – вместе с ними были благородство и честь, и прежде поводы к скандалам были несколько иные, чем ныне.

я, пожалуй, кончил.

Со смирением сознаюсь пред оппонентом моим – да, я и грубоват и неостроумен – это факт.

Но, почтеннейший, зачем же вы говорите мне об этом ещё грубее, не остроумнее, если вы признаете себя выше меня и этом отношении?

Зачем – о несчастный сынок скверненьких деньков – вы так плохо рекомендуете себя, – если вы о себе высокого мнения?

Не отвечайте – я знаю!

Addio! [11]

[26]

Осуществляются мечты, хорошие мечты, которые в скором времени позволят всем нам с полным убеждением сказать:

«Деревня – вот он – рай!»

А почему – тому следуют пункты.

Во-первых, в одном из заседаний общества трезвости одним из радетелей о преуспейнии народа на почве культуры было предложено, помимо украшения деревенской жизни волшебными фонарями, устроить в деревне ещё и кегельбан.

Во-вторых, решено в принципе завести в деревне музыку – настоящую музыку.

Ознакомить мужичков с Чайковским и Бородиным, и чтобы мужичок и пахал под музыку, и молотил под неё, и о податях думал под звуки похоронного марша.

Инструментов нет – это ничего, можно и на губах изобразить.

С музыкой и пением – жизнь деревни, несомненно, пойдёт как по нотам.

И всё это тем более уместно, что, как оказывается, деревня уже пользуется услугами электричества.

Для вас это новость?

я тоже ничего не знал до последнего дня земского собрания.

Этот отрадный факт был ведом только гласному Шулешкину, но и он хранил его до сей поры в строгой ото всех тайне.

Но наконец-то объяснил.

– Ведь в настоящее время, – спокойно доложил он товарищам, – электрическое освещение устраивается даже в деревнях!

Все были поражены открытием.

Но, конечно, не могли не поверить гласному, жителю деревни, хорошо знакомому с

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895–1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru

Поверили, – потом стали завидовать ему.

– А у нас в деревнях совсем нет никакого освещения. Тьма одна, и больше ничего!

Да-с, вы видите, деревне нынче «везёт», как говорится.

Кегельбан ей хотят устроить, музыку ей дают, электрическое освещение у неё уже есть...

Теперь остаётся совсем немного дать ей для полного счастья.

А как это будет хорошо, когда она введёт у себя разные культурные штуки!

Например, телефон.

Дядя Сидор звонит к дяде Фоме.

– Эй ты, корявый чёрт, ты дома, что ли?

– Дома, а что ты орёшь?

– Я-то? Так, ничего. Лежал, лежал на печи, скучно стало...

– Ну?

– Дай, думаю, фомку в кабак позову.

– Да ведь денег-то нет?

– А мы мой хомут заложим! Идёт?

И при свете электрического освещения они оба дружески тащат в кабак хомут с шершавого Савраски – животного, питающегося соломой с крыши.

Видите – какая отрадная картина?

Вл. Гиляровский. «Забывтая тетрадь». Стихотворения, издание 2-е
Вл. ГИЛЯРОВСКИЙ. «ЗАБЫТАЯ ТЕТРАДЬ»

Стихотворения, Издание 2-е. Москва, 1896.

Стихотворения, выдерживающие два издания, по нынешним временам это сего-нибудь да стоит – и читатель вправе ожидать от «Забывтой тетради» господина Вл. Гиляровского оригинальности, таланта, красоты стиля, идеи, вообще чего-нибудь такого, что оправдывало бы успех его стихов. Чем же объясняется интерес публики к стихам господина Гиляровского? Посмотрим.

Почти в самом начале сборника стоят «Запорожцы», картинка, сюжет которой взят из очень плохого романа господина Д.Мордовцева «Царь и гетман»; источник вдохновения не из особенно отменных, как видите.

Образец стиха: в стан шведов под Полтавой являются запорожцы...

В изумленье

Карл молча смотрит на гостей;

Пройдя полсвета, без сомненья,

Он войск не видывал странней:

Кто как, кто в чём.

Такие стихи рисуют мне запорожцев похожими на современных поэтов, людей тоже довольно бесшабашных и являющихся пред лицом публики тоже «кто как, кто в чём», но всегда с одной и той же песней, аранжированной плохо, всем надоевшей и едва ли искренней ввиду отсутствия в ней действительной силы чувства, – отсутствия, которое не заменяется набором избитых, жалких слов.

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895–1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Господин Вл. Гиляровский эту знакомую нам песню поет так:

Устал я жить! Нет в мире для меня
Вперёд манящих сладостных мгновений,
В душе ни чувств, ни страсти, ни огня.
Скверное положение, что говорить. Не знаем только, что можно рекомендовать
автору для излечения.

Дальше оказывается, что у господина Гиляровского нет

В мозгу ни дум, ни веры, ни сомнений.
И ещё раз – нельзя не посочувствовать поэту с опустошённым черепом.

Я просто жить устал, желаний – никаких,
Надежд – ни призрака, живу без ожиданья
Счастливых дней, не надо мне и их,
Я жить устал, я пережил желанья..
И «разлюбил свои мечты», как и следовало ожидать. Но отчего и почему случилась
такая неприятность с господином Гиляровским, – он не рассказывает.

Чем же всё-таки объясняется второе издание его стихов? Не знаем, разве только
тем, что первое было издано в самом минимальном количестве. Хорошего понемножку.

Как её обвенчали
Быль
Встарину, бывало, вот что делалось.

Не идёт девица замуж – отхлещут её по щекам, а то плетью «располосуют» – идёшь?

Не хочет. Тогда её ещё раз побьют, посадят на хлеб да на воду и ждут её согласия
– идёшь?

Не идёт. А жених – особенно если он влюблён, стар, урод или обладает ещё
каким-либо достоинством в этом же духе – настойчиво просит у родителей невесты
обвенчать ешо с ней.

Тогда прибегали к такой дивной мере: раздевали невесту догола и выводили пред
лицо жениха за косу.

Это всегда действовало – девушка считала себя опозоренной навек: кто её, уже
«облюбованную» одним мужчиной, теперь замуж-то возьмёт?

Но такая мера даже и самыми строгими родителями считалась крайней, и к ней
прибегали только тогда, когда уже никакой бой и все пытки не могли сломить
энергичного упорства девушки, основанного на чувстве её отвращения к мужчине, с
которым она должна жить всю жизнь в самой тесной близости.

Давненько это бывало и, нужно сказать, далеко не везде бывало, а только, –
говорят исследователи нашего быта, – «облюбование» как понудительная мера для
упорных родительской воле девиц практиковалось в Олонце, в Устюге Великом и на
берегу Белого моря у помор.

Сильная мера. С ужасом представляешь себе нравственное состояние девушки,
подвергнутой «облюбованию», и, право, хорошо делается на душе, когда подумаешь,
что мы уже прожили то время, когда родители отправляли своих дочерей к венцу
пощёчинами и плетьюми, голодом и позором, когда живого человека порабощали до
того, что приказывали ему броситься в объятия мужчины, не возбуждающего у
девушки ничего, кроме инстинктивного отвращения.

И вот, повинувшись родительской пощёчине, сопровождаемая ею, эта девушка шла на
брачное ложе, навстречу поцелуям и ласкам, для неё, быть может, совершенно
непонятным и возбуждающим в ней только ужас.

Но ныне – нет! Лучи просвещения по проволокам телеграфов и рельсам железных
дорог запали в углы невежества, и теперь, например, Самара уже не та Азия, какой
нас считала немного лет тому назад высококультурная Европа.

Нравы смягчены – вы понимаете? – смягчились нравы, и это надо считать за факт.

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Все мы стали гораздо более культурны и утонченны. Смягчение нравов – это великая вещь, и, например, тот факт, что ныне мы, научившись грамоте, стали сочинять на наших врагов анонимные письма и доносы, вместо того чтобы, по старине, мять врагам бока, – этот факт показывает, что смягчение нравов ещё и потому хорошо, что более безопасно и более выгодно, чем старинная грубость, позволявшая нам, встав лицом к лицу с врагом, при желании поколотить его, – рисковать собственными боками.

Вообще ныне не принято употреблять со врагом грубых приёмов старины, и известный удар «под сердце» заменён более культурным ударом по сердцу. Равно не принято и мстить открыто, становясь с неприятелем нос к носу; каждый из нас понимает, что излишне осложнять взаимное озлобление созерцанием противных нам физиономий, и потому все мы действуем друг против друга из-за угла, потихоньку и, отбросив в сторону кистени и дубины, уподобляем в дело сплетню и клевету.

Надеюсь, отсюда ясны преимущества смягчения нравов, которому мы подверглись, а также ясно и то, сколь успешно мы шагаем вперёд по пути всяческой культурности к самоусовершенствованию.

Да, так вот мы преуспеваем, нравы наши смягчаются, в поступках, видимых людьми, заметно некоторое благообразие, о поступках же невидимых нам заботиться не следует, ибо их никому не видно, кроме нас самих. Ругаемся мы гораздо меньше, потому что научились хорошо оскорблять друга и без употребления бранных слов. О Каине и об Иуде мы, конечно, не забыли, но подражание сим двум примерным авторитетам опять-таки смягчено. Открыто, при свидетелях, мы братьев наших не убиваем.

В жизни нашей становится заметно присутствие определённого поведения, ловкой сноровки, и мы, сносаясь друг с другом, никогда не выдадим себя и камня у себя за пазухой ближнему нашему научились не показывать.

И вдруг, среди такой аккуратности поведения, на гладкой поверхности смягчённых нравов – неизвестно почему – вскакивает странный, гнойный нарыв, от которого так и несёт вам в лицо запахом разложившейся старины. Откуда и как являются такие напоминания о прошлом, грубом и азиатски неприглядном? Что это за отрывки старины?

Кажется, что жизнь хранила где-то глубоко в себе осколок прошлого и вдруг вышвырнула его на поверхность современности к вящему смущению нашему, и мы, представители времени хитрого, приглаженного и припомаженного, люди, не выносящие ничего резкого и вульгарного, – в недоумении стоим пред явлением, с которым, как представляли себе, у нас уже покончено.

А оно, во всей своей прелести, рисуется пред нашими изумлёнными физиономиями – и вытягиваются наши культурные носы пред этим эхом прошлого.

Недавно в Самаре вскочил такой пузырь, и вот его содержимое, поскольку оно мне известно. В нём есть всё, помимо истинной культурности.

На днях один из местных купцов выдал замуж свою дочь.

Обстоятельства, сопровождавшие это обыденное событие, были весьма знаменательны, и они-то именно и придадут факту археологический характер.

Перед венцом невеста, – как это и надлежит по ритуалу старины, – была посажена на хлеб и на воду в тёмную комнату. Сколько времени там она сидела, оплакивая предстоящую ей участь – жить долгие годы с нелюбимым человеком, – неизвестно, но, должно быть, она или немало сидела, или очень уж много плакала. Когда её сажали в карету, дабы отвезти в церковь, – она еле стояла на ногах, и на вспухшем от слёз лице дрожали судороги сдерживаемых рыданий. Она еле держалась на ногах, вся как-то опустившаяся книзу, бессильная и безвольная. У церкви, входя на паперть, она беспомощно оглянулась вокруг, как бы ища себе защиты, – и чуть не упала со ступенек назад. Поддерживаемая сзади шафером, она еле ходила вокруг налож и на роковой вопрос священника по сказала своего «да», она даже и не кивнула головой в ответ ему, окаменевшая от мук, переживаемых ею. На жениха не действовало страдание рядом с ним: довольный и спокойный, он хладнокровно

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895–1906. Максим Горький gorkiy.ucoz.ru
таскал свою невесту за руку вокруг наоя, и лицо его сияло... как кирпич на солнце. Исаяя ликовал. Невеста еле сдерживала рыдания... В церкви было много публики, вся она смотрела на драму с любопытством, и глухой шёпот её наполнял своды вместе с запахом горящего воска и льна. Церемония кончена, и, шатаясь, невеста пошла вон из церкви.

– Какая изму-ученная! – шептали сострадательные люди.

Но что в этом сострадании человеку, уже погибшему! Да, наверное, и не слышала новобрачная этого шёпота за биением своего сердца, проданного в пожизненное владение человеку, чуждому ей, – человеку, который возбуждал в ней только трепет ужаса и отвращение. Вот она вышла из церкви, села в карету и, резким жестом руки сорвав с оси головы венчальный убор, бросила его в ноги новобрачному на пол кареты. Это как бы напугало его, – он отодвинулся в угол, дверца захлопнулась, и снег жалобно заскрипел под колёсами экипажа, увозившего так много страдания...

...Через несколько минут новобрачную поздравляли шампанским с законным браком – или с изломанной жизнью?

Впрочем, это было более чем через час, ибо с час после венца она провела в своей комнате одна, запершись на ключ. Это был последний час её свободы, а за ним уже наступала новая жизнь.

Жизнь вещи, жизнь рабы, обязанной целовать по требованию, а не по желанию, жить до Смерти или до привычки с человеком, чужим сердцу, и в то же время с человеком, юридически имеющим право на неё.

Вот – факт.

Вот – нелепая драма, человекоубийство, хуже – продолжительное истязание живого и сознательного существа. Чего ради – истязание?

Обвенчали или отпели эту девушку?

«Её медовый месяц»
Вы помните «Как её обвенчали»?

Теперь я могу рассказать нечто о том, как она прожила свой медовый месяц.

Обвенчанная по принуждению, испуганная своим будущим, – будущим проданной рабы, – она, полубольная от слёз и предвкушений наслаждения, которое, несомненно, должны были дать ей ласки молодого мужа, довольного своим приобретением и возбуждённого вином, – эта бедная девушка поехала, или – вернее – её повезли в село, место жительства молодого.

– Ничего, не плачь, привыкнешь, небось!

– Стерпится – слюбится!

– Не робь! Спервоначалу оно, точно, невтерпёж будет... а потом – ничего!

Провожали её заботливые и сердобольные родные и знакомые.

Проводили.

...Прошла ночь, и наутро девушка, противу своего желания превращённая в женщину, с ужасом посмотрела на то, что ожидает её впереди.

Изо дня в день жизнь под одной крышей с человеком, которого она не может считать ни чем иным, кроме похитителя её девичества и бесконтрольного владыки её, – владыки против воли, – кому улыбнётся такая жизнь?

А молодой супруг пылает страстью, и чем больше сопротивлений с её стороны, тем ярче горит эта страсть. Измученная, она становится пассивной, но и это не избавляет её от ласк, противных ей.

Тогда она впадает в отчаяние и решается лучше перечувствовать сразу боли агонии, чем переживать их изо дня в день в течение долгих годов.

Три коробки спичек, растворённые в воде и принятые внутрь, она считает достаточно сильным средством против жизни.

И вот она приняла фосфор.

Но судьба – против неё. Влюблённый муж бдителен... на сцену является доктор, и она спасена.

Для чего спасена? Для той же жизни, полной позора и мучений, – которой она предпочитает смерть?

Не было ли бы гуманнее оставить за этой работой её право на смерть?

Согласитесь, что это чрезмерно, по-инквизиторски жестоко – изломать, исковеркать человеку жизнь, оскорбить, опозорить, выпачкать его и, когда он после всех пережитых пыток предпочтёт им смерть, лишит его права на это, вылечит и снова пытаться.

Торквемада был изобретательный человек, но я думаю, что он с удовольствием признал бы в родных этой девушки людей, достойных его похвал и внимания, и уж, наверное, крепко пожал бы им руки за то, что они умеют быть совсем недурными инквизиторами в наш такой гуманный век.

Но разве она, эта жертва наших диких нравов, не может повторить своей попытки, как-нибудь усыпив бдительность своих мучителей – людей, которые, несомненно, любят её по-своему.

Избави боже от такой любви!

Ведь в родительских чувствах животных и то больше гуманности и внимания к детищу, чем в чувствах родственников этой девушки.

Ни одна свинья не утопит своего поросёнка в помойной яме, заботливо отталкивая его от края её и предупреждая о возможном казусе добродушно ворчливым хрюканьем.

А здесь мы видим нечто обратное.

Действуют люди – и толкают родного человека к гибели, – толкают, несмотря на то, что он упирается, протестует...

Столкнули...

Что же теперь?

Остаётся пожалеть о том, что уголовный кодекс не всё предусмотрел, так, например, он не установил наказания за любовь родителей к своим детям.

Очерки и наброски

О жене, проданной за 40 рублей

Бытописателями наших дней отмечена одна характерная особенность современных драм, – эта особенность: желание произвести эффект, ошеломить публику во что бы то ни стало и хоть на один день стать самой интересной темой газетных хроник и главным предметом внимания публики.

Но как ни гадки и как ни печальны драмы этого рода, в них всё-таки всегда можно усмотреть нечто смягчающее вину их героев.

Это нечто ясно видно в поведении героев: беспокойное метание из стороны в сторону, тревожное искание чего-то нового, – может быть, новых форм жизни, новых впечатлений – тоскливая неудовлетворённость, какая-то раздражительная и смутная жажда жизни, как можно больше нервной жизни, как можно больше впечатлений.

В общей путанице современных драм эти симптомы являются чем-то таким, что как бы подаёт надежду на исправление человека.

У него есть желание жизни, он ищет – значит, он ещё жив духовно, и, хотя он безнравственно и нелепо гибнет, – всё-таки можно надеяться, что он изменит

Но есть драмы более знаменательные, более мрачные по содержанию и значению, – драмы, образец которых так рисует одна из одесских газет.

Недавно, рассказывает газета, в одном из посёлков Таганрогского округа совершена продажа живого человека при следующих характерных обстоятельствах. Один из жителей посёлка, бедный и захудалый мужичонка, неудачник, изо дня в день перебивавшийся с хлеба на воду, заметил, что его жена, красивая и бойкая бабёнка, сильно приглянулась «интеллигентному человеку», сельскому хозяину Х. Мужичок захотел извлечь из симпатии «интеллигентного человека» к его жене некоторые выгоды в свою пользу.

Подумав, он явился к почтенному интеллигенту, и между ними произошло приблизительно следующее объяснение:

– Тебе, – имярек, – жена-то моя по вкусу? – спрашивает мужичок.

– Хорошая баба... – соглашается интеллигент.

– Так, – почёсывается мужичок. – Это хорошо... Чего же ты теперича сделаешь? – бесхитростно идёт он к своей цели.

– А что? – уклоняется от объяснения развитой интеллигент.

– Ничего. Я, как, значит, муж ейный, то и любопытно мне... Да ладно, будем говорить просто, начистую, значит.

– Давай! – соглашается интеллигент.

– Важно... Ну, так вот что. Коли тебе она по губе, то и бери ты её у меня, когда, значит, захочешь. Бери и забавляйся... идёт?

– То есть как так? – вопрошает осторожный интеллигент.

– А так, очень просто! Нужно тебе её, может, завтра – бери, и больше никаких! Понял?

– Спасибо, брат! – говорит обрадованный интеллигентный человек.

– Спасибо – это что! Спасибом ты от меня не отделаешься. Мне ведь она жена, баба-то тоже денег стоит... Кормил я её, ну и прочее.

– А сколько ты возьмёшь? – ставит господин Х вопрос ребром.

– Десять целковых! – определяет мужик цену ласк своей жены.

– Дорого! – задумчиво качает головой интеллигент.

– Да ведь какая баба! Смак один! Уж ты поверь мне. Очень даже скусная баба. Чай, я ейный муж – знаю...

Сторговались. За каждый визит жены интеллигентный господин платит её мужу десять целковых.

Но вскоре он нашёл, что это дорого и убыточно. Новый разговор с собственником женщины.

– Слушай, брат... – говорит интеллигент мужику. – Вот что: продай мне жену совсем.

– То есть как это? – изумляется мужик.

– А так, продай – и всё тут.

– Чай, она не корова... Нельзя, поди, по закону-то.

– Ну, вот! А кто узнает? Говори, сколько тебе за неё. Сразу и по рукам ударим... Ну? Хочешь тридцать рублей? Кормить и одевать уж, конечно, я сам буду.

– Известно. Скотина твоя и корм твой, это уж такой порядок. А всё ж таки ты мне даёшь не по-божески, тридцать рублей за такую бабу! Разве можно!

– Ну, а сколько?

– Сто!

– Сто-о?!

– Известно, сто. Ведь баба-то какая? Сам знаешь – сахар, а не баба. Я тоже в них толк понимаю, в бабах-то, хоть я и не барин...

– Ну, уж сто рублей всё-таки за неё не дам! – категорически возражает интеллигент.

– Не дашь?

– Не дам!

– А сколько дашь?

– Сколько сказал сначала...

– Тридцать?

– Ну да...

– Али это можно за тридцать целковых такую бабу купить? Этакую ядрёную бабу! Да ни одна душа тебе не продаст жену по такой цене.

И, наконец, мужик выторговал у интеллигента ещё 10 рублей. Баба была продана за 40 рублей.

Дёшево это или дорого?

Вот драма!

Она нимало не эффектна, несложна и действующими лицами не изобилует – она так кратка, проста и до ужаса ясна.

Не может быть двух мнений относительно того, кто в ней играл более гнусную и постыдную роль – мужик или барин – «интеллигентный человек», по словам газеты. Мужик – существо, исторически втиснутое во «власть тьмы», – с него, в силу этой причины, не взыщешь много. А интеллигентный помещик, забывши всякую порядочность и потерявши чувство совести в погоне за удовлетворением своих животных инстинктов, – существо нравственно ответственное.

Вот драма, рисующая страшное явление: духовную смерть человека, утратившего мораль. Мы видим здесь нечто непримиримое с требованиями самой элементарной нравственности, нечто дикое, грозное, возмущающее своим цинизмом...

Продают человека... Поймите, продают его за 30 рублей, как вещь, как животное. Продавец, глупый раб невежества, – одичалое от голода и жизненных неудач существо.

Покупатель – «интеллигент». Когда-то с этим словом необходимо связывалось представление о чести, о бескорыстии, о благородных намерениях и святых мечтах, – мечтах о всеобщем счастье.

Но вот произошёл какой-то тёмный процесс, почему-то умерло сердце у человека, и мы видим его хладнокровно покупающим себе за 30 рублей игрушку – живого, себе подобного, своего ближнего. И именно в этой простоте поступка, в спокойствии духа, с которым торговался господин Х, покупая себе для забавы женщину, – в этой поразительной расчётливости покупателя – в ней драма страшнее всех эффектных драм. В ней ясно видно, что человек умер. Умер – но живёт и действует, и от его поступков пахнет ароматом разложения и смерти.

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895–1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Душа умерла, благородства в жизни нет, порядочность утрачивается, человек теряет и подобие божие и приобретает образ звериный...

И всё это творится так просто, тихо, незаметно... И ужасна эта тишина процесса разложения.

«Совсем как у нас»
На сегодня мы отправимся в Вену...

Это очень далеко, далеко за границей наших отечественных нелепостей; но вы не смущайтесь, в Вене – «совсем как у нас»...

Недавно там разбирался очень интересный процесс или, вернее сказать, очень пустынный и ничтожный процесс, один из тех, каких и у нас дома не оберёшься... процесс, в котором нет ничего сенсационного, но есть нечто глубоко драматическое.

Швея обвинялась в том, что заложила за 11 флоринов (около 7 рублей) материалы, данные ей хозяином.

Она сделала это потому, что у неё умерла мать, проболевшая семь недель, и на лечение и похороны ушло всё, что только можно было продать. Она зарабатывала вместе с тремя младшими сёстрами один флорин сорок крейцеров (около 1 рубля) в день, работая напряжённо, без отдыха девятнадцать часов, с шести часов утра до одного часа ночи. Но она после смерти матери сама заболела. Ей оставалось одно: вместе со своими младшими сёстрами выйти на мостовую; но она на это не могла решиться и заложила данный ей материал, надеясь отработать долг, как только поправится.

Свидетель, – он же и «потерпевший», – фабрикант железный. Какова фамилия!

Помимо того, что он Железный, у него каменное сердце.

Он показал, что обвиняемая работала постоянно очень добросовестно. Когда она заложила вещи, она ему во всём призналась, сказав, что только крайняя нужда вынудила её так поступить. Он платил от 75 до 80 крейцеров за изготовленное пальто.

Обвиняемая. О, нет! Господин платил только семьдесят крейцеров.

Судья. Возмещён ли вам убыток обвиняемой?

Свидетель. Да, она отдала одиннадцать флоринов. Но мне пришлось заплатить ещё полтора флорина процентов.

Как видите, железный фабрикант усердно старался оправдать свою фамилию, и это повело в данном случае к тому, что к свидетелю подошёл защитник подсудимой и торжественно, публично вручил ему, железному фабриканту, ворочающему сотнями тысяч флоринов, полтора флорина...

Железный человек – ничего, не смутился, спокойно сунул в карман проценты и продолжал давать свои показания.

Судья. Сколько времени она должна была работать, чтоб сшить пальто?

Свидетель. Семь часов.

Обвиняемая. Нет, гораздо больше. Мы все три усиленно работали, но за девятнадцать часов не могли сшить больше двух пальто... Когда заболела мать, я, чтоб заработать в неделю десять флоринов, работала целые ночи и совсем обессилела...

В конце концов честь четырёх девушек, чуть не пропавшая из-за нескольких флоринов, была восстановлена, и они пошли домой оправданными.

И железный пошёл домой, не понеся никаких убытков...

Как видите, в этой картинке венского быта нет ничего особенно оригинального:

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
замените флорины гривенниками, и всё будет совсем как у нас...

Для мира

По словам одесских газет, на днях из Владивостока в Одессу прибыли два крестьянина Полтавской губернии: Порывай и Бебко.

Это уже старики; первому из них шестьдесят лет, второму – сорок семь; но, несмотря на свой возраст, оба они вызывают изумление своей энергией и желанием блага «миру», своим односельчанам, в интересах которых эти «незаметные герои» совершили нечто далеко не заурядное.

Дело в том, что оба они «ходоки», искатели «свободных земель», и именно ради этого они пешком из Полтавской губернии, через всю Сибирь, сходили во Владивосток.

Вот как рассказывает шестидесятилетний старик Порывай о мотивах своего путешествия.

– Земля у нас родит плохо, – говорит он, – да и мало её, не может матушка-землица прокормить всех досыта. Народ обеднел, понакопилось недоимок разных, просто хоть плачь, никак невозможно мужику прожить. А тут на миру «балакают», что есть в сибирской стороне такие места богатейшие, что и земли, и лесу, и всяких тебе угодий много. Вот я и решил послужить миру, – рассказывает он, – пойти и поразведать про тамошние места. Спросил у мира благословения и пошёл себе с богом в сибирскую сторону, имея в кармане всего рублёв двадцать денег.

И вот с двадцатью рублями в кармане и с несокрушимым желанием «послужить миру» старик вышел из своего села 7 марта 1892 года. Всё время он шёл пешком; прошёл через Уральские горы, чрез губернии Тобольскую, Томскую, Енисейскую, область Иркутскую, ходил по Амуру и, через Благовещенск, попал, наконец, в прошлом году только, во Владивосток.

Сколько горя, сколько невероятных невзгод пришлось ему испытать, – об этом легко можно судить, имея в виду, что человек шёл без денег, питаясь чем бог пошлёт, и нередко по нескольку дней голодая или питаясь кореньями и травой, не имея никакого представления о Сибири, идя почти так же, как Колумб плыл в Америку.

Но не смотря на всё это, старый хохол всё шёл и шёл до поры, пока не наткнулся на океан.

Во Владивостоке он, благодаря счастливой случайности, встретил своего земляка, крестьянина той же губернии, Прилуцкого уезда, Береговской волости, села Корниловки, Терентия Александрова Бебко. Последний отправился из своего села в 1895 году, в мае, прошёл через те же места с той же целью ходока от «мира». Бебко из дому вышел с семнадцатью рублями, которые издержал уже до Челябинска, а дальше шёл или ехал с переселенцами. В Омске заведующий пересыльной частью дал ему на дорогу двадцать рублей, с которыми он доехал до Иркутска, где тоже получил от добрых людей пятнадцать рублей. Встретившись во Владивостоке, оба «мирских ходока» стали помышлять вместе, как бы им добраться поскорее домой. В это время во Владивосток прибыл пароход «Кострома». Порывай и Бебко обратились к пароходному начальству с просьбой, чтобы их приняли на пароход в качестве рабочих, но, за неимением вакансии, им было отказано. Тогда они решили тайно проникнуть на пароход, спрятаться в трюм и во что бы то ни стало добраться до Одессы. Это им и удалось вполне. Их открыли только на третий день по выходе из Владивостока в открытом море и довели до Одессы. На пароходе оба они усердно исполняли все чёрные работы.

19 февраля они прибыли в Одессу, были сняты с парохода и...

Им устроили овацию, выслушав их рассказ о всём, что они встретили «для мира»?

Их, конечно, снабдили одеждой и деньгами для проезда на родину?

Нет, гораздо проще...

Их отправили в участок и в скором времени отправят на родину, наверное, по этапу.

Но за что же?

А для порядка, должно быть.

Не правда ли, как они просты, эти два старика-хохла?

Мир нуждается, мир стеснён недостатками... А где-то, там далеко, в Сибири, люди живут хорошо и свободно.

– А благословите ж меня, панове громада, я пойду, побачу – правда это или нет? – говорит шестидесятилетний старик и плетётся «от моря до моря», от Полтавы до Тихого океана, идёт шаг за шагом, движимый силой своего желания послужить «громаде».

Есть что-то богатырское в этом подвиге, – подвиге не из блестящих, не из тех, что совершаются в минуту.

Это скромный, серый подвиг, и он страшно труден, ибо совершается каждодневно в течение трёх лет...

Поднял старик заботу мира на свои плечи и понёс её с собой в далёкую Сибирь, ища на дороге свободного места для мира, останавливаясь тут и там и прикидывая в уме: а хорошо ли будет громаде житься, если она вот тут бы поселилась?

Идёт и ищет, и, за неимением хлеба, питается травой и кореньями, идёт, и ни бремя шестидесятилетней жизни, ни голод, ни холод и все затруднения пути – ничто не останавливает его.

Вот – старик, более молодой, чем молод юноша наших дней.

И – это очень грустно – нельзя не посоветовать юношам в душу этого старика...

Это вызовет у юношей стыд за самих себя, а этот стыд, быть может, несколько облагородит их, в чём они очень нуждаются.

Истязание Эвтерпы

Не подумайте, что это восьмилетняя мусульманская девочка. Нет, это одна из девяти муз – муза лирики. Наш меркантильный век породил особого рода поэтов – поэтов рекламы, воспевающих в стихах своих уже не благоухание цветов, а... запах мыла, не красоту женщин, а... прочность мужских подтяжек.

В киевских газетах некоторый поэт, – да отсохнут у него руки и онемееет язык, – воспеваает табак Эгиза:

Куря табак Эгиза ароматный,
В две сорок фунт, смиряюсь я душой
И уношусь мечтами в необъятный
И чудный край поэзии святой.
И «конкуренцию» готов хвалить за это
Везде, всегда – и прозой и стихом,
И голос мой, как гром, звучит по свету,
И счастлив я, мечтая об одном,
Что, наконец, момент такой настанет,
Что люди все, что каждый человек
Курить табак Эгизов только станет,
И будет на земле тогда блаженный век.
Бывали хуже времена,
Но не было подлей!..
Не было ещё такого времени, которое бы эксплуатировало поэзию в целях торговой рекламы.

Бедняга Эвтерпа и бедный феб! [12]

Представляли ли вы, что будет время, когда вам придётся вдохновлять людей, желающих посредством «священного огня» заработать малую толику презренного металла, – людей, считающих возможным хвалить корсеты и подтяжки «языком богов»?

«Ну, следует ли возмущаться таким пустяком? Американизм на русской почве. И, право, в этом нет ничего особенного!» – скажет уравновешенный человек, скажет, усмехаясь скептически.

Следует ли возмущаться тем, что грязные лапы «чумазого» хватают и истязуют для своих выгод искусство?

О, несомненно.

Но мы слишком невозмутимы стали, слишком уж туподушны.

А жизнь становится всё более возмутительной.

Операция с «мужиком»

Наша деревня, уже достаточно обглоданная различными паразитами, тем не менее продолжает привлекать и удовлетворять хищнические аппетиты разных людей «без креста на шее».

Операция с «мужиком» всё ещё считается одной из выгоднейших, и, нужно отдать справедливость операторам, они с замечательной энергией умеют отнять у нищего суму.

Выгодность «облапошивания» деревни главным образом основана, конечно, на её невежестве и на тьме её жизни, вполне гарантирующей рыцарям без страха и упрека безопасность и безнаказанность их деятельности.

Вот, например, образец грабежа, выходящего из круга действий, предусмотренных уложением о наказаниях.

Дело происходит около Витебска, объектом «операции» служат две деревни: Слижики и Трубачи. Начинается с того, что штаб местной 41 дивизии ищет место для опытной боевой стрельбы, останавливается, между прочим, на владениях названных деревень и предлагает уездным властям опросить крестьян, собственников облюбованных земель, за сколько бы они продали свои владения (до 400 с чем-то десятин) с тем, чтобы вовсе убраться с них. Крестьяне, дорожающие своим прадедовским пепелищем, на это заявили, что они не имеют ни малейшего желания продавать его, но если уж это необходимо, то они хотят получить за Слижики приблизительно 80 тысяч рублей, а за Трубачи тысяч 30. Власти нашли эту цену дорогою. Дело стало и стояло так два года. Все успокоились, а более всего крестьяне, не желавшие переселяться и за 80 тысяч рублей.

Но в этот именно момент успокоения крестьян и властей взволновался дух предприимчивости... рыцарей наживы. Они почуяли, что крестьянский грош можно утянуть и прикарманить, почуяли и собрались в поход на деревню ради пленения её остального гроша.

Предводителем явился один из местных помещиков; он с двумя своими соратниками какими-то тайными и тёмными путями заручился со стороны казны согласием её купить у него земли двух деревень, а заручившись этим согласием, стал агитировать среди крестьян в надлежащем духе.

«Братцы, напрасно вы не продаёте землю! Всё равно вас казна вытурит с неё! Вот что: заботясь о вашем благополучии, я предлагаю вам, уступите вы эти земли мне, а я вам за каждую десятину дам две... Мне она попадёт к делу, и я уж как-нибудь обстроюсь, отбоюсь от продажи штабу; а вам это невозможно: прогонят вас!»

Он обещал им и ещё много разных благ за их землю. Агитация эта, энергично поведённая преимущественно через кабатчиков и других имеющих влияние на крестьян лиц, пошла в конце концов настолько успешно, что крестьяне согласились. И как было не согласиться! «Ведь всё равно землю отберут в казну, – усердно уверяли тёмных людей, – а вас загонят куда захотят». И они, напуганные, согласились, горько оплакивая в душе свою родную десятину, за которую давали им лядящих две.

«Биржевые ведомости», рассказывая эту грустную и наглую историю, спрашивают: «И получают теперь по 150 рублей за десятину не крестьяне, а эти предприимчивые люди. Но почему же не крестьяне? Это во-первых, а во-вторых, почему и вообще такие деньги за землю? У нас цена «самой лучшей» земли 50–75 рублей за

Да, почему? Почему за землю, стоящую 20, 30 тысяч рублей, платят 60 тысяч? Крестьяне просили за неё 100 тысяч, но эта оценка была так высока потому, что являлась вынужденной, потому, что они не хотели продать своей кровной земли, ко власти которой они уже привыкли, с которой они срослись рядом поколений.

Теперь земля не их, и оценка её должна опуститься до общей нормы стоимости десятиины.

Быть может, если бы это было сделано, хищники понесли бы вполне заслуженное ими наказание в виде хорошего убытка от своей операции.

«Биржевые ведомости» выражают надежду, говоря, что дело, к счастью, ещё не кончено и позволительно надеяться, что как военное ведомство, так и губернские власти, а тем более чины, поставленные строго оберегать как крестьянские, так и казённые интересы, более внимательно взглянут на это дело и умерят несколько посторонние аппетиты, предоставив лучше выселяемым крестьянам какие-либо излишки.

Но если эта надежда не оправдается?

Что будет с объектами рыцарской операции?

В довершение картины газета даёт ещё такую немаловажную деталь.

Местность, купленная штабом по соседству с вышеназванными деревнями, уже подвергалась пробе по части её удобств для обучения боевой стрельбе. Она оказалась удобной – ружья стреляли, пули летали... После сделанных несколько раз опытов артиллерийской и ружейной стрельбы оказалось, что данное пространство в две с чем-то версты весьма недостаточно для ружей новейшей конструкции. Бывали не раз примеры, что пули залетали в чужие владения, портя страшно лес и приводя в ужас работавших на поле крестьян.

Согласитесь, что в мирное время полевые работы под свист пуль являются чем-то, выражаясь мягко, нелепым. По этому поводу некоторые из крестьян деревень Драгокупово и Новоселье раз сделали заявление одному из касавшихся этого дела чинов, наивно прося его ходатайствовать об обмене подверженных пулям частей надела на смежную землю. На это чин пресерьёзно заметил:

– Зачем казне обменивать? У вас пули только пролётом.

– Но ведь звенят подчас... Жутко работать. Да и стеснение, если войско цепь выставит... – продолжали те робко настаивать.

– А ты пригнись, когда зазвенит, а то больно спесивы... – изрекла власть и удалилась.

Положим, это очень весело и остроумно на нетребовательное ухо, но каково-то тем, которым приходится работать в отдалённых частях своего надела под звон таких пчёл, работать в страду, когда и оторваться-то от работы нельзя, и так всегда, с неотступною при этом мыслью, что и долгие, нескончаемые годы и ты, и твой сын, и внуки могут подвергаться таким неприятностям.

Можно ли надеяться, что вся эта удивительная белиберда, хранящая в себе зачатки многих трагедий, будет строго обследована?

Власть тьмы

Удивительную по деталям драму рассказывает одна из московских газет.

Место действия – Клинский уезд, Московской губернии. Позапрошлой осенью, рано утром, жители деревни Глазково, Покровской волости, около Клина, были внезапно поражены отчаянным женским криком со двора крестьянской избы Хваткиных. На перекладине с туго затянутой петлёй на шее висел труп молодой двадцатилетней женщины, жены сына Ефимьи, – Авдотьи Хваткиной. Труп висел лицом к задней стене сарая; немного в стороне от него валялся на сене дублёный полушубок покойной, пустая полбутылка от водки и стакан.

Решили, что это самоубийство, и, решив так, все успокоились, – все, кроме матери Авдотьи Хваткиной. Ей показалось, что тут дело неладно, и она в этом смысле подала прокурору заявление.

Тогда в Глазково явилась следственная власть и сразу же узнала, что у пятидесятилетней Ефимьи Хваткиной есть возлюбленный – шестидесятилетний Семён Поляков.

Их арестовали на основании высказанного матерью Авдотьи подозрения. Тотчас после ареста Ефимья Хваткина созналась, что её сноха Авдотья была сперва отравлена и затем задушена.

– Дело это не моих рук, я только помогала, а убивал её Семён. Порешили мы с Дунькой за её злые укоры.

А порешили они так: Семён Поляков достал где-то мышьяку, а Ефимья напекла к ужину лепёшек из творогу с тёртым картофелем и в две из них этот мышьяк подсыпала. Когда яд стал давать себя чувствовать, убийцы, как разъярённые звери, бросаются на свою беспомощную жертву. Семён вскакивает ей на ноги и держит руки, а Ефимья срывает с неё фартук и одной рукой затыкает его в рот Авдотьи, а другой её душит за горло.

Услыша возню и стоны, сестра душительницы, идиотка, дрожа от ужаса, бросается в избу, где на печи лежит умирающий дряхлый старик, её отец.

– Эх, оставь... а то и с нами то же будет... – вздыхает и осеняет себя крестным знаменем старик.

Выслушав показания преступников, следствие распорядилось произвести судебно-медицинское вскрытие трупа. Когда вынули из могилы гроб, ни один мускул не дрогнул на лице Ефимьи; муж покойной и его молодая жена заплакали. Судебно-медицинское вскрытие обнаружило как признаки отравления, так равно и знаки насильственной смерти от удушения. Вся деревня собралась смотреть, как поведут злодеев.

И вдруг через толпу протискивается идиотка, сестра убийцы, Ефимьи, и бросается преступной в ноги:

– Прости, сестра. Грех твой велик... За что ты погубила Авдотью? Кровь христианская на всех на нас падёт...

С этими словами идиотка быстро вскакивает на ноги и с какой-то ненавистью шепчет сестре:

– И поделом тебе в каторгу идти. Ты, проклятая, всех нас погубила! Я сама по ночам от тебя давиться хотела...

Убийца Ефимья Хваткина – небольшого роста, худощавая старушонка, с мелкими чертами лица и хитрыми маленькими глазами. Никто из её односельчан не вёл с ней близкого знакомства. Многие знали её за воровку. Сестра же её, идиотка, рассказывала между прочим, что Ефимья не раз будто бы душила своих новорожденных детей и трупы их закапывала на берегу реки.

Л.Н.Толстого не раз упрекали в том, что он в своей драме слишком сгустил краски и утрировал, – жизнь оправдывает его от этих упреков. Мало того, она говорит, что может быть и хуже того, что изображено в драме Льва Николаевича.

Деревенская жизнь не может же создавать характеры хорошие и ясные, раз она вся до малейшего движения – борьба за существование, за кусок хлеба.

Из такой школы трудно ожидать иных учеников, кроме Ефимьи Хваткиной и её возлюбленного, а если их всё-таки ещё сравнительно мало, нужно это отнести на счёт терпения и выносливости русского народа, на счёт его умения хранить в себе «душу живу» во всех положениях, в которые ставит его судьба, слишком жестокая, слишком тяжёлая.

Нечто о наборщиках

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895–1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
«Симпатичное стремление общества и прессы к облегчению положения рабочего и сокращению трудового дня почти всегда и повсеместно разрешалось в благоприятном смысле...»

Такими словами начинается письмо киевских наборщиков, помещённое в газете «Киевское слово».

Слова, так сказать, «розовые» и с действительностью имеющие мало общего.

– А впрочем, не в этом дело! – как говорит один из героев Мамина-Сибиряка, пьяненький литератор из мелкотравчатых.

Дело вот в чём: казанские газетные наборщики поднимают вопрос о тяжести своего положения и о необходимости облегчить его посредством праздничного отдыха. Казанским наборщикам сейчас же откликнулись орловские, теперь откликаются киевские, и следует ожидать, что скоро откликнутся и ещё многие. В этом единогласии есть нечто такое, что, если б оно случилось лет двадцать, тридцать тому назад, возбудило бы в обществе соответствующие внутреннему значению факта толки и послужило бы для общества того времени источником «подъёма духа» и т. д.

фактец сам по себе довольно оригинален и не малозначителен: он, как бы то там ни было, свидетельствует не о чём ином, как именно о зарождении у некоторой части рабочей среды самосознания и сознания своих человеческих прав.

И, право, тут есть чему порадоваться: нас не часто дарит судьба такими явлениями...

Не народилось ли вокруг нас чего-либо нового за тот период времени, пока мы, отдыхая от жизни, пребывали в равнодушии к ней?

Образцовый «голова»

Это нечто поразительное по своей крайней нелепости и по отсутствию смысла.

Дело происходит недалеко от нас – в Камышине [13].

Вот уже второй год, по словам «Саратовского листка», как камышинцы упорно и настоятельно хлопчут о том, как бы сбросить с своих плеч голову, – собственного своего, ими же избранного городского голову. Выбрали его, почтили своим доверием и ныне во что бы то ни стало желают с ним развестись...

Но, увы! – все их старания успехом не увенчиваются...

За два года несколько камышинских граждан успело добиться развода с своими жёнами, добиться разрыва даже такого неразрывного союза, как брачный, а развода с господином Ефимовым вся городская дума никак не может добиться. И сколько дума эта ни заявляет о той ошибке, в которую она впала, избрав господина Ефимова в головы, сколько она ни доказывает, с одной стороны, эту свою ошибку, а с другой – своё раскаяние и искреннее желание во что бы то ни стало исправить её, – ей, этой думе, никто не внемлет.

Пробовала она покорнейше просить самого господина Ефимова избавить её от своего служения – с его стороны только нуль внимания. Обращалась к другим с просьбою помочь ей избавиться от своего избранника по ошибке – результат тот же.

И избранник их преважно и тяжело, но с полным сознанием законности своего положения сидит у них на шее, сидит и правит делами города так, как это ему угодно. Камышинцы брыкаются, сгибаясь под непосильной тяжестью своей ошибки, но «голова по ошибке» всё остаётся у них на плечах...

Наконец, совершенно выведенная из терпения поведением этого избранника по ошибке, камышинская городская дума 18 сентября 1895 года постановила: «Признать действия головы по сдаче городских земель неправильными и убыточными, предъявить к нему иск в 11 560 рублей, возбудить формальное следствие о подлоге, допущенном Ефимовым в делах управы, и ходатайствовать перед губернатором о немедленном удалении Ефимова от должности головы и о разрешении выбрать на его место другое лицо».

Но и это не помогло.

Кажется, чего бы ещё? Средство очень сильное; неудобство такой головы, как голова господина Ефимова, склонная, по словам думы, даже к подлогам, – ясно, и казалось бы, что препятствий желанию думы снять с себя эту взбалмошную голову не должно быть.

Но несчастную думу, как оказывается, и тут постигла неудача. Ровно через пять месяцев думе было объявлено, что постановление её губернским по земским делам присутствием отменено...

Словом, союз камышинских граждан с своим избранником по ошибке оказывается каким-то поистине неразрывным союзом.

Во имя чего?

Это трагикомическое происшествие есть не что иное, как солидный урок господам избирателям.

Избирай, но думай, смотри, взвешивай и делай всё это с разумом.

И избрание с бухты-барахты – вот оно, и вот его результаты.

И нужно сказать, что такой приём избрания мэров – приём не редкий, и по сей причине нужно смотреть на камышинскую «канитель» именно как на урок.

«Сама себя раба бьёт, коли нечисто жнёт».

Самара во всех отношениях
Письма одного странствующего рыцаря
Говори с людьми откровенно, говори, – они не заслуживают лучшего...

Луиза Аккерман
I

...Прежде всего в Самаре бросается в глаза общий характер её архитектуры. Тяжёлые, без каких-либо украшений, тупые и как бы чем-то приплюснутые дома заставляют предположить, что и люди, живущие в них, тоже тупы, тяжелы и приплюснуты жизнью.

Затем, всматриваясь в прохожих на улице, видишь, что большинство из них представляют собою субъектов, одетых в звериные шкуры, крытые тёмными сукнами, и что они обладают особым устройства носами, сразу останавливающими на себе взгляд внимательного наблюдателя.

Нервная и подвижная конструкция этих носов, преимущественно больших, острых и всегда что-то озабоченно вынюхивающих, заставляют вас предположить, что вы имеете дело с млекопитающими из породы хищников...

Особо алчный блеск глаз и острота взгляда поддерживает ваше предположение, и, присмотревшись к действиям и прислушавшись к разговорам сих субъектов, вы, к сожалению вашему, убеждаетесь в своей правоте. Затем вам предстоит выбрать одно из двух по вашему усмотрению: или возвратиться вспять туда, откуда вас швырнуло в этот до тошноты правильно распланированный город, или же остаться в нём и ожидать, когда его аборигены обратят на вас внимание и сделают вам честь, пожрут вас под пикантными соусами клеветы и сплетни.

Здесь – как и везде, впрочем, – очень любят эти соусы и кушают с ними человека как в том случае, если он не придётся по вкусу, так и в противном.

Пожив некоторое время в этом городе, вы узнаете о нём то же самое, что вы уже знаете о других русских городах: городской бюджет в очень плачевном состоянии, а в думе всем ворочает «его степенство», – ворочает очень сильно, когда дело идёт о его пользе, а если дело идёт о пользе города, то... и тогда не менее сильно ворочает, но тоже в свою пользу.

А иногда «его степенство» вдохновляется честолюбием и начинает ломить уже так, как это делал крыловский медведь, который, пожелав заняться кустарным промыслом, изломал целую десятину леса в попытке сделать одну оглоблю.

Затем вы, конечно, узнаете, что в городе не хватает учебных заведений, больниц и

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895–1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
всего прочего, чего не хватало во всех тех городах, которые вы имели
удовольствие или неприятность посетить ранее Самары. Разница только в том, что
Самаре не хватает этого более других поволжских городов.

Она также более грязна, пыльна и пахуча, чем, например, Казань и Астрахань; у
неё более скверные мостовые, чем в Нижнем и Ярославле; она более неподвижна и
более преисполнена косностью к умственным интересам, чем Симбирск, город
удивительно сонный и тихий, точно умирающий от старческого маразма.

Я наскоро перечислил то, чего она имеет более других городов, и весьма возможно,
что просмотрел ещё несколько её преимуществ пред ними.

Но это ничего – мы ещё сосчитаемся! А теперь я укажу на то, в чём она равна с
другими.

В ней в течение года, до введения винной монополии, выпивалось водки столько же,
если не больше, сколько её выпивает за этот срок Нижний с Кунавиным и ярмаркой,
и в ней такие же дикие нравы, как и в столице Башкирии – Уфе. А сколько она пьёт
водки теперь, я ещё не подсчитал.

Засим – она не имеет ни одного порядочного книжного магазина; в тех же двух, что
у неё есть, продавцы предлагают вам заменить требуемую вами книгу гуттаперчевым
кольцом, которое покупают детям, когда у них режутся зубы, погремушкой или
чем-нибудь другим в этом роде.

У неё есть прекрасная библиотека с каталогом книг, составленным с такой
сверхчеловеческой ловкостью, что вы, отыскивая нужную вам книгу, подвергаетесь
риску убить на это дело всю вашу молодость, если вы молоды, или проискать книгу
до дня вашей смерти, если вам уже лет сорок.

Она не имеет садов, и летом в ней можно вполне свободно задохнуться от пыли и
жары, если вы не догадаетесь отправиться за город или в Струковский сад,
единственное место в городе, заросшее чем-то действительно весьма похожим на
деревья, но что, по мнению одного из аборигенов Самары, высказанному им в
заседании думы, от дыхания публики подвергается порче и гибели. Следует
предположить, что, так как в летние вечера все 100 тысяч жителей города
собираются в этот сад и дышат там, сад этот, – кстати сказать, кто-то с злобной
иронией назвал его лучшим на Волге, – сад этот в скором времени от дыхания
посещающей его публики погибнет.

У неё есть каменная набережная, построенная для защиты города от надвигающейся
на него песчаной косы.

Эта здоровая стена из камня достаточно тверда, и я уверен, что она неподвижно
будет стоять на своём месте и тогда, когда пароходные общества, убегая от
налагаемой на них городом береговой контрибуции, переведут свои пристани в
Рождественно... и тогда, когда сама Волга удержит от Самары...

Ещё в городе есть театр, красное здание очень занимательного архитектурного
стиля, напоминающего о тех игрушечных картонных домиках, которые делают бедные
вдовы для продажи детям.

В этом театре в узаконенное время играет труппа людей, более или менее смело
называющих себя артистами. В истекший сезон некоторые монстры, никому не
известные как артисты, но вполне обладавшие смелостью, достаточной для того,
чтобы изображать из себя артистов, переряжаясь в разнообразные костюмы и в них
выступая перед публикой, произносили разные слова, из чего самарская публика
несколько поспешно и с большим добродушием заключила, что это они «играют». Они
благополучно играли с публикой и авторами пьес почти весь сезон, затем один из
них поссорился с антрепренёршей, не уступившей его желанию дважды получить с неё
одни и те же деньги, и потом они скрылись, не особенно надоевши городу, что
вышло только потому, что сезон был очень краток. Когда они уезжали, никто не
плакал о них, кроме нескольких психопатов и, быть может, ещё квартирохозяев этих
господ, если эти господа не заплатили им денег...

Театром заведует театральная комиссия, которую дума выбрала не столько для этой
именно цели, сколько для своего развлечения, как кажется. Ей, думе, очень
нравится самый факт существования комиссии, ей нравится комиссия, так сказать,

И некто так объяснял мне причины возникновения комиссии:

Большинство думы – «их степенства». В массе их торчат несколько интеллигентов и весьма часто очень ощутительно заявляют о своём существовании. Это не может нравиться действительным отцам города, потому что не может не мешать им в городском хозяйстве. И вот, желая локализовать деятельность интеллигентов, решили их как-нибудь утихомирить, а для сего и рассовали в разные премудрые комиссии, желая отягчить их трудом настолько, чтобы они потеряли охоту к разным выпрненным мечтам. Пусть они утомятся и несколько ослабеют...

Тогда будут покойнее.

В сих якобы видах основана и театральная комиссия.

Как человек, недавно сюда прибывший и ещё не принявшийся к тутошним делишкам, не рассмотревши их тайных пружин, я, конечно, не могу утверждать только со слов господина «некто», что всё сказанное о комиссиях – настоящая правда.

Но я ничего не имею против того, если бы это было правдой. Это – умно, если это правда, а я всегда с большим любопытством отношусь ко всевозможным проявлениям человеческого ума – от индусской философии до клеветы из-за угла включительно.

Затем, в Самаре не хватает... полиции. Я бы не решился ни слова оказать об этом, но чувствую себя не вправе смолчать, ибо слышал от обывателей очень много горьких и искренних жалоб на этот, по их словам, самый существенный недостаток города. Они находят, что существование их при данном объёме штата полиции – очень дрянное существование. По их мнению, они чувствуют себя совсем необеспеченными как в смысле ограждения частной собственности, так и в смысле охраны личной неприкосновенности.

Без опеки будочников они не считают себя способными разобраться в том, что моё и что твоё, а также не могут устоять против искушения дубасить друг друга чем и по чему попало. В городе в силу недостатка полиции образовался даже некоторый военный орден, нечто вроде ассасинов, действовавших в Сирии во времена крестовых походов.

Члены этого ордена или секты именуют себя «горчишниками» и, как ассасины, очень любят калечить и увечить христиан, если таковые попадают им в руки. Чем вызвано такое отношение сих еретиков к православному населению Самары – мне неизвестно.

Существует также в Самаре дом трудолюбия, и, как везде, лица, желающие труда, не находят себе в нём места, ибо он слишком скромен по своим размерам. Известно, что всё хорошее может прививаться у нас только в скромных размерах.

Ночлежный дом в Самаре есть, но он так мал, что его будто бы и нет. Сие весьма нехорошо ввиду того, что летом в этот город съезжается масса рабочего народа и много его остаётся зимовать. Летом все эти люди с большим удобством спят в грязи на набережной, но я не думаю, чтобы зимой они с таким же удобством могли спать в снегу, который, как известно, несмотря на его преимущества пред грязью в смысле чистоты, во многом уступает ей в смысле тепла...

В то же время в городе существует очень много людей, обладающих миллионными состояниями, нажитыми от трудов праведных, от которых, по пословице, нельзя нажить именно и только домов каменных. Пословица ничего не говорит о невозможности нажить от трудов праведных миллионы, и таким образом я могу думать, что самарские богачи нажили сначала миллионы, а потом уже стали строить неуклюжие каменные дома; и, думая так, я совершенно уничтожаю возможное подозрение местных богачей в том, что их каменные дома есть результат их неправедных трудов.

Но я не могу уничтожить собственного моего недоумения при виде некоторых несообразностей в бытии богачей и их богатств. Я не хочу, конечно, говорить о том, что, если б миллионеры были добрыми христианами, они бы выстроили городу и ночлежный дом, и дали бы ему несколько школ, и озаботились бы расширением деятельности дома трудолюбия – одним словом, сделали бы всё то, что повелевает делать человеку долг христианина и гражданина, любящего свою родину. Я не говорю

Я также ничего не упомяну и о смерти, одинаково равнодушно собирающей с земли и отправляющей в землю и миллионеров, и богачей, и фельетонистов. Я не распространяюсь и на тему о том, куда денутся эти миллионы после смерти их обладателя.

Я знаю, что они при жизни его никому не приносят пользы и ему самому ничего, кроме забот, не дают; знаю, что наследники миллионера растратят его денежки самым глупым образом, и знаю, что всё это в порядке вещей.

Деньги сами по себе глупы, они только тогда имеют смысл, когда на них приобретаешь что-либо – кусок хлеба или почёт и славу филантропа, всё равно. И меня повергает в недоумение миллионер, восседающий на своём сундуке с деньгами. И он и деньги совершенно бесполезны для жизни: он умрёт, они растратятся, и ни о нём, ни о них не останется никакого воспоминания, лестного для него или облагораживающего их.

И в то же время жизнь во многом нуждается...

Бесполезные миллионы могли бы дать ей много полезного – все эти школы, ночлежные дома и так далее.

Я не боюсь показаться наивным и спрашиваю в пространство:

«Какой смысл и цель нажить кучу денег и умирать над ними с тоски, безвестно, одиноко, глупо умирать, имея возможность жить и жить давать другим?»

..Но я, кажется, уклонился от своей главной темы – описания Самары и её прозябания.

Извиняюсь. Это уж такая, знаете, образовалась привычка дрянная у человека – уклоняться от главного.

И если бы каждый из нас посмотрел на самого себя очами своей совести, он увидел бы, что весь его жизненный путь, со дня рождения и до сего дня, есть сплошное уклонение от главного.

А если раз человек уклонился от истинного пути своего, ему грозит опасность заплутаться и погибнуть на ложном пути...

Я не хочу этого и откладываю до следующего раза моё описание.

II

Жителей в Самаре намного более 100 тысяч, из них около 8 тысяч грамотных, а остальные ещё не имеют желания знать таковую.

Грамотные люди читают две местные газеты и даже пишут в них... опровержения; некоторые, впрочем, ещё не написали, но уже собираются. Вообще местный обыватель очень капризно, а иногда и подозрительно относится к газетам.

Сообразно с своим настроением он то требует, чтобы газеты были серьёзные, то ищет в них весёлой игривости, то хочет, чтобы они его научили чему-нибудь хорошему и полезному, – но крайне трудно определить его взгляд на хорошее и полезное.

Так, например, с точки зрения многих обывателей, фабрикация фальшивых кредитных билетов очень полезное дело, но развитие его не входит в задачи прессы. Не менее полезна и заливка резиновых калош, – но газета не считает себя компетентной в этой отрасли труда и не может преподать никаких указаний по этому поводу.

Полезного на свете очень много, можно даже сказать, что, за исключением самого человека, на свете всё более или менее полезно, но, к сожалению, человек в Самаре – как и везде, впрочем, – до сей поры ещё не успел определить, что именно прежде всего полезно ему? И его запросы к газете в этом отношении носят всё ещё детски капризный характер.

Не лучше обстоит дело и с его спросом на хорошее: сегодня сей полагает, что хорошее – это теория марксистов и оперетка, а завтра он стоит за возрождение

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895-1906. Максим Горький gorkiy.maxim.ru идеализма и за необходимость снова разрешить Портнову открытие «Москвы»; в это же время другой сегодня полагает, что хорошее – это проповедь гуманизма в отношениях ко всем людям, кроме евреев, тогда как вчера он говорил о необходимости бичевать людей за их пороки. с тем однако, чтобы самого его не подвергать такой операции.

И вообще помимо того, что понятия о хорошем и полезном у всех очень спутаны и непримиримы, каждый понимает хорошее и полезное как нечто различное и ежедневно меняет свой взгляд на эти понятия.

За невозможностью удовлетворить сразу все вкусы всех своих читателей местные газеты стоят, по отношению к грамотному люду, в оборонительном положении, всегда ожидая, что на них со всех сторон посыплется целый фейерверк возражений, опровержений и «несколько слов по поводу», – где автор этих слов обыкновенно без всякого повода превосходно перевирает сообщение газеты, вызвавшее его слова, и кстати уж называет всех газетчиков клеветниками, убийцами его чести и прочими, не менее сладковатыми эпитетами.

Читает обыватель также и книги из библиотеки и даже делает на них разные мудрые и краткие пометки карандашом, что должно свидетельствовать о полноте интереса к книге со стороны читателя. Книги читаются все, какие есть налицо, – и, очевидно, никто не подозревает, что в России существует очень много книг, которых нет в Самаре, и что количество их – ежедневно увеличивается. Раньше дело выписки новых книг для пополнения библиотеки лежало на особом комитете, в состав которого – если не ошибаюсь – входил один Рыболов. Рыболов любил выуживать из каталогов книги с длинными заголовками, полагая, что они-то и есть самые икранные; салоторговцы говорили, что нужен Поль де Кок, Боло и другие писатели по сальной части, а мукомолы совершенно отрицали выписку книг, находя, что в них мелют одну только чушь. Ныне состав этого комитета несколько изменён, вошли новые члены, и можно надеяться... хотя я не могу не заметить, что привычка человека всегда на что-нибудь надеяться очень дурно влияет на его жизнедеятельность и что, если б положение людей было безнадежно, это, наверное, пробудило бы их энергию. Ибо ничто так не возбуждает энергию человека, как страх за целостность его кожи, на что указывает тот факт, что страх увеличивает силы человека, придаёт ему крылья, что в моменты опасности человек становится очень изобретательным и т. д.

Кстати сказать, что меня всегда удивляет, так это то, что человек, утопая в чистой воде реки, борется с нею более энергично, чем с грязью, в которой он утопает всю жизнь изо дня в день.

Единственно, чем я могу объяснить этот странный факт, – так это только привычкой человека к грязи, которую он, очевидно, уже считает своей родной стихией, и, может быть, тем ещё, что в грязи он утопает слишком медленно и поэтому, должно быть, не замечая своей гибели, остаётся пассивным, тогда как в воде он погибает в несколько минут. Для проверки моего предположения не мешало бы произвести такой опыт: взять человека и постепенно, помаленьку в течение, например, трёх дней опускать его в реку – будет ли он протестовать против этого?

Если будет, то ему следует поставить вопрос: почему он не хочет утонуть в чистой воде, а предпочитает без всякого протеста быть засосанным грязью?

Но я отвлекся...

Читают местные грамотные люди книги самого разнообразного содержания, и единственный результат их любви к чтению, замеченный мною до сей поры, был тот, что однажды в местной газете я прочитал заметку, в которой с торжеством объявлялось, что в течение года из библиотеки Толстой был взят 5 раз, Достоевский 6 раз, а Болеслав Маркевич или кто-то другой в этом роде – 20 раз и Монтепен 99 раз. Больше мне неизвестно никаких результатов, проистекающих от чтения книг самарской публикой...

Здесь есть также несколько клубов. Первенствует дворянское собрание – в нём почтенные отцы семейств играют в винт и безик с девяти вечера до четырёх и пяти утра; причём иногда ругаются.

За ним следует коммерческий клуб, где не только играют и ругаются, но иногда даже и дерутся.

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895–1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Самым же живым клубом является клуб канцеляристов, в котором и играют, и ругаются, и дерутся, и пьют одновременно и с удивительной энергией, что объясняется, конечно, тем, что это клуб ещё людей и члены его – люди тоже, преимущественно молодые.

Следует, впрочем, заметить, что с некоторых пор клуб канцеляристов вступает на стезю благолепия и благочиния. В нём образовалось стремление к просвещению и течения к развлечениям радушным и воспитывающим. Среди членов клуба большинство людей женатых, и это обстоятельство повело к образованию кружка любителей драматического искусства. К делу привлечены и дамы, и дело это, говорят, сильно способствует упрочению семейных уз. Вместо того чтобы, как прежде, устраивать друг другу сцены дома, ныне супруги, по взаимному между собой соглашению, устраивают сцены клубской публике. Публика смотрит и поучается.

Затем, в Самаре есть несколько обществ, преследующих самые разнообразные цели, – от развития трезвости до поощрения высшего образования. Председателем всех местных обществ состоит человек, который видит своё земное назначение именно в председательстве, и с этой целью он устраивает ежегодно по три и по четыре новых общества. Ввиду громадности его деятельности таковая может быть оценена по заслугам только после его смерти, и мне говорили, что в городе есть масса людей, готовых с полным удовольствием и хоть сейчас написать хвалебный некролог этого деятеля.

Что же касается до деятельности самих обществ, то она мне неизвестна ввиду малого времени моего пребывания в сём городе. Говорят, что более других продуктивно действует общество трезвости, сильно сокращающее потребление водки в Самарской губернии. По данным казённого винного склада видно, что в течение 1895 года выпито водки на 6 миллионов.

Материальные средства всех обществ составляются из членских взносов, пожертвований и доходов от вечеров с танцами – как и везде... Танцуют здесь преимущественно в трезвом виде, почему тяжёлых увечий дамам во время танцев не наносят, а на лёгкие повреждения дамы, вследствие долголетней привычки, не обращают внимания.

Существует в городе конно-железная дорога, в чём можно убедиться даже и не въезжая в город, ибо кондуктора вагонов во время рейса до такой степени усердно звонят в колокола, что это слышно даже в Симбирской губернии, хотя столь оглушительный звон и не мешает попадать под колёса вагонов тем из обывателей, которые находят в этом удовольствие.

Конка даёт некоторым именитым гражданам привилегию бесплатного проезда по ней во все концы России, по воде и суше вплоть до успокоения граждан в лоне Авраамлем. Кажется, именно за это она пользуется привилегией не платить ни гроша за место, занятое ею под свой парк, но, как говорят, обязана брать себе лошадей у известного лица и по известной цене, не ниже 1 рубля 15 копеек и не выше 2 рублей 70 копеек за голову.

Само собою разумеется, что при такой цене лошади не отличаются особенной красотой, резвостью и силой, так что был случай, когда поставщик их, видя, что проданная им кобылка, ста семи лет от роду, вагона везти не в состоянии, – вылез из своей коляски и сам впрягся в помощь ей и, не смущаясь тем, что он хорошо известен городу, вёз вагон от Панской улицы до думы, куда и ушёл, выпрягшись из упряжи.

С удовольствием отмечаю факт такого гуманизма, ибо твёрдо помню: «Блажен, иже и скоты милует». Помню это и больше не скажу ни слова о поставщике лошадок для конно-железной дороги.

По установившемуся в стране нашей обычаю в каждом из городов её есть так называемая интеллигенция, и изображение того, какова она в Самаре, я незлобиво и кратко дам в следующей за сим главе повести моей.

Прошу читателя моего не сердиться на меня за штрихи неясные, буде таковые я сделаю, и за портреты верные, буде таковые я нарисую...

И прошу не заподозрить меня в неискренности писания моего; нет у меня здесь врагов, которым я хотел бы мстить, и друзей, которым мог бы я мирволить, не имею

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895–1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru здесь.

«Пишу, не мудрствуя лукаво»... И не столько ради чьего-либо поучения пишу, сколько ради того, что сие есть потребность бродячей природы моей.

А также и потому ещё пишу, что люблю иметь дело с бумагой, потому что она всегда чище людей.

Ещё поэт. Фёдор Сологуб. Стихи. Книга первая
Фёдор Сологуб. Стихи. Книга первая

Первый раз господин Сологуб появился в литературе как прозаик; его имя было подписано под рассказом «Тени», напечатанном в «Северном вестнике». Рассказ отличался хорошим языком, неоспоримым знакомством с психологией детской души, наблюдательностью, фантастичностью фабулы и мрачностью настроения. Он был замечен и вызвал ряд газетных и журнальных отзывов, единогласно признававших за автором, вместе с талантом, сильный наклон к декадентству.

Затем в том же журнале был помещён большой роман господина Сологуба, представляющий собой неудачную попытку набросать картину «декаданса» в нашем интеллигентном обществе и дать серию портретов людей, расшатанных и угнетённых жизнью, современных людей с неопределёнными настроениями, с болезненной тоской о чём-то, полных искания чего-то нового и в жизни и в самих себе. Роман не удался – он вышел бледным и лишённым единства настроения и идей.

Теперь вышла маленькая серенькая книжка с заголовком «Фёдор Сологуб. Стихи. Книга первая».

В ней 64 коротеньких пьески, а из них ясно видно, почему не удался роман и кто таков автор.

У него есть бесспорное достоинство, он искренен и, не рисуясь, заявляет:

...Не рождена притворством
Больная песнь моей тоски:
Её жестокие тиски
Ни трудовым моим упорством,
Ни звонкой радостью весны
Не могут быть побеждены,
Её зародыши глубоки,
Её посеяли пороки,
И скорбь слезами облила...

Роман не мог удалиться господину Сологубу, потому что он сам не выше духом и не бодрее тех расшатанных людей, которых желал изобразить.

Собираясь жить, он
...Ждал, что вспыхнет впереди
Заря и жизнь свой лик покажет
И нежно скажет:
«Иди!»

Но только вышел на битву жизни и уже кратко и ясно заявляет:

Без жизни отжил я и жду,
Что смерть свой бледный лик покажет,
И грозно скажет:
«Иду!»

Видите, как мрачно? И, поверьте, – это искренно.

Господин Дионео, отзываясь о стихах Сологуба в «Одесском листке», совершенно верно замечает:

«Можно смеяться над растрёпанной формой этих стихов, навеянной декадентством, но нельзя отрицать, что они точно передают настроение, переживаемое многими». И всё усиливающееся настроение, прибавлю я.

Мы устали преследовать цели,
На работу затрачивать силы,

Мы созрели
Для могилы.

Отдадимся могиле без спора,
Как малютки своей колыбели;
Мы истлеем в ней скоро
И без цели

– утверждает и советует молодой поэт, и под этими его стихами подпишутся почти все наши новые поэты во главе с господином Мережковским, стихотворение которого «Парки» и много других совершенно однородны по настроению с приведёнными стихами Сологуба.

Будь что будет – всё равно!
– восклицает господин Мережковский. –

Всё наскучило давно
Трём богиням, вечным пряхам,
Было прахом – будет прахом...

Ты шуми, веретено!

Будь что будет – всё равно!
Пессимизм и полное безучастие к действительности, страстный порыв куда-то вверх, в небо и сознание своего бессилия, ясно ощущаемое отсутствие крыльев у поэтов, отсутствие святого духа в сердцах их – вот основные ноты и темы нашей новой поэзии. Старики, как Я.Полонский, задумчиво смотрят на это скорбное шатание духа, на этот бессильный порыв и спрашивают сами себя о декаденте:

Обожжётся иль задует
Он болотный огонёк?[14]
– признавая, что

Всё равно – он нас чарует;
То на что-то негодует,
То бросает нам намёк,
Не язвит и не врачует
И от бреда недалёк...

Маститый жрец Аполлона скорбит душой и иронизирует в одно и то же время.

Так как всё проходит мимо,
Нам таинственность нужна,
Вроде радужного дыма,
Вроде бреда или сна.
Отчего? Почему?

...мы с кончиной века
Так изверились во всём,
Что без веры в человека
Всё нам стало нипочём!
Потерявшие дорогу,
Легковерные умы,
И добру, и злу, и богу
Точно так же служим мы,
Как и дьяволу, разврату...
Одинаково бессильно и бесцветно служим мы всем нашим идолам и идеалам, если только служим.

И многие из нас могут сказать вместе с господином Сологубом:

Грустно грежу, скорбь лелею,
Паутину жизни рву
И дознаться не умею,
Для чего и чем живу.
Поль Верлен и декаденты

В декабре прошлого года в Париже умер Поль Верлен, поэт-декадент и основатель этой болезненно извращённой литературной школы. У могилы этого человека, до дня смерти своей считавшегося только представителем литературной богемы, а ныне уже провозглашённого «великим поэтом», сошлись представители всевозможных школ и фракций, и это редкий пример, чтобы за гробом умершего столь единодушно шли разнородные, враждебные друг другу элементы.

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895–1906. Максим Горький gorkiy.maksim.ru
Начавший свою литературную деятельность с подражания Теодору Банвилю и Леконт де-Лиллю, Верлен, как и его учителя, явился пред публикой непримиримым «парнасцем», строго храня заветы этой холодной школы, щеголяющей своим бездушным объективизмом, мраморной красотой формы и не признающей ничего выше её.

Но скоро он, натура, всю жизнь свою искавшая твёрдой почвы, уклонился от «парнасцев» в сторону «декадентов» и уже в 1880 году был признан главой этой школы, совершенно игнорировавшей форму в противовес «парнасцам» и до сей поры всё ещё пытающейся создать что-то новое, грандиозное и создающей только странные намёки и трудно понимаемые картины, внутреннее значение которых едва ли понятно и самим творцам их.

Но, примкнув к этой школе и позднее став во главе её, Верлен был яснее и проще своих учеников: в его всегда меланхолических и звучащих глубокой тоской стихах был ясно слышен вопль отчаяния, боль чуткой и нежной души, которая жаждет света, жаждет чистоты, ищет бога и не находит, хочет любить людей и не может.

Жюль Леметр говорит об этом человеке, жизнь которого протекала в кабаках, где он пил абсент, и в госпиталях, где он лечился от злоупотреблений абсентом:

«Это дитя с душой настолько чистой и честной, что на земле ей не может быть места, где бы она была покойна». Наш А. Майков, сам «парнасец», высказал убеждение, что в нашем веке из современных поэтов Запада Верлен яснее всех понял христианство, а Катулл Мендес сказал, что отец декадентского направления был несчастный человек и великий поэт.

Но оценка Верлена как поэта принадлежит будущему и ни в каком случае не входит в рамки нашего очерка. Нам важен Верлен как человек, как культурный тип и как яркий представитель той всё более развивающейся группы людей, которых зовут декадентами, расшатанными, падающими, и которые охотно принимают эти эпитеты и даже с гордой бравадой рисуются своими болезненными странностями, делающими из них, с обыденной точки зрения, смешных людей с большими претензиями; с точки зрения врача-психиатра – людей психически больных; с точки зрения социолога – анархистов в области не только искусства, но и морали; со всех трёх точек зрения декаденты и декадентство – явление вредное, антиобщественное, – явление, с которым необходимо бороться.

Отметим важный факт в развитии этого явления. Это именно, что общество всё более и более внимательно относится к нему и, мало того, признавая за декадентами право на внимание, выделяет из среды их более талантливых и жадно читает и смотрит их произведения.

Не говоря о Верлене, ныне признанном за великого поэта, укажу на Мориса Метерлинка, чьи драмы, несмотря на туманность их идеи, обошли сцены почти всех театров Европы; на итальянца Аннунцио, чьи романы переводятся, по мере их появления, на все европейские языки; на немца Гауптмана, наделавшего столько шума своей драмой «Ганнеле», и т. д. Это факты, усиливающие важность явления, увеличивающие его социальное значение, а не надо забывать, что оно, это явление, единодушно признаётся вредным.

Обращаем внимание читателя ещё и на тот факт, что первые декаденты явились во Франции в конце семидесятых годов, когда торжество буржуазии и её мирозерцания стало несомненным для всех тех, кто не забыл 89 года и трёх ныне забытых слов, провозглашённых в этом году, – слов, за которые было пролито так много крови.

Буржуазия победила и тотчас же начала создавать себе свою жизнь. Ей создали театр Пальерон и Сарду, ей создали поэзию апологет мелких чувств и будничной жизни Коппе и его товарищ, грубый материалист и скептик Ришпен, для неё стал писать свои романы Онэ, и много ей помог укрепиться на почве детерминизма, краеугольного камня её мирозерцания, сводящего личную волю к нулю и ставящего всё в зависимость от сцепления причин, ярый проповедник детерминизма и строгий материалист Золя. Для неё создали музыку, живопись и всё, что нужно было ей для того, чтобы иметь право счесть себя культурной.

Всё это было дано быстро, и всё это ещё быстрее пожиралось доминирующим классом, которому необходимо было торопиться запастись каким-либо внутренним багажом, ибо ещё жив был Гюго и около него стояло много других идеологов –

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895–1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
людей, которые не могли относиться равнодушно к искажению всего истинно красивого и чистого в угоду новому обществу, требовавшему для своего обихода чего-либо попроще, посерее, не очень высокого, не нарушающего собою сон совести и не зовущего в небеса и на создание новой жизни, а чего-либо упрочивающего, узаконивающего старую жизнь.

Явился спрос на философию, которая оправдывала бы буржуазию, явилось и предложение такой философии. Оптимистическое благодушие Ренана позволяло ему, ради запросов нового общества, войти в противоречия с самим собой. Тэн тоже подложил несколько кирпичей в стену, воздвигаемую буржуазией для защиты себя от возможных укоров совести. Затем ещё несколько усилий, несколько штрихов, и положение буржуазии было упрочено.

Тогда во Франции, живущей всегда быстрее всех других стран, создалась атмосфера душная и сырая, в которой однако очень хорошо дышалось Полю Астье и всем людям его типа, исповедовавшим прямолинейный материализм и относившимся скептически ко всему, что было идеально и призывало к переустройству жизни в смысле приближения к истине и справедливости в отношениях человека к человеку.

Создалась атмосфера преклонения пред действительностью и фактом, жизнь стала бедна духом и темна умом, появились невозможные до той поры процессы Вильсонов и К°, разнообразные «Панамы», полное падение морали, оскудение идеализма, и якобы философская проповедь свободы греха заняла место всегда истинной проповеди свободы от греха, а нравственность всё более и более падала.

Стали возможны процессы по обвинению в продаже политических тайн государства его врагам, каков процесс Дрейфуса; стало возможно многое подлое и низкое, многое такое, что было совершенно невозможно даже четверть века тому назад. И в то время как одним жилось и дышалось в этой атмосфере свободно и легко, другие – более честные, более чуткие люди, люди с желаниями истины и справедливости, люди с большими запросами к жизни – задохнулись в этой атмосфере материализма, меркантилизма и морального оскудения, задохнулись, искали выхода вон из буржуазной клоаки, из этого общества торжествующих свиней, узких, тупых, пошлых, не признающих иного закона, кроме инстинкта жизни, и иного права, кроме права сильного.

Люди эти, с более тонкими нервами и более благородной душой, плутали в тёмной жизни, плутали, ища себе в ней чистого угла, часто шли против самих себя и гибли, неудовлетворённые, ничего не найдя, гибли с оскорблённой душой, измученные шумом пошлой и развратной жизни, их милой и весёлой Францией, раньше страной рыцарей, ныне страной жирных и разнузданных купцов, чувствующих себя господами положения.

Погиб Мопассан, грандиозный талант, отравленный фимиамом буржуазных похвал, растративший себя на создание крошечных щекочущих нервы и возбуждающих чувственность новелл, которые читались рантье после сытного обеда.

Бурже, начавший так талантливо свою деятельность, из глубокого философа, прекрасно расходовавшего свой здоровый и острый скептицизм на освещение застарелых болезней общества и вскрытие его язв, замаскированных, но неизлеченных, превращается в скучного и сухого моралиста, в духе католицизма, со склонностью к мистике, в которую уже впал его товарищ Гюисманс.

Напрасно мрачный Бодлер в бессонную ночь спрашивал:

Кому, какой служба святыне,
Свой день употребили мы?
Его считали безумным, буржуазия не выносила его «цветов зла», ибо в них он говорил в лицо ей:

Увы! Мы шли путём гордыни,
Маммона, ереси и тьмы!
От бога правды, Иисуса,
Мы отрекались со стыдом,
Рабы пресыщенного вкуса
За Валтасаровым столом.
Его не терпели за то, что он укоризненно говорил пресыщенному обществу:

Очнись! Великий грех
Без пользы занимать на божьем пире место!
...Опомнись! Бездна ждёт, – она неумолима.
И зловеще пророчествовал глухому и слепому обществу:

Уж близок, близок час, когда, восставши грозно,
Природа, Разум, Честь, забытый Долг и Стыд –
Всё, всё над головой безумца прогремит:
«Умри, о старый трус! Исчезни! Слишком поздно!»
Он, этот Бодлер, «жил во зле, добро любя», и, наконец, погиб, оставив Франции свои мрачные, ядовитые, звучащие холодным отчаянием стихи, за которые при жизни его называли безумным, а по смерти назвали поэтом и позабыли, слушая Коппе и Ришпена, истых сынов своего общества, «парнасца» Эредиа, ничего не говорящего сердцу, и вспоминая о Банвиле и Леконт де-Лиле, которые писали так красиво, что их стихи больше похожи на мраморные кружева мавританских дворцов, чем на живую рифмованную речь.

И многие другие поэты и писатели погибли, отравленные жизнью современной Франции, погибли, ища во мраке бога, которого отвергло общество, но без которого невозможно существование тех единичных людей, что призваны судьбой идти впереди жизни; много погибло людей оттого, что они были честны и не хотели преклониться пред идолами, нося в своих сердцах вечные идеалы.

И в то время как они гибли один за другим, общество всё пресыщалось своей извращённой культурой и, наконец, начало смутно чувствовать позыв к новизне. Оно нашло её, обратившись к древним религиозным культам Изиды и Озириса, Будды и Зороастра; оно нашло новизну, воскресив средневековую магию под новым именем оккультизма. И, отслужив обедню пред алтарём Изиды, оно шло в «Кабачок смерти», где, сидя в гробах, заменяющих столы, и попивая пиво из черепов, играющих роль бокалов, оно хладнокровно издевается над великой тайной смерти.

Этот «Кабачок смерти» характерен как признак крайнего отупения нервов, как грубая материалистическая выходка людей, способных надо всем издеваться, всё опрокинуть и разрушить только из желания насладиться ощущением своей силы при виде того, как полетит в грязь и разобьётся в прах то, чем ранее дорожили. Пресыщенные буржуа превратились в Геростратов, готовых ежедневно жечь храмы.

Но судьба справедлива.

Судьба справедлива, и над современным обществом Франции раздался оглушительный треск бомб; мы говорим не о бомбах Равашоля и его сподвижников, – эти убивали сразу, а имеем в виду те бомбы, которые бросили в общество Метерлинк, Пеладан, Фезансак, Рене Гиль, Малярме, Ролина, де-Буа, Мореас, Ноэль Лумо и другие, под предводительством Поля Верлена, раба «зелёной феи» – абсента.

В восьмидесятых годах в одном из кабаков Латинского квартала сформировался этот кружок молодёжи, странно одетой, всё критикующей, всё отвергающей, говорящей о необходимости создать миру нечто настолько новое, что сразу оживило бы его. О всём существующем говорили в тоне самой отчаянной бравады и гордого презрения людей, уверенных в себе и в своих творческих способностях.

Что они хотели творить? Едва ли кто-либо из них ясно представлял себе это, но самые фантастические и разнузданные идеи зарождались в их пылких и, без всякого сомнения, болезненно[15] возбуждённых мозгах.

Сар Пеладан, одна из самых странных и безумных фигур среди этой группы новаторов, человек, почему-то присвоивший себе звание египетского мага (Sare – маг) и ходивший по улицам в длинном красном плаще, – этот Пеладан сказал однажды, пародируя Нерона:

– Если бы весь мир имел одну голову, я влил бы ему в мозг яд безумия.

Товарищи аплодировали ему за эту выходку сумасшедшего: они вообще предпочитали безумное разумному и аномальное – нормальному. Они развивали самые невероятные теории искусства, отрицая «парнасцев», относясь скептически к Бодлеру за то, что он «не может отрешиться от морали», как выразился Монтескью-Фезансак.

Морис Баррес, в то время только что выступивший с своим «эготизмом» и прославлением энергии, «силы, пред которой всё должно преклониться», подвергся со стороны декадентов отчаянной критике, и Малярме, в статье, направленной против теории Барреса, решительно и смело заявил от лица декадентов:

Не пишите нам законов, не создавайте нам гипотез, теорий и доктрин. Мы не примем ничего этого. Мы сами создадим себе всё это, если захотим. А до того времени мы не хотим ни логики, ничего – это всё от человека, всё это плоды его ума. Мы тоже люди, господин Баррес, и тоже можем писать книги. Но мы не хотим однообразия и будем сегодня верующими, завтра – скептиками, послезавтра мы будем монархистами или революционерами, если захотим этого. Да, мы сделаем так, как захотим, – и никто не заставит нас сделать иначе.

Они говорили все эти бешеные вещи, несомненно, искренно, и они не могли не чувствовать себя правыми в своих безумствах, видя, что кругом их царит полное бесправие. Их нервы были изощрены до болезненности, они были, несомненно, очень впечатлительными людьми, и, весьма вероятно, что, если б в Париже в восьмидесятих годах дрались на баррикадах, – в девяностом году декадентов не было бы. Я рисую их себе так: сначала это были дети, чистые сердцем дети, какими бываем все мы, к сожалению, очень краткое время. В силу различных условий они выросли более нервными и более чуткими к восприятию внешних впечатлений.

Атмосфера современной культурной жизни любого европейского города даёт такие яркие, оглушающие картины всевозможных социальных контрастов, что юноше трудно сохранить равновесие души, побыв в ней некоторое время. Признано, что Париж действует в этом разлагающем мозг и сердце направлении гораздо сильнее, чем другие города, что объясняется особенной нервозностью его жизни и живостью французов. Декаденты – люди, изнемогавшие от массы пережитых впечатлений, чувствовавшие в себе поэтические струны, но не имевшие в душе камертонов в виде какой-либо определённой идеи, – юноши, желавшие жизни, но истощённые ещё до рождения.

И вот эти слабые духом и телом, болезненно впечатлительные и фантазирующие люди сидели в кабачке Латинского квартала и, всё отвергая, всё разрушая, бравируя и безумствуя, чего-то ждали...

И, наконец, дождались...

Один из представителей литературной богемы, Артур Рембо, написал странный, а ныне знаменитый «цветной сонет» – вещь, на которую он сам смотрел, быть может, не более как на шутку, на красивую игру слов.

В сонете говорится:

А – чёрный; белый – Е; И – красный; У – зелёный;
О – синий: тайну их скажу я в свой черёд,
А – бархатный корсет на теле насекомых,
Которые жужжат над смрадом нечистот.
Е – белизна холстов, палаток и тумана,
И гордых ледников, и хрупких опахал;
И – пурпурная кровь, сочащаяся рана
Иль алые уста средь гнева и похвал.
У – трепетная рябь зелёных волн широких,
Спокойные луга, покой морщин глубоких
На трудовом челе алхимиков седых.
О – звонкий рёв трубы, пронзительный и странный,
Полёты ангелов в тиши небес пространной –
О – дивных глаз её лиловые лучи!
(Перевод Кублицкой-Пиотух)

Странно и непонятно, но если вспомнить, что в 1885 году, по исследованию одного знаменитого окулиста, 526 человек из студентов Оксфордского университета, оказалось, окрашивали звуки в цвета и, наоборот, придавали цветам звуки, причём единодушно утверждали, что коричневый цвет звучит, как тромбон, а зелёный – как охотничий рожок, – может быть, этот сонет Рембо имеет под собой некоторую психиатрическую почву. Не надо также забывать и безграничность человеческой фантазии, создавшей много вещей гораздо более странных, чем этот «цветной сонет», послуживший для декадентов чем-то вроде откровения и ставший

Они решили, что этот сонет есть не что иное, как первообраз новой поэзии, – поэзии, которая действует на ум и воображение, возбуждая чувства – все пять чувств – в известных комбинациях, в известной связи.

Нужно, сказали они, связать с каждой буквой известное, определённое ощущение: с А – холод, с О – тоску, с У – страх и т. д.; затем окрасить все буквы в цвета, как это уже сделал Рембо, затем придать им звуки и вообще оживить их, сделать из каждой буквы маленький живой организм. Сделав так, начать их комбинировать в слова, и это поведёт к тому, что каждая данная комбинация букв, сопровождаемых цветом, звуком и каким-либо ощущением, в одном слове может дать читателю целый сложный образ, который он воспримет сразу всеми органами восприятия, – и судите сами о силе впечатления от стихотворения, написанного такими словами!

Вы читаете и воспроизводите пред собой цвета, запахи, звуки, чувства, – воспроизводите всё это с поразительной ясностью, переживаете в одном стихотворении ряд живых образов.

«Все краски, запахи и звуки заодно», – как сказал Бодлер, предвосхитивший идею Рембо в своем символическом стихотворении «Природа».

Ноэль Лумо, декадент-теоретик, по словам Рене Думика, так определяет намерения декадентов и свойства их нового творчества:

Современный человек, существо с израсходованной нервной силой и истощённым воображением, читая – проглатывает и, не перепаривая, извергает из себя книгу или сонет, – это потому, что он изжил себя, дрябл, изношен, и думать – для него труд, а не удовольствие. Как к больному, который не может жевать и глотать, мы хотим применить к нему искусственное питание, хотим сделать так, чтоб он впитывал в себя идею и образы книги всеми порами своего дряхлого тела; как влагу ванны, вбирал бы он в себя соки идеи. Это, мы уверены, не только вылечит и возродит его, но ещё изощрит и разовьёт его чувства, обновит его.

А Мореас в предисловии к одной из своих поэм в прозе, о которой Жюль Леметр говорит, что «эта вещь, может быть, имела бы успех у сумасшедших, но разумные, наверное, не одобряют её, ибо они едва ли поймут в ней хотя бы одну фразу», – Мореас говорит:

У людей мало слов для того, чтоб они могли понимать друг друга. У них нет форм для выражения чувств. Слова, имеющиеся в их распоряжении, слишком изношены и бледны. Они мало говорят. Они ничего не рисуют. Ах, это большое несчастье, что сначала развиваются чувства, а потом уже язык. Мы остаёмся назади языка с нашими чувствами, мы не можем выговорить себя, и вот почему никто никого не понимает. Нам нужны новые слова, много слов; нам всегда нужно бы иметь в запасе несколько лишних слов, ибо часто чувства мимолетны, моментальны и нам нечем оформить их. Ах, во многом ещё мы нищие и вот почему так часто грабим друг друга.

Создали теорию, и началась горячка творчества. Верлен стоял впереди всех; он первый усмотрел эстетическое откровение в сонете Рембо и был самым плодовитым из всех новаторов искусства.

Он, ранее писавший точные и блестящие сонеты в духе «парнасцев», начал создавать такие изломанные вещи, как вот эта, приводимая Гюйо:

«Луна бросала тупыми углами свои цинковые краски; с высоких острых крыш поднимались густые и чёрные клубы дыма, напоминавшие собою цифру пять», и т. д.

Малярме, Ролина, Фезансак не уступали Верлену, наводняя журналы своими непонятными сонетами. Сначала Париж, жадный до новинки, читал всё это и некоторые вещи имели несомненный успех, как, например, приводимое у Нордау стихотворение «Скука», в котором говорится о «белых лебедях» и где частое повторение носового звука «en» действительно вызывает скуку, но потом Парижу надоели декаденты, и они принуждены были основать свой журнал.

Но Париж не мог так дешево отделаться от больных людей, им же созданных; среди них оказались люди с действительными талантами, с большим чувством, с глубокой тоской в сердце, люди, «взыскующие града». Взвинченное, болезненно развитое

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895–1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
воображение не только увеличивало силу их талантов, но и придавало их произведениям странный колорит то какой-то испуганности, то неизлечимой меланхолии, то пророческого бреда, неясных намёков на что-то, таинственных угроз кому-то. И всё это давалось в странных образах, связь которых была трудно постигаема, в рифмах, звучавших какой-то особой, печальной, похоронной музыкой. Они пели и жужжали, как комары, и общество хотя и отмахивалось от них, но не могло не слышать их песен. А иногда в общем неясном шуме декадентских стихов раздавался действительно ценный и поэтический звук, искренний и простой, как молитва мытаря.

Печально вздыхает Верлен, то задумчивый и размышляющий о смерти, то настроенный молитвенно, то вдруг гневный и проклинающий или кающийся в своих грехах и вдруг, издеваясь надо всем этим, воспевающий чары своей возлюбленной «зеленой феи», медленно, но верно убивавшей его. Он писал свои сонеты всегда в кабачке и всегда в компании со стаканом абсента, его музой, его «зелёной феей».

И в этой обстановке, полубольной и полупьяный, он сообщал публике в кротких и мягко задумчивых стихах свои странные видения:

Я часто вижу сон, пленительный и странный,
Мне снится женщина. Её не знаю я,
Но с ней мы связаны любовью постоянной,
И ей, лишь ей одной, дано понять меня.
Увы, лишь для неё загадкой роковой
Душа прозрачная перестаёт служить,
И лишь одна она задумчивой слезою
Усталое чело умеет освежить.

Цвет локонов её мне грезится неясно,
Но имя нежное и звучно и прекрасно,
Как имена родных утраченных друзей.
Нем, как у статуи, недвижный взор очей,
И в звуках голоса, спокойно отдалённых,
Звучат мне голоса в могилу унесённых.

Это читали, и над этим задумывались. Выступил Метерлинк с своими туманными пьесами. Мрачность их образов пугала воображение и заставляла ум искать в них смысл. Принимались искать, находили и удивлялись; декаденты, люди, ещё так недавно объявившие себя стоящими вне всяких моральных законов, ревностно искали бога, доказывали другим необходимость найти его, проповедовали мораль, ту же мораль, что и все проповедают: веруй? люби и надейся!

Но всё это в странных, изломанных фразах, в непонятных стихах, в туманных образах, и наряду с этой моралью масса сонетов, звучных, музыкальных, но проникнутых от первой до последней строчки чем-то таким, что ясно чувствуется, но неуловимо для ума. Казалось, что они хотят испугать или огорчить людей. Раздражительная нота тоски, вечной неудовлетворённой тоски, и какого-то желания, тоже неудовлетворённого, неустанно звучит в этих стихах, звучит и страшно надоедает ушам общества. Но нечто болезненное и нервное, психоз декадентского творчества, постепенно, незаметно, капля по капле, въедается в кровь общества, и оно колеблется... В нём зарождается та болезнь, которую взлелеяли и культивировали в себе его дети, Верлены и Метерлинки, – культивировали и ныне привили ему её тонкий разрушительный яд.

И вот буржуа, которые ранее шли в храм Изиды и в «Кабачок смерти», потому что такова тогда была мода и быть в этих местах считалось шиком, ныне ходят туда по внутреннему влечению – к Изиде, чтоб как-нибудь, хотя по-язычески, но помолиться; в «Кабачок смерти», – чтоб испытать мистический ужас пред вечной загадкой существования, пред этой «всё примиряющей, всё выравнивающей, одинаково всех возлюбившей» вечной героиней декадентских стихов – смертью.

Пресыщенные и развратные буржуа, скептики и материалисты, вдруг круто поворачивают назад; является интерес к мистическим книгам средневековых монахов, из старого хлама библиотек достают трактаты о дьяволах и магии, в театре возрождается мистерия, в романах – католицизм; кожевенный заводчик Луи Падуан пишет брошюру о Сераписе и в ней пытается доказать, что никогда человек не создавал себе бога более истинного, живого и всеохватывающего, чем Серапис – бог, сотворённый Птолемеем, и, наконец, в 1894 году Жорж де-Буа насчитывает в Париже более двадцати всевозможных религиозных культов. А декадентское творчество всё разрастается, странные, развинченные и развинчивающие нервы

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895–1906. Максим Горький gorkiyamaxim.ru
сонеты наводняют страницы журналов, говоря о чём-то неясном, туманном и зловещем. Эти песни разлагающейся культуры звучат похоронным звоном зарвавшегося, нервно истощённому и эгоистическому обществу и всё более истощают его.

Но как случилось, что отрицатели и анархисты-декаденты вдруг превратились в проповедников морали и учителей жизни?

Ответ прост. Все они более или менее заражены манией величия, хотят непременно совершить подвиги и насладиться обаянием славы. Это возможно только на почве служения людям. И вот они хотят дать людям то, в чём прежде всего нуждаются сами. Их вдохновение неискренно и аффектировано, их форма непроста и некрасива, но она странна, и это вызывает симпатии к ней. У них есть желания, но нет энергии, и, как всё культурное общество, они рабы жизни, болезненно бьются в ней, как мухи в паутине, и раздражительно жужжат, наводя уныние и тоску и своей работой ещё более обесцвечивая окружающее. Они желали бы на чём-нибудь укрепиться и не видят вокруг себя ни одной точки опоры; от этого они меняют свой цвет, как хамелеоны, сегодня морализируя, завтра являясь апологетами порока и виртуозами его.

Среди них полный раскол: в то время как Метерлинк, Галифе и Верлен плачут о истязуемой истине, о загрязнённых добродетелях и зовут людей к богу, Мореас, Ролина и Пеладан сочиняют скабрёзные истории в духе маркиза де-Сада и преподносят их публике под самодельным соусом философии, основное положение которой гласит:

«Мир – это я, и все законы мира – это я. Моё воображение создаёт, мой ум разрушает; я вижу, что в мире нет ничего способного противостоят силе моего озлобления, я чувствую, что всё, что есть, – это я. И сердце моё полно холодной тоски о древности, когда всё было так крепко, хотя люди были ещё сильнее, чем я».

Но как та, так и другая группа имеет одну общую, родственную черту – страсть заглядывать куда-то во мрак, туда, откуда никто, ни один гений не мог вынести чего-либо ясного, – страсть выходить из пределов жизни в область, которая всё ещё не доступна уму и, всего вероятнее, будет понята не им, а сердцем, если только когда-либо оно даст понять себя.

Есть наслаждение в бою
И бездны мрачной на краю...

Наслаждение в бою недоступно тем, которые уже в день своего рождения были разбиты наголову, явившись на свет невротатами, но наслаждение «на краю мрачной бездны» им по средствам, и они умеют пользоваться им, создавая одну за другой свои мрачные фантазии, предаваясь в них бреду безумцев и призывая следовать за собой безвольное и беспринципное общество, жадно ищущее пикантных ощущений и впечатлений.

Таким образом, они, эти расшатанные, являются как бы мстителями обществу, которое создало их, бесконечно разнообразное в творчестве дурного и отрицательного, как бы розгами, которыми судьба сечёт культурные классы Европы за то, что они, существуя так давно, – не создали для себя жизни, достойной людей.

Беглые заметки

[1]

Работы на выставке принимают с каждым днем всё более лихорадочный характер, – суэта и шум возрастают, количество рабочих увеличивается, распорядители и устроители носятся с места на место каким-то особенным беглым шагом, физиономии возбуждены и озабочены, голоса хриплют, речь быстра и энергична – но несмотря на всё это, ко дню открытия, по словам сведущих людей, будут готовы только казённые отделы, да и то едва ли все.

В числе массы причин, задерживающих правильное и быстрое течение работ, немалую роль играет излишняя, как нам кажется, забота об эстетике. Бесспорно – стремление показать товар лицом вполне законно, но не надо забывать и чувства меры. А с ним не считаются или считаются, но плохо.

Вот и пример. «Красный Крест» в числе прочих экспонатов желал показать публике

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru уже премированный на нескольких выставках и очень интересный, с точки зрения санитарии, переносный барак Деккера. Место для установки барака нашли и барак уже поставили около военно-морского отдела.

Но вот третьего дня заведующий устройством названного отдела находит, что барак заслонил собой часть отдела и стушёвывает его красоту. Следует соответствующее интересам эстетики распоряжение – перенести барак на другое место. Куда? Куда-нибудь, но непременно перенести. Распоряжение вызывает возражение – указывается на значение экспоната, на неудобство для «Красного Креста» разбрасываться по выставке. Но возражение не имеет силы, и барак Деккера решено убрать.

Для того чтобы его разобрать, перенести и снова собрать, необходимо немало времени и денег. Если вспомнить при этом перетаскивание павильона Маковского и павильон Удельного ведомства, перенесённый с места на место уже два раза, причём пришлось даже снимать с него уже совсем укрепленные украшения из гипса, – получится представление о какой-то путанице, похищающей много дорогого времени и денег.

Конечно, в таком крупном деле нельзя избежать ошибок, но и создавать искусственные затруднения тоже не следует.

Со всех сторон вас окружают разные архитектурные деликатесы, всюду много стиля, много красоты, из хаоса то и дело возрождаются различные возбуждающие изумление диковинки, – а между ними, на той же самой земле, на которой стоят и они, вздымая свои красивые купола к небу, – согнувшись в три погибели, грязные и облитые потом рабочие возят на деревянных тачках и носят «на хребтах» десятипудовые ящики с экспонатами.

Это слишком резко бьёт в глаза. Рельсы для четырёхколесных тачек проложены далеко не всюду, во многих частях выставки их нет, и это ведёт за собой ряд очень печальных последствий. Во-первых, рельсы, будь их больше, экономизировали бы мускульную энергию и сильно ускорили устройство выставки, так как тот же самый десятипудовый ящик, для перевозки которого рабочим на одноколесной тачке затрачивается четверть часа, мог бы быть перевезён по рельсам в пять минут и с затратой рабочей энергии несравненно меньшей, чем в первом случае, а во-вторых, неприятно видеть на художественно-промышленной выставке – выставку изнурительного подённого труда чернорабочих. Это портит общий ансамбль праздника промышленности и даже как бы иронизирует над праздником.

Не эстетично, знаете ли, видеть у подножия архитектурных шедевров, гордо поднимающих свои разноцветные кружевные купола к небесам, – к небесам же обращённую в три дуги согнутую спину, пышущую испарениями далеко не ароматными, покрытую грязными лохмотьями и, кажется, даже тихонько поскрипывающую с натуги.

Скажут – без этого нельзя. Всё кончено.

Но это может быть сглажено и облегчено, даже больше – это должно быть сглажено, если посмотреть на дело с гуманной точки зрения. Но предположим, что на празднике промышленности место эстетике и только эстетике. Тогда, если скромному и не поражающему своим внешним видом, но имеющему большое внутреннее значение павильону Деккера не нашлось места, – тем менее места могут иметь в три погибели изогнутые спины тачечников.

– Ну, теперь об этом рассуждать уже поздно!

Странное дело! Всегда мы опаздываем с нашими заботами о меньшем брате.

Должно быть, вследствие этого опоздания меньшой брат, в лице нижегородского кустика, преисполнен к выставке скептицизма и недоверия. Очень характерна напечатанная у нас вчера заметка об отношении кустика Нижегородского уезда к выставке. Усилия уездного земства привлечь кустика к участию в национальном празднике промышленности терпят некоторое фиаско. Кустик готов принять участие в празднике и везёт на выставку плод своего труда, но по дороге пред ним встаёт призрак нового налога и наводит на него ужас. И экспонат, имеющий действительно русский характер, показывающий собою трудоспособность коренного русского человека, истинного представителя нации, не доезжая до выставки, продаётся

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
кустарём кому-то, кто, наверное, перепродаёт его потребителю в тридорога. Увы, наше кустарное производство – неисчерпаемый колодезь барышей для господ Варыпаевых, Калякиных и других благодетелей кустарей Горбатовского уезда.

Не одно бы уездное земство должно облегчать доступ кустаря на выставку и привлекать к ней его, этим благочестивым делом, из чувства благодарности к кустарю, должны были заняться и те господа, которые обязаны ему своим благосостоянием. Так, например, господину Наумову не мешало бы чем-нибудь помочь кустарям-мебельщикам экспонировать их труд, – ведь не на барыши от изделий фирм Кон и Войцехова он построил себе четырёхэтажный магазин на Покровке.

Другим нижегородским мебельщикам тоже не мешало бы вспомнить о людях, чей труд служит источником их благосостояния, и дать этим людям возможность «легко дыхнуть», освободив их – на время, конечно, – от своей зоркой опеки и научив их, как и что нужно экспонировать. Но никто ничего в этом направлении не сделал, ибо это невыгодно, а о национальном самолюбии у нижегородских богачей нет представления...

На ярмарке торопятся к открытию.

«Хорошо скоро не делается», и мне ещё раз пришлось убедиться в истине этой пословицы, глядя, как на ярмарке мостят улицы. Нужно торопиться, и господин подрядчик по замощению улиц спешит. Бульжника у него, очевидно, не хватает, и вот он кладёт камень от камня вершка на четыре, так, что в промежутках вязнет нога. Мостовые представляют собой ряд разнообразных дыр, засыпанных песком, и хотя «с птичьего полёта» мостовые будут смотреть довольно сносно, но при том громадном движении по ним, которого следует ожидать в этом году, – песчаная маска будет сорвана и улицы ярмарки появятся на свет божий изрытые сплошной оспой. Песок создаёт пыль, когда колёса размельчают его. А так как он пока очень крупен, то это обстоятельство очень неблагоприятно отзовется на долговечности рельс электрической железной дороги, бандажей у колёс вагонов и извозчицких шин.

Не мешало бы кому следует обратить внимание на всё это. Я молчу о том, что будут представлять собой мостовые, замощённые столь экономическим способом, на будущий год, после разлива Волги.

А, наверное, на замощение ярмарки комитет отпустил зело солидную сумму.

[2]

Из всех отделов выставки, открытой сегодня, для меня самым интересным является отдел кустарных производств, и меня прежде всего тянет к нему, потому что именно в этом отделе – кстати сказать, более других готовом принять гостей, – показывается доподлинная, оригинальная Россия, самобытно творящая и почти свободная от всяких влияний чужой мысли. И вот, желая посмотреть её свободной от подражаний кому-либо и чему-либо, я пошёл в отдел и сразу почему-то наткнулся на пианино вятчика Коркина. Это пианино, боюсь, будет на ампула «гвоздя» отдела. Коркин работал над ним пять лет, не принимая во внимание Беккеров и Шредеров, выпускающих по пяти таких махин в неделю. Но и в пять лет Коркин не доделал пианино – это замечательно самобытно! Он ценит его в 300 рублей, – значит, оценивал месяц своей работы в 5 рублей, день в 16,66 копейки – это тоже самобытно, если принять во внимание, что рабочие Шредера, Беккера и иных получают от 1 рубля в день до 5 рублей и выше. Нужно быть особенно ярким националистом, чтобы купить эту, довольно неприглядную, штуку, на которой нельзя играть и которая ничего пока не может выразить, кроме того, что уже выражает, – безалаберность и отсутствие истинно культурного направления в труде русского мужика, его невежество. Какая польза в том, что мужик самобытно делает плохо то, что другими давно уже делается изумительно хорошо?

За пианино следует велосипед. Сразу видно, что это тоже плод оригинального творчества русского человека, сразу видно, что эта вещь сделана «от руки», без необходимых инструментов, без всякой мысли пойти дальше того велосипеда, который послужил мастеру образцом для его плохой копии. Цена велосипеда – 100 рублей, тогда как Блок продает за 85 машины и более лёгкие и более изящные. Затем, кое-где висят русские ковры с азиатским рисунком – подражание дешёвым и плохим текинским и киргизским крашеным верблюжьим войлокам. Лапти, рогожи, чашки и ложки – это уж наше... По инициативе семёновского исправника в отдел доставлена изба семёновского кустаря с постепенным, очень наглядным воспроизведением

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
ложарного промысла, – эта изба поступит после выставки в земский музей и в нём останется как показатель русской оригинальности – на этот раз уже действительной. Отдел Нижегородской губернии декорирован – надо отдать честь уменью его устроителей – и красиво и умно, все вещи бросаются в глаза, сразу возбуждают ваше внимание, всё на виду, и всё довольно картинно. Собрано земством до 50 производств, и это имеет очень важное значение как для него самого, впервые ещё знакомящегося на практике с кустарной деятельностью своей губернии, так и для всех изучающих её быт. Экономическое значение кустарных промыслов губернии заслуживает, конечно, более пристального и серьезного изучения, но и теперь, при беглом взгляде на отдел, нельзя не согласиться с людьми, которые говорят, что это значение не будет развиваться, если кустарю не облегчат его работы путём устройства кредита, ремесленных школ и ознакомления с образцами производств из тех материалов, которые, по существу своему, удобны и выгодны для кустарной обработки. Кустарю нужны знания и знания, постоянная помощь ему деньгами и советами, пристальное изучение его нужд, необходимо возможно более выгодное, более экономичное направление его труда – пианино, и велосипеды, и швейные машины пусть уж останутся пока вне сферы приложения его способностей, если мы не хотим никого смешить ими.

Московское земство, имея к тому возможность, идёт дальше нижегородского – выставленные им предметы кустарного труда уже являются по отделке очень высокими и удовлетворяющими даже весьма взыскательному вкусу, но направление деятельности московских кустарей иное, чем нижегородских: в то время, как Нижний стремится двинуть на рынок примитивные предметы домашнего обихода, Москва, в лице своих кустарей, даёт предметы иного характера. Её мебель красива и оригинальна, но кресло-качалка Кона и Войцехова стоит 12-18 рублей, а за плетёное кресло московских кустарей назначено 20. Дороговизна, несомненно, затруднит сбыт. Игрушки тоже весьма тонко сделаны и очень изящны – но и дороги. В мебели заметно стремление дать оригинальную вещь, в игрушках больше подражания, но во всём видно участие интеллигентной мысли, на всём лежит отпечаток культуры, сразу понятно, что московское земство уделяет кустарям внимания более других земств и всячески старается поднять производство, расширяя его и улучшая. Есть вещи, сразу останавливающие внимание зрителя: таковы ширмы из прутьев, лёгкие, изящные, красивого рисунка; такова мебель – диван и несколько стульев со спинками, мягкими и плетёными из какой-то травы. Вообще у московских кустарей есть что посмотреть, как и во всём кустарном отделе. Красива витрина павловской артели господина Штанге, – она вся из ножей; хороши витрины вятичей со скульптурой. Вятская скульптура! Аполлон и музы, наверно, никогда не подозревали, что искусство эллинов расцветёт через десятки столетий на диком севере России. А однако с этой скульптурой – нужно считаться, ибо хотя она от искусства и далека, но составляет промысел небезвыгодный и всё развивающийся. Мебель вятичей, благодаря устроенной земством в бразильском пассаже выставке кустарных изделий Вятской губернии, пользуется хорошей известностью, и пользовалась бы ещё большей и лучшей, если бы земство снабжало кустарей рисунками стильных мебели, эти рисунки недороги и очень разнообразны, – их, кстати сказать, в обилии даст «Ремесленная газета».

Кустари иных губерний незаметны среди подавляющих их вятичей, нижегородцев и москвичей. Вообще отдел производит очень хорошее впечатление и, конечно, заслуживает не беглого обзора, а серьезного детального описания экспонатов и приёмов работы. Только вот эти пианино, велосипеды, швейные машины из железа и другие вещи, потребовавшие так много труда и имеющие так мало смысла, – портят настроение, наводя на грустные мысли о русском человеке, который идёт, упорно идёт, но всё не туда, куда нужно, приходит, работает много, но всё не то и не так, как бы нужно.

Разве мало этих Коркиных, трудящихся годы над тем, что уже сделано давно и сделано так, как им при всём их прилежании, но с голыми руками не сделать, хотя бы они просиживали над вещью и по десяти лет. Однако есть люди, которые способны видеть в мучениках, подобных Коркину, гениев, образцы русской «сметки». Труд таких несчастных талантов, – им нельзя отказать в таланте восприимчивости, – направленный умно, дисциплинированный и освещённый знанием, мог бы, быть может, создать действительно оригинальные вещи, но пока это даром убитый труд. Жалко Коркиных и К°.

[3]

В художественном отделе прежде всего бросается в глаза высота, на которой находятся гении старого искусства – Микеланджело и Рафаэль, Тициан и Мурильо,

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895–1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Рубенс и Ван-Дейк. О, как вы высоко поднялись над искусством наших дней! Брюллов и Иванов там же, высоко в куполе здания, а по всему зданию расставлены в несколько рядов плоды современного творчества. Вот господин Реберг на богатом полотне изобразил Илью Муромца и Нахвальщика, то есть собственно Илью, ожидающего Нахвальщика. Нахвальщик ещё не доехал до Ильи – он чуть виден вдаль, за дымкой опалового тумана: скачет там на борзom коне и играет копьём, стремясь сразиться с Ильёй. Илья ждёт его, держа в руке тяжёлую палицу и сурово поглядывая вперёд на потешающегося врага. И всё бы это было хорошо, если бы конь Ильи походил на богатырского коня, а не был списан с ломовой лошади. Толстоногий, очевидно, опоенный, он стоит, как прирос к земле, и очень напоминает игрушечных лошадок изделия кустарей Семёновского уезда. Такой же неуклюжий и такой же мудро выкрашенный.

Дальше господин Беркос положил на полотно грудy разноцветных камней. Это вышло очень тяжело. Камни синие, камни розовые, камни красные – целая гора камешков всех цветов радуги, и в целом картина Беркоса напоминает так называемый «мраморный кисель».

Господин Сергеев пошёл ещё дальше по пути смелой композиции. Его «Первый снег» свалился на такие цветы, каких осенью нигде и не бывает, а его «Яблоня в цвету» заставляет предположить, что это хлопчатобумажная яблоня. Снег и цветы яблони носят на себе яркую печать индивидуальности художника; сразу видно, что снег делал он и цветы он, – и то и другое напоминает собой о вате и о Хиве, хотя, кажется, на картинах Сергеева изображается Украина.

У того же господина Сергеева есть грибы или, вернее, клуб грибов. Грибы разных видов и очень яркой окраски собрались в кучку неочевидно, говорят о временах давно прошедших, о тех временах, когда художники угощали публику искусством, а не грибами.

Какой-то искусник сложил из творога пирамиду и, вставив её в рамку, выдаёт за «Казбек». Публика не верит ему. Много есть и других картин, вызывающих впечатления такие, которых господа художники, быть может, и не имели в виду, сочиняя свои картины. Тем не менее вам кажется, что эта картина писана преимущественно клюквенным морсом, эта больше всего синькой, эта всеми красками понемножку. Краски большинства картин ослепительно яркие, идеи мутны и темны. Там какой-то импрессионист повесил на небо медный поднос вместо луны, здесь, у его сотоварища, не признающего законов перспективы, дома лезут друг на друга без всякой видимой причины.

И было бы в художественном отделе очень грустно, если бы не было в нём Айвазовского, Маковского, «Свадьбы в тюрьме» Матвеева, картин Киселева из античной жизни и подавляющей картины Касаткина «Шахтёры». Есть одна картина Боткина, «Схватка» Мазуровского привлекает внимание своей жизненностью. Широко, сплеча замахнулся казак шашкой на бритую голову врага, уклоняющегося от удара и готового пустить пулю в храбреца, открывшего весь свой бок... Много публики останавливает перед собой картина Новоскольцева «Опричники», но, кажется, главной приманкой для внимания зрителей служит нагое тело девушки, лежащей на первом плане, в позе постольку же неестественной, как и соблазнительной...

Перед «Поцелуйным обрядом» Маковского – толпа...

Хорошо у акварелистов. Интересны акварели Виллие, дающего ряд мотивов древнерусского орнамента, виды старых русских церквей в Угличе, Романово-Борисоглебске, Ростове и их художественных редкостей. Тонкая кисть и хорошее знание русского стиля бросается в глаза в каждой его акварели.

Е. Бем, знающая детскую жизнь и душу, выставила милую вещь «Питер женится – Москва замуж идёт» и ещё другую картинку из детской жизни. Обе проникнуты мягким юмором женщины, по-матерински любящей свой сюжет.

Бросаются в глаза замечательно живо выписанные «Пионы» Шрейбера. «На покосе» Морозова, акварели Н.Н. Каразина останавливают перед собой толпы публики. Всего не перескажешь, но... всюду бросается в глаза преобладание пейзажа над жанром, и это невольно наводит на грустную мысль. Неужели господа художники видят на своей родине только красивые кусочки природы и не встречаются с жизнью?..

От акварелистов – к финляндцам.

«Здесь веет дух иной», несмотря на то, что здесь много импрессионистов. Но импрессионизм – это техника. «Пожога» господина Эрифельта всё-таки давит вас глубиной горя, изображённого на ней. Деревня сгорела, и в пепелище её роятся люди, оставшиеся без крова. Девочка, с лицом в саже и тупым от испуга, смотрит с полотна на публику большими, жалкими глазами... Всюду – огонь, дым, головни, среди них молчаливые, согбенные, выпачканные в сажу и копоти люди пытаются спасти хоть что-нибудь. Видишь картину «У костра»... Кисть – груба, работа небрежна, красные блики на снегу, быть может, слишком яркие. Но три финна, греющихся у костра, – живые люди и заставляют думать о себе. «Утро в шхерах» Мунстергельма – так печально и уныло... На него смотришь уже не как на картину, а как на кусок угрюмой природы маленькой горной страны. Хорошее впечатление производят картины Марии Вик. А вот господин Бломстедт для чего-то сделал волны моря радужными и причесал их под гребёнку... Есть и ещё интересные вещи, но нет каталога, а ярлыки с именем автора и названием картины или так высоко, что прочитать их невозможно, или их совсем нет.

У финляндских художников представлен публике главный «гвоздь» отдела и самый интересный экземпляр современного «художества».

Таковым, без всякого сомнения, следует считать вызывающую всеобщее любопытство картину господина Галлена «Conceptio artis». Что это такое?.. Не знаю. Думаю, что и никто не знает. Вот сюжет картины. Голый человек, помещённый спиной к публике на ярко-зелёном фоне, крадёт и ловит за хвост белого сфинкса, ползущего по зелёному фону, лишённому перспективы, в какие-то тумбы или частокол, написанный наверху картины, – если это картина. Внизу, – следовало бы сказать, на первом плане, но раз перспективы нет, будем говорить вверху и внизу, – внизу в зелёное поле воткнуто пять розовых цветочков полукругом, на равном друг от друга расстоянии. Больше ничего. В общем получается впечатление символизма верхотурских подносов, на которых кустари изображают голубых рыб, состязающихся в беге с ярко-красными собаками, и персидских генералов с четырёхугольными глазами. Публики пред картиной масса, и все спрашивают, что это такое? Это, очевидно, высшая мудрость, до которой мог дойти немудрый символист. Странное, грустное впечатление производит эта картина заблуждения человеческого ума. Что, в самом деле, хотел представить своим зелёным полотном художник? Думал ли он в виде голого человека дать образ современного культурного и нищего духом человечества, стремящегося обнять сфинкса-истину? Не хотел ли он, в виде этих искусственных цветов, искусственно воткнутых в землю и оставленных человеком в его стремлении за сфинксом сзади себя, – не хотел ли он изобразить прежние усилия человеческого духа познать истину, ныне оставляемые им, как не удовлетворившие его жажду знать себя и цель жизни? Но что бы он там ни желал изобразить своей зелёной и нелепой картиной – он написал её скверно. В ней нет красоты, нет логики, техники. И, наконец, смысл её? В чём её смысл, о мудрый потомок Вейнемейнена?

Уходя из отдела, опять видишь старое искусство. Там, высоко в куполе, Пракситель, Фидий, Зевксис, Аполлон и музы... Акрополь...

[4]

«Не красна изба углами» – вот что думается, когдаходишь к павильону Сибири, ждёшь, что она окажется «красна пирогами», и не ошибаешься, если попадёшь в эту избу со стороны павильона Брянского завода. Прямо перед вами два стола, и на них вылеплены рельефные карты Нерчинского и Алтайского горных округов. Карты сделаны хорошо, месторождения и разработки руд показаны на них шариками золота, серебра, угля и пёстрыми. Последние указывают россыпи самоцветных камней. Смотришь на эти горы и понимаешь, что есть «золотое дно». Смотришь ещё и видишь, что исследованных мест в обоих округах гораздо меньше, чем неисследованных. Чувствуешь гордость, ибо, по словам знаменитых металлургов, горы Алтайского и Нерчинского округов сплошь рудоносны, – значит, в Сибири золота осталось много, тем более, что за всё время разработки – до «жильного» золота ещё не добрались – эксплуатируются только россыпи, и можно безошибочно предсказать, что в верховьях тех речек, по берегам которых открыты россыпи, существуют богатейшие жилы. Речек по Алтаю и другим хребтам Сибири бездна, – на карте горы все почти покрыты голубой сетью извилистых линий, показывающих течение рек.

Населённые места попадают на карте так редко, что напоминают о кусках мяса в супе нищего. По обеим сторонам этих карт два громадных шара показывают количество добытого металла. В Нерчинском округе добыто с 1835 года 9580 пудов

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru на 191 200 000 рублей; в Алтайском – с 1831 года взято 3687 пудов на 73 440 000 рублей. Сколько серебра? Не показано. Меди, свинца, угля тоже не показано. А сколько самоцветов? И это не показано. Предположим, что всё это ничуть не интересно, и будем смотреть дальше. Наверное, где-нибудь показаны условия добычи руды, приёмы её обработки, жизнь шахтёров, устройство шахт и всё, что нужно показать для того, чтобы все эти вещи – куски металлов и минералов в сыром и обработанном виде – были понятны. Очень хочется знать, кто, чем и как вытаскивал из земли эти 10 000 пудов золота и дал государству за 30 лет почти 300 000 000 золотых рублей, не считая серебряных и медных, не принимая во внимание драгоценных камней. Кто они, эти добрые гномы, снабжающие отечество презренным, но необходимым металлом? Как это они делают, и как они при этом поживают? И так, ищем.

Вот какая-то неуклюжая машина. Оказывается, что в Сибири в 1763 году был некий Иван Иванович Ползунов. Сей самый Иван Иванович изобрёл паровую машину – которая, в модели, конечно, здесь и представляется. Машина очень грубовата, но построена на тех же самых принципах, на которых Аркрайт, Уайт, Мордон, Стефенсон и Фультон построили свои станки, моторы, локомотивы и приобрели себе за это бессмертную славу. Иван Иванович Ползунов всех их опередил: Аркрайта с Уайтом на 6 лет, Стефенсона и Мордона на 21 год, Фультона ещё более, но Иван Иванович славы себе не приобрёл, хотя его машина и действовала в одном из казённых рудников Алтая в 1764 году. Затем... а затем Иван Иванович исчез бесследно, а машина его была признана неудобной и сложена в сарай. Больше ничего. Прошло с той поры 132 года, и вот эта машина выставлена на «праздник русской промышленности». Для чего? Очевидно, для того, чтоб показать публике, что мы применяли пар в области горной промышленности гораздо раньше, чем все другие нации применяли его к чему-либо, но, опередив всех в этом отношении, мы, должно быть, по великодушию нашему, хвастаться своим изобретением пред Европой не хотели, изобретение сломали и им не пользовались до поры, пока Европа нас не догнала и не прислала нам своих паровых машин. Весьма поучительно, но чрезмерно нелепо и очень грустно.

Оставим Ивана Ивановича покоиться во прахе и следуем дальше. Всё разнообразие минеральных пород Сибири – их тут 44 – представлено в виде грота очень оригинального, украшенного над входом в него медальоном императора Александра Третьего из редкой яшмы, медальон держит в лапах орёл из какого-то тоже редкого камня. Орёл, в свою очередь, прикреплен к овалу из розового орлеца. Работа замечательно тонка и отчётлива, как и все работы императорской гранильной мастерской в Екатеринбурге. Их тут масса, и все они поразительно хороши: ваза из яшмы, порфир, орлец, редкие виды кварца – всё это вырезано в разнообразные кубки, вазочки, и всё это изумляет своей художественностью. Особенно хороши три «панно» – цветы и узоры, вырезанные из орлеца и предназначенные в храм Воскресения в Петербурге, на месте события первого марта. Камень кажется не резанным, а как бы лепленным. Затем в витрине против входа помещён атласный ящик и в нём чудные, мельчайшей рельефной резьбы кубки, вазы и разные безделушки, точно выточенные, хрупкие, воздушные. Чем это делается? Какие инструменты способны придать твёрдому, как сталь, камню эти лёгкие, воздушные формы? Кто эти художники, режущие из камня цветы и обладающие столь тонким вкусом, столь уверенной рукой, так хорошо развитым чувством меры? Ответа нет.

Неизвестно, кто, как и чем делает чудеса из камня, хотя следовало бы хотя в виде фотографий показать приёмы и условия работ в екатеринбургской гранильной мастерской. И даже очень следовало бы – не так ли? Дальше однако. Вот большие куски изумрудов, самородки золота. И то и другое в неотделанном виде, грязновато и не производит никакого впечатления. Всюду куски руд за стеклами витрин, в углу – уголь.

И ничего, что бы поясняло все эти образцы горной промышленности двух громадных районов Сибири, что бы рассказывало, как добывается и обрабатывается руда, – нет. Впрочем, высоко на стене помещены пейзажи сибирской природы, в одном месте изображено даже, как «старатели» промывают золото. Но – и только. Это всё, что дано в виде пояснительной иллюстрации к образцам трудов сотен и тысяч населения горных округов Сибири.

[5]

В художественном отделе выставки появилось ещё несколько образцов «нового искусства». Все они принадлежат кисти того же Акселя Галлена, зелёная картина которого «Conceptio artis» служит предметом всеобщего изумления; её идея

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895-1906. Максим Горький gorkiy.ucoz.ru вызывает у публики целый ряд самых разнообразных толкований. Публика и вообще плохо усваивает идеи, даже самые простейшие, а тут ей предлагают зелёную идею. Выражая на физиономиях жёлтое недоумение, публика уходит от картины, не разбирая ни того, что помещено рядом с ней, ни того, что над ней. А между тем это интересно... Над зелёной картиной ныне повешена ещё пёстрая, названная автором «Probleme». Что на ней изображено – очень трудно сказать, но я думаю, что это торжественный обед змей и ящериц. Змеи уже откушали и заняты десертом, они едят яблоки, ящерицы погружены в уничтожение коричневого киселя. Фона у картины нет, перспективы меньше, чем на обоях. Она вся пёстрая, вся из жёлтых, зелёных, красных и иных мазков сумасшедшей кисти. Другая картина – гравюра на дереве «Похищение Сампо» из «Калевалы». Но на ней нет ни Сампо, ни похищения, а стоит на каком-то обрубок старик с длинным мечом в руках и свирепо машет им над головами людей, вылезавших из земли. Кто их засунул в землю и как это они там не задохлись – так же трудно понять, как и то, почему «Цветок смерти» Акселя Галлена так похож на подсолнух. «Цветок смерти» – тоже гравюра на дереве, он представлен даже в двух экземплярах. Где такой цветок произрастает – неизвестно, в ботанике на этот счёт нет никаких указаний, но, судя по картине, – смерть цветёт на болоте. Весьма возможно. С таким же успехом можно представлять её цветущей на вершине горы, на гребне морской волны и на конце солдатского штыка. Но зачем она цветёт, как подсолнечник, и почему её цветок украшен огненными языками, или искрами, или красными лентами? Выть может, это «Цветок смерти от ожогов»? Тогда почему художнику нравится именно этот вид смерти, а, например, не смерть от укусов выставочных комаров? Комары – это бич выставки. Они кружатся около вашего носа, лезут вам в глаза и поют в уши стихи, скучно поют, раздражающе скучно, монотонно, как настоящие русские декаденты. Хоть бы «Будильник» на них карикатуру нарисовал или подлежащее начальство сказало им несколько веских слов по поводу их возмутительного поведения. Может быть, это на них подействует.

Но возвратимся к пискливому и скучному искусству Акселя Галлена. Галлен – ещё молодой человек, ему всего двадцать восемь лет, он родился в Бьернеборге, а учился в Париже у знаменитого Буржера, у которого училась, между прочим, и наша художница Мария Башкирцева, талантливая настолько, что её две картины «Митинг» и «В школу» куплены правительством Франции для Луврской галереи. Галлен пошёл другой дорогой, чем Башкирцева, и вот он рисует нам зелёные и пёстрые идеи, очевидно, желая симулировать своей кистью картины Макса Штирнера, тоже рисующего идеи, но обладающего талантом и умом, чего нет, вероятно, у Галлена, как нет этих двух атрибутов истинного творчества и у господина Кузнецова, выставившего картину «Отдых модели». Это картина, выставлять которую для публики обоего пола совсем «не модель». В отдельном кабинете ресторана её ещё можно бы поместить, если лакеи ресторана не оскорбятся её сюжетом. Господин Кузнецов родился в Одессе в 52 году и «нигде не воспитывался», как гласит каталог.

В художественном отделе довольно много новинок и скоро ожидаются ещё несколько.

[6]

На выставке последнее время «Русью запахло»...

Я это говорю без всякой задней мысли, имея в виду такие явления, как вопленица Федосова с её старинными русскими песнями и эпосом, как капелла Славянского, восстанавливающая семнадцатый век своими боярскими костюмами и воскрешающая старую народную русскую песню, сильно попорченную столкновением с творчеством фабрики, и, наконец, владимирских рожечников. С последними мне привелось поговорить по поводу их искусства, – они, бесспорно, играют с большим искусством и замечательно верно передают напевы русских песен.

– Давно вы этим делом занимаетесь?

– С 1883 года, сударь мой. Эво с какой поры! В тот год мы были приглашены покойным государем и перед ним играли. С той поры и пошёл на нас спрос: то туда зовут, то сюда, крестьянством хоть не занимайся...

– А разве вы занимаетесь всё-таки?

– Дыть как же?! На то родились, чтобы крестьянствовать. В дуду-то играть весь век неспособно нам... зазорно будто. Тоже вон волосы седые у иного есть.

– Да чего же зазорного в игре-то?

– Оно конечно... А всё как будто не схоже с крестьянским-то делом. Тянет земля к себе – как хошь...

Это говорил седой старик, играющий на басовом рожке. У него умное лицо с задумчивыми тёмными глазами и характерно окающая речь.

– Нам это так, сполагоря, игра-то, – вступается другой, – а по рождению нашему должны мы пахать.

– И это помним, – подхватывает ещё один пожилой рожечник.

– Песни вы хорошо знаете? – говорю я.

– Ещё бы те не знать! Чай, ведь наши они, крестьянские! – восклицает первый рожечник.

– Мы их до двух сот знаем, а то и больше, – заявляет его товарищ. – Только вот играем-то мы на память, а не по нотам, забываем часто. А ежели бы мы ноты знали, мы бы всякую музыку могли играть. Нас и то немцы охаживали, всё хотят дознаться, как это мы угобзились. По шести целковых давали за рожок... а играть не могут. Возьмёт рожок-от в губы, а он у него и не дудит... Сердятся...

– У меня вот, – перебивает товарища старик-бас, – на шесть душ земли-то. А я с сыном играю вот... н-да-а! – задумчиво тянет он и укоризненно качает головой.

– А как публика к вам относится?

– Публика? Ничего, слушает... Хвалит.

– Нас везде хвалят, – равнодушно оповещает меня один из артистов, и в тоне его не слышно ни артистического самолюбия, ни любви к своему искусству.

– Славянский вас видел?

– Ну! Он у нас списывал которы песни. Он давно нас знает. Айда-ка, сыграем, ребята!

Ребята в жёлтых азиямах и в высоких поярковых шляпах собираются на эстраде.

И вот льётся унылая, переливчатая, грустно вздыхающая русская песня. Кажется, что это поёт хор теноров, – поёт где-то далеко только одну мелодию без слов. Звуки плачут, вздыхают, стонут... и очень смешной контраст с грустной песней представляют надутые, красные лица.

Печальная песня оборвалась.

– Давно играете?

– Которы лет сорок дуют...

– А грудь не болит?

– Ох, как болит! Как кашель иной раз под сердце-то подкатит... Ну, возьмишь стакан перцовки, ахнешь – оно и отляжет как будто.

– Чего ж вы не бросите вашу игру?

– Да ведь как её бросишь? Нельзя теперь – известны мы стали. Зовут нас... Ну и собираешься да идёшь... Ино время налетишь на зверя... вроде одного здешнего – вздохнёшь да и пошёл домой.

– А что?

– Полтора ста рублёв он у нас утянул... вот что!

– А вы бы жаловались.

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru – Где уж! – И мой собеседник уныло махнул рукой, ярко выразив этим «где уж» своё убеждение в беспомощности.

И все они замолчали, неподвижно сидя на стульях эстрады и позёвая.

[7]

Среди металла
(В машинном отделе)

Когда, поутру, войдёшь в машинный отдел – это царство стали, меди, железа – увидишь спокойный, неподвижный и холодно блестящий металл, разнообразно изогнутый, щегольски чистый, красиво размещённый, присмотришься ко всем сложным организмам, каждый член которых создан человеческим умом и сработан его рукой, – чувствуешь гордость за человека, удивляешься его силе, радуешься его победе над бездушным железом, холодной сталью и блестящей медью и с глубокой благодарностью вспоминаешь имена... людей, ожививших бездушные массы, из которых раньше делалось гораздо более мечей, чем плугов.

Как своеобразно хороши и как сильны все эти блестящие станки, поршни, цилиндры, центрифуги, сколько могучего в серой массе парового котла, сколько холодной силы в зубьях разнообразных пил, сколько щегольского, кокетливого блеска в арматуре и мощи в громадных маховиках, приводящих в движение десяти- и стопудовые части машин. Всё это стоит молча, неподвижно, блещет силой, гармонией частей и полно смысла, полно движения пока ещё в потенции, но возможного, – стоит дать руке человека один толчок, и тысячи пудов железа завертятся с головокружительной быстротой.

Пред вами целое здание из труб красной меди, прихотливо изогнутых, ослепляющих ваши глаза блеском. Вот аппарат для сахароварения. В нём можно за один приём сварить двух волов. Вот страшно оскалил стальные зубы лесопильный станок, здесь простёр во все стороны свои тонкие пальцы мотальный станок, там вся, как в паутине, опутана пряжей чесальная машина. Паровой молот, готовый грохнуть о наковальню, висит в воздухе, неизвестно как удерживаясь в своей раме. Цилиндры и поршни моторов блестят на солнце, свободно проникающем со всех сторон в ажурное здание отдела. Всюду – чудеса из металлов, и всюду всё молчит и не движется, ожидая команды человека, своего создателя и владыки.

А он – этот творец и владыка – тут же, около своих стальных детищ. Он ползает вокруг них и под ними, весь в грязном масле, в поту, в рваной одежде, с грязной тряпкой в руке и с утомлением на эфиопски чёрном лице, глаза у него странно тупы, он неразговорчив, малоподвижен, автоматичен, в его фигуре нет ничего, что напоминало бы о нём, как о владыке железа. Он просто жалок и ничтожен в сравнении с блестящим, сильным, красивым металлом, созданным для облегчения человеческой жизни и человеческого труда.

На него – живую плоть и кровь – почему-то неприятно смотреть в царстве бездушных машин.

Уходишь из отдела с чувством удивления пред машинами, с чувством смущения и обиды за человека.

Потом возвращаешься снова, когда «все машины в действии».

Ажурное здание всё, от основания до купола, дрожит и дребезжит, как бы испуганное массой движения, вмещённого им в себе. Кругом, куда ни кинешь взгляд, всё движется, вертится, ходит, вьётся, летает и творит оглушающий шум. Громадные маховики разрезают воздух, и он как-то протестующе шипит; посвистывают поршни, вылетая из цилиндров; жужжат валы, грохают педали станков, где-то льётся и плещет вода, гневно фыркают аппараты для приготовления искусственных минеральных вод, свистят приводы, повизгивают пилы, и сто раз отражённое эхо усиливает эту какофонию до размеров адской вакханалии.

С блеском, с шиком, со страшной силой движутся сталь и железо, подчиняясь одному общему принципу, регулирующему каждое движение, придающему всей этой работе однообразный, усыпляющий душу ритм. Здесь всё поставлено раз навсегда в известный определённый шаблон – это колесо обернётся столько-то раз в минуту, ни больше, ни меньше, этот поршень выдвинется из цилиндра на столько-то дюймов, ни больше, ни меньше. Тут нет места воображению, фантазии, уму. Тут царствует неодухотворённое, мёртвое движение, лишённое свободы.

В глазах мелькают громадные куски железа и чугуна, сверкает сталь, сияет медь, рычаг, шипят, гудят бездушные машины.

Человек в поту и в грязи, человек в оборванной одежде молча поит маслом маленькие части машин и стирает с них грязь и пот гораздо чаще, чем с своего лица и рук, украшенных ссадинами, тогда как на железе нет ни малейшей царапинки. Среди этого шума, гула и непрерывного движения он, как игрушка, изломанная, старая игрушка, жалок и ненужен. Он так автоматичен, так подчинён движению машин и углублён в созерцание хода их работы, что кажется – у него нет своей жизни, и он заимствует энергию движения у машин.

Разве все эти гиганты из металла, танцующие монотонный, тяжёлый менуэт, разве они облегчают его труд? Он всецело в их власти. Они кружатся, бегают, грохочут, оглушают, не уставая – движутся, не чувствуя утомления – работают, без боли ломаются, – он, утомляясь, изнывая, болея, ухаживает за ними, тупой и равнодушный ко всему от усталости...

Постояв минут десять где-нибудь в стороне от этого танца и посмотрев на него, чувствуешь себя опьянённым этим шумом и движением, подавленным и разбитым. Кажется, что ты присутствовал при чём-то глубоко ироническом, что ты был в царстве, где железо главенствует, а человек служит ему, служит рабски, притупляя свои нервы автоматизмом созерцаемого им движения, не смея приложить в эту гармонию пара и металла ничего, ни одной йоты своей фантазии, ничего от самого себя, всецело подчиняясь существующему порядку движения шкивов, поршней, приводов и прочих частей всех этих стальных организмов, живущих на счёт его крови и плоти, притупляющих его ум и сердце.

Уходишь из этой адской пляски стали, и долго ещё пред глазами у тебя мелькают деревянные пальцы, мотающие пряжу, зубья пил, перекусывающие дерево, стальные лезвия, строгающие железо, какие-то челюсти, жующие металл. И всё это так равнодушно, однообразно, бесчувственно, – с одинаковой силой и тем же строго размеренным движением, каким она пилит дерево, машина оторвёт вам голову, сжуёт руку, раздробит все кости.

А служащий ей человек всё возится около неё, и поит её маслом, и заботливо обтирает с неё пот, и следит, не отрывая глаз, за её автоматичной, наводящей на живую душу тоску и ужас, скучной, но так громко-шумной жизнью.

[8]

М. Врубель и «Принцесса Грёза» Ростана
Забракованные академическим жури панно Врубеля «Принцесса Грёза» и «Микула» были куплены известным меценатом С.И. Мамонтовым и ныне вновь появились перед выставочной публикой, но уже не на выставке, а около неё, в павильоне, специально построенном для этих образцов «нового искусства».

Павильон ещё не открыт и откроется не ранее воскресенья, но мне удалось осмотреть эти панно, наделавшие тик много шума и готовые вновь создать его. Я хотел бы поделиться с читателем моим впечатлением и прежде всего считаю нужным рассказать сюжет «Принцессы Грёзы».

«Принцесса Грёза» написана молодым французским поэтом Ростаном на сюжет, рассказанный в одной из средневековых хроник о родственнице Боэмунда II, короля Триполийского, принцессе Мелисанде, девушке пылкого и мечтательного характера, обладавшей, по словам хроники, «высоким духом и непоколебимой верой в победу святого креста над исламом и в освобождение господня гроба из плена язычников. Её красота, как и вера её, воодушевляя рыцарей, стекавшихся из всех стран Европы в Африку, на святую борьбу за освобождение Иерусалима, – возбуждала их на высокие подвиги духа и, укрепляя силу их рук, зажигала непоколебимое мужество в сердцах их, и далеко по Европе разносилась пилигримами и рыцарями слава о красоте, о силе сердца и ума принцессы Мелисанды Триполийской».

Именно эту Мелисанду и взял Ростан героиней своей двухактной пьесы, написанной просто и сильно, красивым языком и с хорошим знанием эпохи. Пьеса явилась во Франции в начале прошлого года, в разгар вакханалии декадентства, и сразу обратила на себя внимание своим идеалистическим духом и глубоко художественным исполнением. Она была вскоре переведена на русский язык артисткой Куперник-Щепкиной прекрасным белым стихом и в прошлый сезон шла около двадцати

Сюжет пьесы очень прост и несложен.

Наслушавшись рассказов о красоте и силе духа принцессы Триполийской Мелисанды, француз, мечтатель-трубадур Жофруа, болезненно жаждавший святого подвига, но слабый здоровьем, которое сгорело в пламени его души, страстно искавшей идеала, возбуждённый вдохновенными песнями Мелисанды, которые приносили во Францию пилигримы и рыцари, возвращавшиеся из Иерусалима, – захотел поехать в Триполи, увидеть эту чудную девушку, возбуждавшую во всех изумление силой своего духа, пасть к её ногам и служить ей так, как она укажет. Мелисанда в это время находилась под ревностной охраной одного из Комненов, императоров Византии, всегда своекорыстно относившихся к делу святого креста.

Намереваясь жениться на ней и вместе с её рукой присоединить к своим владениям Триполи, – за смертью Боэмунда и за малолетством сына его Мелисанда являлась наследницей престола, – Комнен приставил к ней стражу из дружины варягов под начальством одного рыцаря и приказал не допускать к ней никого из Европы. Это обстоятельство ещё более воодушевило Жофруа, и он, вместе с одним из своих товарищей «с мечом в одной руке и с лирою в другой», нанял у пиратов галеру и из Марселя поплыл в Триполи. Дорогой они выдержали бурю, бой, им не хватило припасов, они утомились, работая на растрёпанной бурей галере, и не раз дух экипажа падал. Тогда Жофруа брал лиру и песню о принцессе Грёзе поднимал упавший дух пиратов. Грубые волки моря плакали и восторгались, слушая песню о Грёзе. В своем страстном стремлении к идеалу Жофруа умел заразить им всех, кто окружал его. Но его физические силы всё гасли и, когда галера бросила якорь в виду Триполи, он не мог сам сойти на берег и послал к принцессе своего товарища.

На этом кончается первый акт. В начале второго Мелисанда узнаёт, что прибыл Жофруа, – она уже слышала о нём, – и боится, что стража Комнена убьёт его и она не увидит его. В это время к воротам дворца подходит чужеземный рыцарь, и начальник стражи, обнажив меч, идёт встретить его. В тоске Мелисанда слушает, как у ворот стучат мечи, и вот пред ней является рыцарь, возбуждённый битвой, полный огня и силы и гордости своей победой. Она думает, что это Жофруа, и он не успевает разубедить её в этом. Из уст её текут приветливые речи и похвалы его храбрости, её глаза горят восторгом и любовью – она всё-таки женщина, а он – мужчина и не торопится вспомнить о своём товарище, умирающем в море, на галере пиратов. И вот, когда у них не хватает слов для выражения чувств, являются поцелуи. Но в конце концов товарищ Жофруа вспомнил о чести и дружбе и указал в окно на галеру, стоящую в море. А Мелисанда ещё раньше почувствовала, что она ждала большего от Жофруа и что не поцелуи нужны ей. Потрясённая своей ошибкой, проклиная себя, она едет на галеру в сопровождении дам и видит умирающего рыцаря, который встречает её прерывающейся от слабости и восторга песней. Он достиг своего идеала, пройдя сквозь многие препятствия, претерпев муки и страдания, – он видит свою Грёзу – вот она склонилась над ним!

И, счастливый, он умирает. Это – вся пьеса. В ней много интересных лиц, красивых деталей; она проста, трогательна, и каждое слово её полно чистого и сильного идеализма, – в наше скучное, нищее духом время она является призывом к возрождению, симптомом новых запросов духа, жадной его в вере. Эта пьеса – иллюстрации силы идеи и картина стремления к идеалу. Именно этим объясняется её большой успех у нас и не особенно крупный в буржуазной и меркантильной Франции.

Теперь посмотрим, как иллюстрировал Врубель своей кистью эту простую и трогательную, облагораживающую сердце вещь. При первом взгляде на его панно – в нём поражает туманность и темнота красок. Нет ни яркого африканского неба, ни жаркого солнца пирамид, ни воздуха, и общий фон картины напоминает о цвете протёртого картофеля и моркови. Присматриваясь пристальнее, вы вспоминаете о византийской иконописи – те же тёмные краски, то же преобладание прямых линий, угловатость контуров и китайское представление о перспективе.

Едва ли это оригинально, во всяком случае – не ново, а после художников Возрождения и среди таких современных мастеров, как Васнецов и Сведомские, Суриков и другие, – некрасиво, даже уродливо. Жизни в картине совершенно нет, и концепция её имеет очень мало общего с сюжетом.

Фигуры пиратов однообразны, и почему-то – очевидно, намеренно – всем им придана одна и та же поза. Положим, их только трое, но зачем это все они облокотились о

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895-1906. Максим Горький gorkiy.maxim.ru
плечи друг друга? Это делает их деревянными, а отсутствие скорби или вообще какого-либо выражения на их тёмных, византийских физиономиях ещё более увеличивает их неподвижность. Так же неподвижно деревянен и товарищ Жофруа, стоящий у мачты, опираясь на неестественно большой и тяжёлый меч. Пилигрим Антоний и доктор настолько странно поставлены, что кажется – они стоят на воде моря и смотрят в галерею через борт. А сама галерея, кажется, сдрейфовала на тот борт, который обращён к зрителям, и лежит на нём, позволяя фигурам людей стоять на палубе совершенно прямо, хотя палуба и кажется наклонённой к зрителям под углом градусов в тридцать. Это уже – прямо-таки нелепо. Волны под галерой написаны грязновато-голубой краской, а форма их напоминает о чём угодно, но уж никак не о воде.

Центральные фигуры картины у людей, не знакомых с сюжетом, могут вызвать только недоумение, а пожалуй, и смех над художником. Мелисанда висит в воздухе, складки её платья напоминают о древесных стружках, на плече не положено тени, и шея принцессы кажется неестественно, уродливо длинной. Лицо у неё пёстрое от разноцветных мазков, долженствующих изображать тени, и вся она слишком воздушна и прозрачна для нормандки. Ведь она из рода Роберта Гвискара, завоевателя Сицилии, а он коренной нормандец, один из сыновей Танкреда Готвиля, графа из департамента Манш, в Нормандии. Её можно с некоторой натяжкой принять за ангела, за видение умирающего Жофруа, но, умирая за свою Грёзу, трубадур не смотрит на неё, а смотрит, по воле Врубеля, на свои неестественно изогнутые, угловатые пальцы, бряцающие на лире невиданной формы. На лице умирающего рыцаря – ни вдохновения, ни счастья, ни важности, – в нём ничего не отражается; в лице принцессы Грёзы – ни скорби, ни раскаяния; в лицах пиратов и всех людей на галере, любивших вдохновенного идеалиста, – нет ничего, что показывало бы, как они относятся к его смерти. Жофруа не видит Мелисанды, висящей в воздухе, в головах его ложа, а она смотрит не в лицо умирающего за нее рыцаря, а на струны лиры.

И в общем всё это исполнено какими-то ломаными линиями, капризными мазками, неестественных цветов красками, грубо, с ясной претензией на оригинальность, но без вдохновения, с намерением произвести впечатление, сразу поражающее, но без средств к этому.

Так испортил М. Врубель красивый сюжет Ростана и не менее удачно он испортил былинку о Микуле, помещенную на другой стене павильона – против Грёзы. Жёлто-грязный Микула с деревянным лицом пашет коричневых оттенков камни, которые пластуются его сохой замечательно правильными кубиками. Вольга очень похож на Черномора, обрившего себе бороду, лицо у него тёмно, дико и страшно. Дружинники Вольги – мечутся по пашне, «яко беси», над ними мозаичное небо, всё из голубовато-серых пятен, сзади их на горизонте – густо-лиловая полоса, должно быть, – лес. Трава под ногами фигур скорее напоминает о рассыпанном костре щеп, рубаха на Микуле колом стоит, хотя она, несомненно, потная, – должна бы плотно облепать тело. Лошади – в виде апокалипсических зверей.

О, новое искусство! Помимо недостатка истинной любви к искусству, ты грешешь ещё и полным отсутствием вкуса. Ведаешь ли ты то, что творишь? Едва ли. По крайней мере М. Врубель, один из твоих адептов, очевидно, не ведаёт, не ведаёт. По сей причине он пишет деревянные картины, плохо подражая в них византийской иконописи, и, иллюстрируя одно из юбилейных изданий Лермонтова [16], приделывает Демону каменные крылья, а на обложке либретто «Гензеля и Греты» [17] рисует карикатуры двух идиотов вместо поэтической парочки: брата и сестры.

В конце концов – что всё это уродство обозначает? Нищету духа и бедность воображения? Оскудение реализма и упадок вкуса? Или простое оригинальничанье человека, знающего, что для того, чтоб быть известным, у него не хватит таланта, и вот ради приобретения известности творящего скандалы в живописи?

[9]

На выставке, как известно, много музыки, – музыки всех типов и на все вкусы. Оркестр Главача удовлетворяет требованиям салона, то лаская слух торжественной и мечтательной «Музыкой сфер» и романтическим «Менуэтом», то с громом исполняя творения мистика Вагнера; стрелки шумно исполняют разные громкие вещи, и есть что-то милитарно-патриотическое в громком рёве широких пастей их медных труб; оркестр «убежища нищих детей» разыгрывает польку, вальсы и всевозможные «попурри», услаждая ими невзыскательные уши мешанства, горничных и швеек, приказчиков и разных служащих людей. Оркестр «Эрмитажа» густо гудит разные пьесы

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru для облегчения пищеварения и возбуждения жажды у ресторанной публики, и, наконец, «владимирские рожечники» вполне могут удовлетворить своей игрой тех, кто пожелает истинно русской мелодии, заунывной и весёлой, разухабистой и тоскливой.

Есть лирика и бравада, есть анакреонтизм и вдохновенные фуги Баха – всё, что вам угодно! Но несколько дней тому назад в мир музыкальных звуков на выставке вторглось нечто новое, глубоко элегическое, скорбно плачущее, безнадежно унылое... Точно хор плакальщиц воеет над гробом покойника тоскливые причитания или деревенские бабы горюют на пепле разорившего их пожарища... Вслушиваясь внимательнее, вы чувствуете непригодность таких уподоблений – в скорбной мелодии этой странной музыки звучит что-то совершенно своеобразное, слишком оригинальное, почти незнакомое.

И вот, идя на звук, вы приходите к среднеазиатскому отделу и видите: какие-то чумазы, прокопчённые жарким солнцем фигуры, вращая жёлтыми белками глаз, изо всей мочи дуют в длинные деревянные трубы, и несётся по воздуху плачевная мелодия, такая скорбная, такая жалкая... Вокруг этих фигур, сидящих на корточках, стоит полукругом публика и, с любопытством глядя на надутые щёки музыкантов, на их покрасневшие с натуги лица, обсуждает интересный вопрос – лопнут музыканты или нет? А они рвут уши резкими, воющими звуками, и плач их труб щемит сердце тоской. Бесконечное, неисчерпаемое горе слышно в этой дикой музыке, безнадежная скорбь, однообразная иеремиада о неудачах и тяготе жизни стонет в воздухе. Дикая, грубая, но трогающая душу элегия...

Кстати, ещё нечто о музыке.

Дня два тому назад прихожу слушать Главача в центральный павильон и вижу – нововведение! Для удобства публики поставлены на эстраде и вокруг неё столики и стулья. Это хорошо, ибо раньше, по недостатку скамеек, большинство публики слушало концерты стоя, а теперь можно сидеть да ещё и мечтательно облокотиться о стол.

Сажусь за один из столиков и, облачиваясь, жду мановения магической палочки Главача. Вдруг предо мной, точно из-под пола, выскочил человек с салфеткой под мышкой.

– Что прикажете?

– Дайте программу концерта.

Дает. Читаю: бутерброды разные... стакан кофе... порция... порция... мороженое... Что это такое?

– Дайте мне музыки, – говорю ему.

– Этим-с не торгуем... Мороженого не прикажете ли? Воды разные, сидр...

– Но позвольте – вы кто?

– Человек-с...

– Весьма возможно... А вы зачем здесь?

– По обязанности... при ресторане Астафьева.

– Как? Да ведь это музыкальный павильон?

– Нынче это наш ресторан-с... Мы сюда от Малкиеля переселились...

– А! А Главач?

– И они здесь... Мы около них... а они – вроде как бы около нас...

Я понял. Evviva[18] ресторан! Вот те и салонная и фешенебельная музыка! Можно ждать, что со временем, гонимые недостатком публики около выставки, все околывыставочные братья-разбойники, субсидированные и лишённые этого

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895–1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru удовольствия, переселятся на территорию выставки и засядут на ней: места для всех хватит. И Александров–Ломач где–нибудь пристроиться, и начнётся большое переселение увеселительных народов и заселение выставки. Таким образом, этнографические посёлки устроятся на выставке сами собой. Румыны, венгры, «триогрек» и парижанки, «немки, испанки и итальянки – словом, весь мир» предпринимателей–увеселителей приткнётся на разных пунктах выставки; Evviva – ресторан!

Во вчерашнем номере «Нижегородской почты» А.А.Карелин поместил письмо в редакцию, в котором по поводу моей заметки о картинах господина Врубеля автор говорит:

Во–первых – что я неверно передал самый сюжет картины: господин Врубель изобразил не момент посещения Мелисандой Жофруа в то время, когда трубадур умирал и галера уже стояла у берега в Триполи, а момент, когда галера находилась в пути и песня вдохновенного и больного трубадура заставила экипаж галеры видеть очами духа принцессу Грёзу. Так что на картине изображена грёза о Грёзе.

Во–вторых – что известный русский знаток искусства профессор Прахов, высокоталантливые художники Поленов и Васнецов чуть не в одно слово признают за Врубелем гениальность, якобы выразившуюся в его, выражаясь мягко, оригинальных панно.

Профан в вопросах искусства, я возражу А.А.Карелину как один из публики. Оказывается, что, даже и зная пьесу Ростана, я неверно понял иллюстрацию к ней кисти Врубеля. Как же истолкуют себе смысл этой картины люди, не знакомые с «Принцессой Грёзой» как литературным произведением? В печати были попытки таких толкований. Г.А.Осипов в одной из столичных газет писал, что «Принцесса Грёза» изображает русского гения пред шедеврами западноевропейского искусства, а Микула Селянинович есть Илья Муромец, стоящий на страже русской национальности. Толкования такого характера можно варьировать до бесконечности; господин Врубель предоставляет полную свободу воображению зрителя, но едва ли это можно присовокупить к общей сумме его достоинств, которые понятны, как оказывается, только профессионалистам. Искусство прежде всего должно быть ясно и просто, значение его слишком велико и важно для того, чтобы в нём могли иметь место «чуждачества»... Задача искусства – облагородить дух человека, скрасить тяжесть земного бытия, учить вере, надежде и любви. И, чтобы достичь этих великих результатов, чтобы служить этим благородным задачам, оно должно быть ясно, просто, и поражать ум и сердце. Отвечает ли творчество господина Врубеля этим задачам? Нет, ибо оно тёмно, туманно, претенциозно, полно какой–то бравады над истинным искусством, бравады, которую называют «чуждачеством».

Я профан, да. Моё мнение – мнение одного из публики, и против него стоят мнения профессионалистов, людей талантливых, высказавшихся за произведения своего соратника как за гениальные вещи. Но их мнение ни меня, ни кого из той публики, которая ищет в искусстве веяния духа святого, вдохновения, идей, отдыха от суровой действительности, – ни к чему не обязывает. Искусство существует не для художников, а для жизни, и не художники сделали гениями Рафаэля и Веласкеза, Ван–Дейка и Гвидо–Рени, не художники оценили и Иванова.

Искусство ценят люди жизни, те, кто ждёт от искусства откровения и поучения. Я внимательно слушаю мнения Прахова, Поленова и Васнецова, с чувством искреннего уважения к автору читаю письмо А.А.Карелина и в заключение говорю: странно мне читать и слушать всё это. Или искусство понятно и поучительно, или оно не нужно для жизни и людей. Доказано, что искусство Врубеля понятно только специалистам. Каково же его жизненное значение? Каково значение его картин без комментариев к ним, которых они требуют для понимания их сюжета и техники?

[10]

Когда появилась афиша, извещавшая публику, что около выставки в здании «Картины Врубеля» имеет быть первый общедоступный концерт, публика скептически отнеслась к этому.

– Картины Врубеля? концерт? Ага, понимаем! Наверное, Вагнером будут угощать. Или вообще что–нибудь этакое... новое в духе картин. Не пойду.

И не пошла, хотя если бы она прочитала программу, то, может быть, и пошла бы.

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Программа концерта была старая. Пели из «Онегина» и из «Жизни за царя», и пели недурно. И если б публика была на этом концерте, я лишился бы очень оригинального удовольствия слушать концерт, который исполнялся исключительно для меня. Публикой был я и сами исполнители, которых нельзя считать публикой, хотя они и сходили с эстрады на места для публики и аплодировали своим товарищам.

Было очень приятно смотреть, как господа Томарс и Буренин поют, а хор сидит и, изображая публику, – хлопает артистам. Поёт госпожа Волжинская – и ей хлопают. Резонанс – оглушительный. «Принцесса Грёза» так и дрожит, когда господии Томарс пустит в ход все свои голосовые средства. Да, на концерте было пустынно, но весело. Артисты смеются, хористы тоже смеются, я сам хотел смеяться, но так как я один был всей публикой в зале, то сдержался, желая быть корректным и показать господам исполнителям, какая иногда публика бывает тихая и смиренная, несмотря на то, что сами исполнители так кричат, как будто они дома, а не перед публикой. Попели, сколько по программе следовало, и ушли. И я ушёл обозревать околывыставочную территорию.

Около выставки, право, не менее диковинок, чем на самой выставке. Есть, например, дама с бородой и со свидетельством, удостоверяющим, что борода у неё не фальсифицированная. Посмотреть на неё стоит гривенник, и потом можно заплатить рубль, лишь бы не видеть её никогда более. Есть «живые фотографии» «только для взрослых». Почему именно для взрослых? А потому, что фотографии изображают такие сюжеты, как «Жемчужина гарема» и «После купанья». Есть «Нана», которой не следовало бы подходить с ярмарки так близко к месту торжества русской промышленности. А впрочем? Есть блины, дипломированные в Лионе. Они пекутся тут же на чистом воздухе без всякой крыши над ними, в печке, не имеющей ничего общего с печкой, и даже, кажется, без огня в ней. Свиду лионские блины похожи на вафли. Против них, на земле сырой, поместились какие-то коричневые пироги, которые совсем ни на что не похожи.

Всюду рестораны, буфеты и лавочки, в которых продают самарские шляпы из соломы, цейлонский чай, баварский квас, рижское пиво... Датские домики, бенгальские тигры, синематограф, бельё из бумаги, кавказские трости, крымские фрукты, фонограф... Целая маленькая ярмарка, поражающий своей интернациональностью. Едва ли на земном шаре есть страна, в которой было бы так много всего датского, шведского, немецкого, французского, английского, Я уверен, что только у нас можно встретить шведские спички, американских чертей, французскую болезнь и английских клоунов в таком удивительном распространении. Замечательно, что кавказские армяне нашли около выставки место для сбыта своих тростей и серебра. Но ни один из русских кустарных промыслов не фигурирует среди этого интернационального базара, кроме московских пирогов и карманных жуликов.

Возвращаясь к концерту, не могу не отметить того факта, что он, несмотря на свою общедоступность, является как бы излишним. Дело в том, что у нас «слишком много музыки». Две оперы, Главач, Падуриано, балалаечники, бухарцы, нищие дети, хорваты и ещё двадцать всевозможных оркестров – можно оглохнуть от такого обилия музыки, такой хорошей и дешёвой.

Было бы, пожалуй, лучше, если б в здании «Картины Врубеля» публике предложили что-нибудь другое, вроде, например, чтения пьесы Ростана или каких-либо объяснительных чтений по искусству живописи и так далее. Это было бы и более интересно, и, несомненно, более полезно.

[11]

В четверг состоялся концерт оркестра хорватских студентов, и, несмотря на то, что 50 процентов сбора концертанты отчислили в пользу бедных учащихся в нижегородских учебных заведениях, – публики на концерте было очень немного. А концерты хорватов очень оригинальны и интересны. Оркестр состоит из студентов разных австрийских университетов и играет на «тамбурицах» разных величин и тонов. «Тамбурица» – хорватский народный инструмент – это одна из бесчисленных вариаций лютни и явилась оттуда же, откуда явилась наша балалайка, грузинская «чонгури», испанская гитара, арабская виола, итальянская мандолина и все другие струнные инструменты этого вида. Студенты играют на тамбурицах, усовершенствованных одним из хорват-композиторов, Каткичем, – их тембр очень разнообразен и нежен, инструмент чутки и отчётливо передают самые тонкие нюансы звука, так что даже такая сложная вещь, как фантазия из «Фауста», в исполнении на тамбурицах не только не теряет ничего, но ещё приобретает что-то новое, свежее, приятно ласкающее слух, является перед вами как бы в новых оригинальных

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
одеждах, не в тех, в которых вы привыкли уже видеть её.

Вслед за Гуно сыграл соло, с аккомпанементом оркестра, докторант Джентилица. Пьеса, исполненная им, называется «Отчизне и любви»; это сильная и нежная песня влюблённого поэта и гражданина, написанная Зайцем, лучшим хорватским композитором, написавшим национальную патриотическую оперу «Никола Шубич». Никола Шубич – Леонид Хорватий; он с двумя тысячами лучшей хорватской молодёжи пал в 1566 году, защищая пограничный город Сигет от войск султана Сулеймана, стремившегося на Вену, где их достойно встретил Собесский.

Кроме пьесы «Отчизне и любви», ещё была исполнена из Зайца фантазия из оперы «Ребята, на борт», в которой замечательно мелодично соло тенора. Хорошо аранжированы Вукичем русские песни, особенно «Матушка-голубушка» и «Эй, ухнем!». Последняя в финале поразительно грустно звучит и так тоскливо, трогательно замирает, как этого не услышишь даже и в вокальном исполнении капеллы Славянского, впервые аранжировавшей эту бурлацкую, за душу берущую «воплю». Крайне красивы, просты и в то же время знакомы русскому уху задумчивые «Хорватские мотивы» Каткича, напоминающие наши то заунывные и безнадёжные, то удалые и энергичные народные песни.

Но самое оригинальное и интересное в концерте – это «Хорватский дом» Кухача. Кухач – ещё молодой композитор, патриот и панславист, он уже собрал четыре громадных тома южнорусских мотивов; он и критик и вообще крайне энергичная, живая натура, пылающая страстью к родине, озабоченная её будущим, посвящающая ей все свои силы. «Хорватский дом» студенты пели как гимн, сняв свои красные шапочки, и, хотя голосовые средства их хора крайне слабы, – это не убило оригинальной мелодии и страстности песни. Привожу её дословно как образчик народной поэзии хорват:

Лепа наша домовино,
Ой, юначка земљо мила,
Старе славе дедовино
Да бы вазда честна била!
Мила, кано си нам славна,
Мила си нам ти едина,
Мила куда си нам равна,
Мила куда си планина.
Ведро небо, – ведро чело,
Блага прса – благе ноци,
Топло лето – топло дело,
Бистре воде – бистре очи!
Веле горе – вели люди,
Руйна лица – руйна вина,
Сильни громи, сильни уди –
То е наша домовина!
Теци Сава, Драва теци,
Нит'ти, Дунай силу губи!
Куда шумиш – свету реци,
Да свой народ Хрват люби,
Док му ниве сунце грие,
Док му храще буря вне,
Док му мртве гроб сакрие –
Док му живо срце бие!

Как видите, это тот же сербский язык, на котором несколько отразилась близость Италии. Песня приблизительно может быть переведена так:

«Прекрасная наша отчизна, о, милая страна твоих детей и старой дедовской славы,
– да будешь ты всегда честной!

Ты мила нам как страна славная, ты мила нам как единая, ты мила нам и твоими
равнинами и твоими горами!

Ясно твоё небо – и ясны лица твоих детей, хороши их груди, – и хороши твои ночи,
тепло лето, и спора работа, быстро текут воды – и быстры взгляды очей!

Велико твоё горе – но велики и твои люди, красно вино – и красны лица, сильны
громы – и сильны руки – вот какова ты, наша отчизна!

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895-1906. Максим Горький gorkiyamaxim.ru
Течёт Драва, и Сава течёт; ты, Дунай, не погубишь их силу! Лучше рассказывай
всюду, где ты течёшь, о том, как хорват любит свою родину!

Он будет любить её, пока солнце греет нивы, пока буря сотрясает дубы, пока
мёртвые лежат в гробах, а сильное сердце хорвата бьётся в его груди!»

Я не претендую на совершенную точность перевода, но, не правда ли, как проста и
сильна эта славная песня! Да, удобно любить родину, когда она такая маленькая,
как Хорватия, что её можно и аршином измерить и умом понять... У нас в народе нет
такой песенки, как нет у нас и студенческих оркестров и хоров, знакомящих чужие
страны с своей родиной и добывающих этим гроши, необходимые на плату за право
учения.

И эти хорваты, чехи и другие маленькие славяне очень счастливы, понимая свои
страны, и не только поэтому они счастливы, а и потому ещё, что в своих маленьких
странах, несмотря на грозящие им германизацию, и мадьяризацию, и латинизацию,
они живут и жить дают другим. Двадцать лет тому назад у них было 80 процентов
неграмотных, а ныне осталось уже 43 процента. И это дело не австрийского
правительства, конечно, а только частных лиц. Австрийское правительство
довольствуется тем, что берёт с хорватов 56 процентов всех доходов их страны и
за это позволяет своим подданным отделяться от мадьяризации своими средствами.

А чехи? У них 3 процента безграмотных! Эти чуть заметные люди на земном шаре
обогнали могущественных немцев, и высококультурных французов, и сметливых
бриттов в деле народного образования.

Хорваты-студенты производят впечатление живых людей, – впечатление очень редкое
и ценное по нынешним временам. Они прежде всего политики и имеют в виду прежде
всего славянство.

– Эх вы! – говорил мне один из них. – Сколько времени вы тянулись к морю, пока
дотянулись? Сколько это вам стоило? А о том, что мы единственная славянская
народность, обладающая тремястами километров берега Средиземного моря, вы и
забыли. Помогали бы нам по-родственному, освободив нас от влияния чуждых нам и
позволив сплотиться в одну цельную южную Русь, и были бы вы без особых трудов
соседями Триеста. Дёшево вы нас цените.

Я не политик и по части объединения народностей, как и по части округления
границ, – плохо понимаю. Я плохо могу себе представить русского человека,
которого интересовала бы внешняя политика при таком обилии внутренней. Тем не
менее я слушал речь хорватов с глубоким наслаждением. Сколько у них знаний,
сколько веры в себя, как они смелы, горячи, и как много они – граждане своей
маленькой родины! С каким глубоким интересом они спрашивают о том, чего не
знают, и как уверенно и сильно говорят о том, что им известно! Мне даже
показалось, что и нас, русских, они знают более, чем знаем мы сами себя... По
крайней мере наша литература и пресса, наша внешняя политика им известны,
ей-богу же, более, чем нашим литераторам и нашим внешним политикам.

[12]

Явился новое произведение Врубеля и новый комментарий к нему А.А. Карелина
[19], – картина Врубеля написана на занавес городского театра, а комментарий
А.А. Карелина в 228 номере «Волгаря». И то и другое туманно и уму простого
смертного не доступно, но и в том и в другом есть свои достоинства. В картине
Врубеля достоинство – её тон. Издали кажется, что художник похитил южную ночь с
её мечтательно ласковым небом, чарующим блеском луны, прозрачными тенями и
мягкими контурами деревьев, с её опьяняющим воздухом... только без звуков, без
сладкого шёпота тёмной листвы, без тихого трепета бесчисленных жизней,
населяющих траву её полей, листву её деревьев... Он похитил эту ночь, и из Италии
– волшебник – привёз на Север и наклеил её на полотно театрального занавеса пред
очи потомков Минина и разных других русских людей, которые в недоумении смотрят
на эту странную картину и, со свойственной им художественной неразвитостью, ищут
в ней какого-либо смысла, какой-либо идеи.

Занятие совершенно бесполезное, ибо, по заявлению комментатора нового искусства
господина А.А.Карелина, картина может «столько сказать чувству, что заслонит
собой любые фабулы, быть может, больших идей». У картины нет названия, и вы
имеете полное право думать, что она изображает «Панихиду о здравом смысле», или
«Провал сквозь землю престарелых дев», или «Молодого малороссиянина, сватавшего

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru себе дивчину в жёны и получившего гарбуз» – символ отказа.

Претендовать на неясность картины нельзя, дело происходит ночью, хотя и хорошей южной ночью и при свете луны. А затем – картину писал Врубель, – значит – тем более нельзя требовать от неё ясности сюжета.

На ней изображена палуба баржи и парус, печально повисший в воздухе, а может быть, это терраса и драпировка, а не баржа и парус. На фоне этого угловатого сооружения стоит парубок с бандурой или паж с лютней – по господину Карелину – это «идеальной чистоты юноша», который занимается пением «чистой, девственной песни» под аккомпанемент своей бандуры, при свете луны и среди тишины. В его песне, по комментарию господина Карелина, звучит только чистое чувство, а не полученное искусство, подчас неискреннее и не тёплое сердцу, вследствие чего из-под земли вылезают слушать «чистую девственную песню юноши идеальной чистоты» некие монстры неизвестного пола и возраста.

Впрочем, они, быть может, не вылезают, а проваливаются сквозь землю, отчаявшись понять «идеально чистого юношу» интенсивно туманного Врубеля и свирепо поэтические комментарии А.А.Карелина. Весьма вероятно, что эти монстры – суть только тени и грёзы юноши, допустимо, что они – просто статуи, и не менее верно будет предположить, что это – символы. У одного из них нос в форме куба, у другой ухо в виде шляпки гвоздя – они имеют на глазах бельма, и их физиономии говорят, что они вели жизнь дурную.. За ними видны деревья – вполне деревянные деревья; есть на картине и город, или развалины города, или взволнованная река, – как вам будет угодно.

Всё это изображено угловато, без грации, с бравурным размахом, хлёткими ударами кисти, претендующей на оригинальность и желающей импонировать во что бы то ни стало. Она импонирует. Издали картина действительно навеивает какое-то странное мечтательное настроение, ослабляющее ум и зрение, как дым корней того наркотического растения, которое с такой страстью курят в Закаспийской области. Но избави вас боже подойти к ней близко – ваше впечатление гибнет вместе с её красотой. Пред вами хаос творчества и только. Хаос, далеко не красивый и не производящий никакого впечатления, – чем больше вы смотрите на эту вещь, тем более пред вами обнажается намеренная грубость её техники. Увы – «новое искусство», которым можно наслаждаться на расстоянии версты!

Будь господин Врубель русский, о его искусстве можно бы сказать то же, что сказано про Русь, перефразировав немного:

Искусство это не понять,
Умом его – нельзя измерить,
И смысла в нём нельзя искать,
Когда Карелину поверить. [20]
Отказываясь от искания идеи и смысла в новом искусстве, поищем его в комментарии к новому искусству.

Как нужно понимать начало статейки господина Карелина «Новая картина М.А.Врубеля», гласящее так:

«Замолкли звуки первого акта «Миньоны» [21], стих гром рукоплесканий, и плавно спустилась сверху картина, закрыв собою сцену, на которой была не жизнь, а искусство, ей подражающее, заслонив виденное и слышанное самим живым чувством, воплощением идеи литературного или исторического сюжета?»

Я понимаю это так: на сцене было искусство, изображавшее жизнь, а потом сверху спустилось искусство, ничего общего с жизнью не имеющее. Но при чём тут и к чему относится «воплощение идеи литературного или исторического сюжета» – это для меня «темна вода во облацех».

Засим следует такой образец литературного языка:

«К чему же мне и видевшим её («глаза имеющим») название этой картины? Пусть у неё не будет даже имени: она столько скажет чуткому чувству, что заслонит собою любые фабулы, быть может, больших идей.»

Я не понимаю «любых фабул, быть может, больших идей», я могу ещё помириться с «чутким чувством», но «фабулы идей» – выше моего понимания. Я также не в

«Я слышал на днях в думе мнение одного высокопросвещённого лица, занимающего крупное административное положение. Он говорил, что если бы М.А. Врубель обладал техникой К.Г. Маковского при умении передавать так чувство, как он – Врубель – умеет это делать, – то трудно было бы желать лучшего. Мнение – авторитетное, почтенное...»

Господину Карелину, апологету и комментатору нового искусства, свободному художнику, делает большую честь то обстоятельство, что он внимательно прислушивается к мнениям о новом искусстве лиц, занимающих крупное административное положение... Это очень хорошо со стороны господина Карелина – уж если ссылаться на авторитеты, так именно на самые солидные, против которых возражать очень неудобно. Я думаю, что господин Карелин этот приём подтверждения своих доводов заимствовал у нашего знаменитого химика Менделеева, употребившего такие же приёмы защиты своих мнений на торгово-промышленном съезде. Очень солидный приём.

И я уверен, что «новое искусство» привьётся, раз за него будут столь веские доводы. Искусство Врубеля не ново, комментарии А.А. Карелина – неясны и не особенно грамотны – впрочем, они идут к новому искусству, как к Сеньке шапка. Но что ново и что оригинально в новом искусстве, так это именно его защита, вся основанная на ссылках на авторитеты. Раньше в оправдание гениального чудачества приводились имена Прахова, Поленова, Васнецова; теперь дошло дело до лиц, занимающих крупное административное положение. Я больше не спорю против нового искусства, когда так. Сохрани меня боже!

[13]

В последнем номере «Недели» господин Дедлов поместил очень маленькую и очень странного характера статейку о господине Врубеле и его картинах (речь идёт о статье Дедлова «С выставки» [22]). Статья господина Дедлова написана в тоне для господина Врубеля весьма лестном и имеет тенденцию внушить публике, что в лице творца «Принцессы Грёзы» и «Микулы» она имеет дело с художником недюжинным, с новатором в области искусства, с душой, тревожно ищущей нового, с человеком, которого мучит «какая-то грёза о чём-то новом, неясном, не даёт ему писать, «как другие», заставляет его искать небывалого, а может быть и... несуществующего».

Основанием для признания за господином Врубелем всех сих качеств служит господину Дедлову только тот факт, что Врубель пишет не «как другие», хотя господин Дедлов совсем не утверждает, что комментируемый им художник пишет лучше, чем другие, как и вообще ничего не утверждает и не доказывает своей статьёй, что, впрочем, не мешает ему заключить эту статью «горьким» упрёком по нашему адресу.

«В столичной печати, говорит он, – я не встречал серьёзных статей о врубелевских панно. Загадку в пять минут разрешила одна нижегородская газета: «Врубель нищ духом и беден воображением. Его картины – признак оскудения идеалов и упадка вкуса. Его живопись – оригинальничанье человека, знающего, что у него нет таланта, и потому, ради приобретения известности, творящего скандалы в живописи...» Эх, господа, господа! Ценители, руководители!»

Нас не может не задеть этот упрёк ввиду его полной неосновательности и ввиду того, что против выставленных нами положений по вопросу о том, есть ли искусство Врубеля «новое» искусство или же оно совсем не искусство, а только чудачество в искусстве, – против всего, что было сказано нами по существу, господин Дедлов не возражает ни словом. Он просто упрекает нас в поспешности оценки индивидуальности художника и, упрекнув, очевидно, полагает, что этим он оказал большую услугу «новому» искусству, сиречь искусству господина Врубеля, с которым, кстати сказать, господин Дедлов лично знаком. Но даже и личное знакомство с художником не позволяет господину Дедлову сказать о нём что-либо такое, что могло бы поднять престиж господина Врубеля в глазах публики. Нам даже кажется, что господин Дедлов оказал своему знакомому очень неприятную, прямо-таки медвежью услугу, хватив господина Врубеля камнем своей логики не в бровь, а прямо в глаз, и даже не однажды угостив его так... невкусно.

Судите сами: рассказывает господин Дедлов, как однажды пришёл он в мастерскую Врубеля и увидел там «Демона» кисти этого художника. Вот как описывает господин Дедлов «Демона»:

«Одутловатое скопческое лицо без возраста, выпуклые тусклые глаза с безумным выражением тупой, холодной, но невыразимо тяжкой тоски. На безобразном неподвижном лице – та же печать каменного отчаяния. Глаза не смотрят на зрителя, они никуда не смотрят, но видят всё, видят и вас, и вам страшно, вас тянет к себе этот взгляд.

На картине было выяснено только лицо. Остальное было только начато, верите, даже и не начато. Стоит, или сидит, или летит его чудовище? Что за ним – стена, или гора, или ночное небо? Надо окончить, тогда выйдет небывалая картина.»

С той поры прошли года, но «небывалой» картины всё ещё нет, и никто до сей поры, ниже сам господин Врубель, не знает – стоит, сидит или летит Демон со скопческим лицом. И так, однажды господин Врубель удачно, по рассказам господина Дедлова, написал лицо «Демона» и до сей поры его не кончил. Что же следует заключить отсюда, что господин Врубель – художник гениальный и что наше убеждение в нищете его воображения ошибочно? Во всяком случае, рассказав о «Демоне», господин Дедлов, как нам кажется, ничего не сказал лестного для господина Врубеля.

Затем господин Дедлов говорит о «Принцессе Грёзе» и о «Микуле». Рассказав, что Врубель нарисовал «морские волны в виде стружек» и построил галерею «из каких-то странных плотов, помостов, балок и брусьев, наваленных и нагороженных в непонятной связи», господин Дедлов поясняет, что он хотел этим сказать, что он тут изобразил, – вы не поймёте. Да понимает ли и сам он, удалось ли ему поймать тут неуловимое? Нет, не удалось.

Едва ли господин Врубель останется доволен таким заключением своего знакомого, – едва ли. И, наконец, говоря о «Микуле», господин Дедлов заявляет: «это одно из тех врубелевских произведений, которым завидуют знаменитости, несмотря на то, что это не искусство».

Группируя всё сказанное господином Дедловым о Врубеле, мы видим, что все претензии последнего на звание гения и новатора в области искусства ограничиваются тремя работами, причём первая из них хотя, по словам господина Дедлова, и хороша, но не окончена, вторая «не удалась», а третья – «не искусство».

Нам кажется, отсюда довольно ясно видно, насколько уместен и основателен упрёк господина Дедлова по нашему адресу.

Покончим однако с господином Дедловым и напомним несколько общих положений из области теории искусства, дабы показать, насколько творчество Врубеля далеко от них.

Роль искусства – педагогическая, цель его – установить возможно более полную общность ощущений и чувств. Ощущения и чувства всего более разделяют людей, о вкусах и цветах не спорят, их считают чисто личными, и вот для того, чтобы более объединить и сроднить людей, нужно, так сказать, социализировать их ощущения и чувства, подметить в них одну и ту же всем людям общую черту, выразить её нотами, красками, словами, и, таким образом, до некоторой степени сделать ощущения и чувства тождественными у того и другого лица.

Отвечает ли современное искусство вообще и, в частности, искусство Врубеля этой великой задаче, имеет ли оно её в виду? Нам кажется, вообще – нет, а в частности – искусство Врубеля стоит неизмеримо далеко от этой задачи, совершенно не хочет знать её.

По словам господина Дедлова, его знакомый художник занят исканием «небывалого, а может быть, и несуществующего». Это странное занятие хотя и очень распространено в наши взбалмошные дни, в тяжёлые дни духовного оскудения, но с искусством не имеет ничего общего. Госпожа Гиппиус тоже недавно заявила в стихотворной форме:

Я хочу того, чего нет на свете,
Чего нет на свете, [23]
– и, на наш взгляд, Врубелю следовало бы предложить ей руку и, по совету Бальмонта, отправиться втроём с поэтом

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895–1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
За пределы предельного,
К безднам светлой безбрежности, [24]
– или ещё в более отдалённое место, если таковое возможно найти во вселенной.

Мы полагаем, что сколько бы времени эта почтенная тройка ни употребила на своё путешествие и даже если б она заплуталась по дороге, – жизнь и искусство не понесли бы от такого события чувствительного урона. В жизни достаточно непонятого и туманного, болезненного и тяжёлого и без фабрикатов фирмы Врубель, Бальмонт, Гиппиус и Ко. Жизнь требует света, ясности и нисколько не нуждается в туманных и некрасивых картинах и в нервно-болезненных стихах, лишённых всякого социологического значения и неизмеримо далёких от истинного искусства. Оно облагораживает людей, оно должно служить этой цели, а не развинчивать нервы и притуплять воображение, заставляя его представлять себе морскую волну в форме «деревянной стружки», как это делает, по словам господина Дедлова, его знакомый художник Врубель.

Претензии всех этих скучных людей, вообразивших себя новаторами и воображающих, что их не понимают, так же нелепы, как и обширны; господин Мережковский, ягода одного поля с вышеназванными невропатами, заявляет от лица всей компании: «Мы – неведомое чужое!» [25] – и называет себя со товарищи «слишком ранними предтечами в искусстве медленной весны» [26]. Эти фразы в переводе на более удобопонятный язык будут значить только то, что господа художники и поэты, поражённые декадансом, модной болезнью, смотрят на искусство как на область свободного и никакими законами не стесняемого выражения своих личных чувств и ощущений. «Искусство – свободно», – твёрдо помнят они и с уверенностью занимаются гайдамачеством в искусстве, выдвигая на место кристально чистого и звучного пушкинского стиха свои неритмичные стихи, без размера и без содержания, с туманными образами и с дутыми претензиями на оригинальность тем, а на место картин Репина, Перова, Прянишникова и других колоссов русской живописи – колоссальные полотна, техника которых вполне родственна угловатым и растрёпанным стихам madame Гиппиус и иже с ней. Какой социальный смысл во всём этом, какое положительное значение может иметь эта пляска святого Витта в поэзии и живописи?

Гюйо, определяя искусство, говорит приблизительно следующее:

«Всякое искусство есть средство социального согласия и даже более глубокое, чем другие: одинаковым образом думать, без сомнения, есть уже много, но этого недостаточно ещё для того, чтобы заставить нас одинаковым образом желать, великая тайна – заставить нас одинаковым образом чувствовать, и это-то чудо совершается посредством искусства.» [27]

Едва ли можно не соглашаться с этим определением значения искусства талантливым французским эстетиком.

Какое же отношение к социальному искусству, к искусству, имеющему своей целью воспитание духа и чувств человека, какое отношение к искусству, стремящемуся облагородить жизнь, могут иметь картины Врубеля и Галлена, стихи Гиппиус и Бальмонта и вообще всё то, что делают в области искусства люди, ищущие «несуществующего» и стремящиеся «за пределы предельного»?

[14]

Много говорилось о том, что художественный отдел на выставке беден, составлен случайно, без строгого подбора образцов, что он не представляет собою сколько-нибудь ясной картины движения нашего искусства и вообще очень нелестно для нас представляет наше искусство. Замечено было и то обстоятельство, что обилие пейзажа в художественном отделе почти совершенно подавляет жанр, а самый жанр не ярко и очень слабо отражает русскую действительность.

Но всё-таки он её отражает, и, значит, можно говорить о том, какие именно стороны жизни человека всего более вдохновляют наших художников. И вот, рассматривая жанр в художественном отделе, видишь целый ряд картин, рисующих смерть, болезни, немощи и разные виды несчастий, преследующих людей. Здесь изображён умирающий отец семейства, там вдова, только что похоронившая мужа, больной брат, похороны ребёнка, старик, который пережил свою старуху, и тому подобные картины, довольно однообразно трактующие на тему о кладбище как конечном пункте нашего жизненного пути. Иногда наше искусство отступает от своего служения смерти и изображает свадьбу... в тюрьме, зал судебного заседания, где в ожидании приговора томится какой-то преступный юноша и страдают его мать и

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru сестра, изображает очень мелодраматических нищих на утрированно синем фоне ясной звёздной ночи, художественно-деревянных переселенцев, остолбеневших от горя, горбатых аскетов-монахов, делает намёк на тяжёлые семейные коллизии и драмы...

На общем мрачном фоне всех этих невесёлых картин очень выпукло выделяется весёлый «Сельский праздник» Дмитриева-Оренбургского и колоритная «Свадьба в Малороссии». Эти два яркие пятна да ещё не без юмора написанный «Урок пения» – почти всё, что напоминает зрителю о жизни как о совокупности явлений, окрашенных не исключительно в серые и тёмные, но в самые разнообразные краски.

И, невольно задумываясь над вопросом, почему именно господа современные художники черпают свои сюжеты преимущественно из области страданий, вспоминаешь, что за последнее время ни одна комедия, кроме «Первой мухи» Величко, не имела успеха и что наша драма всё более и более вводит в свои рамки мелодраматические мотивы и эффекты. А наряду с ней на сцене царит грубейший фарс Мясницкого и пошловатые пьески Мансфельда. Публика охотно смотрит их и, сидя в театре, весело смеётся, а придя домой и соединясь в компанию, говорит об упадке театра и возмущается, но следует думать, что она более искренна в первом случае. Драматическую публику идёт смотреть, если драма нова, но и новую драму она в большинстве случаев предпочитает старой оперетке. Публика понимает, что «театр есть школа народа», но большинство публики настолько много работает, так поглощено добыванием куска хлеба, в такой степени опутано и подавлено условиями своего быта, что идёт в театр уже не как в аудиторию, где проповедуется мораль и карается порок ради торжества добродетели, а как в место, где можно отдохнуть от треклятой, серой, скучной будничной жизни. И, видя, что современная драма шита на живую нитку, что она сделана, а не сотворена, что её завязка и развязка – дело ума и пера автора, а не жизненных условий, что вообще она написана с целью выдавить из публики слезу, а не с горячим желанием указать ей способ распутывания разных гордиевых узлов нашего быта, – публика предпочитает лучше смеяться над топорными фарсами, чем плакать над драмой, лишённой всякого социального значения, драмой без вдохновения и без знания пути жизни и души человека. Таким образом, вина публики в предпочтении ею фарса и буффонады – драме ослабляется качествами самой драмы. Публика всегда пойдёт смотреть пьесу, в которой есть сила и искренность творчества, и Островский до сей поры мил ей, хотя его типы уже далеки от наших дней. Но глубокая жизненная правда его творчества не стареет, хотя факты, сырой материал его драм, уже и утратили свою свежесть.

Ныне господа живописатели и драматурги, по недостатку в них искреннего чувства и активного настроения, по отсутствию вдохновения и чувства красоты, с холодной кровью, но не без мысли о разовых, – строят свои картины и драмы главным образом на факте.

«Это глупо, как факт», – сказал Бальзак, и этим он как нельзя более точно определил значение факта самого по себе. Факт сам по себе только нумен, и он очень мало поучителен и ценен до поры, пока путём толкования и исследования не будет превращён в феномен. Каждый факт – это синтез целого ряда посылок, узел, связующий сотни ниток, квинтэссенция многих капель сока нервов, крови сердца, слёз отчаяния. В каждом факте коренится глубокий жизненный смысл, корни его проросли далеко в прошлое, и в каждом факте непременно есть две, всегда одни и те же типические, всем явлениям жизни одинаково присущие черты – степень сознательного участия человека в творчестве факта и степень влияния созданного факта на душу человека и вообще на его жизнь.

И вот в наши дни господа жрецы искусства берут только факт, голый факт и выбирают обыкновенно мелодраматический. Последнее очень важно для них – мелодраматические факты способны произвести впечатление и потрясти нервы без каких-либо толкований, без комментариев, их только нужно выдвигать вперед более рельефно. Из этого желания произвести в картине и в драме эффект, возможно более потрясающий и резкий, драматурги выводят своих героев на сцену в арестантских халатах, как это делается у Неvejeва во «Второй молодости», застреливают их, режут и, в большинстве случаев совершенно безвинно, губят их разными другими, столь же жестокими приемами, а господа живописатели изображают смерти, болезни, немощи, кладбища, вдов и сирот. Так как каждый из нас твёрдо знает, что со временем он будет иметь честь лично познакомиться со смертью и ввиду того, что знакомство это всем нам столь же неприятно, как и обязательно для нас, – всякое напоминание нам о смерти и об её атрибутах всегда производит на нас известное впечатление, тем более сильное, чем гуще и темнее будут краски,

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895-1906. Максим Горький gorkiy.maxim.ru которыми воспроизведут пред нами это печальное и неизбежное явление. Господа, о которых я веду речь, прекрасно понимают неотразимость влияния мрачного факта на психику человека и понимают, как им выгоден подобный факт. Смерть одна, сама по себе, способна заставить нас задуматься, потрясти нам нервы. И вот эти хитрые господа изображают нам во всех видах смерть. Они предлагают нам её изображения просто так, как бы в виде фотографии момента, и собирают обильную жатву наших впечатлений. Рассматривая фигуру трупа, написанного масляными красками, я думаю, что будет время, когда и я ни на что уже более не пригожусь, кроме как на модель для такой мёртвой картины.

И, поглощённый этой мыслью, я уже не в состоянии заметить недостатки техники художника, который, как могильщик, живёт доходами со смерти; я не вижу, что в картине, быть может, нет и тени вдохновения, что она груба и некрасива. Я весь проникнут только жалостью к самому себе, и мне даже некогда пожалеть бедное русское искусство и художника, несчастного человека, не нашедшего иных средств в жизни, кроме эксплуатации смерти...

Вот чем я объясняю себе развитие в искусстве склонности к мелодраматическому жанру, и думаю, что я не ошибаюсь. Жизнь вообще, а русская жизнь в особенности, не богата красками – это так, но она и не до такой степени сера и бедна, на какую сводит её наше современное искусство, в котором так мало красоты и вдохновения и так много претенциозной грубости, выступающей в нём под старым смелым и благородным девизом реализма.

Помимо этого утрированно мрачного вида искусства, у нас нарождается другое – «новое искусство». Но оказывается, что без знания психиатрии о нём нельзя судить более или менее точно, а психиатрия – не моя специальность.

На выставке

В воскресенье я чуть-чуть не превратился в яркого самобытника по вине «вопленицы» Федосовой, Маковского и Главача. Федосова – это олицетворение старой русской народной поэзии, она и сама, по внешности своей, – старая, спетая песня. Маленькая, хромая, вся в морщинах, с серебряной головой, она как-то выкатилась, а не вышла на эстраду, и выставочная публика, привыкшая видеть пред собой артистов, корректно одетых, с элегантными жестами, импозантных, с эффектами шика во всей фигуре, от причёски до кончиков ботинок, – публика была изумлена, видя пред собой эту хромую старушку в ситцевом платье и в белом ситцевом платке на голове.

Она вышла, в пояс поклонилась публике, села в кресло – и на её коричневом, морщинистом лице вдруг вспыхнули два ясные огонька, её живые, вдохновенные глаза. И вслед за её взглядом на зал – в зале раздался задушевный голос, говоривший старинную народную былинку о Добрыне. Голос старческий, ещё довольно ясный, хотя отсутствие зубов у Федосовой заставляет её шепелявить. На публику повеяло седой стариной, поэзией русского народа, простой, но могучей, такой тоскливой и удалой. Просит-молит Добрыня свою матушку отпустить его во чисто поле; жалко матери расставаться с ним. Федосова подчёркивает сильные места диалога жестами, вдохновляется, вся горит, привстает со стула и наклоняется к публике, как бы желая внятнее и ярче сказать ей о старине, полной кипучих сил и богатырской удали, полной любви к свободе и искания подвигов.

Она – рапсод. Она живая легенда, и, полуумирающая, – она всеми остатками своей жизненной энергии воскрешает перед публикой умершую эпическую поэзию. Голос то повышается, то понижается, и глаза сияют всё ярче. Её антрепренёр – останавливает её... Публика – аплодирует, хотя это, в большинстве своём, публика, ищущая лёгких развлечений, но и её тронула, взяла за душу эпическая красота старухи, сила её изложения и новая ей, публике, мелодия...

– «Вопль вдовы по муже», – возглашает «выводящий» Федосову господин Виноградов.

Раздаётся этот вопль и заставляет публику своей тоскливой, невыразимо простой и в то же время неуловимой ухом мелодией, рыдающей, полной страшной боли, – вздрогнуть. Слышен какой-то общий вздох. Это истинно народная поэзия, это тот стон, который создал народ, наша стомиллионная масса. Потом вопит невеста, выходя замуж. Этот вопль оплакивает гражданскую смерть личности, и он так же трогательно прост, как и силен чувством тоски, вложенным в него. За каждой песней Федосовой ей аплодируют всё горячее...

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895–1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Она поёт ещё весёлую свадебную песнь и солдатскую. Последняя прямо поражает своей мелодией, похожей на византийский рисунок, изобилующей тоскливо удалыми выкриками, ахами, эхами, оттягиваниями нот и бесконечными вариациями на основной мотив. Песнь так звучна, хороша, так народна. Кончено. Около Федосовой толпа, ей жмут руки, говорят «спасибо». Она сыплет направо и налево прибаутками, пословицами, поговорками, и её живые глаза сияют удовольствием.

В концерте Главача я сижу рядом с ней и господином Виноградовым. Он говорит о том, что публики было мало, но расходы по дороге и публикациям окуплены.

– Все на меня расходы, – вздыхает старуха и, помолчав, добавляет: – Туфли мне вот бы...

Ей обещают купить. Она сидит задумчивая, тусклая; вне своей старины, среди этих странных зданий, блеска и всякой вычурности костюмов и зданий, так далёких от истинно русского, – ей, очевидно, неловко, не по себе.

Является Главач. Взмах его магической палочки – и зал полон торжественных звуков «1812 года». Прославленное уменье В.И. владеть оркестром – налицо, все партии в полной гармонии, ни один инструмент не выделяется, глубоко народная музыка увертюры, важная, мощная, льётся плавными волнами по залу и захватывает вас чем-то новым, высоко поднимающим над буднями современности. Торжественный исторический момент, изложенный в этих звуках, – так хорошо рисует широкий размах народной мощи, развернувшейся на защиту своей страны.

Потом играют «Обход» из оперы Гретри «Двое скупых». Это удивительно музыкальная вещь, и её недаром бисировали. Честь публике – у неё есть вкус. «Обход» начат в чуть слышном миноре, – вы понимаете, что где-то далеко, по узким, тёмным улицам средневекового города идёт толпа граждан и поёт такую хорошую браваурную песню. Они ещё далеко, их чуть слышно, но они всё ближе, и вот они пред вами, шумные, весёлые, кажется, немного под влиянием сока из гроздей виноградных. Но они уходят – музыка становится тише. Она тут, вы видите, как смычки дают звуки, и в то же время она исчезает, удаляясь от вас. Всё тише, тише, и, чуть слышная, в конце концов она гаснет в глухой тёмной дали. Какое тонкое, художественное понимание у В.И. Главача, и как он хорошо, рельефно рисует музыкальные картины старых мастеров.

Господа Шолар, Кубанек и Мацукевич играли на скрипке и виолончели с аккомпанементом арфы «Сомнение» Глинки, и рвущий душу трагизм пьесы этой был ими передан так хорошо и сильно, что после целого грома аплодисментов их заставили повторить её.

Госпожа Кронебер, артистка с очень ясным и красивым голосом, исполнила «Индийскую легенду» из «Лакме».

Потом играли «Менуэт».

В изложении Главача – это действительно король танцев и танец королей, как сказано у Мопассана. Грациозный, такой спокойно мощный, такой красивый. Под его звуки вспоминается двор Людовика XV, маркизы в фижмах, романтически настроенные дамы, влюблённые пажы и вся эта красочная поэзия старой Франции. Играли увертюру к «Тангейзеру» – как бы для того, чтоб показать, насколько эффектные новшества Вагнера ниже дивной музыки старых мастеров. Художественный такт В.И. Главача – виден в каждом взмахе его палочки; кажется, что все смычки соединены с ней невидимыми нитями и ею только и живут.

От Главача – к Маковскому.

Первое впечатление не в пользу картины [28]. Она кажется тусклой, в ней мало солнца, и кучи ярких одежд, набросанные на земле, кубки, стопы, братины – всё это недостаточно ярко, недостаточно вырисовывается, как-то очень массивно. И толпа тоже кажется массивной, неживой, без движения. Но стоит посмотреть минут десять, и картина оживает, и вы видите действительную, возбуждённую, полную страшной силы толпу, собравшуюся «делать историю».

Фигура Минина, стоящего на бочке, – очень хороша; понятно, почему всё вокруг него так кипит: это его огонь зажгёт толпу. Всё более и ярче вырисовываются в ней отдельные фигуры – убогие, калеки, снимающие с себя крест, красавица боярыня,

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895-1906. Максим Горький gorkiy.ucoz.ru вынимающая из ушей серьги, кожемяка, сующий свою кису возбуждённому Козьме, стрелец, свирепе взмахнувший над головой своей секирой. Очень оживляют толпу личики детей, выписанные кистью художника, должно быть, очень любящего их. Особенно хороша заспанная девчурка, в одной рубашонке, стоящая почти на первом плане об руку со своей сестрой; старуха, сидящая на земле, около кучи всякого скарба и открывающая бурак, не обращая ни на что внимания, тоже очень типична. Вдали сквозь толпу пробивается вершник, толпа течёт из ворот кремля такой густой волной, над ней туча пыли, и выше всего старик кремль. Его серые хмурые стены очень хороши на фоне неба в лёгких, белых облаках. Левый угол картины открывает зелёный кусок Заволжья с церковью, утонувшей в купе деревьев.

Можно повторить, что в картине мало воздуха и солнца, но едва ли можно отрицать её историческую и художественную правду. Толпа Маковского глубоко народна, – это именно весь нижегородский люд старого времени собрался отстаивать Москву и бескорыстно, горячо срывает с себя рубаху в жажде положить кости за родную землю. Картина не нравится.

А быть может, она потому нам не нравится, что уже чужда нам, что слишком далека от наших дней, когда мы, раньше срывавшие свои последние рубахи для нужды страны, – теперь собрались срывать рубахи с наших выставочных гостей?

Ответ А.А. Карелину
Милостивый государь!

Ваш пример неумения толпы читать литературные сюжеты на произведениях живописи несколько неудачен. Риксенс воспроизвёл на своей картине такой момент из легенды о дон-Жуане, который не трактовался ни Мольером, ни Толстым и никем из авторов, пользовавшихся легендой[29]; этот момент является результатом устного творчества массы, создавшей легенду; он не вошёл в общеизвестную литературу о дон-Жуане, а потому и не мог быть знаком лицам, суждения которых вы слышали пред картиной Риксенса.

Непонимание современными культурными людьми религиозного искусства Византии, приводимое вами в опровержение моих слов о том, что искусство должно быть просто, ясно и понятно, – не опровергает моего положения и решительно ничего не доказывает. Религиозная живопись от веков, следовавших тотчас же за периодом иконоборства и до предшественников Рафаэля была проникнута мистицизмом, вполне понятным и родным настроению людей того времени. На всём протяжении своего существования это искусство имело тот же служебный характер, какой имеют в данное время для нас рисунки в бытоописательных и исторических книгах, но, конечно, общее психологическое значение его было обширнее и глубже значения наших иллюстраций. Художник средних веков, изображая религиозный сюжет, был глубоко убеждён в том, что он изображает действительность, правду, и хотя он рисовал сверхчувственное, но как бы оставался реалистом. Религиозное предание принималось художником за факт. Художник был проникнут сознанием его буквальной правды и передавал его как действительность, с бесхитростной верой, а публика того времени подходила к его картине в настроении таком же, каково было настроение художника в момент творчества. Художник той эпохи изображал не грёзы и не отвлечение, а документы и факты – ибо религия тогда была реальным фактом, – каждый имел её в себе, и все были проникнуты ею. Художник того времени был убеждён и мог убедить, в нём была сила, необходимая для этого, и силу эту он почерпал в вере. И если действительно византийская живопись нам не понятна, то только потому, что мы слишком далеки от того настроения и того веяния мысли, под влиянием которых она сложилась.

Символ, – вернее аллегория, а не символ, – проник в христианское искусство под влиянием гонений язычников и совсем не может знаменовать собою свободу искусства, а как раз наоборот – невозможность искусства воспроизводить в надлежащих формах те явления и тех лиц, воспроизводить которые оно желало и стремилось. Позднее аллегория по привычке продолжала существовать. Аллегория коснулась и действительности. В X веке аллегория изображали в виде женщины, приятно улыбающейся, лес – полунагой мужской фигурой, сидящей у скалы со стволом дерева в руках, и так далее. Но эти формы опять-таки не самостоятельно вырабатывались художниками, а представляли собою воспроизведение поэтических уподоблений, имевших место в стихах той эпохи.

И в скором времени всё это исчезло, – «нелепое само собою атрофировалось», как сказали вы. Вообще же непонимание нами настроений прошлого вполне естественно и

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru психологически объяснимо, и таким образом ваша ссылка на неясность для нас византизма, приведённая в подтверждение непонимания массой искусства вообще, как видите, плохо служит вам в защиту «нового искусства», то есть «чуждачеств» господина Врубеля и философского творчества Акселя Галлена.

Если вы дадите картину даже и с фантастическим сюжетом, но написанную ясно и просто, – её поймут. Ведь понимают же «Славословие» Сурикова в Третьяковской галерее, понимают и «Ковёр-самолёт» Васнецова здесь на выставке – к слову сказать, богатой картины, но бедной искусством. Под картиной Поленова «Христос и грешница» не надо подписывать её название, и Ге, несмотря на его мистицизм, тоже понятен. Понятны все художники, которые мыслят ясно, ибо сказано: «кто ясно мыслит, тот ясно и излагает». Краски – это тот же стиль.

Очевидно, что Врубель и Галлен только потому не поняты, что они плохо сами себе представляют то, что хотят выразить своими красками. Я против приложения эпитета «новое» к искусству этих художников, к их туманным и тёмным фразам, ничего не говорящим ни уму, ни сердцу. Что есть нового у Акселя Галлена? Из истории живописи мы видим, что попытки изображать отвлечённые идеи красками имели место ещё девять веков тому назад. Они были и исчезли, так как никто их не мог понимать, ибо они были не столько произведениями искусства, сколько иллюстрациями к беспомощности человеческого ума, не находившего в себе достаточно сил для того, чтобы дать своим представлениям точные и определённые формы. Когда он развился до того, что мог создать эти формы, когда слово, самое могучее орудие его спекуляции, количественно обогатилось, – отвлечённые идеи приблизились к его пониманию, и краски стали не нужны для философии и психологии.

Галлен находит, что они нужны. Старо. И сюжет его картины стар, как мир: ещё Веды трактовали его в истории о принце Начикстасе. И техника его стара – ведь это же техника китайцев и тех живописцев, которые разрисовывают верхотурские подносы. А помимо всего, картина его бедна идеями. Неужели представление о человеке вне нации можно дать, показав только спину человека? Почему же не только одни пятки? Заметьте, что эта оригинальная манера представлять человека вне нации не позволит Галлену представить его вне расы. По спине, нарисованной Галленом, несмотря на то, что он набросал на неё лиловых теней, я всё-таки вижу, что имею дело с европейцем. Почему же именно европейца, а не индуса взял Галлен для изображения погони за идеалом? В Индии раньше всех стран начали искать идеал и дальше всех ушли в теоретическом искании его.

Неужели представление о человеке вне эпохи и нации можно дать, только нарисовав человека голым? Разве так уже и нельзя из смешения всех архитектурных и декоративных стилей создать нечто совершенно оригинальное, фантастическое и в то же время не принадлежащее никакой эпохе и нации? На какую эпоху указывает и какой нации принадлежит та архитектура, которая изображена на декорации «Снегурочки» во втором акте?..

Ничего, кроме крайней скудости мысли, не видно на картине Галлена даже и тогда, когда эта картина комментирована; наконец, какое моральное значение имеет погоня за идеалом, изображённая так, как её изобразил Галлен, и даже изображённая яснее, образнее и доступнее пониманию?

Есть одна картина – я не помню её автора, – знаю лишь, что это француз [30]. По мостику над пропастью скачет на коне чрез трупы женщин и детей возбуждённый человек, простирая жадно вперёд руки. Впереди его Фортуна на колесе. Она зовёт его к себе и мчится от него вдаль, держа в одной руке рог изобилия, из которого сыплется золото, в другой – лавры. Сама она прекрасна и молода. А сзади человека, почти уже рядом с ним, стремящимся за счастьем, молча скачет, бросая на него тень, смерть в чёрном плаще и на чёрном коне. Вам понятна эта картина, вы знаете, как её назвать. Вы сразу видите, что пред вами погоня за счастьем, скачка к смерти. Все её детали у места – все они объяснимы, несмотря на то, что сюжет картины настолько же абстрактен, как и «Погоня за идеалом». Этот Галлен неуклюж, как истый финн, в своей погоне за оригинальностью. Его желание показать культуру подстриженными апельсиновыми деревьями и маком, посаженным на одинаковом друг от друга расстоянии на зелёной площади, не дающей понять себя (что она такое? ковёр?), смешно и жалко, так же, как смешон и жалок тот маленький фейерверк из подсолнухов, который он назвал почему-то «Цветком смерти». На самом деле: цветок сначала кажется ракетой, потом напоминает о подсолнухе; всего же менее он похож именно на цветок.

Есть что-то низкое в этом оригинальничанье: великое, трагическое явление – смерть – как бы ополнена этим изображением. Века лучшие умы от авторов Риг-веды и до Ницше пытались разгадать эту загадку. Явился Аксель Галлен и намазал что-то смешное и жалкое, крохотное. Как это отдаёт парижским «Кабачком смерти»!

«Нет большего заблуждения, – говорит Шопенгауэр, – как полагать, что каждое изменение есть прогресс» [31]. Вы склонны видеть прогресс в искусстве Галлена и Врубеля? Что же? У всякого – свой вкус. Мы с вами во вкусах не сойдёмся.

Заключение, которое вы вывели из примера с картиной Рубенса, гласит, что чем выше искусство, тем ниже его значение для жизни, ибо ведь вы говорите, что чем оно выше, тем уже круг понимающих его людей. Я уверен, что искусство нужно жизни, людям, что оно может помочь жить им. Жизнь тяжела – оно даст возможность отдохнуть от неё; люди грубы – оно облагородит их; они не особенно умны – искусство им поможет развиться. Искусство нужно публике, а не художникам, и нужно давать публике такие картины, которые она понимала бы.

Вы приглашаете меня к признанию за искусством свободы. Я не отрицаю свободы искусства, я только решительно высказываюсь против свободы «чудачеств» в искусстве.

«Искусство есть откровение», – говорит талантливый теоретик-прерафаэлит Джон Рёскин, и ещё он говорит, что «всякое великое творение представляет собою акт восхваления». Новое искусство не имеет ничего общего с этими положениями эстетики, авторитет которого обязателен для вас, как для человека, видящего в прерафаэлизме – явление отрадное. Я кончу моё возражение вам тем, что категорически заявлю, что ни нового искусства, ни какого-либо искусства в картине Галлена я не вижу, и уверен, что его там нет. За Врубелем я признаю умение владеть кистью и красками и ещё большее умение портить хорошие сюжеты. Признаю за всеми свободу суждения, а за публикой право оценки таланта художника.

Не умаляем ли мы однако нашим маленьким спором значения искусства? Мне кажется, что вы делаете именно это, суживая роль искусства до служения только избранным и являясь апологетом людей, которые дают алчущим вместо хлеба камень.

Машинный отдел

«Дело машиностроения у нас – дело новое и требует к себе мягкого и снисходительного отношения». «Говоря о машинном отделе, следует помнить, что эта отрасль производства на выставках 1870 и 1872 годов была представлена в зачаточном состоянии, а ныне она уже представляет собою нечто вполне солидное и развившееся». Так или почти так говорят о нашем машиностроении те люди, сердцу которых развитие этого производства мило и которые ради его преуспевания готовы ежегодно просить правительство о повышении таможенной пошлины на заграничные фабрики, хотя последние, как это не раз свидетельствовалось на заседаниях торгово-промышленного съезда, лучше и дешевле наших даже и при условии высокого обложения их ввозной пошлиной.

Подчиняясь до известной степени требованиям гуманного отношения к машинам, постараемся дать краткий очерк машинного отдела на выставке.

Прежде всего машинный отдел поражает отсутствием в нём русских фамилий – факт, уже не однажды отмеченный печатью. Производителями русских машин и работниками на поприще этой отрасли русского труда являются французы, англичане, немцы и затем поляки. Русские же фамилии совершенно незаметны в массе таких, как Лильпоп, Бромлей, Поле, Орицнер и Гампер, Лист, Борман и Шведе, Пфор, Реппган и так далее.

Трудно сосчитать общее количество экспонентов в отделе, но, и не считая, видно, что дело машиностроения в России – не наше дело. Скажут, что это не важно, – важно, чтоб капиталы прилагались внутри страны, а чьи они – всё равно. Это правильно по существу дела, но едва ли этим можно утешаться и не видеть того, что намного уменьшает солидность возражения. Дело в том, что иностранец-предприниматель выписывает к себе на завод иностранцев-техников, а это не может не влиять на рост технического образования в стране. Затем следует помнить всегда, что «свой своему поневоле брат» и что всё, что можно сделать за границей, иностранец-заводчик сделает там. Так, например, многие заводчики даже рекламы свои заказывают в Лейпциге и Мюнхене, а это должно же о чём-нибудь

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895–1906. Максим Горький gorkiy.maxim.ru свидетельствовать: или о несовершенстве типо-литографского дела у нас, или о любви заводчика к своей родине; но о чём бы, в конце концов, этот факт не свидетельствовал, он указывает, что капиталы иностранцев-предпринимателей далеко не целиком обращаются в России. Избави мя, боже, от человеконенавистничества, но дело в том, что, в конце концов, крайне обидно видеть Запад постоянно и всюду в роли нашего учителя, а нас в роли его учеников во всех областях приложения труда. В машиностроении и горнозаводском деле видеть это тем более обидно, что у нас в стране масса сил; неисчерпаемые сокровища сырья в виде железных руд не разрабатываются, и в то же время к нам ввозят до сего времени и чугун, и железо, и сталь, как об этом оповещает министерство финансов в своём издании «Производительные силы России» [32]. Насколько именно внутреннее металлургическое производство не удовлетворяет спроса страны, показывают следующие цифры ввоза, данные в министерском издании за три года:

Привезено тысяч пудов: в 1892 г. в 1893 г. в 1894 г.

Железа: 3,063 5,339 11,440

Чугуна в штыках: 5,501 9,799 8,830

Стали и рельс: 1,001 2,145 2,979

Изделия из стали, железа, проволоки: 3,704 4,597 7,547

За то же время вывоз из России выразился в таких цифрах:

в 1892 г. в 1893 г. в 1894 г.

Железа: 317 336 116

Чугуна: 14 14 7

Стали: 23 16 1

Чугуна в отливках: 29 50 147

Изделий: 403 825 608

Как видите, эти данные очень содержательны. Они иллюстрируют или быстрый рост культуры страны – ибо количество фунтов железа, падающих на единицу населения, знаменует собою степень культуры страны, или же указывают на склонность русского человека к оптимизму.

Дело в том, что экспертная комиссия московской выставки 1882 года, исследовав ход русского машиностроения с 1872 года, пришла к заключению, что «эта отрасль промышленности, недавно почти не существовавшая у нас, является теперь – в 1882 году – вполне окрепшею и установившеюся в нашем отечестве, что все, видевшие на выставке 1870 и 1872 годов только слабые зачатки русского машиностроения, были поражены на выставке 1882 года пышным развитием этого дела и что в недалёком будущем всевозможные машины для самых разнообразных отраслей техники будут приготавливаться в России».

Это заключение, вместе с аналогичным ему по смыслу очерком русского машиностроения, помещённым профессором И.В.Худяковым в цитированном издании министерства финансов, стоят в непримиримом противоречии с приведёнными цифрами ввоза и вывоза металлов, – цифрами, взятыми из того же издания. Можно, конечно, говорить, что на сокращение вывоза и увеличение ввоза влияет тот факт, что в годы, взятые министерством, заметно сильное стремление к увеличению железнодорожной сети и что в этом же направлении влияет постройка Великой Сибирской дороги. Но ведь в эпоху «пышного развития» нашего машиностроения строительная железнодорожная горячка свирепствовала гораздо сильнее, чем в данное время, – это раз, а во-вторых, в то время наше машиностроение являлось «вполне окрепшим», и была высказана уверенность, что «в недалёком будущем» мы будем строить для себя всевозможные машины. Прошло четырнадцать лет, недалёкое будущее стало настоящим, и промышленность, пышно развившаяся в течение десяти лет, должно быть, не сделала ни шага вперёд на протяжении четырнадцати лет. Чем иным объяснить приведённые цифры, указывающие на то, что ввоз в Россию продуктов из сырья, которого у неё неисчерпаемые залежи, в три года возрос по всем статьям

Как понимать это явление и какую в нём роль играет протекционизм? Не свидетельствует ли этот факт несокрушимо ясно, что этот вид таможенной политики совершенно бессилён поднять производство машин и что покровительственные пошлины есть, в конце концов, только очень тяжёлый косвенный налог на потребителя, на мелкого, конечно, ибо мануфактурист, сахарозаводчик, пивовар и всякий крупный потребитель машины, несомненно, переложит переплаченные нам рубли в копейках цен на ситец, сахар и пиво.

Очерк профессора Худякова составлен очень умно и всячески выдвигает вперёд заслуги протекционизма. Но он всё-таки несколько менее оптимистичен во взгляде на ход русского машиностроения, чем экспертная комиссия 1882 года. Так, например, сообщив, что потребление чугуна на единицу населения выражается у нас 16,6 фунта, а к 1892 году повысилось до 23,7 фунта, он указывает, что во Франции потребление металла в 4 раза более, в Германии – в 10, в С.Америке – в 15, в Бельгии – в 17 и в Англии – в 18. Указывая на развитие механических заводов в России, которых в 1856 году было 29 с производительностью в 2 миллиона рублей, в 1882 – 234 с производительностью в 46,5 миллиона рублей и в 1892 году – 569 с производительностью в 53,9 миллиона рублей, он констатирует наряду с этим удивительную устойчивость ввоза иностранных машин, которых в 1882 году ввезено на 21 миллион, с 1882 по 1892 год ввоз выражался средней годовой цифрой в 19 миллионов, а в 1892 году возрос снова до 24 миллионов, несмотря на повышение запретительных пошлин, введённое в 1886 и 1890 годах. Приятно видеть такое беспристрастие и такую объективность в официальном издании министерства, регистрирующего таможенную политику страны.

Переходя к общим причинам, которыми обуславливается стеснённое развитие русского машиностроения, профессор Худяков на первом месте ставит дороговизну нашего чугуна – у нас чугун в 2–2,5 раза дороже иностранного и всё повышается в цене, как то было засвидетельствовано на одном из заседаний второго отдела торгово-промышленного съезда. Профессор не указывает, чем именно объясняется эта дороговизна, предоставляя читателю его очерка самому догадываться о причинах такого неожиданного эффекта. А что эффект действительно неожиданный – это не нуждается в пояснении; всем известно и всюду прославлено богатство наших месторождений металла. Ещё не успели приняться за разработку руд, открытых на Кавказе, как были открыты руды в Донском бассейне, вслед за ними в Саратовской губернии и недавно в Курской. Из очерка горной промышленности, помещённого рядом с очерком профессора Худякова, узнаём, что богатейшие руды на Урале с содержанием свыше 60 процентов чистого металла, как, например, Чувальские – железный блеск и красный железняк, и Юрбышкинские – магнитный железняк, совершенно не разрабатываются. Почему? Неизвестно. Вообще у нас в горном деле творится что-то странное – одной илецкой солью мы могли бы прокормить всю Европу в продолжение веков, но тем не менее у нас в стране есть местности, где соль является почти лакомством. Положим, это ещё объяснимо ввиду обширности страны, но уже крайне трудно объяснить, каким образом Европа, которую мы всю можем посолить, ввозит к нам ежегодно свою соль, – в 1892 году, например, ввезла 422000 пудов. Не правда ли, ведь это уже совсем смешно, до слёз смешно?

Помимо дороговизны чугуна, профессор Худяков указывает на общие причины, являющиеся тормозом для развития всей русской промышленности в её совокупности. Главная из них – недостаток технического образования. Из лиц, заведующих производствами, подавляющее большинство не получило технического образования; весьма много среди них иностранцев, а наиболее влиятельные из последних, по словам профессора, продолжают сношения с иностранными производителями машин. Вот интересная таблица, показывающая цифровое отношение техников к нетехникам на русских заводах за два года.

На 300 с лишком русских заводах в качестве заведующих производством состояло:

в 1888 году техников 1 088, не техников 19 861.

в 1892 году техников 1 545, не техников 23 469.

Иностранцев:

в 1888 году техников 528, не техников 1 254.

в 1892 году техников 531, не техников 1 560.

Глядя на эту весьма неутешительную картину, профессор Худяков делает, в противоположность московской экспертной комиссии, такой печальный вывод: «Нужно думать, что многие виды русской промышленности обречены на продолжительный застой и весьма медленное развитие, даже и при содействии разных поощрительных мер со стороны правительства». Замечание безусловно верное – ну как, например, протекционная политика может влиять на развитие технического образования, прямо-таки необходимого, как об этом свидетельствуют цифры, для подъёма промышленной жизнедеятельности и для повышения трудоспособности страны?

На выставке 1882 года, присуждая награды экспонентам, экспертная комиссия неоднократно мотивировала свои решения тем соображением, что данная фирма «пользуется в производстве исключительно силами русских мастеров и русских инженеров». Интересно, каково было воздействие этой меры поощрения на освобождение производств от зависимости иностранцев? Едва ли она могла оказать заметное влияние ввиду того, что как бы ни желательно иметь на заводе русского техника, однако ведь взять-то его негде.

Помимо дороговизны чугуна и недостатка в России русских техников – тормозом в деле машиностроения у нас является ещё и отсутствие специализации производства. Обширность территории нашей страны, далеко не достаточное для её потребностей число механических заводов и разбросанность производств однообразного характера на большие расстояния – всё это имеет своим результатом такое явление: каждому из машиностроительных заводов приходится исполнять у нас самые разнообразные работы, а при этом нельзя ждать ни быстроты исполнения заказов, ни удешевления производств. И то и другое может явиться только при исполнении за раз массы однообразных машин, хорошо приноровленных к существующей на них потребности и современным условиям исполнения в смысле технического совершенства. Специализация производств повела бы за собой и технические усовершенствования и удешевление фабриката, ибо при массовой выработке для формовки много раз повторяющихся чугунных частей заводятся специальные формовочные машины и металлические модели, ручная ковка заменяется машинной, все работы исполняются в шаблон и по калибрам, допуская, конечно, определённый минимум неточности в обработке. Экономизация труда – вот первый результат специализации производства.

Желательная с точки зрения производителя, эта специализация является совершенно нежелательной с точки зрения просто человеческой, ибо она развивает в рабочем автоматизм, заставляя его изо дня в день повторять одну и ту же работу, одни и те же движения, требует от него мало работы мысли и низводит его к роли машины-орудия.

Но начало специализации в производстве машин, орудий и аппаратов уже положено, как говорит профессор Худяков. Казённые заводы раздают понемногу частным заводам заказы на паровозы и заводские механизмы.

Маленькое отступление.

Для того, чтобы развить у нас паровозостроение, пользование паровозами заграничной фабрикации обставлено у нас массой тяжёлых и крайне убыточных формальностей, имеющих своей конечной целью заставить русские железные дороги употреблять исключительно русские паровозы. Но машиностроительные заводы завалены казённой работой, и частным железнодорожным обществам приходится или ждать исполнения заказа три, четыре года, или же опять-таки выписывать паровозы из-за границы. Подумав, железнодорожники нашлись. Аренда паровозов не столь затруднительна, как покупка паровозов; арендованный проходит таможеню почти вполне свободно, и вот Рязанско-Уральское общество арендовало все паровозы для своей линии за границей, провезло их в Россию и, конечно, купило их, когда они прибыли на землю русскую сквозь Сциллу и Харибду таможенной политики.

Это факт, иллюстрирующий работоспособность наших механических заводов, а их малочисленность ещё ярче иллюстрируется тем фактом, что на Волге, имеющей у себя громадную судовую флотилию, не наберётся и пяти судостроительных заводов. Старейший из них – Журавлева в Рыбинске – работал, пока пользовался поддержкой казны, а ныне свёл всю свою когда-то широкую деятельность на починку старых машин. Завод Шилова почти весь поглощён работами на «Дружину», завод Курбатова едва успевает справляться с ремонтом своего судоводного инвентаря. «Сормово» не

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru может до сей поры специализироваться на чём-либо одном – постройке судовых машин или вагонов – и завалено заказами на три года вперёд. Спасский завод общества «Кавказ и Меркурий» работает тоже почти исключительно на себя, и работает так, что о нём знают и прочности его корпусов завидуют даже в Англии, стране, первенствующей в Европе по части судостроения.

До сей поры на Волгу работают кокериль и К° в Бельгии, Шихау – в Швеции, английские и датские верфи, и они будут работать до той поры, пока иностранцы-предприниматели не перекочат с своими механическими знаниями на нашу «кормилицу и поилицу» или пока у нас не разовьётся высшее и среднее техническое образование и не будут облегчены условия государственного кредита крупным частным предприятиям, имеющим экономическое значение общегосударственной важности.

Профессор Худяков в числе причин, тормозящих развитие у нас машиностроения, упоминает и несовершенство нашей техники, объясняющее, почему Россия, имея в данное время у себя около 600 механических заводов, выписывает машины из-за границы, да и эти заводы работают иностранными машинами-орудиями.

Многие материалы, как то: плотное стальное литьё, при минимальных размерах, отвечающих условиям крепости, большемерное котельное и листовое железо, валы с диаметром выше 5-6, прокатное железо, специальные чугуны с прибавкой кремния, марганца, фосфора, наждак, тигли для плавки металлов и много других вещей – приходится выписывать из-за границы потому, что в короткий срок их нельзя получить в России ни за какие деньги.

Стальные и железные трубы, пружины, лужёная сталь, олово, цинк, свинец и ещё многие обделанные металлы у нас ниже заграничных по качеству и выше по цене.

Попытка дать русское большемерное котельное железо представлена на выставке Боткинским заводом, выставившим у своего павильона громадные листы железа этого вида. Сведущие люди утверждают, что очень крупных успехов в сварке железа достигла фирма Фицнер и Гампер, экспонирующая у входа на выставку две одиннадцатисажённые мачты из одного куска железа, а в своём павильоне жаровую трубу в 56 футов длиной и жаровые коробки с вваренными галловоевскими трубами. Эти вещи выкованы из одного куска железа, на них нигде не видно ни спаек, ни – тем более – клёпки. Есть на выставке и ещё разные успехи и завоевания в области машиностроения, и, основываясь на этих не очень поражающих своим значением признаках прогресса нашего машиностроения, профессор Худяков, несколько противореча сам себе, находит, что, невзирая на все перечисленные выше условия, неблагоприятные для нормального и быстреего развития этой отрасли русской промышленности, машиностроение всё более и более крепнет и развивается, с каждым годом завоёвывая себе всё большее число отделов, по которым наша потребность в машинах почти целиком может быть удовлетворена.

Что этот вид промышленности развивается – вполне естественно, что он развивается слабо – это ясно видно из очерка самого профессора; что он не заслуживает предпочтения пред основным трудом страны – сельским хозяйством и что ради него не следует облагать косвенными налогами земледелие – этого может не видеть только профессор Менделеев и только из упрямства. Машиностроение развивается, – предположим, что это очень отрадно и весьма желательно, – но всё-таки не будем забывать, что оно развивается на русских заводах, основанных иностранцами, работающих иностранными орудиями, при помощи техников-иностранцев и во главе с директорами-иностранцами, перерабатывающих русский чугун русскими руками.

Профессор Худяков указывает и ещё тормоз: недостаточно корректные отношения потребителей к производителям машин, выражающиеся в стремлении получить от русского заводчика машину, не уступающую по качествам заграничной, на 15-20 процентов дешевле последней, а также долгосрочные кредиты и такие сюрпризы при расплате, как серии с купонами, отрезанными за год вперёд, купоны ещё не вышедшие, наконец, отсрочки платежей и прочие явления, с которыми западный заводчик не знаком по силе самого хода дела, общей постановки его и вследствие взаимных отношений людей, исторически сложившихся на Западе иначе, чем у нас. Это уже очень ценное указание на общий недостаток у нас культуры, и надо думать, что значение этого фактора намечено профессором несколько узко, по всей вероятности, не один только фабрикант может жаловаться на клиента-заказчика, но и наоборот.

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru

Эти «недостаточно корректные отношения» производителя к потребителю можно видеть во всех отраслях русской промышленности и торговли и во всех их видах от пекаря, подмешивающего в ржаной хлеб размоченные завалявшиеся куски булок, до лодзинских фабрикантов, сочиняющих шикарное трико из обрезков шерстяных материй и покровок, от пассажира, платящего извозчику во тьме ночной двугривенный «с дырочкой» или фальшивый, до купца, рассчитывающегося с рабочими купонами, отрезанными за год вперёд, – всюду можно наблюдать у нас «недостаточно корректные отношения». Иногда они настолько крупны по своим размерам и последствиям, что принимают характер преступления против торговой чести всей нации и, вызывая нарекания на Россию как на страну, неспособную к порядочности в коммерческих сношениях, вредят развитию её внешней торговли.

Отчасти этим «недостаточно корректным отношениям» к покупателю и потребителю Россия обязана сокращением сбыта своего зерна на заграничные рынки. Своевременно прессой были отмечены приёмы, которые практиковала Калашниковская пристань в торговле с Англией, сбывая ей недостаточно сухое и загоравшееся в дороге зерно или подмешивая в купленные сорта зерна – более низкие. А на совести господ мануфактуристов лежит тот факт, что наша торговля льняными и хлопчатобумажными изделиями с Персией, Средней Азией и Китаем до сей поры носит спорадический характер и не может установиться в твёрдые рамки, гарантирующие нормальный прогресс сбыта наших фабрикатов. Однообразие сочетания цветов, бедность рисунка, а главное, низкая доброта русских товаров позволяет Англии постепенно расширять свои спекуляции на названных рынках и продвигаться всё глубже, даже и в русские владения Средней Азии, не говоря уже о Персии и Китае. Сравните в павильоне кяхтинских чаеоторговцев образцы товаров англичан с предметами русского вывоза. С одной стороны, вы увидите тщательное изучение восточного вкуса, желание удовлетворить стремлению Востока к яркости красок и к блеску, к фантастически запутанному рисунку, с другой – В. и С. Морозовы, Разоренов и Кокорев, Бабкин и Тюляев показывают бязь, плис и кретоны, которыми они снабжают китайцев по ценам от 23 до 45 копеек за аршин. Из осмотра этих русских изделий и сравнения их с полупарчю англичан можно сразу убедиться в том, как последним будет легко вытеснить с рынка русские фабрикаты.

Не мешает также вспомнить и историю русской кожи в Париже, где она была в хорошем спросе ещё лет десять тому назад и где теперь её не хотят покупать потому, что она оказалась гнилою. И можно много вспомнить таких «некорректностей» во внешней торговле России, в корень подрывающих её торговую репутацию и вполне заслуживающих внимания уголовного кодекса, ибо такие «некорректности» касаются репутации страны, как торговой фирмы.

На мой взгляд, профессор Худяков мало отводит места и значения этому тормозу развития русской торгово-промышленной деятельности, имеющему почвой общие культурные условия жизни страны и, главным образом, отсутствие в ней специального образования.

Несомненно, что с учреждением коммерческих училищ с широкой общеобразовательной программой последние могут быть единственным радикальным средством для борьбы с таким крупным злом, как «некорректность».

Однако возвратимся к очерку профессора Худякова и к общим выводам из его логических спекуляций по вопросу о том, развивается ли и насколько именно развилось с 1882 года наше машиностроение?

Профессор убеждённо говорит, перечислив вышеприведённые мною «тормоза»:

«Но, как бы то там ни было, – успех наш в деле машиностроения несомненен, ибо на выставке фигурируют такие фабрикаты этого вида промышленности, каких на выставке 1882 года не было и в зачатке, и, помимо новых производств, во всех бывших уже в 1882 году заметны существенные изменения.

Так, например, в 1882 году на московской выставке паровые машины фигурировали небольшой силы – в 60–70 фунтов, построение машин системы «Компаунд» тогда ещё только начиналось у нас; в данное время построение этих машин успешно конкурирует с лучшими иностранными заводами. Товарищество московского металлического завода (бр. Гужон и К^о) имеет машину русской работы в 1000 индикаторных сил для приведения в действие проволочно-прокатного станка; на Александровском южнороссийском заводе есть русская машина в 3000 индикаторных сил.»

На выставке экспонируются паровые машины очень крупных размеров тридцатью экспонентами.

Пароходные паровые машины на выставке 1882 года были представлены Курбатовским и Коломенским заводами. На Нижегородской выставке экспонентов по этому виду машиностроения пятнадцать. Крупнейшим фабрикатом является машина Курбатовского завода в 800 индикаторных сил, назначенная для буксирного парохода, но это не есть исключительный для завода экспонат, ибо Курбатов, ныне Карпова, его наследница, имел в своей практике и более сильные машины, как, например, на его пароходе «Вульф». Пароходы Курбатова ходят до Перми по Каме и по рекам Восточной Сибири. Все они буксиро-пассажирского типа, водят за собой гружёные баржи, ранее водили баржи с арестантами по договору с казной, исполняемому ныне пароходством Семенова и К°. Кама, ввиду быстроты своего течения, требует очень сильных машин, в деле постройки каковых с Курбатовым могли бы конкурировать из русских только сормовские заводы и пермский казённый, имевший в своей практике постройку пароходных машин на 2400 сил. Но, как я уже сказал выше, завод Курбатова работает почти исключительно для своего пароходства. Крупные заводы с Волги, Камы и других рек под разными предложениями уклонились от экспонирования своих машин. Это очень типично для русских промышленников. Не участвуют на Нижегородской выставке пермские заводы пароходовладельцев Любимовых и Каменских, рейсирующих от Нижнего до Перми и строящих для себя прекрасные машины и корпуса; Кунгурский завод Кузнецова, завод Всевожского на Повже (Кама), казённые: Воткинский и Пермский, Шипова в Костроме, Журавлева, строившего знаменитые некогда на Волге пароходы: «Нептун», «Вулкан» и «Переворот», позднее «Колорадо» Зевеке, раскловшийся в 1890 году около Балакова на Волге и ныне перестроенный Зевеке в роскошный пароход-салон «Ориноко». Нет в отделе машиностроения сормовских заводов, «Кавказа и Меркурия» и многих других. Причины уклонения их от выставки, кроме них, никому не ведомы.

В производстве арматуры паровых котлов успех весьма велик, и наша арматура, по словам профессора, может вполне выдерживать конкуренцию с иностранной. Представитель же фирмы Борман и Шведе, экспонирующей котлы, говорил мне, что не может. Их фирма выписывает арматуру из-за границы. Успех в производстве арматуры издание министерства финансов объясняет высокой пошлиной на медь и изделия из неё, в 1890 году доведённой до 3 р.50 к. золотом с пуда. Двигателей газовых, керосиновых, гидравлических и других на выставке 1882 года не было. Первоначальные попытки строить таковые двигатели были сделаны в 1888–1890 годах. Первый двигатель в России был построен инженер-механиком Е.Э.Бромлеем... а вы думали Фёдором Сидоровым? В данное время двигатели работают в массах Бромлей и Липгарт в Москве. Локомотивы строят: Липгарт, Бромлей, Нобель в Петербурге; Рихард Поле в Варшаве, и, несмотря на конкуренцию Запада, дело сильно развивается.

Аппараты химической технологии, впервые появившиеся у нас на выставке 1882 года, подвергались за четырнадцать лет очевидному прогрессу в смысле техники. Аппараты винокурения позволяют ныне извлекать из одной и той же массы материала более продукта, чем его извлекалось раньше, и продукт этот выше качеством. Отмечу также рост приспособлений для охраны жизни и здоровья рабочих во всех областях промышленности. В 1888 году о таких вещах у нас не заходило и речи; ныне они выставлены в виде щитов, сеток, перил и решёток самых разнообразных форм и назначений для ограждения опасных частей машин, для приводов и так далее. Ввиду того, что все эти вещи являются только деталями машин, специальных фабрик для их приготовления нет, да в них и нет надобности, ибо каждая фабрика работает их для себя и у себя, по своим образцам. Удобоприменимость этих приспособлений и тот факт, насколько они отвечают своему назначению, могла бы осветить сравнительная с прошлым статистика и увечий на заводах; но таковой, конечно, нет, и значение всех этих щитов, сеток и так далее остаётся под сильным сомнением ввиду частых сообщений газет о несчастиях с рабочими.

Всего очевиднее прогресс техники в производстве паровых котлов. Он выражается, главным образом, в том, что ныне наши производители котлов совершенно освободились от употребления иностранного материала, в переходе от сварочного железа к литому, в введении водотрубных котлов и в улучшении арматуры. Водотрубные котлы реклама часто называет невзрываемыми, но профессор Худяков предупреждает, что таковых нет и, мало того – не может быть, ибо малейший порок железа, в виде скважины в нём, или малейший недосмотр могут всегда вызвать катастрофу. В данное время у нас насчитывается до ста котельных заводов; общее

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru же количество вообще механических заводов в 1892 году выражалось цифрой – 569 с 50 000 рабочих и производительностью в 53,5 миллионов.

Итак, вывод из всего сказанного только тот, что прогресс в сфере русского машиностроения есть... Было бы, впрочем, странно, если б его не было. Причины, задерживающие более быстрое развитие этой отрасли промышленности, как читатель видел, кроются, главным образом и прежде всего, в общих культурных условиях жизни страны, а не в специальных условиях производства – дурном качестве сырья, недостатке спроса, конкуренции производителей и т. п.

Естественные качества нашего чугуна, по свидетельству знатоков дела, ничуть не хуже, а даже лучше чугуна западного, но недостаток научно-технических знаний в стране делает его хуже. Недостаток же технического образования вызывает и то обстоятельство, что специалисты стоят во главе производств, вырабатывают фабрикаты по шаблонам, не имеют возможности применять новинки западной техники и конкурировать с Западом в достоинстве и дешевизне фабрикатов. Указанное профессором обстоятельство – приёмы расчёта и характер требований, предъявляемых русским клиентом к русскому производителю, – имеет корни точно так же в общем типе русской культуры, что, кажется, несомненно.

Таким образом, выставка в отделе машиностроения вместе с успехами этой отрасли производства констатировала давно уже установленное как факт явление – малую культурность страны.

С Всероссийской выставки

(Впечатления, наблюдения, наброски, сцены и т. д.)

[1]

Министерство финансов возвело на выставке до 80 павильонов, частные лица и учреждения – до 125. В общем площадь, занимаемая выставкой, намного больше площади Всероссийской московской выставки [33]; патриоты-нижегородцы, бывшие в Чикаго, утверждают, что и чикагская выставка меньше «нашей» [34]. Так как проверить их слова довольно трудно, то они говорят это с большим апломбом.

Очень распространено среди сведущих людей убеждение, что нижегородская выставка не только больше, но и будет полнее, красивее московской.

Читатели «Одесских новостей» уже знакомы с планом выставки и, наверно, рассматривая его, уже заметили, что, по мере приближения к центру, здания сильно скучиваются и теснят друг друга. В натуре эта скученность центра крайне резка, очень сильно бросается в глаза. Архитектура зданий от этого много проигрывает – один павильон, налезая на другой, как-то ступшевает его красоту и мешает сразу охватить взглядом весь ансамбль здания. Общее мнение – на Всероссийской выставке нет русской архитектуры. Всюду мавританские арки и купола, готические вышки, много нижегородского «рококо – знай наших» – какие-то фантастические кривулины, масса разнообразно изогнутых линий, в которых нет ни кокетливой игривости стиля весёлой маркизы, ни одной простой детали – «все с ужимкой», – ни признака красоты. Кое-где проглянет кусок Византии, кружево русского рисунка и исчезает, подавленное всем другим.

Всюду много торопливой фантазии – но цельных и стильных вещей нет, если не считать императорский павильон и мавританский отдел Средней Азии и Кавказа. «Торопились очень и не успели ничего сделать», – оправдываются строители. Жалоба «Нижегородского листка» на то, что выставке недостаёт общей идеи, которая объединяла бы все здания, и что она представляет собою базар, выстроенный на скорую руку, «скученное собрание построек разных стилей и эпох», – имеет очень серьёзные основания [35].

На Всероссийской выставке следовало бы экспонировать и русскую архитектуру – или она этого не заслуживает? Общая неприбранность, повсюду разбросанные доски, ящики, тачки, груды песка и мусора ещё более запутывают впечатление и портят ансамбль. Несомненно, что когда всё это вычистят, уберут, разровняют дорожки и разобьют куртины и клумбы цветов, выставка много выиграет. Но и тогда она даст много материала для толков об общем понижении вкуса и об упадке в жизни красоты. Век меркантилизма и материализма даёт себя знать во всём, и выставка есть и будет очень яркою иллюстрацией его силы и влияния на дух человеческого творчества. Эти широкие и низкие павильоны, осевшие к земле, как-то придавленные к ней, без порыва вверх, без признака в них свободной и смелой фантазии, пытливости и гордости бодрого идеализма и веры человека в самого себя, – как бы

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru характеризуют собой нашу будничную, застоявшуюся в тесных рамках обыденную жизнь, скучную и серую, без крупных интересов, без широких запросов, без оригинальности, но и без простоты, странную, пониженную и запутанную жизнь людей, утомлённых и растерявшихся в массе мелочей.

Не знаю, как устраивает свои выставки весёлый и нервный Париж и другие города Европы, но трудно предположить, чтобы там дело сопровождалось такой же путаницей, растерянностью и глухой, тёмной борьбой заправил и главных двигателей дела, чтобы оно осложнялось такими же ненужными деталями, как и у нас. Хотя, конечно, люди – везде люди, но в более культурных странах и самолюбие должно быть более культурным. Как известно, сначала генеральным комиссаром выставки был назначен Кази, ныне он заведует отделом фабрично-заводским и машиностроительным, а генеральный комиссар – В.И. Тимирязев. Господин начальник губернии тоже принимает непосредственное участие в устройстве выставки. Вице-председатель комиссии по устройству очень часто бывает на выставке и обыкновенно после его посещения многое тасуется на новый лад. Дело крупное, грандиозное дело, и – как я уже говорил – в такой громадной и ещё не устроенной машине трудно требовать от всех частей её солидарной и гармоничной работы. Чувствую, что сравнение с машиной неудачно: там движется холодная сталь и другие металлы, здесь – нервы, горячая кровь и пылкие чувства и остро отточенное, в погоне за карьерами, чуткое самолюбие.

Между заведующими отделами нередко легонькие столкновения, а так как паны дерутся, то обыкновенно у хлопцев чубы трясутся, за всё расплачивается и со всем считается экспонент или его доверенное лицо. Ах, он очень много портит себе крови! С момента, как он приближается ко входу на выставку, для него начинается неисчислимый ряд мытарств и разных «неприятностей». Нужно выправить в комиссариате билет на право входа на территорию выставки, для сего требуется ряд доверенностей, свидетельств и официальных удостоверений. Затем нужно найти свой отдел, а для сего предпринять длинное путешествие по дорожкам, на которых нога глубоко вязнет в кучах мусора и в грязи. Грязи много, ибо почти каждый день идёт дождь, а помимо этого не надо забывать о почве выставки.

Найдя отдел, следует отыскать заведующего им. Дело нелёгкое. Но вот и оно благополучно закончено.

- Честь имею представиться – доверенный фирмы...
- Очень хорошо...
- Место моей фирмы...
- Идите, там вам укажут.

Указали. Втаскивается витрина, вот она установлена, ящики с экспонатами распакованы, дело кипит, рабочие изнывают от утомления, экспонент их понукает и, похаживая около, с весёлым духом, напевает или насвистывает любимые ариетты. Является «лицо».

- Э-это чья витрина?

Отвечают.

- Эт-то не ваше место...
- ?..
- Ваше место в той галерее... Перенесите туда витрину, сейчас же...

Переносят. Смотрят – там тоже кто-то устраивается.

- Позвольте! Это не ваше место, а наше!
- Нет-с, извините! Наше, а не ваше!
- Но позвольте...

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895–1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru – Нет, подождите – мне указал сам N.

– А мне – сам X!

Недоумение. Идут за точными справками – один к N, другой – к X.

Был – в мануфактурном отделе – случай, что и N и X оба ошиблись. Это повело к тому, что две уже почти совсем отделанные витрины должны были разбираться и переноситься одна на другое место, другая уже на третье. Экспоненты скорбят, экспонаты мнутя, витрины царапаются и обламываются.

Но, к счастью человека, всё на земле конечно.

Витрина устроена. Эффектно. Экспонент улыбается, поглядывая на соседей.

– А нуте, каково?

Это он преждевременно ехидничает, и тут же где-нибудь из-за угла его витрины на него вылезает кара за ехидство в лице человека в разлетающей и широкой мятой шляпе.

«Художник!» – вздрагивает экспонент от неприятного предчувствия.

«Художник», – их на выставке целый полк, в составе «по военному положению», – останавливается перед витриной и, с видом знатока, щурит глаза. Потом кусает бородку, если она у него есть, или просто жуёт свою губу. Потом скептически улыбается. Потом зовёт к себе ещё «художника». Диалог:

– Видишь?

– Хм... да... – Печальное покачивание головой.

– Полное безвкусие... – Сокрушённый вздох артиста и тонкого ценителя красоты, оскорблённого в своих чувствах. Оба впереводку вонзают в смятенную душу экспонента по нескольку тёмных слов.

«Нюансов нет». «Складки мертвы». «Этот шёлк нужно бы бросить бликами». «Краски спутаны». «Густо брошены шелка».

– Полное отсутствие вкуса! – дружно заключают «художники» и следуют далее смущать покой экспонентских душ.

А раскритикованный экспонент остаётся и пристально смотрит на создание своих рук. «Тёмные слова» действуют на него – и то, чем он был доволен полчаса тому назад, уже много теряет в его глазах.

«А ведь, пожалуй, надо перетово...» – мелькает у него мыслишка, и, глядишь, начинается это «перетово». Материю располагают в ином порядке, в иных сочетаниях цветов, и часто из простой, но действительно красивой витрины получается кричащая лавочка с неестественно пёстрой физиономией...

Много вещей ломается и портится. Вчера, например, пришли экспонаты кяхтинских чаоторговцев, и при раскупорке ящиков масса чудных японских и китайских ваз оказалась разбитыми вдребезги. Это – результат дальности пути и плохой укупорки. Но много бьют и ломают при переноске и установке на место. Жестоко бьют.

У павильонов с колоколами фирм финляндского, Оловянишникова и других на куче песка расположилась группа землекопов и «обедает». В большой деревянной баклаге квас, по рукам рабочих ходит железный ковш, едят зелёный лук с большими краями чёрного хлеба, густо посыпанного солью, и запивают квасом.

У каждого в руке – большой пучок лука, скулы двигаются, как на шарнирах, чавканье и скрип перекусываемой зубами травы.

Около этой группы останавливается Альфонс Картье, журналист от «La France», и Казимир Топорский от «Paris». Картье – южанин, откуда-то из Прованса, худой, бронзовый, нервный, с быстрой речью и с острыми, умными глазами. Врёт – как

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895-1906. Максим Горький gorkiy.maxim.ru
Тартарен. Движениями напоминает почему-то об «американском чёрте в банке».

Он долго и внимательно рассматривает физиономии рабочих, указывает своему спутнику на пучки лука и, – очевидно, предполагая, что он говорит по-русски, – спрашивает:

– Труава?

Ему объясняют: лук.

– Ah!

– Vin? [36] – жест по направлению к баклаге кваса.

Топорский говорит: квас.

– Кивуас? – Он быстро наклоняется к рабочему, в руках которого в это время ковш с квасом, и что-то говорит ему, любезно улыбаясь.

Тот – понял! Утвердительно кивает головой, выплёскивает из ковша остатки кваса на землю, наливает свежего из баклаги и даёт картье. Рабочие перестают чавкать и, с любопытством глядя на француза, ждут, как он будет пить русский квас. Ряд чумазых, бородатых славянских рож, и пред ними на корточках сухой бронзовый провансалец с жестяным ковшом в руке.

Он сначала нюхает бурую жидкость, и его хрящеватый нос с тонкими, нервными ноздрями вздрагивает и морщится. Это замечено, – бородатые фигуры землекопов ухмыляются, толкая друг друга.

Картье решается. Он делает глоток-другой.

– Sapersot! [37] – На его подвижном лице отражается дьявольски кислая гримаса, он отрицательно мотает головой, его передёргивает.

– Мегсі [38], – задыхаясь, говорит он и суёт ковш в протянутую к нему заскорузлую руку смеющегося и, очевидно, страдающего французу гиганта рабочего. Гримасы на лице Картье сменяют одна другую – всё лицо вздёргивается. На нём и жалость, и отвращение, и недоумение, и любопытство...

– Diable! [39] – вполголоса произносит он, смешно пятась от группы мужиков и оглядывая их широко раскрытыми, недоумевающими глазами. Мужички, стараясь сохранить серьёзность, снова начинают со скрипом жевать лук.

– И это их питание, при такой работе? – осведомляется Картье у своего спутника. Тот утвердительно кивает головой, и, в то время как «братья-писатели», прыгая через доски, удаляются, рабочие хохочут...

– Не терпит ихнее брюхо христьянского питья!

– Кисло ему!

– Чай, поди, шелушиться кожа-то будет!

– Французу русский квас – всё равно, как бы модной барыне да кирасин!

– Сказал! Вывез слово!

Оживление растёт.

– Оно действительно, – солидно и задумчиво говорит старый, седобородый и кряжеватый землекоп, заглядывая в баклагу с квасом большими, печальными глазами, – квасок-от у нас и тёпел и кисел, да и припахивает чём-то. Нефтой будто. А не попало ли как нефты в баклагу?

– Да уж ладно, ведь весь выпили! – замечает кто-то.

На этом и заканчивается франко-русский инцидент с квасом.

В художественном отделе на днях тоже разыгрался большой художественный инцидент. Потерпевшим является профессор Врубель и сам отдел. Профессор выставил два громадные панно. Одно из них представляло «Микулу Селяниновича», другое – «Принцессу Грёзу». Из грациозной, меланхолической и проникнутой глубокой мыслью пьесы Ростана профессор Врубель воспроизвёл заключительный акт – сцену посещения принцессой Триполиийской умирающего трубадура Жофруа. Картина изображала палубу галеры, группу пиратов, свиту принцессы и на этом фоне Мелисанду, склонившуюся над ложем человека, так страстно любившего Грёзу и умирающего за неё. Я не видал картины и не могу, да и не сумел бы судить о достоинствах её исполнения, но каково бы оно ни было – профессор Врубель имеет право выставить свою работу, как имеет это право каждый из экспонентов выставки. Достоинство труда определяет публика, окончательное veto высказывает выставочное жюри. Раз данная вещь представлена на выставку – какова бы она ни была, покажите её публике. С панно Врубеля произошло что-то странное – его публике не хотели показать, явилось жюри от академии художеств, посмотрело на панно Карелина и Врубеля и распорядилось убрать их. Оба художника совершенно не рассчитывали иметь дело с академическим жюри, и, само собою разумеется, это распоряжение их и изумило и обидело. Возбуждается вопрос – какое дело академии до работ лиц, к ней не причастных и являющихся на выставку в роли экспонентов? Чем объясняется этот странный и совершенно произвольный поступок?

Картина Врубеля возбудила у лиц, видевших её в отделе, массу самых разноречивых и горячих споров. Одни говорят – это декадентство, другие – это шедевр! Третьи, не впадая в столь противоположные крайности и, к слову, более понимающие искусство, очень определённо говорят: «Картина Врубеля слишком смела и далека от академических шаблонов, талант артиста несомненен, сюжет он понял глубоко, но позволил себе слишком увлечься импрессионизмом, и эта техническая сторона дела сильно стусевала мысль картины, затруднила понимание её идей». Я – ни за одно из этих суждений, я за право человека показать публике то, что он сделал. Пусть на выставке публика получит возможность видеть все течения искусства, ведь выставка для того именно и устроена, чтобы знакомить нацию с результатами её труда за известный промежуток времени, а никак не для того, чтобы академики сводили на ней свои старые счёты с передвижниками.

В результате всей этой путаницы и совершенно неожиданного появления строгого академического жюри – панно Врубеля сняли, и одна часть отдела ныне совершенно оголена. Предполагается чем-либо задрапировать её. Панно Карелина осталось... Врубель, к его счастью, не потерпел убытка от его изгнания с выставки; его «Грёза» и «Микула» в эскизах куплены уже каким-то священником, и, как говорят, за довольно солидную сумму.

Отдел скоро будет закончен; картины прибыли все и поспешно развешиваются. О внешнем виде отдела – до следующего письма.

[2]

30 мая

Теперь, когда выставка, в большей своей половине, уже приняла благоустроенный вид, физиономия и содержание её остальной части намечены и общая её картина достаточно ясна для выводов о её значении и о том, насколько она отвечает своей главной задаче – представить стране возможно полное собрание продуктов её труда, возможно яркое изображение хода её промышленной жизни, – выводы уже начинают раздваиваться.

Поспешно, конечно, но характерно, потому что большинство их пропитано скептицизмом и свирепой критикой, а где много критики – там много мысли, и где много мысли – там есть жизнь. Привычка, – следует добавить – дурная, – привычка русского человека ругать себя на все корки уже сказывается.

Вчера мне пришлось прокатиться по Оке на лодке с одним из «устроителей» выставки, кстати сказать, принимавшем деятельное участие и в устройстве московской Всероссийской выставки. Мы выплыли на середину реки, и, когда перед нами встала эта громадная колония, вся залитая электрическим светом, фантастичная, в звуках музыки, разносящейся по воздуху из окружающих её гостиниц, – я спросил моего спутника, задумчиво смотревшего на эту фантазмагорию зданий, издали красивых, как изящные игрушки:

– Любуетесь на дело рук своих?

– Думаю на тему о человеческих намерениях и об их исполнении, – ответил он и, ещё после нескольких вопросов с моей стороны, разлился нижеследующей скорбной речью:

– Я устраивал вот уже две выставки и нахожу, что обе они неудачны, по существу своему неудачны. Мы выставляем продукты труда нации, но где же приёмы производства продуктов? Какое образовательное значение для публики и самих экспонентов имеет продукт, раз не показано, из чего и как он возникает? Я вижу – в витрине висит ткань, лежит железный лист, стоит вещь из стекла... Откуда и как они получились, какими приёмами, машинами, из каких соединений получились эти вещи в их данной форме? Покажите формы производства, все условия его в их полном объеме, тогда это будет иметь развивающее значение как для публики, так и для самой промышленности. Тогда будет возможно сравнение и улучшение как прямой результат его.

– Кусок ткани я могу видеть в любом магазине, это ничего не говорит моему уму. Важно не то только, что сделано, важно, как оно сделано. Вон в кустарном отделе стоит пианино кустаря-вятича Коркина, он работал над ним пять лет, не имея необходимых инструментов, работая чуть ли не зубами и ногтями. Быть может, и всё другое создается таким же нелепым и непродуктивным способом, почему я знаю? Мы хотели устроить выставку национального труда, – войдите в главный отдел, и вы увидите универсальный магазин в его идеале. Там есть всё, – не видно одного – кем, как и из чего всё это делается. И опять-таки – в том же кустарном отделе дан образец того, как надо поучать, выставляя труд. Там есть изба семёновского ложкаря, на завалинке которой представлено постепенное возникновение ложки из куска дерева. Вы видите, как дерево кислят, долбят, обтачивают, вырезают, дают ему форму ложки, даже как эту ложку укладывают в короб для отправки на базар..

– Дайте и всё другое в такой же форме, дайте хоть олеографии постепенного возникновения из безобразного сырья готового к употреблению продукта. Разве я – если я хочу понять труд нации – смогу понять его по образцам труда? Научают не продукты труда, а приёмы его, только они могут дать представление о культуре страны.

– Это одна сторона дела. Другая – неподготовленность экспонентов к их роли показателей уровня культуры страны. Они именно усвоили себе взгляд на выставку единственно как на рекламу их фирмам, как на громадную ярмарку, только как на соревнование друг с другом. Это не соревнование однако – это скорее экзамен промышленным способностям страны, и, как таковой, он должен быть и проще и яснее. Он не требует шика и эффекта – зачем бросать по 30 тысяч за витрину для выставки товара, когда дело не в витрине, а в самом товаре? Лучше употребить эти 30 тысяч для показания приёмов труда и производства товара.

– Значение выставки как национального дела не понято экспонентами. Отсюда эти громоздкие эффекты, это стремление затушевать соседа роскошью своей витрины, эта кричащая пестрота и безвкусица расположения экспонатов.

– Всё то, что тут привезено, я могу увидеть ещё в большем количестве в торговых помещениях фирм. Есть, конечно, много нового. Но ведь оно сделано не специально для выставки, а потому, что пришло его время явиться в свет. Как оно явилось – я не знаю. Непонимание крупного государственного значения выставки экспонентами выразилось и в их отказах от участия в ней, и в их ленивом, неуклюжем движении на неё, в запоздании, в силу которого много товаров осталось неразобранными, в заявлениях о желании принять участие на выставке, когда на ней уже не было мест. И во многом другом выразилась русская неприиспособленность к крупным предприятиям. Это очень грустно..

– Везде так бывает? Нация молода? Не знаю, бывает ли так везде, если бывает, это скверно и не оправдывает нас. А указания на юность нации заставляют меня требовать от неё больше энергии и менее разгильдяйства, больше жизнедеятельности и менее скаредничества, жадности к наживе, которая сквозит во всём этом рекламном шике витрин наших производителей. Ведь все, что они затратили на своё участие в выставке, они непременно возместят из кармана потребителя, непременно возместят, набросив тут же, на ярмарке, лишнюю копейку на аршин ситца, лишний пятак на пуд железа.

– Ведь вещи выставляют Савва Морозов и Асаф Баранов, Циндель и Гюбнер, а не их

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru ткачи, и всеми барышами от выставки воспользуются эти господа, а не их ткачи... Труд народа – действительный труд 112 миллионов сельского сословия – собран в маленьком павильоне кустарного отдела. Всё это предметы примитивного обихода – ложки, чашки, лапти, телеги, рогожи. Видно некоторое старание земств развить и расширить кустарные промыслы, – московское земство выставило роскошную мебель, изящные игрушки, вятское – статуэтки из гипса, тоже мебель. Это производит странное впечатление: пахарь, человек всецело поглощённый «властью земли», в свободное от страды время мастерит для города игрушку, вместо того чтобы шить самому себе сапоги, делает изящное кресло, вместо того чтобы согнуть коромысло для своей жены...

– Но не в этом дело, а опять-таки в том, поскольку выставка народна хотя бы вот в кустарном отделе. Оказывается, что нижегородское земство из ста кустарных промыслов губернии экспонирует только сорок пять – больше не успело собрать. Вятское, нижегородское и московское земство – ясно видны, а остальные засунуты куда-то в углы, мизерны, не видны. Неужели кустарные промыслы развиты у нас только в трёх губерниях?

– Я не националист, не апологист русской самобытности, но, когда я прохожу по машинному отделу, мне становится грустно. Русские фамилии отсутствуют в нём почти совсем – всё немецкие, польские фамилии. Но однако какой-то, кажется, Людвиг Цоп вырабатывает железо «по системе инженера Артемьева»... Это производит колющее впечатление. Говорят, что почва промышленной деятельности всего скорей сроднит человечество. Это бы хорошо, конечно, но пока мне всё-таки хочется видеть инженера Артемьева самостоятельно проводящим в жизнь свою систему обработки продукта. Вспоминается судьба Яблочкова и разные рассказы о русской непредприимчивости, об отсутствии у русского человека самооценки, о его неумении видеть далее своего носа...[40]

Это – взгляд на дело лица, непосредственно заинтересованного в деле, – взгляд, недостаточный объективный, но всё-таки имеющий под собой почву, ибо в таком крупном деле, как выставка, и промахи крупны. В этом смысле говорят многие, но гораздо больше отзывов прямо противоположного характера.

Такие отзывы с успехом и замечательной колоритностью группирует «Волгарь» на своих страницах. В его изображении выставка грандиозно хороша и внешне и внутренне, всё удачно, всё возбуждает только удивление и патристическую радость. «Пересолы», допускаемые «Волгарём» и «Нижегородской почтой» в похвалах выставке, изумительны. Это весьма патристично, но едва ли полезно кому и чему-нибудь. Лучшее, что может сделать обозреватель выставки, – это изображать её возможно более детально и вполне беспристрастно с чисто внешней стороны, показывая, что на ней есть и как оно представлено, чего на ней нет и почему нет. Я именно так и постараюсь сделать.

[3]

6 июня

Вчера, для первого дебюта, труппа Московского Малого театра дала «Бешеные деньги» в ярмарочном театре. Спектакль имел громадный успех, вызовом не было конца, возбуждение публики поражало своей силой, хотя публика была – в большинстве своём – очень интеллигентна. Её дала преимущественно выставка – был почти весь административный персонал выставки во главе с С.Ю. Витте, начальником губернии и генеральным комиссаром, представители прессы, художники и инженеры, инженеры, очень много инженеров!

Почти весь партер был заполнен людьми «с именем». Всё-таки театр был намного не полон, ибо это такой громадный сараище, наполнить который нелегко.

Играли действительно хорошо. Госпожа Лешковская (Лидия), Южин (Телятев), Рыбаков (Васильков) каждой деталью, каждой нотой своей речи и каждым жестом давали понять публике, что она имеет дело с истинными художниками сцены, с людьми дисциплинированного чувства и чуткого к требованиям истинного искусства ума. Ансамбль замечательный, и сразу видно, что труппа, начавшая репетировать ярмарочные спектакли ещё с декабря месяца, не потеряла времени даром и действительно сыгралась на славу. Картина жизни, которую вчера тщательно, тонко и горячо нарисовала труппа публике, обеспечивает за московскими артистами солидный успех, и, несомненно, именно они явятся на Всероссийской выставке самыми лучшими и самыми художественными экспонентами.

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Ярмарка всё ещё пуста: из тысячи торговых помещений открыто на всей её территории 23. Вы выходите из театра, где пред вами три часа билась жизнь, вы подавлены драмой, в которой художники-артисты заставили вас принять активное участие и пережить вашим умом и сердцем каждый её миг, вы оглушены громовой овацией публики, и вдруг – вы вступаете в странный, мёртво молчащий город... Ряды зданий, облитые фантастическим мутноватым светом электричества, смотрят на вас мёртвым блеском окон... По углам улиц – молчаливые, неподвижные, закутанные фигуры – безжизненные сторожа мёртвого города. Широкая, чёрная полоса воды бетанкуровского канала отражает в себе голубовато-серебряные полосы света фонарей. По мостовым, густо усыпанным песком, бесшумно мчатся коляски, как бы стремясь скорее вырваться из этого жуткого молчания и из мёртвых улиц, залитых светом, в котором нет огня жизни. Над вами небо в пологе тяжёлых туч, они плывут так низко, и, кажется, всё ниже опускаясь, они хотят упасть на этот город...

Но – поворот, и вдруг вдали пред вами встаёт гора в огнях, точно её усеяли сброшенные с неба звёзды. Чем ближе вы к ней – тем богаче её огни, там они скучились, здесь тянутся ровной лентой, тут образуют собой кусок какого-то красивого рисунка. А далее голубые шары электрических фонарей, и чем ближе вы к городу, тем их больше... Встаёт выставка, тоже вся в этом мутно-голубом освещении, вся ажурная и сверкающая стёклами. Колёса загремели по камню. Вы в городе.

До слуха вашего доносится гул кафе-кабаков. Количество их с каждым днём возрастает вместе с расширением их увеселительных программ. В городе, на высокой горе, против моста через Оку, выстроен фон Гартманом ряд лёгких деревянных построек. Это «Восточный базар», – тут ресторан с концертной программой, дачи для семейств и одиноких. Этот же фон Гартман выстроил «Пловучую гостиницу», которая стоит в затоне Оки против города и ярмарочного главного дома. Это довольно оригинальная вещь. Представьте себе баржу в сорок пять сажен длины и девять ширины. На ней выведено три этажа, разделённые вдоль одним и поперёк – тремя коридорами. Затем всё остальное разбито на четырёхугольные клетки разных величин и удобств. Цена им от 2 рублей. И, конечно, ресторан, и, конечно, «программа». Программа главным образом состоит из разных интернациональных дам, непременно с канканом. Канкан не только танцуют, его и поют, его молчат и делают глазами. Не хватает француженок, которых с успехом заменяют немки, венки и добродетельные девицы из Берлина, прибывшие сюда делать себе приданое для выхода замуж в фатерланде.

Гром музыки окружает выставку... Александров-Ломач ломит напролом, пробираясь в недра карманов своих гостей. Панорама Рубо – бездействует. Завтра открывается театр Малкиеля рядом с выставкой, в нём будут давать феерии и оперетки. Его труппа – Михайлов-Стож, Лодии, Пастунов, Форесто, Пальм, Бураковский, Муратова, Дарьяли, Кронберг, Бауэр, де Лорм. Капельмейстер – Паули. Prima ballerina assoluta [41] – Рославлева, из московских императорских театров. Тут же Г.В. Тартаков, а что он будет делать? Пока неизвестно. Малкиеля ждут с нетерпением, ибо инженер не существует без оперетки. Опера в городском новом театре пользуется успехом. Сегодня дают «Фауста»; на ярмарке – «Таланты и поклонники». Скоро откроется цирк Никитина. «Стрельна», «Повар», «Эрмитаж», «Интернациональ» и другие заведения – имя же им легион – предлагают посмотреть гармониста Невского, Бен-Али-Бея, «Весёлых ласточек», квинтеты, квартеты, дуэты и проч.

[4]

9 июня

В частном собрании представителей выставочной администрации, – в котором, между прочим, принимали участие В.И. Ковалевский, В.И. Тимирязев, Н.М. Баранов и другие лица, признано желательным, в видах увеличения интереса к выставке и привлечения на неё иногородних и иностранных гостей, устроить ряд посёлков этнографического характера, по примеру парижской выставки в 1889 году.

Все народности России – предполагается – будут представлены в рамках их быта с возможно более строгим соблюдением всех деталей обычаев, утвари и т. д.

Намечено собранием: устроить малорусскую хату со всеми к ней хозяйственными пристройками, с волами и всем домашним скарбом, кочёвку бессарабских цыган, лопарскую вежу, великорусскую избу из Пскова или с верхней Волги – местностей, где ещё уцелели точные стильные избы, финляндскую деревню, юрты кочевников Тургайской области, избы татар из Касимова, Казани и других мест, инородцев Востока и сакли горцев Кавказа.

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Сеть таких посёлков предположено разбросать по всей территории выставки, около каждого разбить площадку, на которой будут демонстрироваться различные обряды, игры, пляски.

Спешу оговориться: это проект. Осуществится ли он – трудно сказать, но толковали обо всём этом очень горячо и обещали вложить в осуществление проекта всю энергию. Он заслуживает этого; придать выставке этнографический характер – дело хорошее. Говорили, что на устройство всей этой широкой бытовой картины потребуется не более трёх недель и затраты не превысят 50 тысяч рублей. Тем более оснований отнестись к делу серьёзнее и решить его в утвердительном смысле. Завтра, по всей вероятности, это начинание обрисуетя ярче.

Приехал бывший военный министр, маститый Д.А. Милютин. Сегодня на выставке, в концертном зале, выступает «вопленица» Федосова, а после неё собрание выставочных корреспондентов по вопросам: о более точной и менее затруднительной выдаче справок о ходе административных предприятий на выставке и т. д., о выдаче корреспондентам знаков, о форме этих знаков и прочее в этом духе. Корреспондентов здесь до 400!..

Вопленица

Давно я не переживал ничего подобного.

В чистеньком концертном зале, полном аромата смолистого, свежего дерева, было сначала очень скучно. Публики было мало, и публика была всё плохая – кафе-кабацкие завсегдатаи, которым днём нечего делать и которые от скуки лезут всюду, куда их пускают, «интернациональные дамы» из гостиниц, одетые с резким шиком, экспоненты, тоже изнывающие от безделья, кое-где среди них скромно ютятся серенькие фигуры учителей и учительниц, два-три студента, несколько журналистов с утомлёнными лицами и рассеянными взглядами... В общем – менее половины зала. На эстраде – высокий человек с чёрной бородой и в скверном сюртуке стоит, неуклюже облокотясь о что-то, вроде кафедры, и тусклым языком, ломаными, угловатыми фразами, скучно, длинно, бесцветно рассказывает о том, кто такая Ирина Андреевна Федосова. Это учитель Олонецкой гимназии Виноградов, человек, который знакомит Русь с её неграмотной, но истинной поэтессой.

– Орина, – усердно надавливает он на «о», – с четырнадцати лет начала вопить. Она хрома потому, что, будучи восьми лет, упала с лошади и сломала себе ногу. Ей девяносто восемь лет от роду. На родине её известность широка и почётна – все её знают, и каждый зажиточный человек приглашает её к себе «повопить» на похоронах, на свадьбах, а иногда и просто так, на вечеру... на именинах, примерно. С её слов записано более 30 000 стихов, а у Гомера в «Илиаде» только 27815!..

Он с торжеством специалиста осматривает публику и продолжает:

– Стих у неё – пятистопный хорей. Первый, кто её открыл для России, – преподаватель Петрозаводской семинарии Барсов. Он ещё в 1872 году издал сборник её стихов и причитаний, и этот сборник был удостоен Уваровской премии [42]. Славянская-Агренева тоже издала два тома её воплей [43], и в скором времени государственный контролёр Филиппов, любитель и знаток древней русской поэзии, выпустил четыре тома импровизаций, причитаний, воплей, былин, духовных, обрядных и игровых песен Федосовой. В ней – неисчерпаемый запас старины, и она ещё многое перезабыла. Напевы её воплей – самые характерные – записаны фонографом и хранятся в императорском географическом обществе...

Кажется, он кончил. Публика не слушала его.

– Орина Андреевна! – кричит он. Где-то сбоку открывается дверь, и с эстрады публике в пояс кланяется старушка низенького роста, кривобокая, вся седая, повязанная белым ситцевым платком, в красной ситцевой кофте, в коричневой юбке, на ногах тяжёлые, грубые башмаки. Лицо – всё в морщинах, коричневое... Но глаза – удивительные! Серые, ясные, живые – они так и блещут умом, усмешкой и тем ещё, чего не встретишь в глазах дюжинных людей и чего не определишь словом.

– Ну вот, бабушка, как ты, петь будешь или рассказывать? – спрашивает Виноградов.

– Как хочешь! Как угодно обществу! – отвечает старуха-поэтесса и вся сияет почему-то.

– Расскажи-ка про Добрыню, а то петь больно долго...

Учитель чувствует себя совсем как дома: плюёт на эстраду, опускается в кресло, рядом со старухой, и, широко улыбаясь, смотрит на публику.

Вы послушайте-тко, люди добрые,
Да былину мою – правду-истину!..

– раздаётся задушевный речитатив, полный глубокого сознания важности этой правды-истины и необходимости поведать её людям. Голос у Федосовой ещё очень ясный, но у неё нет зубов, и она шепелявит. Но этот возглас так оригинален, так не похож на всё кафе-кабацкое, пошное и утомительно однообразное в своем разнообразии – на всё то, что из года в год и изо дня в день слушает эта пёстробрючная и яркобючная публика, воспитанная на родоно-омоно-тулонских былинах, что её как-то подавляет этот задушевный голос неграмотной старухи. Шёпот прекращается. Все смотрят на маленькую старушку, а она, утопая в креслах, наклонилась вперёд к публике и, блестя глазами, седая, старчески красивая и благородная и ещё более облагороженная вдохновением, то повышает, то понижает голос и плавно жестикулирует сухими, коричневыми маленькими руками.

Уж ты той еси, родна матушка!
– тоскливо молит Добрыня, –

Надоело мне пить да бражничать!
Отпусти меня во чисто поле
Попытать мою силу крепкую
Да поискать себе доли-счастья!

По зале носится веяние древности. Растёт голос старухи и понижается, а на подвижном лице, в серых ясных глазах то тоска Добрыни, то мольба его матери, не желающей отпустить сына во чисто поле. И, как будто позабыв на время о «королевах бриллиантов», о всемирно известных исполнительницах классических поз, имевших всюду громадный успех, – публика раздражается громом аплодисментов в честь полумёртвого человека, воскрешающего последней своей энергией нашу умершую старую поэзию.

– Теперь «воплъ вдовы по муже»... – говорит Виноградов. Публика молчит. Откашлявшись, Федосова откидывается в глубь кресла и, полузакрыв глаза, высоко поднимает голову.

Лю-убимый ты мой му-уженька-а-а...

Сила страшной, рвущей сердце тоски – в этом вопле. Нота за нотой выливаются из груди поэтессы. В зале тихо... Смерть, кладбище, тоска...

– Я не могу этого слышать... не могу... – шепчет сзади меня дама в жёлтой шляпе и, когда я оборачиваюсь взглянуть на неё, прячет в раздушенный платок взволнованное бледное лицо...

Потом вопила девушка, выдаваемая замуж. Федосова вдохновляется, увлекается своей песнью, вся поглощена ею, вздрагивает, подчёркивает слова жестами, мимикой. Публика молчит, всё более поддаваясь оригинальности этих за душу берущих воплей, охваченная заунывными, полными горьких слёз мелодиями. А вопли, – вопли русской женщины, плачущей о своей тяжёлой доле, – всё рвутся из сухих уст поэтессы, рвутся и возбуждают в душе такую острую тоску, такую боль, так близка сердцу каждая нота этих мотивов, истинно русских, небогатых рисунком, не отличающихся разнообразием вариаций – да! – но полных чувства, искренности, силы – и всего того, чего нет ныне, чего не встретишь в поэзии ремесленников искусства и теоретиков его, чего не даст Фигнер и Мережковский, ни Фофанов, ни Михайлов, никто из людей, дающих звуки без содержания...

Федосова вся пропитана русским стоном, около семидесяти лет она жила им, выпевая в своих импровизациях чужое горе и выпевая горе своей жизни в старых русских песнях. Когда она запела «Соберитесь-ка, ребятушки, на зелёный луг» – по зале раздался странный звук – точно на кого-то тяжесть упала и страшно подавила его. Это вздохнул человек – ярославский купец Канин, мой приятель, один из экспонентов выставки.

– Ты что?

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru – Хо-орошо! Так хорошо – слов нет! – ответил он, мотая головой и конфузливо отирая слёзы с глаз. Ему под пятьдесят лет, – это фабрикант, солидный господин. Узнал своё, старое, оброшенное, и расчувствовался старик.

Слов нет! Русский человек часто употребляет эти два слова, и в этом факте есть предупреждение нам. Он говорит: «Храните старую русскую песню: в ней есть слова для выражения невыносимого русского горя, того горя, от которого мы гибнем в кабаках, в декадентстве, в скептицизме и других смутах отчаяния». Русская песня – русская история, и безграмотная старуха Федосова, уместив в своей памяти 30 000 стихов, понимает это гораздо лучше многих очень грамотных людей.

Она кончила петь. Публика подошла к эстраде и окружила поэтессу, аплодируя ей, горячо, громко аплодируя. Поняли! Хороший это был момент. Импровизаторша – весёлая и живая – блестят своими юными глазами и сыплет в толпу прибаутки, поговорки; толпа кричит ей вперевод:

– Хорошо, бабушка Ирина! Спасибо! Милая!..

Я спросил у неё портрет, намереваясь послать его вам для газеты, – оказалось, нет готовых...

Нас попросили разойтись – нужно было очистить зал; в 4 часа назначен концерт Главача.

[5]

10 июня

«Минин» – Маковского. Об этой картине ходят самые разнообразные слухи. Одни – слишком ругают, другие – чересчур хвалят. Это всегда значит, что предмет суждения высоко интересен. Картина помещена в отдельном павильоне с платой 30 копеек. Это – полотно аршин в шесть ширины и десять высоты. Первое впечатление – оно тускло, работа кажется спешной, точно художник, против своего обыкновения, на этот раз позабыл отделать детали. Но присматриваешься – и первое впечатление совершенно ступеньвается. На полотне выступают яркие, живые пятна, и, когда, наконец, снова сольёшь их в одно целое, – картина уже не та, которую увидал в первый момент, – это – оставляя вне обсуждения технику – живая вещь, крупный исторический жанр, верный, интересный и очень красивый.

В центре картины, на бочке, покрытой какой-то доской, возбуждённый и растрёпанный Минин, высокий, здоровый мужчина в полушубке, с подоткнутыми за пояс лапами. Он горячо говорит – это видно – и указывает толпе на церковь выше его, по горе. Из деревянной маленькой церкви идут священники с хоругвями. Над церковью – стая голубей, пугнутая с колокольни посадскими девицами. Всюду, по горе, около Минина и его кафедры – толпа, волнуемая, крикливая, охваченная огнём сознания своей задачи. Убогий нищий, с костылем под мышкой – срывает с своей шеи крест, и лицо его взволнованно, бледно. Здоровенный мясник, засучив рукава рубахи, готов хоть сейчас бить поляков, мускулы голых рук напряжены, лицо – зверски свирепое, изо рта, должно быть, летят «крылатые слова». Парень с глупой, круглой рожой суёт Козьме кожаную кису. Вершник пробивается сквозь толпу, окутанную облаком пыли и льющуюся широким потоком из ворот башни старого, выдавшего мордву и татар, кремля, крепко осевшего там, на горе, высоко над толпой. Толпа льёт с горы лавиной – она чувствуется и за серой, угрюмой стеной кремля. Седобородый мужик истово крестится – он только что положил к ногам Козьмы икону в ризе, татарин в малахее смотрит из-за чьего-то плеча испуганными, но любопытными глазами на оратора-мясника; белоголовая девчонка, держась сзади за шубейку матери, несущей к бочке свои платья, – улыбается блеску кубков и братин, лежащих на земле. Отовсюду тащат яркие платья, ларцы, посуду из серебра; штоф, парча, шёлк валяются кучами под ногами людей. Красавица боярыня с жгучими глазами и матово-бледным лицом вынимает серьги из ушей, неподалеку от неё какой-то странник – плут и пьяница, судя по его лисьей роже, – подняв к небу руку, важно проповедует что-то. Позади Минина молодой стрелец, взмахнув в воздухе тяжёлой секирой, орёт во всё горло, и глаза его налиты кровью... Всюду возбуждение страшное, и выражено оно – на мой взгляд – ярко. Толпа глубоко народна. Видишь, что это именно нижегородский народ; весь Нижний встал на ноги и рычит и мечется с силой ужасной, готовый всё ломить сплеча. Испуганные глаза татарина очень понятны. В этой кишасей массе нижегородского люда, собирающегося совершить исторический подвиг, на первом плане картины, у самой рамы, сидит около кучи разного скарба старуха – видно, ключница – и старается открыть берестяной бурак, не обращая никакого внимания на всё, что творится вокруг неё.

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
А неподалеку от неё стол, заваленный деньгами, и у стола две девочки. Одна в платье и в сарафане, постарше, очевидно, уже насладились лицезрением всех этих блестящих и ярких вещей и смотрит в лицо своей сестрёнке, которую держит за руку.

Сестрёнка – ей не больше четырёх лет, – по-видимому, только что встала и явилась делать историю в одной рубашонке. Вся беленькая, заспанная, пухлая – она тарашит свои голубенькие глазки на эти цветные материи.

Хорошая картина! Быть может, она несколько тускла – в ней мало солнца, мало блеска... Не горит всё это золото, серебро, ткани, главы церкви. Небо покрыто белыми, лёгкими клочьями облаков, между ними всюду синева. Но солнца мало... Зато жизни много.

[6]

Развлечения

22 июня

После дня, проведённого среди разнообразной архитектуры выставочных зданий, в пёстром хаосе красок, в разношёрстной толпе людей, – всегда создающей вокруг себя такой странный шум – строптиво-глухой, недовольный, жадный, наслушавшись громкой музыки, оглушённый звоном колоколов, – чувствуешь, что мозг твой засорен, душа подавлена и нервы как-то тупы. Хочется иных впечатлений – таких, которые, лаская душу своей красотой, оживляли бы её, будя ум своим содержанием, изощряли бы его. Хочется уйти из царства индустрии, из сферы всевозможных диковин и чудес, – уйти куда-нибудь подальше, куда не долетал бы шум этого искусственно созданного мира и где было бы более просто, не так тесно и не так много резких противоречий, оскорбляющих глаза и душу. Хочется сразу вобрать в себя, всосать всеми нервами эту яркую жизнь в свой мозг, переработать её в себе, всю сразу, выжать из неё квинтэссенцию её внутреннего смысла и, выкинув её из головы на бумагу, в виде тесной сотни сжатых строк, – сделать это... и больше ни звука о выставке, об этой универсальной лавочке, в которой собрано так много образцов разных, несомненно, хороших товаров, ибо все они сделаны «напоказ». О, конечно, выставка имеет большую цену для торговцев и фабрикантов, но она утомляет человека... и... и слишком много горьких дум она возбуждает...

Выставка поучительна гораздо более как правдивый показатель несовершенств человеческой жизни, чем как картина успехов промышленной техники страны. А впрочем – речи о таких вещах возбуждают скуку у читателя; читатель в газете ищет прежде всего развлечения: уступая его вкусу на сей раз, поговорю о развлечениях, ибо и они могут иллюстрировать смысл современной жизни так называемой «культурной толпы» ничуть не хуже всего другого, чем живёт эта толпа. Итак, будем говорить о развлечениях культурной толпы.

Известен общий характер ярмарочных развлечений, это – популяризация разврата и имитация искусства, если можно так выразиться. Разврат здесь понимается как пикантное удовольствие, и чем острее умеют сделать его «пикан», тем большим успехом пользуются и тем больший «фурор» делают виртуозы его популяризации. Искусство – то же развлечение, и чем оно эксцентричнее, чем более оригинальные формы умеет придать популяризатор музыки, живописи, декламации, пению – тем солиднее его успех, тем глубже симпатии ярмарочной публики к такому популяризатору. Нужно отдать справедливость деятелям кафе-шантаных эстрад, у них много достоинств: они неистощимы в остроумии, с которым развращают свою публику, они крайне чутки к её запросам, они – веселы, а это самое главное, чего требует от них завсегда́тай ярмарочного шикарного кабака.

Я далёк от обвинения всех этих «этуалей» и «неподражаемых», «вне конкуренции» стоящих дам, – я не обвиняю их ни в чём. Они суть продукты спроса, выдвинутые временем на рынок разврата. Их создала публика, эта «культурная толпа», наполняющая с восьми часов вечера до четырёх часов утра ярмарочные кабаки. Ей нужны были образчики всех видов порока, и нужно было ей дать их в самых изящных и привлекательных формах. Вот ей и дают их. А если завтра на ярмарке появится Пётр Амьенский и провозгласит крестовый поход против разврата – эта же самая «культурная толпа», сегодня аплодирующая «этуалям» [44], завтра разорвёт их на части. Ведь она, в сущности, культурна только внешне, её культура – это культура портных и сапожников, культура галстука, внутренне же она – стадо, как и всякая другая толпа.

Не бог сотворил всех этих людей в уродливо широких брюках и неприлично коротких

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895-1906. Максим Горький gorkiyamaxim.ru
тужурках – их создали портные. Этих культурных людей ни в чём нельзя винить – это люди «без руля и без ветрил», люди, у которых вместо желаний – похоти. Их следует сожалеть как существа, измученные развратом, пресыщенные и жалкие, для которых бытие более тяжело и скучно, чем для всех других людей.

Но – будем говорить о развлечениях просто, не морализируя, ибо ведь всё равно мораль бесполезна там, где её некому и нечем воспринять...

У Ломача ожидают выхода на эстраду одной из «этуалей». Ожидющие – возбуждены и нервно постукивают тростями в пол, судорожно двигаясь на стульях. Среди них преобладает «выставочный человек» с розеткой на груди, в инженерной форме, много купечества – культурного, бывавшего за границей, владеющего двумя-тремя языками, одетого по последней моде, – много «братьев-писателей», окруживших маститую фигуру старика с седыми волосами и таким благородным лицом. Это – человек с крупным именем и хорошим прошлым...

Ему как будто бы не место среди этой камарильи, собравшейся прожить несколько сот дешёво доставшихся ей денег.

Вот на эстраду выпорхнула Паула Менотти – гром аплодисментов грянул ей навстречу. Она низко склоняется над рампой, показывая публике обнажённые плечи и грудь, и публика жадными, загоревшимися глазами торопится рассмотреть через стёкла биноклей и лорнетов её роскошное, соблазнительно красивое тело, которое она показывает им с такой циничной грацией. Раздаются слова гривуазной песенки [45], исполняемой с французским шиком, полной двусмысленностей, поясняемых жестами и телодвижениями. Публика замирает в восторге и упоении пред этим искусством «Казино», «Фоли-Бержер» и других бульварных сцен Парижа. Наркотический запах духов несётся от этой женщины. Она уходит в буре рукоплесканий... на её месте стоит уже другая, – иные формы, иная песня, – но всё тот же циничный смысл. Они сменяются, как в калейдоскопе, эти красивые женщины, эксцентрично одетые, или, скорее, раздетые. Они расппевают такие вещи, о которых не принято говорить нигде, кроме холостых компаний. Какой-то юноша в мундире студента-горняка, с бледным лицом, нервно вздрагивающими ноздрями, смотрит на сцену и воспитывается. Фабрикант, с толстыми губами, сладко чмокает ими и щурит глаза и поводит рыжими усами, как влюблённый кот. Сотрудник столичной газеты, отвалившись на спинку стула и положив ногу на ногу, лорнирует «этуаль» с видом знатока. Старый писатель в такт песне щёлкает себя пальцами по колену и мечтательно улыбается, ни на миг не теряя своей благородной осанки.

Гремит и сладострастно поёт музыка – то взрывы страсти, то муки неги, то тоску пресыщения поют струны скрипок. Вакханалия всё разгорается, и публика становится всё менее похожа на людей.

Душно, шумно, странный аромат носится в зале. А со сцены одна за другой речитативом несутся бойкие реплики полуодетых женщин.

Он был слишком толст,
А она тонка...

– расппевает с гадкими ужимками «известная русская шансонетная певица, всюду пользующаяся громадным успехом».

Публика в восторге от её рассказа, обильно одобренного разными пикантными подробностями и передаваемого «по-русски», без французских двусмысленностей, а просто, ясно... Атмосфера всё более сгущается, всё более полна ароматами духов и женского тела. Крики «браво! бис!» оглушают вас...

– Восторг ты мой! – ревет, как медведь, миллионер-золотопромышленник.

Антракт. Публика, толкая друг друга, бежит в уборные артисток. Туда же мчатся лакеи с кружонами, с фруктами, винами на подносах. Студент-горняк, прижавшись к стене, дрожащей рукой отирает потный лоб, и глаза его блуждают так странно, что он кажется человеком, которого в этот момент можно нанять за сто рублей для совершения убийства. По зале всюду ходят певички, вызывая улыбаясь публике. Кругом всё так роскошно, – культура домов терпимости из года в год повышается, это факт.

Кое-где за столики садятся женщины, к ним подлетают эти кабацкие люди, и через

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
пять минут на столе является вино, раздаются циничные речи, задорный, дразнящий смех...

Однако надо уйти...

Два мальчика сидят перед костром, на берегу Оки, – один из них весь беленький, точно седой, с ясными, голубыми глазами, другой – с острым, худым лицом и с бойкими, плутоватыми глазами. Вокруг них – тьма, и тени вокруг костра дрожат, как будто бы танцуют безмолвный танец теней. Повсюду, на тёмном бархате реки, громадные суда подняли кверху мачты с фонарями, над ними небо в серых облаках, вдали недвижимой глыбой виден горный берег, и всюду – по реке, по берегу – сверкают огоньки судов и лодок. Ночь так темна, сыра, грозит дождём...

– Рыбачите? – спрашиваю я ребятешек.

– Рыбачим, да не ловится... Ершей вон наловили штук десятков, – говорит мне худой мальчик, кашляет и кутается в рваное пальтишко.

– Чай, скучно вам ловить-то?

– Не, ничего, – кивает головой мальчонка.

– Мы любим, – говорит его седой товарищ, улыбаясь мне своими голубыми глазами.

Я закуриваю папироску от огня их костра и оглядываюсь. Вдали, сзади нас, на хмуром небе ночи сияет зарево опалового цвета, оно такое холодное, мёртвое. Там – выставка, это её электрические огни и огни гостиниц отражены серыми облаками.

– Мы тут такую штуку придумали, – заливаясь смехом, говорит мне мальчик с острым лицом. – Возьмём ерша, приткнём его удочкой на палку и в огонь палку-то! Уж он, ёрш, так-то ли учнёт хвостом вилять! Смехота глядеть! Жарко ему – живой ведь он, а огонь-то жжётся тоже!

Оба они весело смеются, глядя друг на друга.

«Тоже развлечение», – с болью глядя на них, думаю я.

И спрашиваю:

– Чай, ему больно? Как вы думаете?

– Ведь он, ёрш-то, – рыба! – уверенно говорит седой мальчик.

– В ём крови нету, – поясняет его товарищ.

– Ежели бы это крыса была, тогда бы ей было больно! – доказывает мне седой.

– А вы пробовали жечь крыс?

– Колько разов уж!

– Аж надоело нам...

– Однова даже котёнка... – И они поперебой весело смеются.

«Развлечение!» – думаю я и ухожу вдоль по берегу реки. Все жаждут развлечений...

Светает уже. С реки, откуда-то издалека, несётся унылая, стонущая, рыдающая хоровая песня:

Ка-ачай, наши, качай,
Знай, по-окачивай, качай!..
Это выкачивают нефть из баржи в береговой кессон...

Ва-аляй, наши, валяй,
Знай, по-оваливай, валяй!
В этой песне, как вы видите, почти нет слов, но если бы вы слышали её унылую, за

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
душу хватающую, монотонную, больную и тоскливо рыдающую мелодию! Ночь так грустна, и эта песня, гармонируя с ней, отдаётся в сердце странно щемящим его эхом.

Её поют здесь всегда, когда качают нефть.

[7]

Синематограф Люмьера

Боюсь, что я очень беспорядочный корреспондент, – не докончив описания фабрично-заводского отдела, пишу о синематографе. Но меня, быть может, извиняет желание передать вам впечатление свежим.

Синематограф – это движущаяся фотография. На большой экран, помещённый в тёмной комнате, отбрасывается сноп электрического света, и вот на полотне экрана появляется большая – аршина два с половиной длины и полтора в высоту – фотография. Это улица Парижа. Вы видите экипажи, детей, пешеходов, застывших в живых позах, деревья, покрытые листвой. Всё это неподвижно: общий тон – серый тон гравюры, все фигуры и предметы вам кажутся в одну десятую натуральной величины.

И вдруг что-то где-то звучно щёлкает, картина вздрагивает, вы не верите глазам.

Экипажи идут с экрана прямо на вас, пешеходы идут, дети играют с собачкой, дрожат листья на деревьях, едут велосипедисты – и всё это, являясь откуда-то из перспективы картины, быстро двигается, приближается к краям картины, исчезает за ними, появляется из-за них, идёт вглубь, уменьшается, исчезает за углами зданий, за линией экипажей, друг за другом... Пред вами кипит странная жизнь – настоящая, живая, лихорадочная жизнь главного нервного узла Франции, – жизнь, которая мчится между двух рядов многоэтажных зданий, как Терек в Дарьяле, и она вся такая маленькая, серая, однообразная, невыразимо странная.

И вдруг – она исчезает. Пред глазами просто кусок белого полотна в широкой чёрной раме, и кажется, что на нём не было ничего. Кто-то вызвал в вашем воображении то, что якобы видели глаза, – и только. Становится как-то неопределённо жутко.

Но вот снова картина: садовник поливает цветы. Струя воды, вырываясь из рукава, падает на ветви деревьев, на клумбы, траву, на чашечки цветов, и листья колеблются под брызгами.

Мальчишка, оборванный, с лицом хитро улыбающимся, является в саду и становится на рукав сзади садовника. Струя воды становится всё тоньше и слабее. Садовник недоумеваёт, мальчишка еле сдерживает смех – видно, как у него надулись щёки, и вот в момент, когда садовник подносит брандспойт к своему носу, желая посмотреть, не засорился ли он, мальчишка отнимает ногу с рукава, струя воды бьёт в лицо садовника – вам кажется, что и на вас попадут брызги, вы невольно отодвигаетесь... А на экране мокрый садовник бежит за озорником мальчишкой; они убегают вдаль, становятся меньше, наконец, у самого края картины, готовые упасть из неё на пол, они борются, – мальчишка пойман, садовник рвёт его за ухо и шлёпает ниже спины... Они исчезают. Вы поражены этой живой, полной движения сценой, совершающейся в полном безмолвии.

А на экране – новая картина: трое солидных людей играют в вист. Вистует бритый господин с физиономией важного чиновника, смеющийся, должно быть, густым басовым смехом; против него нервный и сухой партнёр тревожно хватается со стола карты, и на сером лице его – жадность. Третий наливает в стаканы пиво, которое принёс лакей, и, поставив на стол, стал за спиной нервного игрока, с напряжённым любопытством глядя в его карты. Игроки мечут карты и... раздражаются безмолвным хохотом теней. Смеются все, смеётся и лакей, взявшись за бока и становясь неприличным у стола этих солидных буржуа. И этот беззвучный смех, смех одних серых мускулов на серых, трепещущих от возбуждения лицах, – так фантастичен. От него веет на вас каким-то холодом, чем-то слишком не похожим на живую жизнь.

Смеясь, как тени, они исчезают, как тени...

На вас идёт издали курьерский поезд – берегитесь! Он мчится, точно им выстрелили из громадной пушки, он мчится прямо на вас, грозя раздавить; начальник станции торопливо бежит рядом с ним. Безмолвный, бесшумный локомотив у самого края

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru картины... Публика нервно двигает стульями – эта махина железа и стали в следующую секунду ринется во тьму комнаты и всё раздавит... Но, появившись из серой стены, локомотив исчезает за рампой экрана, и цепь вагонов останавливается. Обычная картина сутолоки при прибытии поезда на станцию. Серые люди безмолвно кричат, молча смеются, бесшумно ходят, беззвучно целуются.

Ваши нервы натягиваются, воображение переносит вас в какую-то неестественно однотонную жизнь, жизнь без красок и без звуков, но полную движения, – жизнь привидений или людей, проклятых проклятием вечного молчания, – людей, у которых отняли все краски жизни, все её звуки, а это почти всё её лучшее...

Страшно видеть это серое движение серых теней, безмолвных и бесшумных. Уж не намёк ли это на жизнь будущего? Что бы это ни было – это расстраивает нервы. Этому изобретению, ввиду его поражающей оригинальности, можно безошибочно предречь широкое распространение. Настолько ли велика его продуктивность, чтобы сравняться с тратой нервной силы; возможно ли его полезное применение в такой мере, чтоб оно окупило то нервное напряжение, которое расходуется на это зрелище? Это важный вопрос, это тем более важный вопрос, что наши нервы всё более и более треплются и слабеют, всё более развинчиваются, всё менее сильно реагируют на простые «впечатления бытия» и всё острее жаждут новых, острых, необыденных, глущих, странных впечатлений. Синематограф даёт их: и нервы будут изощряться с одной стороны и тупеть с другой; в них будет всё более развиваться жажда таких странных, фантастических впечатлений, какие даёт он, и всё менее будут они желать и уметь схватывать обыденные, простые впечатления жизни. Нас может далеко, очень далеко завести эта жажда странностей и новизны, и «Кабачок смерти» из Парижа конца девятнадцатого века может переехать в Москву в начале двадцатого.

Я позабыл ещё сказать, что синематограф показывают у Омона – у нашего знаменитого Шарля Омона, бывшего конюха генерала Буадеффра, как говорят.

Пока милейший Шарль привёз только сто двадцать француженок – «звёздочек» и около десятка «звёзд», – и его синематограф показывает пока ещё очень приличные картины, как видите. Но это, конечно, ненадолго, и следует ожидать, что синематограф будет показывать «пикантные» сцены из жизни парижского полусвета. «Пикантное» здесь понимают как развратное, и никак не иначе.

Помимо перечисленных мною картин, есть ещё две.

Лион. С фабрики расходятся работницы. Толпа живых, подвижных, весело хохочущих женщин выступает из широких ворот, разбегается по экрану и исчезает. Все они такие милые, с такими скромными, облагороженными трудом живыми личиками. А на них из тьмы комнаты смотрят их землячки, интенсивно весёлые, неестественно шумные, экстравагантно одетые, немножко подкрашенные и не способные понять своих лионских землячек.

Другая картина – «Семейный завтрак». Скромная пара супругов с толстым первенцем «бебе» сидит за столом.

«Она» варит кофе на спиртовой лампе и с любовной улыбкой смотрит, как её молодой красавец муж кормит с ложечки сына, – кормит и смеётся смехом счастливец. За окном колышутся листья деревьев, – бесшумно колышутся; «бебе» улыбается отцу всей своей толстой мордочкой, на всём лежит такой хороший, задушевно простой тон.

И на эту картину смотрят женщины, лишённые счастья иметь мужа и детей, весёлые женщины «от Омона», возбуждающие удивление и зависть у порядочных дам своим умением одеваться и презрение, гадливое чувство своей профессией. Они смотрят и смеются... но весьма возможно, что сердца их щемит тоска. И, быть может, эта серая картина счастья, безмолвная картина жизни теней является для них тенью прошлого, тенью прошлых дум и грёз о возможности такой же жизни, как эта, но жизни с ясным, звучным смехом, жизни с красками. И, может быть, многие из них, глядя на эту картину, хотели бы плакать, но не могут и должны смеяться, ибо такая уж у них профессия печально-смешная...

Эти две картины являются у Омона чем-то вроде жестокой, едкой иронии над женщинами его зала, и, несомненно, их уберут. Их – я уверен – скоро, очень скоро заменят картинами в жанре, более подходящем к «концерту-паризьен» и к запросам

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895–1906. Максим Горький gorkiyamaxim.ru ярмарки, и синематограф, научное значение которого для меня пока непонятно, послужит вкусам ярмарки и разврату ярмарочного люда.

Он будет показывать иллюстрации к сочинениям де Сада и к похождениям кавалера Фоблаза[46]; он может дать ярмарке картины бесчисленных падений мадемуазель Нана, воспитанницы парижской буржуазии, любимого детища Эмиля Золя. Он, раньше чем послужить науке и помочь совершенствованию людей, послужит нижегородской ярмарке и поможет популяризации разврата. Люмьер заимствовал идею движущейся фотографии у Эдисона, – заимствовал, развил и выполнил её... и, наверное, не предвидел, где и пред кем будет демонстрироваться его изобретение!

Удивляюсь, как это ярмарка недосмотрела и почему это до сей поры Омон-Тулон-Ломач и К° не утилизируют, в видах увеселения и развлечения, рентгеновских лучей? Это недосмотр, и очень крупный.

А впрочем? Быть может, завтра появятся у Омона на сцене и лучи Рентгена, применённые как-нибудь к «пляске живота». Нет ничего на земле настолько великого и прекрасного, чего бы человек не мог опознать и выпачкать, и даже на облаках, на которых ранее жили идеалы и грёзы, ныне хотят печатать объявления, кажется, об усовершенствованных клозетах.

Ещё не печатали об этом?

Всё равно – скоро будут.

[8]

11 июля

Вчера вечером была устроена примерная иллюминация кремля. С Волги – это нечто сказочное. На тёмной массе гор, поросших пышной зеленью, вдруг вспыхнули тысячи разноцветных огней – точно на город упали звёзды с неба. Решено ещё увеличить количество лампочек. Всюду в городе устраиваются транспаранты, щиты, арки и прочее.

Декораторы завалены работой, пиротехники тоже; хоры певчих репетируют какую-то кантату. Город чистится, моется, красится, работают и днём и ночью.

Оригинальна будет триумфальная арка при въезде на мост с ярмарки – корабль, оснащённый и как бы летящий в воздухе.

– Мы, – говорил недавно один купеческий оратор на частном обеде, – мы в настоящие дни представляем главенствующее сословие в стране, самое богатое и умное. Капитал, главная движущая жизнью сила, в наших руках, и, значит, вся жизнь в нашем распоряжении...

Но «самое умное» сословие ещё не выработало и тени сословной солидарности, и, не имея никакого представления о единстве своих интересов, несомненно, пойдут все на всех и каждый против каждого. Я так и представляю себе этот съезд в виде ребячьей игры в «малу кучу»[47]. Разница только та, что ребяташки-то все уже с бородами. Вы знаете эту игру? Толпа мальчишек бросается друг на друга, сбивает друг друга с ног, падает на упавших, наваливается на них, толкает в кучу тех, что ещё стоят на ногах, и вот на земле образуется живая кишачья масса тел... В этой занятой игре очень скверно тем, которые попадают вниз.

Как новость сообщая: вчера, при экспертизе экспонатов группы химических производств, в фабрично-заводском отделе совершилось маленькое, так сказать, спорадическое «торжество русской промышленности».

Осмотрев витрину Ушакова из Елабуги, Вятской губернии, производящего технические кислоты, соли и гончарную химическую посуду, эксперты разразились громом рукоплесканий по адресу экспонента за его успехи в деле химических производств.

Ушаков уже имеет три герба – решено хлопотать о высшей награде и сделать в этом смысле доклад государю.

Фабрики Ушакова стоят вне конкуренции с другими однородными производствами; их у нас всего тринадцать, и все они разбросаны друг от друга на далёкие расстояния: три в Московской губернии, два в Петербурге, два в Костромской губернии, в Ярославле, в Новгороде, в Нахичевани и в Вятке, – из них только семь

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru работают то же, что и Ушаков. На ход экспертизы и на её оценку завтраки перед её операциями и ужины после – не влияют. Это мне говорил один из экспертов, хорошо знакомый с Ушаковым и с производством технических кислот. Я ему верю.

Ещё новость: Омон, антрепренёр Лили Дарто, покушавшейся на самоубийство и ныне выздоравливающей, решил выдать ей всё обусловленное контрактом содержание, а её товарищи по профессии собрали ей очень крупную сумму денег. Мне очень приятно отметить «человеческое» в «кафе-кабацком», и я буду надеяться, что вам, читатель, тоже приятно знать, что деятелям омовской сцены, популяризаторам разнузданных развлечений, ничто человеческое не чуждо.

Это хорошо. Но, знаете, иногда видеть добродетель в пороке – ужасно неловко, я говорю вообще, не относя ругательских эпитетов к омовской труппе и имея в виду публику – вообще публику. Порой среди неё попадают такие субъекты, для которых нет казни, достаточно вознаграждающей их за все их деяния. И вдруг в таком индивидууме, которого и раздавить – то гадко, и вдруг, говорю, в таком субъекте на момент блеснёт человек. Этот проблеск есть в одно и то же время и обстоятельство, смягчающее вину индивидуума, и нечто такое, что, заставляя вас признать в нём человека, лишает вас возможности предохранить жизнь от влияния на неё его яда, ставит вас с ним рядом. Христианство учит нас видеть в каждом ближнем брата, но метрическими справками не докажешь братства всех со всеми, и самолюбие порядочного человека всегда будет против братства с непорядочным. Я хотел бы видеть порядочных людей порядочнее, а подлецов ещё подлее, – будь это так – жить было бы удобнее. А по нынешним временам в порядочных людях то и дело видишь нечто, не идущее к их амплу, а подлецы то и дело совершают добродетельные поступки. «Минул век богатырей!» [48] Да, минул! Нет ни крупных злодеев, ни крупных честных людей.

– А какое это имеет отношение к Всероссийской выставке?

Никакого, читатель, никакого! Но я сызмальства склонен к «мудрости эллинской, философией зовоной, сиречь любомудрием», и прошу прощения за сию склонность мою. У всякого человека есть недостатки более или менее скверные, – об этом я уже сказал на десять строк выше и ещё раз повторяю – я против этого!

Или добродетель или порок – прочь лигатуру! Это крайность? Конечно, потому что это хорошая идея, а все хорошие идеи именно потому в большинстве случаев плохи и не применимы к жизни, что грешат крайностью.

[9]

Отдел художественный

Сказать что-либо хорошее, положительное о русском искусстве на Всероссийской выставке – задача такая тяжёлая и трудная, что я с наслаждением сложил бы её на кого-нибудь из моих добрых знакомых, вполне заслуживших маленькую неприятность с моей стороны. Но я должен говорить о том впечатлении, которое производит на публику русское искусство, и – да поможет мне бог, а художники пусть не обижаются на меня, – ведь я менее всего виноват в том, что их искусство то слишком бледно, то слишком ярко и никогда не охватывает зрителя, не заставляет его чувствовать и думать.

Здание художественного отдела с внешней стороны очень красиво: колонны ионического стиля, ниши, портики, стеклянный купол в центре здания – всё это создаёт солидный ансамбль, и если бы убрать из ниш некоторые из гипсовых статуй, украшающих их, ансамбль был бы ещё полнее. Так, например, в одной из ниш помещён атлет, рвущий цепь о колено и весьма нелепо поставленный на одну ногу. В другой нише курносый гений простёр крылья и руки над фигурой, очень неприлично свалившейся к его ногам и обнимающей их так, что средняя часть её туловища смотрит в небо совсем как мортира береговой обороны. Входя в отдел, вы прежде всего попадаете в круг, где расставлены скульптуры: пред вами гипсовая «Русалка» господина Бондаревского. Это не очень толстая, но весьма некрасивая женщина, раскинувшаяся на прибрежном песке, и... больше ничего.

Дальше ещё нагая женщина. Она взгромоздилась на сфинкса и, простирая вперёд, через его голову, свои руки, загадочно улыбается. Её сотворил господин Пашенко, и сотворил, должно быть, специально для возбуждения недоумения в публике. Она называется «Сфинкс». Но что такое она, и зачем она? Можно бы не ставить таких вопросов, если б «Сфинкс» был красив.

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895-1906. Максим Горький gorkijmaxim.ru
Есть Антокольский. Стоит его «Иисус Христос», первоначальный эскиз, созданный ещё в 1874 году, «Христианская мученица», «Нестор». Далеко уже назади то время, когда Некрасов советовал Антокольскому изваять «Гарантию и Субсидию» [49], но Антокольский и до сей поры не сделал этого и пропустил самый удобный момент, ибо на земле нет места для статуи Субсидии более удобного, чем нижегородская выставка. Здесь её следовало бы поставить рядом с обелиском и окружить алтарями; благовония на них курились бы и день и ночь... Об этом здесь есть кому позаботиться.

Но «на нет и суда нет»; будем говорить о том, что есть. Есть статуя Беклемишева «Как хороши, как свежи были розы». Это элегическая и изящная вещица. Есть бронзовый «Прометей, несущий огонь», его принимают за факельщика, который удирает со всех ног от воскресшего покойника. Затем очень много публики собирают вокруг себя бюсты и статуэтки Гинцбурга, но интерес, возбуждаемый ими, следует частью перенести на счёт репутации тех людей, которых в бронзе и мраморе представил художник.

Двенадцать знаменитостей, изображённых господином Гинцбургом – Толстой, Спасович, Менделеев, Рубинштейн, Шишкин, Стасов и другие – слишком хорошо известны для того, чтоб публика проходила мимо них.

Затем, к чести Одессы, много внимания привлекают работы её художника Эдуардса, тонко выполненные и хорошо задуманные. Другой художник из Таврии, Яцуньский, дал две вещи-гипс: просто «Клоун» и гипс окрашенный – «Цыганка». Искусство господина Яцуньского не из тех, которые вызывают лестные о них отзывы. Господин Пашенко, кроме «Сфинкса», выставил ещё урну для пепла «Горе» и вазу для цветов. Урна – маленькая, красивая и очень печальная фигурка женщины, склонившейся к земле. Но хотя всё это и так, однако где же русская скульптура? Вся тут?

Ищем её дальше. Всех скульптурных произведений пятьдесят пять, выставленных шестнадцатью художниками. У Гинцбурга пятнадцать работ, у Эдуардса тринадцать, остальные, за исключением Антокольского, Беклемишева и Дилон, у которой статуэтка и две головки тоже очень хороши, – остальные молчат. И мы будем молчать о них, если они ничего не говорят ни уму, ни сердцу. Итак, русская скульптура на Всероссийской выставке довольно-таки неважна, выражаясь мягко. Неважна, ибо и то, что хорошо, то есть приятно для глаза, не представляет собою ничего такого, что поражало бы зрителя, будило бы в нём мысль и облагораживало его чувство. Хорошо, да, – но и только.

Перейдём к живописи. Около тысячи картин собраны в отделе, и среди них есть картины художников с такими именами, как Айвазовский, Маковский, Бруни, Киселев, Шишкин, Левитан, Ендогуров, Бодаревский, Поленов, Бонч-Томашевский, Ярошенко и другие. Подавляющее большинство – люди с малой силой в душе и в руке, но с громадными претензиями на оригинальность и со склонностью к новшествам, вроде импрессионизма. Выставлено очень много видов Кавказа, и если судить о Кавказе по ним, то необходимо придёшь к заключению, что горы Кавказа сплошь созданы природой из разных овощей и представляют собой нечто вроде винегрета или пудинга купеческой кухарки, которая в него насовала и мармелада, и чернослива, и винной ягоды, всего, что нашлось у неё под рукой. Зачем эти горы из разноцветных камней, – горы вроде екатеринбургских гротов-пресс-папье и под соусом серого тумана? Зачем и кому нужны эти большие полотна, изображающие такие неестественные горы и такой шерстяной туман?

Решительно не понимаю, почему это современное молодое искусство ставит своей задачей искажение природы, изображая её такими щедрыми на разнообразие красок кистями, с таким протокольным, геометрически правильным водружением камня на камень и с такой небрежностью к правде природы. Кажется, что горы писались по воспоминанию о них и что это воспоминание было затуманено чем-то очень далёким от Кавказа, совершенно не похожим на него.

Не лучше обстоит дело с водой. Айвазовский, конечно, водяной гений, но всё-таки простому смертному, бывавшему на море, я уверен, никогда не приводилось встречать те волны, которые он изображает. Солнце – великий чародей, но и оно не в состоянии превратить морскую воду в клюквенный кисель, как это часто делает Айвазовский.

Крыжицкий изображает Волгу у её слияния с Окой, Днепр под Киевом, ещё и ещё Волгу. Бог с ним, конечно, но тот, кто описывал ему Волгу и Днепр, очевидно,

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru видел их давно уже и всего только один раз. Левитан даёт воду – «Лесистый берег», «На Волге ветрено», «Лилии-ненюфары». Первые две картины достаточно известны. Лилии очень хороши, но вода, из которой они смотрят, какая-то мазутообразная и совершенно не имеет перспективы. У остальных художников вода то напоминает о стекле, то о зельтерской, только что налитой из бутылки в стакан.

В одной раме она без движения и даже не способна к нему, в другой она что-то очень уж подозрительно пенится.

Лес даёт Шишкин – лесовик прославленный. И вообще говорить об именах, более или менее известных, – бесполезно, читатель знает их, они уж старички, и картины их довольно стары, знакомы по отзывам печати или по выставкам, на которых они появились впервые. Да я и не претендую на роль художественного критика, я имею намерение передать моё, личное впечатление и тот «глас народа», который часто касался моих ушей во время посещения мною отдела.

– Это хуже куда Третьяковской галереи! – говорили одни.

– Бедно. Слабо. Плохо, – более определённо выражались другие, и я согласен с ними.

Бедно и слабо русское искусство на Всероссийской выставке, если судить о нём по образцам его, выставленным в художественном отделе. Исключая Васнецова, недавно доставленной в отдел картинки Семирадского-Боткина и перечисленных выше, большинство поразительно бесцветно или слишком цветисто. Сюжеты не оригинальны, исполнение не сильно, не живо, не изящно...

Я не говорю о Куриар и ещё двух-трёх художниках-артистах, но о тех десятках, которые пишут картины, кажется, только потому, что больше ничего не умеют делать.

Бросается в глаза отсутствие жанра. Кажется, господа русские художники видят горы, реки, леса и степи своей страны, но не видят и не знают её народа. Быт этого народа, изображённый сильной кистью и смелой рукой, не находит, очевидно, себе места на полотнах современных художников. Жанровые картины почти отсутствуют в массе пейзажей, и, право, маленькая Финляндия может служить уроком России, в лице её художников. Финляндцы выставили около восьмидесяти картин, из них до двух третей – жанр, и хороший жанр. Вот, например, картина Альстедта «Горе», – вы сразу видите, что художник глубоко чувствовал то, что писал. Картина изображает кладбище: между могил – группа людей, среди неё гробик, в нём ребёнок. Лица девочек, поющих надгробные молитвы, прелестны, – так много горя в них и во всех, кто стоит около гробика... Не оригинальная эта тема, но вы сразу видите, что она написана вдохновенно и горячо и что это маленькое горе близко сердцу художника. Картина Эрнефельта «Пожога» изображает людей, роющихся на пожарище в золе и в пепле, среди тлеющих углей, – и сколько в нём, в этом полотне, драмы, горя, скорби! На первом плане стоит девочка с испуганным, выпачканным в сажу личиком, и в каждой жилке её лица, в руках, во всей фигуре – сколько жизни, сколько чувства! Прекрасна картина Галлонена «У костра». В лесу, на снегу, среди печальных, покрытых инеем деревьев, горит – живым огнём – костёр, и трое финнов сидят вокруг его. На их лицах – как и на всём вокруг них – дрожат багровые отблески огня. Сначала эта картина кажется грубой, потом она оживает и охватывает вас. Вы чувствуете, что ещё ярче, чем огонь костра, горит сердце художника любовью к своей суровой стране и к людям её – хмурым, печальным, утомлённым борьбой с ней, бедным людям. И с каждой жанровой картины финляндца бьёт в глаза эта любовь к своей стране и к её людям, а именно этого-то и недостаёт нашим художникам.

Херсонес Таврический

Очерк

На утёсе, омываемом беспокойными волнами Понта, лежат груды камня, зияют глубокие ямы и возвышается полуразрушенная стена, массивностью своей напоминающая постройки мифических циклопов, – вот всё, что осталось от Херсонеса Таврического – города, в который, по словам Страбона, «многие цари посылали детей своих ради воспитания духа и в котором риторы и мудрецы всегда были почётными гостями» [50].

Даже и беглый взгляд на эти развалины шести тысяч зданий, некогда поражавших своей красотой и роскошью, а ныне превращённых в безобразные кучи щебня, –

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895-1906. Максим Горький gorkiyamaxim.ru навевает на душу чувство глубокой скорби, и чем яснее встают воспоминания о прошлом этого цветка эллинской культуры, тем сильнее охватывает зрителя печаль при виде массы человеческого ума, энергии и знаний, претворённых временем в пыль и прах.

Смотришь на унылую картину разрушения, и кажется, что громадный смерч с моря гигантским прыжком кинулся на утёс и сравнял с землёй большой и богатый город, гордо возвышавшийся над коварно ласковыми волнами моря. Пространство в восемь вёрст окружностью всё изъязвлено глубокими ямами, засыпано мелко раздробленным щебнем, пустынно, уныло и мертво. Веет грустью кладбища, хотя вокруг ни одного креста, всё только ямы и груды камня. Царит тишина, а издали, снизу, доносится говор волн, немолчные голоса моря, которое видело славу города и постепенное падение его.

Кругом, на далёкое пространство, поля тоже усыпаны белыми камнями, – это остатки стен, разграничивавших некогда виноградники херсонитов. В одном уголке этого кладбища четыре чёрные фигуры роются в куче мусора, как черви в разлагающемся трупе. На расчищенной от мусора площадке возвышается красивый храм во имя святого равноапостольного великого князя Владимира. В древности это место было главнейшим городом Херсонеса, и там, где теперь стоит христианский храм, «величественно возвышалось в слепой гордости, – как говорит молодой монах-проводник, – языческое капище идола древних жителей сего, господом разрушенного, града». «А именовался этот идол богиней Дианой, также называемой Охотницей». Неподалеку от храма святого Владимира находятся многочисленные постройки монастыря, построенного в 1850 году, монастырская церковь во имя святой Ольги. Всего земли под монастырём и храмом святой Владимира – 112 десятин 1477 сажень, и вся эта земля представляет собою археологическую сокровищницу, ещё не тронутую и, конечно, уже недоступную для раскопок. За монастырём, по берегу моря, на запад, земля занята сооружениями военно-инженерного ведомства, длинной линией вытянулись батареи, пороховые погреба, стоят пушки, устремив свои стальные пасти в простор моря. Это место, по исследованиям Тунмана и Аркаса, было могильником херсонитов; при сооружении батарей здесь были вырыты надгробные плиты, сосуды из стекла и обожжённой глины, в которых ставили в гробницы бальзам, несколько цинковых и глиняных урн с костями, золотых и серебряных украшений, много монет [51]. Таким образом, четыре пятых земли, в высшей степени ценной с научной точки зрения, – утрачено для науки, быть может, навсегда утрачено. Археологическим изысканиям и раскопкам доступна только одна пятая часть Херсонеса, и в данное время её энергично эксплуатирует заведующий раскопками господин Косцюшко-Валюжинич, наполнивший выкопанными из-под наслоений двадцати веков вещами целый музей, помещающийся тут же, на берегу бухты, и на земле Херсонеса в плохоньком сарайчике. Более ценные добычи науки отправляются в Эрмитаж, монастырь также имеет в своём распоряжении целый чулан, беспорядочно набитый вещами, добытыми из земли во время рытья фундаментов для монастырских построек и храма святого Владимира. За шесть с половиной лет изысканий на почве Херсонеса сделана масса очень ценных приобретений для исторической и археологической наук, и это несмотря на тот факт, что почтенные обыватели Севастополя без всякого зазрения совести в продолжение многих лет безнаказанно грабили могильники и таскали мрамор с развалин города для своих построек. И до сего времени случается, что в зданиях Севастополя открывают осколки Херсонеса. Помимо севастопольцев, Херсонес разграбляли и враги его – ордынцы, турки, литовцы Ольгерда и другие. Мартин Броневский, посланник Батерия к хану Крыма Магомет-Гирею, говорит, что турки в 1454 году, после взятия Византии, перевезли себе из Херсонеса колонны из мрамора есерпентина [52]. А некий колонист Цвик выломал в развалинах Сарая, столицы Золотой Орды, мраморную доску с частью начертанного на ней декрета в честь синопского гражданина Кая Евтихиана Навклара, оказавшего херсонитам какие-то важные услуги и за это почтённого ими. Таким находкам несть числа.

Сколько ценных вещей погребено под строениями монастыря и военно-инженерного ведомства и какую утрату для науки составляет эта потеря! Херсонес Таврический был одним из ярких цветков греческой культуры, и нужно видеть находящиеся в музее медальоны, статуи, обломки колонн, капители, посуду из глины, изумительно тонко сделанную и поражающую лёгкостью, нужно видеть обилие открытых садовых орудий и рыболовных снарядов, чтоб судить о высоте искусства и великой трудоспособности херсонитов. Город имел громадные виноградники – ныне вокруг него расстилаются пустынные поля, густо усеянные камнем. Современные культуристы не обращают никакого внимания на эту землю, некогда столь тесно занятую, что за «разграничения виноградников в равнине» между спорившими

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895-1906. Максим Горький gorkiyamaxim.ru
владельцами гражданин Агасикл был почтён благодарными херсонитами мраморной статуей, стоявшей у храма Дианы вместе со статуями других достойных граждан.

Помимо виноградников, обилие рыболовных снарядов и массы устричных раковин, находимых в земле, указывает на высокое развитие у херсонитов промыслов рыболовного и устричного, что и подтверждается свидетельством Страбона.

В городе существовало также много фабрик, изготовлявших амфоры и урны, которыми Херсонес торговал с Ольвией, Пантикапеей, Феодосией, Синопом и другими древними городами Таврии. На энергию и предприимчивость херсонитян указывает и недавно открытый водопровод: вода собиралась из ключей, отстоявших от города на расстоянии более десяти вёрст, и по тонким гончарным трубам проводилась в город. А чтобы обезопасить себя от набегов скифов, херсониты отгородили стеной всю юго-западную часть полуострова, выдающуюся в море треугольным мысом, одной стороной которого служит севастопольский рейд, другой балаклавская бухта, а основанием – расстояние между рейдом и бухтой, имеющее в длину более восьми вёрст. Окружность этого мыса по берегу моря имеет сорок пять вёрст, и этот-то полуостров херсониты отгородили стеной по всей длине его основания, то есть стеной в восемь вёрст длины, достигавшей местами до трёх сажен в высоту и имевшей до десяти башен – сторожевых пунктов для наблюдения за врагами-кочевниками.

Это сооружение, как видите, не уступает знаменитым стенам римлян Цезаря и Севера, возведённым ими в древней Британии для защиты своих поселений и покорённых племён от набегов непобедимых скоттов и пиктов, обитавших в Албене или Каледонии, нынешней Шотландии. Херсониты – переселенцы из малоазийского города Ираклии Понтийской [53]. Они явились в Таврию в конце седьмого века до Р.Х. и основали здесь Херсонес сначала в семи верстах от Севастополя, на мысе, около нынешнего Георгиевского монастыря. Будучи, как древние греки, предприимчивыми и трудолюбивыми, они скоро развили высокую культуру, и вместе с тем богатство их послужило для диких тавров соблазнительной приманкой. Набеги этих дикарей заставили ираклийцев переселиться на новое место, и они основали новый Херсонес в двух верстах от Севастополя, отгородились своей циклопической, восьмивёрстной стеной и такой же могучей стеной окружили весь свой город. Развалины городской стены уцелели до сего времени и стоят века, свидетельствуя о громадной энергии и строительном искусстве древних.

Стена окружала город зигзагами; со стороны моря, от пристаней, к ней вели вырубленные в скалах лестницы. Самый город представлял собой в цветущую пору до шести тысяч роскошных зданий с населением в 50 тысяч человек. Площадь его занимала 2200 квадратных сажен, в центре её стоял храм Дианы, окружённый металлическими и мраморными статуями именитых херсонитян. Две медные статуи поставлены были в честь героини херсонитян Гикии, женщины с высокоразвитым чувством гражданственности. Она заслужила поклонение сограждан своим следующим поступком. В четвёртом веке по Р.Х. Александр, царь босфорский, возымел намерение овладеть богатым и независимым Херсонесом, но, не чувствуя себя в силах одолеть херсонитян в бою, прибёг к хитрости. Он просил для своего сына руки Гикии, дочери уважаемого херсонитянами гражданина Ламаха. Ламах согласился на брак с тем, чтоб дочь его осталась в родном городе, и вскоре умер, а к босфорскому царевичу, время от времени, являлись небольшими группами воины его отца. Они приезжали и исчезали куда-то из города. Это поразило Гикию, она стала следить за сношениями своего мужа с Босфором, вскоре открыла в подвалах своего дворца до двухсот воинов-босфорян и поняла, что они выжидают тут удобного момента для того, чтоб напасть врасплох на город. В море уже готов был флот для помощи им. Тогда Гикия, сообщив согражданам о заговоре, подожгла свой дворец, заперев его подвалы и в них мужа во главе с заговорщиками. Облитый маслами, обложенный горючими веществами, дворец стал костром для людей, посягавших на свободу ближних.

И две статуи из меди увековечили имя Гикии, а история, рукой Страбона, занесла его на свои страницы.

Вместе со статуями Гикии стояло много других. Из числа их заслуживает внимания бюст Агасиклета, «знаменитого гражданина», который, как гласит надпись, иссечённая на подножии бюста, «укрепил город и обвёл его стеной, устроил городскую площадь, размежевал поля вокруг города» и так далее. В Херсонесе ценили общественных деятелей, ибо общественные деятели Херсонеса, как о том свидетельствуют их сограждане, соединяли энергию с бескорыстием, и честолюбие их

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895–1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru не превышало чувства меры.

В чуланчике монастыря – монах называл мне чуланчик музеем – хранится мраморный пьедестал от монумента царя Митридата Евпатора – Диофанту. На пьедестале иссечены подвиги Диофанта, надпись переведена членом императорского одесского общества истории и древностей господином Юргевичем и представляет собой образец греческого псефизма[54].

«Так как, – просто и сильно говорит она, – Диофант, сын Асклипиодора из Синопа, друг наш и благотворитель, стал виновником добра для каждого из нас со стороны царя Митридата Евпатора...» Следует длинное перечисление походов и подвигов Диофанта, и надпись заключена так:

«...Чтобы было явно, что народ приносит своим друзьям должную благодарность, сенат и народ Херсонеса постановили возложить на Диофанта, сына Асклипиодора, золотой венец во время публичного шествия на праздник Парфений с обнародованием через распорядителей, что Херсонес награждает венцом Диофанта за доблесть и расположение к народу. Сверх того, воздвигнуть ему медную статую в военном вооружении в акрополе возле жертвенника девственной богини Херсонеса. О всём этом поручается озаботиться упомянутым ниже гражданам с тем, чтобы всё было сделано как можно лучше и как можно скорее... Псефизм же начертать на подножье статуи.» [55]

Это постановление издано сенатом Херсонеса в 79 году до Р.Х. в момент самого пышного расцвета жизни города и в момент первой серьёзной грозы, собравшейся над ним, предвестницы многих бурь, впоследствии превративших Херсонес в груды мусора. За пять столетий своего существования Херсонес вырос настолько, что стал в высшей степени лакомым куском для разных завоевателей. Всё это время он успешно боролся со скифами, сохраняя свою независимость и самоуправление, но в начале семидесятых годов до Р.Х. известный истории царь скифов Скилур объединил свои дикие племена и стал упорно теснить херсонитян. Видя, что собственными силами им не одолеть врага, херсониты обратились за помощью к Митридату, и он с радостью послал им Диофанта во главе 60 тысяч воинов. Диофант вытеснил скифов из пределов Таврии, а Митридат вскоре после этого подчинил Херсонес своей власти в награду за свою помощь. Но и римлянам нравился Херсонес. Когда их оружие укротило Митридата в Азии, он бежал через Кавказ в Крым к херсонитянам, собрал новое войско и пытался отомстить Риму нападением с севера, пройдя через земли скифов и германцев, но солдаты отпали от него и провозгласили царём сына его Фарнака. Отец, боясь, что сын выдаст его врагам, принял яд и умер, а император Помпеи, пользуясь удобным случаем, присоединил Херсонес к владениям Рима.

Свободный город потерял на время свою свободу. Но во времена императоров Октавия Августа, Траяна, Адриана и Константина он всё ещё продолжал цвести и развиваться и в политическом и в экономическом отношении. В 36 году Адриан даровал ему полную автономию, освободил от податей, даже дал награду «за верность Риму». Эта награда – симптом понижения гражданственности херсонитов. С этих пор херсониты участвуют во всех войнах Рима, и Константин снова награждает их, подарив им свою золотую статую, печать, с которой все прошения херсонитян непременно доходили до самого императора, тысячу мер хлеба ежегодно, верёвки для луков и железо. Так продолжалось до четвёртого века, и за это время Херсонес даже расширил свои владения на южном берегу Крыма до Феодосии.

Но в четвёртом веке явились в Крыму готы, в пятом – гунны, последние напали на Херсонес, долго держали его в осаде и хотя не взяли, но причинили ему большой вред. Недавно около Херсонеса найдено шесть черепов странной формы: их лобная кость далеко запрокинута назад, а выпуклое темя отличается замечательным сходством с теменем гориллы. Антропологи находят, что эти черепа принадлежат именно гуннам. Пять из них отправлены, шестой хранится в херсонесском музее, поражая зрителя своей уродливостью.

За гуннами явилось ещё какое-то монгольское племя. Тунман называет его турками, хотя в шестом веке этого названия ещё не было слышно, за турками – хозары. Последние, покорив степную часть Крыма, оставались тут до одиннадцатого века, постоянно истощая Херсонес набегами.

В 615 году в Херсонесе жил сверженный и сосланный Леоном император Юстиниан, изувеченный, с отрезанным языком и носом. Он, сам глубоко несчастный, был источником несчастий и для херсонитян. Когда Леон был, в свою очередь, свергнут

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Тиверием, Юстиниан дал понять херсонитянам, что он надеется вновь занять престол Рима. Боясь гнева Тиверия, херсонитяне решили выдать изувеченного экс-императора Риму, но Юстиниан бежал от них к хозарам, оттуда к болгарам и, воцарившись при их помощи в Константинополе, вскоре пошёл во главе 100 тысяч войска мстить херсонитам. Он разорил город и увёл в плен всех его знатных граждан, но этого ему показалось мало, и он вновь послал флот в 75 тысяч войска с приказом совершенно уничтожить Херсонес. Флот весь погиб от бури. Император всё-таки хочет мстить и посылает второй флот с тем же строгим и жестоким приказом. Флот прибыл, высадился, началась осада, уже была разрушена часть стены города, – явились хозары и разбили римлян. Юстиниана, императора могучего Рима, заставляют присягнуть в верности царю полудиких хозар Вардану. Римлянин бежит от позора, но его схватывают и убивают. Этого наказания не много для человека, убившего целый город, его благосостояние, свободу и энергию...

Полуразорённый Херсонес всё-таки не отставал от империи и даже возродился на короткое время. В 835 году император Феофил сделал Херсонес областным городом Восточно-Римской империи и дал ему первенство над всеми греческими поселениями в Крыму и Зихии до реки Кубани. Но в 988-м явился Владимир Красное Солнышко. Разрушив Херсонес, он крестился в нём и возвратил город под власть Византии.

Но Византии, истощённой и бессильной, не время было обращать внимание на полуживой город, отделённый от неё морем. Херсонес рвали на куски печенеги и половцы. А генуэзцы, появившиеся на Крымском полуострове в седьмом веке, в десятом уже имели здесь массу факторий и городов, во главе которых стояла Согдайя – ныне Судак. Они захватили з свои руки всю торговлю края, и Херсонес, некогда знаменитый рассадник просвещения и искусств, погиб под гнётом генуэзцев экономически, как ранее погиб он политически. Фибулы, пряжки, серьги и ожерелья из Херсонеса уступили место изделиям генуэзцев. Центр греческой культуры и цивилизации в Тавриде – исчез, стал воспоминанием.

В 1397 году Ольгерд Литовский нанёс Херсонесу последний удар, окончательно разграбив его и перебив половину жителей.

И когда в пятнадцатом веке в Херсонес пришли турки, только что взявшие Константинополь, на долю их не было уже оставлено ни жителей, ни богатств. Тогда они, по вышеприведенному свидетельству Броневского, стали разрушать уцелевшие от погрома здания, выламывая из них металл и мрамор.

Так погиб этот город, существовавший два тысячелетия, и вот ныне лежит труд двадцати веков, – неустанная работа сотни поколений людских, – лежит в виде груд щебня, возбуждая видом своим тоску и много мрачных дум.

Жизнь создаётся так медленно и трудно, а разрушается так быстро и легко... Зачем это?

Соборный храм во имя святого Владимира, стоящий в ограде херсонесского монастыря, с внешней стороны представляет собой красивое здание в византийском стиле, но несколько пёстрое и тяжёлое. Он построен в форме креста, как древнехристианские храмы, два фундамента которых уцелели и по сие время и находятся рядом с храмом в ограде. Раньше на этом месте стояло восемь христианских храмов, из них один во имя святого Василия, тот самый, в котором принял крещение князь Владимир.

Нижняя церковь собора включает в себя древний фундамент, несколько реставрированный. Он возвышается от пола церкви на полтора аршина и представляет собою именно остатки древнего корсунского храма святого Василия, в нём даже обозначено мраморной оградой то место, где стояла купель князя Владимира. На одной из стен большая картина изображает обряд крещения князя. Церковь низкая, тёмная, и остатки древнего храма, для которых она служит как бы футляром, усиливают холод и мрак, наполняющий её. Чувствуешь себя в склепе.

Верхняя церковь поражает своей пестротой. Всюду древневизантийский орнамент, всюду краски, громадные картины, блестящие ризы, золото и холодное сияние мрамора. Иконостас весь из мрамора, его резали в Италии, и он стоит около двух десятков тысяч. Большинство картин работы академиков, но среди окружающей их пестроты и блеска они не производят впечатления.

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Весь храм построен из лучшего инкерманского камня, на гранитном основании. Пятьдесят две колонны из итальянского мрамора идут вокруг храма по галерее, окружающей его. В полукруглых окнах – цветные стёкла, окрашивающие море в фантастические краски. Вид на море из храма – широкий и красивый. В общем это сооружение, стоившее более миллиона, является скорее памятником старины, выстроенным на площади древней Корсуни и на месте храма Дианы. Службы в нём пока бывают два раза в год и посещаются севастопольцами неохотно. Севастополь стоит в двух с лишком верстах от храма, дорога плохая и пыльная.

Монахи хотя и знакомы с бытом древнего Херсонеса и имеют у себя наглядные доказательства неутомимой энергии греков, но не подражают им в этом. Даже рыбу, живя на берегу моря, они покупают на севастопольском базаре и не имеют даже своей лодки для сообщения с городом, на что заведующий раскопками Херсонеса господин Косцюшко-Валюжинич иронически указывает в своём отчёте о раскопках в 1895 году. При монастыре есть гостиница для желающих дышать воздухом моря и купаться. Зимой она пустует, летом – полна и представляет одну из статей дохода для монастыря.

Музей древностей Херсонеса, находящийся сейчас же за оградой монастыря, не только внутри битком набит вещами, но и снаружи завален ими. Чего тут нет! Громадные мраморные колонны с ажурными капителями, мраморный лев с городских ворот Херсонеса, гробницы, урны семейные, памятники, громадные глиняные сосуды для хранения вина, обломки барельефов, целые полы из мозаики, и на всём этом лежит отпечаток недосыгаемого изящества эллинской культуры.

Сравнивая мраморный иконостас храма святого Владимира с древней резьбой капителей, орнаментов и барельефов, видишь, что современным итальянским мастерам совершенно недоступно такое тонкое понимание красоты рисунка и такое тонкое исполнение, которым обладали херсониты. В музее есть гипсовая головка гидры, эта маленькая, дурно положенная вещь – живёт и дышит, глядя на вас из-за стекла витрины. Обломок статуэтки Дианы, голова Зевса, бальзамари, капители колонн и масса других предметов – всё это проникнуто красотой, воистину бессмертной.

Глядя на эти обломки исчезнувшей культуры, понимаешь, как громадно значение простоты в красоте. В сущности, все эти изваяния из мрамора – просты. И именно поэтому они так красивы. Вот пред вами плита мрамора, на ней начертана гражданская присяга херсонцев. Строки присяги окружены узкой рамкой орнамента. В нём ничего замысловатого, рисунок только прост, но он придаёт всей тяжёлой плите колорит художественной вещи.

А вот текст самой присяги, по переводу профессора Латышева: [56]:

«Клянусь Зевсом, Землёю, Солнцем, Деву (Дианой), и богами, богинями, и героями олимпийскими, кои владеют городом и землёю и укреплениями херсонаситов: я буду единомыслен относительно благосостояния и свободы города и граждан и не передам ни Херсонаса, ни Керкинитиды, ни Прекрасной гавани, ни прочих укреплений и земель, коими херсонаситы владеют, ничего никому – ни эллину, ни варвару, но буду охранять для народа херсонаситов и не нарушу демократии и желающему предать или нарушить не дозволю и не утаю вместе с ним, но заявлю городским демиургам; и врагом буду злоумышляющему и предающему и склоняющему к отпадению Херсонас или Керкинитиду, или Прекрасную гавань, или укрепления и область херсонаситов и буду служить демиургам как можно лучше и справедливее для города и граждан, и... [57] народу охраню и не передам на словах ничего тайного ни эллину, ни варвару, что может повредить городу; и дара не дам и не приму ко вреду города и граждан; и не замыслию никакого несправедливого деяния против кого-либо из граждан, и никому замышляющему никакого подобного деяния не дозволю, но заявлю и при суде подам голос по законам; и в заговор не вступлю ни против общины, ни против кого-либо из граждан, кто не объявлен врагом народа; если же я с кем-либо вступлю в заговор и если связан какою-либо клятвою по обету, то нарушившему будет лучше и мне и моим, а пребывающему – обратное, и если я узнаю какой-либо заговор, существующий или составляющийся, то заявлю демиургам; и хлеба вывозного из равнины не буду продавать и вывозить в другое место из равнины, но только в Херсонас – Зевс, и Земля, и Солнце, и Дева, и боги олимпийские, пребывающему мне в этом да будет благо и самому, и роду, и моим, а непребывающему – зло и самому, и роду, и моим, и да не приносят мне плода ни земля, ни море, ни женщины, да не...» [58]

Низ плиты отломлен и пока ещё не найден. Присяга относится к четвёртому –

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895–1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru третьему веку до Р.Х., ко времени развития города.

Из находок 1826 года заслуживает серьёзного внимания золотое ожерелье, отправленное в Эрмитаж. Это ожерелье, судя по снимку с него, находящемуся в музее, отличается изумительной комбинацией частей, красотой исполнения и своей ценностью. Оно распалось на части от долгого пребывания в земле и состоит из семнадцати золотых круглых бляшек и ещё шестидесяти четырёх частей, представляющих собой изящные рубчатые трубочки и пластинки, испещрённые тонкой резьбой. В гробнице, из которой была вынута эта ценная вещь, найдено ещё бронзовое зеркало, ножные серебряные обручи, бусы из янтаря и агата, два золотые перстня, один из них с овальным аметистом, украшенным головой воина, вырезанной на нём, два кусочка румян, не потерявших своего свойства от многовекового пребывания в земле, две серебряные бляшки с вытисненным на них бюстом Афродиты и двумя амурами по сторонам её, серьги в виде рысьих голов, топазы, масса древних монет, и – нет возможности перечислить все вещи, извлечённые из этого маленького подземного музея.

Несомненно, что в этой гробнице была похоронена женщина, и, быть может, это именно гражданка Гикия, упоминавшаяся выше. Эта догадка основывается на том факте, что гробница была открыта под стеной города. Херсониты, очевидно, хорошо понимавшие важность для жизни чистого воздуха, хоронили своих мёртвых далеко вне городских стен; Гикия же, в награду за свою услугу гражданам, потребовала, чтоб её похоронили в стенах города.

Город воспротивился этому и предложил заменить такую почесть восстановлением сожжённого ею дворца на общественный счёт. Гикия не уступала, тогда граждане дали ей клятву, что исполнят её желание. Но женщина, зная силу обычая, который она нарушала, задумала испытать сограждан и сделала это так: подговорив своих слуг, она притворилась умершей. Херсониты были опечалены смертью славной женщины, но всё-таки решили нарушить клятву, данную ей, и вынесли её за город. У могилы Гикия встала и горько упрекнула сограждан за их вероломство. Тогда они дали ей вторую клятву и ещё при жизни позволили ей назначить место вечного успокоения, а когда она назначила, то отметили его её медным, вызолоченным бюстом.

«Но, – говорит Броневский, – было бы правдивым сомнение в том, что херсониты и вторую клятву свою исполнили, ибо сила обычая их весьма велика была». Может быть, они подкопались под стену города и похоронили Гикию, так сказать, на границе её и их желания. Конечно, это только догадка, подтверждаемая царственной роскошью гробницы и обилием ценностей, оказавшихся в ней.

Собственно говоря, весь полуостров представляет собой неисчислимую по богатству археологическую сокровищницу. На днях, по словам «Салгира» [59], в селе Серогоз крестьяне, раскопав один маленький курган, открыли в нём целый клад: две подвески с изображением драконов, тринадцать уточек-подвесок древнегреческой работы, двадцать четыре пластинки с изображением мифологических лиц, ещё пятнадцать разнообразных пластинок, двести пятьдесят семь трубочек, сто тридцать чечевицеобразных кружков, сто девяносто два кружка круглых, двести семьдесят треугольных пластинок, массу пуговиц – все до одной вещи из высокопробного золота.

Недавно в херсонесский музей доставлена со степи в высшей степени интересная статуя. Это довольно грубое изображение человека в полный рост, на голове у него головной убор башкира, за спиной колчан и стрелы, руки сложены на живот, одежды длинные, до пят. Изваяна эта статуя из серого камня, по словам знатоков дела, не находящегося среди горных пород Крыма.

Вообще Крым для исторической науки – золотое дно, как заявляют местные любители археологии. Это естественно – в нём цвели такие роскошные цветы эллинской культуры, как Херсонес, Пантикапея...

Теперь на месте первого – мерзость запустения, на месте второй – Керчь, хранящая в почве своей многое множество ценностей.

Уходя с развалин Херсонеса, уносишь с собой что-то тяжёлое и мрачное. Кажется, что ушёл с почвы, от которой пахнет дымом, кровью, разлагающимися трупами. Сколько на земном шаре таких развалин! Много ли ещё будет, и настанет ли время, когда люди будут только созидать, утратив дикую страсть к разрушению?

Будем ли мы когда-либо менее алчны?

Алексей Максимович Пешков, псевдоним Максим Горький
Родился 14 марта 1868 года в Нижнем Новгороде [60]. Отец – сын солдата, мать – мещанка. Дед со стороны отца был офицером, разжалован Николаем Первым за жестокое обращение с нижними чинами. Это был человек настолько крутой, что мой отец с десятилетнего возраста до семнадцати лет пять раз бегал от него. Последний раз отцу удалось убежать из семьи своей навсегда, – он пешком пришёл из Тобольска в Нижний и здесь поступил в ученики к драпировщику. Очевидно, у него были способности и он был грамотен, ибо уже двадцати двух лет пароходство Колчина (ныне Карповой) назначило его управляющим своей конторой в Астрахань, где в 1873 году он и умер от холеры, которой заразился от меня. По рассказам бабушки, отец был умный, добрый и очень весёлый человек.

Дед со стороны матери начал свою карьеру бурлаком на Волге, через три путины был уже приказчиком на караване балахнинского купца Заева, потом занялся окраской пряжи, разжился и открыл в Нижнем красильное заведение на широких началах. Вскоре он имел в городе несколько домов и три мастерских для набойки и окраски материи, был выбран в цеховые старшины, служил в этой должности три трёхлетия, после чего отказался, оскорблённый тем, что его не выбрали в ремесленные головы. Он был очень религиозен, до жестокости деспотичен и болезненно скуп. Жил девяносто два года и за год перед смертью сошёл с ума, в 1888 году.

Отец и мать обвенчались <самокруткой>, ибо дед не мог, конечно, выдать свою любимую дочь за безродного человека с сомнительным будущим. Мать моя на мою жизнь никакого влияния не имела, ибо, считая меня причиной смерти отца, не любила меня и, вскоре выйдя замуж второй раз, уже совершенно сдала меня на руки деда, который и начал моё воспитание с псалтири и часослова. Потом, семи лет, меня отдали в школу, где я учился пять месяцев. Учился плохо, школьные порядки ненавидел, товарищей тоже, ибо всегда я любил уединение. Заразившись в школе оспой, я кончил учение и более уже не возобновлял его. В это время мать моя умерла от скоротечной чахотки, дед же разорился. В семье его, очень большой, так как с ним жили два сына, женатые и имевшие детей, меня никто не любил, кроме бабушки, изумительно доброй и самоотверженной старухи, о которой я всю жизнь буду вспоминать с чувством любви и уважения к ней. Дядья мои любили жить широко, то есть много и хорошо пить и есть. Напившись, обыкновенно дрались между собой или с гостями, которых у нас всегда бывало много, или же били своих жён. Один дядя вколотил в гроб двух жён, другой – одну. Иногда и меня били. Среди такой обстановки о каких-либо умственных влияниях не может быть и речи, тем более, что все мои родственники – народ полуграмотный.

Восьми лет меня отдали <в мальчишки> в магазин обуви, но месяца через два я сварил себе руки кипящими щами и был отослан хозяином вновь к деду. По выздоровлении меня отдали в ученики к чертёжнику, дальнему родственнику, но через год, вследствие очень тяжёлых условий жизни, я убежал от него и поступил на пароход в ученики к повару. Это был гвардии отставной унтер-офицер, Михаил Антонов Смурый, человек сказочной физической силы, грубый, очень начитанный; он возбудил во мне интерес к чтению книг. Книги и всякую печатную бумагу я ненавидел до этой поры, но побоями и ласками мой учитель заставил меня убедиться в великом значении книги, полюбить её. Первая понравившаяся мне до безумия книга – <Предание о том, как солдат спас Петра Великого>. У Смурого был целый сундук, наполненный преимущественно маленькими томиками в кожаных переплётках, и это была самая странная библиотека в мире. Эккертгаузен лежал рядом с Некрасовым, Анна Радклиф – с томом <Современника>, тут же была <Искра> за 1864 год, <Камень веры> и книжки на малорусском языке.

С этого момента моей жизни я начал читать всё, что попадало под руку; десяти лет начал вести дневник, куда заносил впечатления, выносимые из жизни и книг. Дальнейшая жизнь очень пестра и сложна: из поварят я снова возвратился к чертёжнику, потом торговал иконами, служил на Грязе-Царицынской железной дороге сторожем, был крендельщиком, булочником, случалось жить в трущобах, несколько раз отправлялся пешком путешествовать по России. В 1888 году, живя в Казани, впервые познакомился со студентами, участвовал в кружках самообразования; в 1890 году я почувствовал себя не на своём месте среди интеллигенции и ушёл путешествовать. Шёл из Нижнего до Царицына, Донской областью, Украиной, зашёл в Бессарабию, оттуда вдоль южного берега Крыма на Кубань, в Черноморье. В октябре 1892 года жил в Тифлисе, где в газете <Кавказ> напечатал свой первый очерк

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895-1906. Максим Горький gorkiy.maxim.ru <Макар Чудра>. Меня много хвалили за него, и, переехав в Нижний, я попробовал писать маленькие рассказы для казанской газеты <Волжский вестник>. Их охотно принимали и печатали. Послал очерк <Емельян Пиляй> в <Русские ведомости> – тоже приняли и напечатали. Мне, пожалуй, следует заметить здесь, что лёгкость, с которой провинциальные газеты печатают произведения <начинающих>, воистину изумительна, и я полагаю, что она должна свидетельствовать или о крайней доброте господ редакторов или же о полном отсутствии у них литературного чутья.

В 1895 году в <Русском богатстве> (книга 6) напечатан мой рассказ <Челкаш> – о нём отозвалась <Русская мысль> – не помню в какой книге. В том же году в <Русской мысли> помещён мой очерк <Ошибка> – отзывов не было, кажется. В 1896 году в <Новом слове> очерк <Тоска> – отзыв в сентябрьской книге <Образования>.

В марте текущего года в <Новом слове> очерк <Коновалов>.

До сей поры ещё не написал ни одной вещи, которая бы меня удовлетворяла, а потому произведений моих не сохраняю – ergo [61]: прислать не могу. Замечательных событий в жизни моей, кажется, не было, а впрочем, я неясно представляю себе, что именно следует подразумевать под этими словами.

Праздник шиитов

В Тифлисе, в мае, 17–19 числа, магометане-шииты праздновали дни Али, зятя Магомета и сына Али-Хуссейна. Эти три дня заслуживают описания как дни, в которые религиозный фанатизм людей Востока, развиваясь свободно и невозбранно, достигает своего высшего пункта, принимает формы безумного исступления, нередко увечит и убивает своих рабов.

В основу праздника Али-Хуссейна легла борьба за политическое преобладание между Омейядами, династией калифов, которые вели свой род от Абу-Бекра, тестя Магомета, и Алидами, другой династией, родоначальником которой является зять пророка, Али. На почве этой борьбы в седьмом столетии возник среди магометан религиозный раскол и образовались две партии; одна из них – шииты [62], они почитают Али святым, первым после Магомета, его потомков – единственными законными калифами, а коран – единственным учением о вере и образе жизни. Они признают также, что один из потомков Али – Магомет, живший в конце седьмого века, не умер, когда-нибудь восстанет из своего подземного убежища в образе истинного Махди (Мессии) и, восстав, выведет народ свой на путь счастья и истины. Другая партия тоже признает святость Али, но в порядке святости ставит его после Абу-Бекра и его потомков, а наряду с кораном почитает также и «сунну» [63]. Эти главные разногласия между двумя сектами от времени осложнились массой деталей, и ныне разница в верованиях и обрядах шиитов-персов и суннитов-турок очень велика. Али, святой шиитов, долго боролся с партией Абу-Бекра; однажды взял в плен своего злейшего врага – Айшу, жену Магомета, но он не добился со стороны арабов всеобщего признания калифом, был схвачен сторонниками противной партии в Мекке, во время молитвы в мечети, и они замучили его. Сын его, Хуссейн, продолжал борьбу, но также безуспешно и тоже был убит. Во дни, посвящённые чествованию памяти этих святых, их поклонники выражают свою печаль о поражении Али и Хуссейна, отчасти представляют битвы Али и его триумф после знаменитой «битвы верблюда», в которой жена пророка Айша воодушевляла свои войска к бою, сидя на верблюде, и сдалась воинам врага своего Али лишь после того, как её верблюду подрезали жилы на ногах.

Нужно заметить, что порядок и обряды празднования дней Али-Хуссейна видоизменяются в зависимости от местности и её преданий, которые часто совершенно чужды эпохе Али и Хуссейна, но, наслаиваясь на остов истории этих лиц, в конце концов затушёвывают её до неузнаваемости. По словам очевидцев и описаниям путешественников, в Карской области эти дни празднуются иначе, чем в Закавказье, у персов иначе, чем у арабов, и т. д.

Вот как праздновались дни Али-Хуссейна в Тифлисе, на Авлабаре, в азиатской части города, рассыпанной по высокой горе, подножие которой буйно омывает быстрая и шумная Кура.

Вечером 17 мая толпа персов, айсоров и елизаветпольских татар, вооружённая длинными, похожими на сабли кинжалами, собралась за Авлабаром в узкой долине, с одной стороны которой возвышается гора, а с другой – развалины тифлисской крепости, древнего и мощного сооружения, выдавшего под своими стенами воинов

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895-1906. Максим Горький gorkiyamaxim.ru
Помпея. Собравшись тут, эти пёстро одетые люди с бронзовыми лицами и бритыми досиня черепаками выстроились в длинную колонну, обнажили головы и, держа в опущенных руках свои ножи, долго молча смотрели на высокий шест, укреплённый на крыше одного из домов Авлабара. Когда вечернее солнце опустилось за гору и в долину тихо упала тень от развалин крепости – на шесте взвился большой чёрный флаг, и в этот момент толпа, взмахнув в воздухе ножами, единодушно испустила протяжный и тоскливый, воющий крик:

– Али! Хуссейн!

Повторив этот возглас трижды, толпа заунывно запела какой-то гимн и в такт пению стала маршировать по долине, взмахивая ножами, ярко блестящими в воздухе. Всё ускоряясь в темпе, дружное пение постепенно начинало принимать характер болезненного вопля, ножи равномерно взлетали в воздух и, опускаясь вниз, почти касались плеч и голов, а на лицах людей, вместе с потом усталости, явилось выражение дикого экстаза. Тёмные глаза фанатических детей Востока, упорно следя за чёрным флагом, развевавшимся в воздухе, разгорались огнём религиозного воодушевления, их лица, искажённые страстным чувством, нервно вздрагивали, и уже с хрипом вырывался из их груди громкий, единодушный крик, порой прерывавший их пение:

– Али! Хус-сейн!

Отовсюду бежали зрители – русские, грузины, армяне, женщины, солдаты, рабочие, торговцы, дети – всё население Авлабара и окружающих его местностей. Окружая подвижников плотным кольцом, зрители ходили за ними и жадными глазами с ожиданием смотрели на них. И вот один из фанатиков, высокий и седой старик с тёмным иссохшим лицом, замахнулся кинжалом над своей головой и лёгким, ловким ударом рассёк себе лоб. Тонкая, но обильная струя крови потекла по его лицу и вызвала у его сотоварищей громкий, радостный крик. Не прошло минуты, как уже более десяти голов и лиц было изуродовано ранами и залито кровью, красными полосками стекавшей на плечи и грудь. Каждый раз, как один из подвижников рассекал себе кожу, – товарищи встречали его кровь громким криком пламенного восторга. В колонне было около ста человек, но уже менее чем через пять минут после первого примера в ней не осталось ни одной головы, не окрашенной кровью. Правовверные, не принимавшие участия в этом самоистязании, подходили к окровавленным людям и, благоговейно касаясь руками их ран, мазали кровью у себя за ушами, под скулами, груди и лбы. А люди с изуродованными, наводящими острый ужас лицами сбросили с себя верхние одежды, обнажили плечи, с ритмичными возгласами: «Али! Хуссейн!» маршировали по долине и ожесточенно рубили себе кожу на головах, на плечах и грудях. Но вот из узкой, змеевидной улицы города выходит на долину ещё колонна шиитов. Они одеты в длинные чёрные хитоны с вырезанными на спине большими четырёхугольниками, из которых смотрит голое тело. Их головы повязаны чёрными повязками, а в руках у них толстые сыромятные ремни более аршина длиной, на одном конце которых прикреплены квадратные куски кожи объёмом в ладонь. У некоторых эти кожаные квадраты представляют собою мешочек, в который насыпана дробь или положены острые куски кварца, у других – в кожу воткнуты мелкие гвозди, третьи вместо кожи прикрепили к концам ремней кисти из медной проволоки. Колонна эта шла медленно и негромко пела какую-то странную песнь, полную покорности року, песнь, составленную из торжественных нот, длинных и однообразных, которые, чередуясь с более короткими и резкими, создавали странную мелодию, усыпляющую ум, ничего не давая ему. Эти люди напоминали хор пилигримов из «Тангейзера»[64]. Лица их были облагорожены чувством, тихим чувством безропотной готовности к чему-то, спокойной уверенностью в необходимости подвига и сознанием силы совершить его.. И кажется, что в поднятой ими туче пыли над их головами носится невидимый и бесформенный, но безжалостный и жестокий дух, поработивший их. А навстречу им несётся воющий крик облитых кровью энтузиастов:

– Али! Хус-сейн!

– Али! – отвечают они единодушным взрывом, и их страшные плети, свистнув в воздухе, с лязгающим звуком падают на обнажённые спины и рвут мышцы.

– Хус-сейн! – и снова плети режут воздух и живое тело.

Возникает страшное и отвратительное соревнование. Те, что режутся ножами, не хотят чувствовать меньше боли, чем чувствуют её те, что бичуются. В воздухе носится гулкий крик; люди, истязуемые влюблённым в муки кровавым гением

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895–1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru

фанатизма, поют и возглашают имена святых, зрители, магометане, тоже возбуждённые почти до безумия, бьют себя в груди кулаками, поощряют рвение истязуемых возгласами похвал, и в то время, как бичи лязгают по изуродованным, иссечённым спинам, они, эти правоверные, с восторгом и жадностью ловят капли крови, разлетающиеся по воздуху из разорванных мускулов. Безумие исступления всё возрастает, и пытки становятся всё более утончёнными, люди жаждут мук, ищут острейших страданий; ненасытные в своём рвении, они, кажется, готовы рвать своё тело руками и разбрасывать по земле горячие, дымящиеся куски его. Смотришь и изумляешься – откуда у этих людей так много железного терпения? Или подъём ликующего духа и в наши дни способен заглушать бурный протест истязуемой плоти? Фанатизм, экстаз, исступление – всё это сильные слова; но разве дают они понять, что есть в сущности своей та разительная сила, которую они скрывают за собой? И невольно думается, что если б эту дивную мощь человека направить не на работу разрушения, а на создание жизни, на творчество новых форм её, может быть, действительно «поразили бы люди и демонов и сами боги удивились бы им», как это сказано в одной хорошей книге...

Я жил в доме, который стоит над Курой, на высокой скале, и из окон моих видел весь Авлабар, раскинувшийся на противоположном берегу реки. Там ломаные линии домов, разделённые узкими, извилистыми и крутыми улицами, стоят чуть не на крышах друг у друга, поднимаясь от реки до вершины горы; и все они так хаотически скучены, так грязны и неуклюжи, что кажутся громоздким мусором, сброшенным с верха горы и при падении вниз, в страхе и без порядка, прилипшим к её каменным рёбрам. Черепица их крыш, серый камень стен, деревянные пристройки, балконы и террасы, висящие в воздухе, – вся эта масса камня и дерева, громоздясь друг на друга, заставляет думать, что только землетрясение, могучий толчок подземных сил, мог придать жилищам людей вид такого хаоса.

А Кура, ревушая в узком каменном ложе, между сдавивших её скал, с пеной гнева бьётся в берега, как бы грозя разрушить и смыть с них тяжёлые и грязные здания, – Кура наполняет воздух сердитым ропотом и ещё более усиливает оригинальность картины и странное впечатление, навеваемое ею.

Кура не широка. Из моего окна можно без усилия перебросить через неё камень во двор дома на том берегу. Этот двор принадлежит богатому персу, старику, который часто выходит гулять на двор и подолгу сидит в одном из углов двора на цыновке под тенью платана, окружённый своими жёнами, закутанными в белые покрывала, тремя девочками, из которых старшей едва ли минуло пятнадцать лет.

Вечером 17 мая этот двор чисто вымели, полили водой, а при наступлении ночи – осветили массой фонарей. Среди двора поставили высокий железный треножник и на нём медный сосуд, в котором красным пламенем горела тряпка или пакля, пропитанная нефтью. Ночью окна домов Авлабара ярко осветились, и по улицам, с пением, шумом и воем, с факелами в руках пошли процессии шиитов. В густой тьме душной ночи огни факелов то исчезали в извилинах улиц, бросая трепещущий отблеск на стены домов, то снова являлись пред глазами, образуя живые и причудливые узоры из пылающих точек, или, вытягиваясь в длинную линию, они золотой змеей ползли по горе и освещали ножи, белыми молниями разрывавшие воздух над головами людей, охваченных восторженным безумием. Гул голосов, сливаясь с ропотом бешеных волн Куры, носился в воздухе таким могучим звуком – точно вместе с кающимися людьми вся гора вздыхала и стонала. Около полуночи процессия разбилась на отдельные группы и они разошлись по всем улицам, всюду сея огни и холодный блеск ножей.

И вот одна часть процессии пришла на двор перса против моего окна. Её ждали; на балконе дома стояли старики в длинных, тёмных одеждах и высоких клобуках, вроде тех, в каких изображают царей Вавилона и Ассирии. У ног стариков сидели два мальчика, одетые в белое. Когда процессия вошла во двор – она прекратила своё пение и образовала круг, в центре которого явилось четверо людей, обнажённых до пояса. Они встали по двое друг против друга около треножника, облившего их красным пламенем, а правоверные, сопровождавшие их, подняв факелы высоко вверх, окружили их кольцом огня. Затем наступило молчание, и с минуту все стояли неподвижно.

И вот, – среди напряжённой тишины, раздался детский голос, слабый, дрожащий, но чистый и звонкий, как стекло. Он пел, или, вернее, он певуче жаловался на что-то; он то замирал, бессильный и тоскливый, то вскрикивал жалобно и кротко,

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru поднимался высоко к небу, в ту ночь скрытому чёрными тучами, и, дрожащий, робкий, но всегда по-детски милый и красивый, обрывался, падал вниз и замирал на ноте едва слышной, на звуке до того лёгком и бессильном, что, казалось, он был бы неспособен изменить полёт пушинки.

– А-а... о... э-а-а... о-о-э-а... – носилась в воздухе плачевная мелодия, и, когда утомлённый голос обрывался, толпа что-то дружно и глухо гудела, как бы виновато отвечая ему. Потом запел второй детский голос, более мужественный и сильный, но также полный красивых и печальных металлических вибраций, и, когда звуки его замерли, – раздался громкий, гортанный возглас одного из стариков. Он долго и внятно читал что-то на ломком языке, звуки которого, резкие и краткие, сыпались в тишину, как зёрна.

– Али! Хуссейн! – грянула толпа, и что-то странно звякнуло. Толпа громко запела дикую и воинственную мелодию, и я увидел, как четверо полуобнажённых людей, взмахнув чем-то в воздухе, с силой ударили себя по спинам, отчего раздался железный лязг... В руках у них были довольно толстые и длинные цепи, сложенные вдвое; держа их обеими руками, эти люди с размаха, враз били ими себя по спинам, стараясь так выгибать тело под удар, чтоб на него легло возможно больше цепи. Поощряя их, толпа хлопала в ладоши и пела, потом вдруг задавала им какой-то торжествующий вопрос. Бичующиеся на время прерывали свое самоистязание и отвечали им хриплыми голосами, после чего, по грозному возгласу толпы, цепи снова взлетали в воздух и снова рвали тело.

– Али-и-и! – одобряюще выла толпа, и удары становились крепче, сильнее. Скоро это был уже противный, хлюпающий и лязгающий звук, точно пучком железных прутьев ударяли по густой грязи. Некоторые из толпы начали бить себя кулаками правой руки в левую сторону груди. Они размахивались широко, с ожесточением, и каждый удар заставлял их пошатываться. Факелы в их руках дрожали, и я видел, как капли смолы и искры падали на обнажённые плечи истязавшихся. Но они, должно быть, не чувствовали этой боли: они всё бичевали себя, и, когда их усталые руки уже не могли наносить сильных ударов, – они сами, возбуждая себя, громко ревели:

– Али-и!

И снова железо цепей противно лязгало о вспухшие, изорванные спины, облитые кровью и красноватым светом факелов. Так продолжалось долго, до поры, пока пение толпы, удары кулаков и цепей и все другие звуки не заглушил протяжный, воющий стон. Это один из бичующихся не выдержал более пытки, покачнулся назад и с воплем, плашмя рухнул на землю. Над ним склонились правоверные, чтоб омочить руки в его крови – может быть, это будет святая, очищающая кровь, ибо человек, который умрёт в этот день от истязания, – свят.

Замучившегося подняли на руки и с громким пением понесли со двора. Его положат в мечети, а если окажется, что он ещё в состоянии выздороветь, – может быть, его отправят в больницу, – может быть, потому что лечить священные раны – позорно и постыдно...

Всю ночь до рассвета по горе бегали огни, то рассыпаясь на мелкие группы, то снова соединяясь в одну широкую, сияющую полосу и образуя собою горящие венцы, из которых к тёмному небу снова неслись крики, свист бичей, мягкие шлепки ударов и лязганье цепей. Но вот взошло солнце, и при первых лучах его весь этот фантастический кошмар исчез вместе с тучами, скрывавшими небо. Днём измученные шииты отдыхали в своих грязных домах с плоскими кровлями, на террасах, висящих в воздухе над Курой, на горе, около развалин крепости, в тёмных улицах, засоренных гниющими отбросами, полных тяжёлого азиатского запаха. Вечером все сцены истекшей ночи повторились в грандиозном размере и с массой новых, поразительных деталей. В долине у крепости собралась огромная толпа. Тут были сотни людей разных племён Кавказа и Закавказья; все они, нетерпеливо глядя на Авлабар, ждали начала процессии. На сером фоне глыб известняка, гигантской лестницей вздымавшихся к небу, отчётливо рисовались яркие цвета одежд: белые, жёлтые, синие и чёрные пятна усеяли гору. Женщины-магометанки, закутанные в широкие зелёные и белые покрывала, столпились в отдельную плотную группу, как овцы в жаркий день, и, безжизненные, обезображенные бесчисленными складками своих одежд, точно приросли к земле, уподобляясь неподвижной и безмолвной толпе привидений, созданной фантазией безумного. Дети птицами летали по горе, то и дело подвергаясь преследованию и внушениям со стороны храбрых полицейских,

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
изнывавших под гнётом духоты, пыли и своих обязанностей. Всё это казалось
весёлой и яркой картиной большого праздничного гулянья...

Но вот из улиц Авлабара начали являться колонны шиитов.

– Али! Хус-сейн! – раздался в воздухе ритмичный крик, а его сопровождал дружный топот ног по камню и все эти противные звуки истязания тела. Каждая колонна имела сегодня свою особенность и в одежде и в способе пытки. Бичующиеся были одеты, как и вчера, – в чёрные хитоны с вырезами на спинах, те, что резались ножами, – в длинные белые рубахи; головы первых были повязаны чёрными тряпками, вторые – обнажили свои синие, бритые, изрубленные черепа, и белая ткань их одеяния была вся в красных пятнах и полосах. На многих спинах и плечах сорванные кожа и мясо висели тёмными запёкшимися клочьями, и из них сочилась кровь, но лица, почерневшие от боли, были облагорожены восторгом мученичества, ясно светившимся в широко раскрытых глазах.

Эти две колонны выстроились друг против друга и стали маршировать, то наступая, то отступая, грозя одна другой орудиями истязания, но не забывая увечить себя и всё вскрикивая в такт своему маршу:

– Али! Хус-сейн!

Иногда один из шиитов выступал вперёд и наносил себе страшный удар, от которого всё его тело вздрагивало и, как изломанное, падало на землю под ноги товарищей, встречавших его подвиг рёвом похвал... А из города на долину уже выходила ещё одна колонна человек в шестьдесят. Они были одеты в широкие белые юбки, прикрывавшие их тело от пояса до колен. Груды их были открыты и представляли собою образцы утончённых пыток.

Некоторые из этих людей, оттянув и прорезав себе кожу около сосцов, пропустили в образовавшуюся двойную рану дужки больших замков и заперли замки. Эти куски железа, весом, наверное, более фунта (замки из тех, которыми обыкновенно запирают двери складов, кладовых, магазинов и т. д. – Прим. М.Г.), висели на живом мясе, оттягивая его книзу. Другие воткнули глубоко под кожу груди ряд кинжалов, расположенных веером и дрожавших при каждом шаге. Какой-то юноша-атлет расшил себе грудь медной проволокой, иные, собрав кожу на щеках, защемили её в тяжёлые железные щипцы, к щекам других были привешены фунтовые гири, державшиеся на железных крючках, пронзавших щеку. Высокий, стройный красавец-перс, с роскошной чёрной бородой, испортил своё бронзовое упругое тело массой машинных гвоздей, воткнув их в грудь и плечи... И положительно невозможно передать всё разнообразие мучений, которым подвергали себя эти люди. Каждый шаг, даже каждый вздох должен был причинять невыносимую боль, ибо – и вздох колебал эти куски железа, воткнутые в живое тело. Но лица этих подвижников не выражали ничего иного, кроме упоения своими муками. Их появление было встречено радостным, одобрительным воем шиитов и глухим гулом голосов поражённой публики. Многие ушли от этой картины, иные – ругались, женщины – плакали, а ребяташки (их было много!), идя с боков колонны, со страхом и любопытством большими глазами заглядывали на окровавленные, израненные груди. Но среди зрителей были также взгляды и лица, выражавшие благоговейное сострадание, трогательное чувство умиления, а многие, быть может, даже зависть чувствовали к силе веры этих людей, победивших себя ради славы своего бога...

...Утром 19 мая, часов в девять, на улицах Авлабара появились разноцветные знамёна. Было тут и зелёное священное знамя пророка, увенчанное золотым диском луны, развевались на длинных древках красные полосы шёлка, чёрные, белые и жёлтые. Все они постепенно собирались к одному пункту – в большой и тенистый сад на берегу Куры, а когда они собрались там, расцветив зелень деревьев радугой своих ярких красок, – в саду началась церемония. Начали петь какие-то тоскливо-торжественные гимны, неволью напоминавшие о заупокойной литургии православных, прерывали пение возгласами в честь Али и его сына и снова бичевались, резались, били себя. Потом, кончив петь, все построились по четверо в ряд в длинную, змеевидную группу и образовали в середине её широкий интервал. Через несколько минут из дома, скрытого среди зелени сада, вышли восемь почтенных, бородатых персов; они несли на руках нечто вроде китайского паланкина, – красные, бархатные носилки с крышей на четыре ската и с открытыми стенками. Бархат носилок был совершенно заткан золотом и самоцветными камнями; всё это ослепительно сверкало на солнце и, при малейшем движении носилок, резало

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
глаза, разбрасывая в воздухе снопы ярких искр. В носилках сидела маленькая девочка, с ног до головы окутанная в сияющее белое покрывало, тоже усыпанное камнями. На руки девочки надели цепи, голову повязали широкой чёрной лентой, – она должна была изображать пленную Айшу, ей следовало быть мрачной и плакать, но она, очевидно, находила, что дурное настроение не гармонировало бы с таким красивым костюмом, и смеялась, то и дело показывая свои зубки и сверкая чёрными глазками.

Готовился триумф Али. Вот явился и сам он, на рослом гнедом коне, весь одетый в красное, осыпанный золотом, в блестящем шлеме на голове, с тонкой кривой саблей в одной руке и поводьями в другой. Забрало шлема опущено – нельзя смертному видеть лица Али, – который, кстати сказать, не далее как вчера, вероятно, торговал разной дрянью в одной из тесных лавчонок Авлабара и, наверное, завтра займётся тем же. Его встретили с ликующим воем: «Али-и-и!» – воем, от которого стёкла в окнах задрожали. Али становится перед носилками своей пленницы, которая всё смеётся, знамёна окружают его, трепещут над его головой, и процессия, азиатски цветистая и роскошная, двигается вперёд... под предводительством четверых полицейских во главе с околодочным. Играя на солнце пышностью своих красок, она медленно поднимается в гору, приходит на место, которое в течение трёх дней поливалось кровью правоверных, будет долго маршировать там, потом возвратится к пункту, от которого отправилась, и чествование Али-Хуссейна кончено...

22 МАЯ. В то время, как я пишу эти строки, по горе опять идёт процессия. Но уже небольшая – человек сто. В центре её несут на плечах продолговатый предмет, завернутый в коричневую материю, а впереди развевается зелёное знамя. Это значит, что один из шиитов, участвовавших в процессиях прошлых дней, удостоился славной смерти мученика, и вот единоверцы несут труп его, чтоб зарыть в землю, и завидуют ему, ибо он теперь упивается неземными ласками гурий в раю своего пророка. И в то время, как он там блаженствует, – здесь тоже чтут подвиг его – вот священное знамя пророка развевается над его истерзанным пытками прахом – и это великая честь человеку!

...Не один правоверный шиит ежегодно после этого страшного праздника отправляется под зелёным знаменем в свой весёлый рай...

«Журнал для всех»
«ЖУРНАЛ ДЛЯ ВСЕХ»

Ежемесячный, иллюстрированный, литературный и научно-популярный.

Подписная цена с доставкой и пересылкой один рубль в год. Подписка

Принимается в Петербурге, Ковенский пер., 31.

Вот – издание, которое на первых порах невольно вызывает мысли подозрительные и скептические. С какой целью люди дают за рубль в год двенадцать книжек объёмом в пять-шесть печатных листов?

При этом вспоминается своевременно угасший «Царь-Колокол» – сие нелепейшее чадо неуклюжей русской рекламы [65]. Затем думается – что хорошего может дать журнал, цена которому рубль? Но при ближайшем знакомстве с этим странным с коммерческой точки зрения предприятием ясно видишь, что оно преследует цели почтенные, глубоко симпатичные, и – дай бог ему успеха! Это – хорошее дело, заслуживающее серьёзного внимания со стороны читателя, дело «для всех», чистое и бескорыстное. Говорить о том, что, собственно, предлагает «журнал за рубль» своему читателю, – здесь не место, но можно с уверенностью сказать, что он строго выполняет одну из своих задач – давать читателю за дешёвую цену здоровую пищу для ума и духа. Десять вышедших книжек журнала ясно свидетельствуют о серьёзном и вдумчивом отношении к делу со стороны редакции: каждая книжка выходит в свет лучше, – интереснее и обильнее, – предшествовавшей ей. Особенно обращают на себя внимание по ясности изложения статьи научно-популярного характера, да и все вообще отделы журнала легко выдержат самую придирчивую критику. «Внутренние обозрения» и «Политическая хроника» ведутся всегда умно и толково; иллюстрации не уступают по выполнению иллюстрациям других изданий и превосходят их по выбору, ибо всегда представляют собой снимки с картин известных художников. В октябрьской книжке помещено три оригинальных рассказа, один переводный с итальянского [66], «Покорение Хивы. Очерк из военной истории России», «Народные чтения», статья

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895–1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru Данилова «Молния», популярный очерк Левашова с семью рисунками, «Железный канцлер» Вильде, «Воспоминания учителя» П. Белова, «Летательные машины», статья Гауэра с рисунками, три стихотворения, снимки с картин Лебедева и Богданова-Бельского [67]. Среди этого материала, несомненно, каждый найдёт что-нибудь интересное для себя. Ещё раз повторяем – это хорошее дело, и оно будет, должно иметь успех.

Нам известно, что редакция «Журнала для всех» имеет намерение пригласить к участию в своём издании наших выдающихся литераторов и учёных и отчасти уже осуществила это намерение – в портфеле редакции имеются три рассказа А.П. Чехова, которые появятся в следующих книжках [68]; следует думать, что за А.П. Чеховым и другие придут на помощь редакции журнала в бодром и симпатичном стремлении привлечь внимание читателя к этому журналу, вполне и безусловно достойному внимания.

Ванькина литература

Блаженной памяти барон Брамбеус [69] имел лакея Ваньку, большого любителя читать различные «забористые» книжки. Ванька этот, по рекомендации барона-критика, был существом «вида растрёпанного и неумытого» и, судя по его любви к литературе, должно быть, состоял в родне с Петрушкой Чичикова. Каждый раз, когда в руки Брамбеуса попадала какая-нибудь безграмотно написанная или глупая книжка, он кричал своего лакея и книжку эту отдавал ему, говоря:

– Возьми, Ванька, это – твоя литература...

Это происходило в тридцатых годах, и с той поры, как это ведомо всем, арифметику знающим, прошло лет шестьдесят... Просвещение в столь почтенный срок сильно развилось... но, кажется, только вширь, а не вглубь. Кажется это потому, что хотя теперь нет ни Брамбеуса, ни крепостных лакеев, но Ваньки, любители забористой литературы, не только не исчезли, а, напротив, должно быть, очень развились, на что решительно и неопровержимо указывают быстрый рост и пышный расцвет «Ванькиной литературы». «Листки» московские, петербургские, русские имеют своими читателями, несомненно, Ванек; такие журналы, как «Звезда» Животова, «Родина» и прочие прыщи на лице русской литературы, выписываются Ваньками; такие писатели, как Животов, Пазухин, Рудниковский, Гейнце, работают для Ванек, потомков лакея барона Брамбеуса. Всё это – литература дешёвая...

А вот «Наблюдатель», стоящий 12 рублей в год [70], или «Новое время», стоящее 17 рублей [71], не могут, вследствие своей дороговизны, привлечь к себе внимание Ванек... и поэтому пытаются развести их среди людей более обеспеченных, чем те Ваньки, которые питаются искони прислуживающей им и дешёвой прессой. Что названные выше органы способны плодить Ванек и угождать их дрянным вкусам, в этом нельзя сомневаться. «Новое время» известно хлесткостью ругани, что всегда очень нравится улице. «Новое время» любит ругаться – улица любит слушать крепкие слова. «Новому времени» нужно понизить цену, тогда оно будет оценено Ваньками, наравне с другими уличными органами и шарманками. Вот, кстати, образчик недобросовестности и передержек, украшающих страницы газеты Суворина, – несколько дней тому назад в ней было напечатано следующее:

«Тягостное впечатление производит орган молодой литературы «Жизнь» (ежемесячный литературный, научный и политический журнал, издававшийся в Петербурге с 1897 по 1901 год, в литературно-художественном отделе которого участвовали М. Горький, А.П. Чехов, В.В. Вересаев и другие прогрессивные писатели. Этот отдел журнала был высоко оценён В.И. Лениным [72], февральская книжка которой украшена лубочными картинами новейших немецких маляров-декадентов – Штука и Саши Шнейдера. Можно подумать, что русское общество так пресыщено истинным искусством, так глубоко ознакомилось с живописью Запада и артистами Востока, с антиками, что ей только и остаётся, что класть на притуплённый язык извращения мысли и кисти с кайенским перцем вроде безобразных «фурий» Штука.»

Читатель читает эти слова и видит: ба! «Новое время» защищает добрые нравы и здоровые вкусы! Читателю это нравится, потому что хлестко, а прочитав всю заметку, совершенно неприличную, первую половину которой я привёл выше, он хохочет, он доволен, ему нравится такой площадной и глупый приём, как изменение фамилии писателя Чирикова в Чирьева и Прыщикова. Читатель мог бы вспомнить, что в прошлом году та же самая газета поместила в приложении своём лестную заметку о Саше Шнейдере и снимки с его картонов... но, вероятно, он не вспомнит этого. Он просто решит, что «Жизнь» – журнал, в котором печатаются декадентские картинки.

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Ему неизвестно, при чём тут эти картинки, и он не знает, что не один Шнейдер и Штук иллюстрируются в «Жизни», а иллюстрируется также и Бёклин, снимки с картин которого он недавно видел на страницах «Нового времени». «Новое время» не упоминает о Бёклине и о том, почему явились в «Жизни» картинки Штука и Шнейдера, потому что оно желает только выругать «Жизнь», бросить на неё тень... Зачем? Специальность у этой газеты такая. Есть люди, которым все чистое и порядочное органически противно, а статья П. Ге о Бёклине, Шнейдере и Штуке – хорошая статья [73]. Рассматривая работы названных художников и показывая снимки с их символических картин, автор статьи воздаёт должное тому, что в этих картинах ценно, а по поводу символизма, как направления в искусстве, говорит, что это направление недолговечно.

«Художник безусловно свободен в своём творчестве, – говорит господин Ге, – но в искусстве «для нас близко и дорого только то, что связано с нашей жизнью». Наиболее сложные, наиболее человеческие стороны жизни могут быть выражены лишь в реальных образах. Простота в мышлении, реализм в искусстве – последние и самые ценные завоевания новейшей цивилизации человечества... Произведения Бёклина, Штука, Шнейдера и вообще всех символистов не представляют основного русла современного европейского искусства. Это – боковое течение.»

В нашем обществе есть известный интерес к современному недомоганию мысли на Западе, это недомогание отчасти отражается в нашей литературе и искусстве. «Жизнь» даёт статью, в которой пытается объяснить публике, что такое символизм – один из симптомов недомогания современной души. «Новое время» видит картинки, иллюстрирующие статью, и болтает по этому поводу какой-то вздор, имеющий однако вполне определённую цель – подорвать в обществе интерес к новому журналу. Это, разумеется, непорядочно, это даже лживо, но «Новому времени» нет дела до порядочности и правды... Оно охотится за успехом, хорошо платит своим фельетонистам и требует от них злобы и резвости... Они и стараются кто во что горазд, но все одинаково ловко выдрессированы хозяином и все всегда травят кого-нибудь – финнов, марксистов, чувашей, народников, русскую литературу, крымских татар, евреев, поляков... глядя по тому, что больше Ваньке-публике нравится...

Как и «Новое время», «Наблюдатель» – орган человеконенавистнический. Он избрал для своих представлений пред публикой – травлю евреев. «Наблюдатель» – скучен, жалок и бесталанно плосок. Вот образец его «литературы»: в февральской книжке за т[екущий] г[од] начат печатанием роман Крыжановской-Рочестер. Эта барыня по существу своему – нечто вроде печальной памяти оккультистки Блавацкой, – она тоже спиритка, оккультистка и любительница всего таинственного. Про неё говорили, что романы ей диктуют духи... малограмотные. Есть у неё большой роман «Торжище брака», в котором бездействуют, но много говорят медиумы, духи, черти и тому подобная дребедень. Я читал этот роман, хотя содержания его и не помню, – но это простительно мне уже по одному тому, что в нём нет содержания, а лишь одни потуги и поползновения к сатире и мистицизму. Романы без содержания – очень модная вещь, и Ванька их любит, ибо они чрезвычайно легко читаются, но попытка объединить сатиру с мистицизмом достаточно определённo рисует умственный облик госпожи Крыжановской. Теперь госпожа Крыжановская печатает в «Наблюдателе» тоже роман в двух частях, под заглавием «Железный канцлер древнего Египта». Как вы думаете, кто этот железный канцлер? Это Иосиф, тот самый Иосиф, сын Иакова, трогательный рассказ о котором помещён в библии и которого народ за чистоту и кротость назвал Прекрасным. По Крыжановской, этот Иосиф оказывается бездушным и чёрствым юношей, целью жизни которого служит стремление к власти, «истым прототипом своего племени, в течение веков высасывавшего из груди всех народов их плодоносную силу – богатство – до истощения питавшей матери-кормилицы». Он, этот Иосиф Прекрасный, будучи рабом Пентефрия – по словам госпожи Крыжановской – смотрел на жену его «как на средство, в случае смерти Пентефрия, завладеть его богатством», для чего «пустил в ход ту таинственную силу, которую современная наука окрестила именем гипнотизма». Внушив жене Пентефрия страсть к нему, Иосиф по причине, госпоже Крыжановской, очевидно, не известной, отталкивает от себя увлечённую женщину, за что и получает от неё пощёчину. Нужно отдать справедливость авторше, она ни на шаг не отступает от текста легенды, хотя вышивает на нём разнообразные и чрезвычайно фантастические узоры и зовёт Иакова – Яакоб, Иосифа – Иозеф, Рувима – Реубэнном и Пентефрия – Потифаром, что, оказывается, нужно «по сефардийскому чтению древнееврейского языка». Ссылка на этот язык, а в примерениях имена таких египтологов, как Брунг, Шаба и... Эберс, придают роману учёный вид, но не улучшают его дубоватого языка, образец которого

Язык романа вообще любопытен. Вот, например, как говорит Иосиф с отцом и братьями: «Вы все думаете, что мир нами кончается, что только и света – что в окошке». – «Чтоб я больше не слышал твоего бахвальства!» – кричит на сына библейский патриарх. «Бахвальство» и «окошко» хотя и не известны библии, но тем не менее очень оригинально звучат в устах её величественных героев под небом Палестины. Роман начинается доносом Иосифа отцу на братьев и пока доведён до возвышения Иосифа фараоном. Всё это занимает шесть печатных листов. Иосиф является в романе точной копией с мелодраматического злодея, его сопровождают колдуны, змеи, а в числе действующих лиц подвизается сама судьба... олицетворённая автором в виде женщины с телом быка и ногами льва. Всё это производит оглушающее впечатление и прескверно пахнет... Ванька будет доволен госпожой Крыжановской. Ванька ужасы любит, и тем более любит, чем они нелепее... Ванька вообще любит всё дикое и грубое, а господин Ефим Простосердов, усердный Ванькин слуга, Ванькину психику прекрасно понимает и в той же книжке, где госпожа Крыжановская переделывает Библию по вкусу Ваньки, – сей самый Ефим сочиняет возмутительную клевету на евреев [74].

Только в обществе, глубоко индифферентном к вопросам морали, возможны явления, подобные «Новому времени» и «Наблюдателю». Если мы не хотим сказать «цыц!» сочинителям из этих литературных вертепов, значит – эти люди приятны нам и грязь, разводимая ими в жизни, не возмущает нас. Они плюют на всех и вся своей желчной слюной – мы видим это и молчим; они бешено режут ругательства – мы слушаем; они клеветуют – нас это не возмущает...

Говорят – по Сеньке и шапка... Ну, Ванька, скверная же у тебя шапка! Неужели ты не чувствуешь, что заслуживаешь лучшей? Неужели ты действительно не хочешь и не можешь сорвать с себя эту гадкую и грязную? Ты бы подумал над этим, Ванька, ведь ты уже не крепостной и не лакей, ты достаточно свободен для того, чтоб крикнуть людям, отравляющим тебя всякой мерзостью:

«Не хочу мерзостей!»

[Предисловие к рассказу Клавдии Грос]

Предлагаемый рассказ не «беллетристика» – он нечто более ценное и важное. Это – подлинное показание потерпевшего от нелепых и позорных условий нашей жизни.

Происхождение рассказа таково.

Пришла недавно ко мне девушка. Лицо у неё было жёлтое, худое; глаза – испуганные, беспокойно бегающие, манеры – напряжённо-развязные. Она вся вздрагивала, ёжилась и произвела на меня впечатление человека затравленного. Казалось, что только сейчас за ней, по улице, гнались, кричали на неё, бросали в неё грязью, и вот она, спасаясь от погони, сунулась в первую попавшуюся дверь, увидела какого-то неизвестного ей человека и – стоит перед ним, тяжело дыша, испуганная, измученная, не знающая – кто это? Не враг ли снова? Что сделает он ей? Не оскорбит ли, как все?

– Что скажете? – спросил я.

Она улыбнулась такой измученной, растерянной улыбкой. Потом виновато развела руками и торопливо, негромко заговорила надсаженным, вздрагивающим голосом:

– Я, видите ли... проститутка. То есть не совсем, но уж... всё-таки уж... Я... недавно отравилась... нашатырным спиртом... Лежала в больнице...

Слова её рваной речи как-то прыгали одно через другое, и глаза тоже прыгали из стороны в сторону. Глядя на неё, слушая её речь, невольно думалось о её сердце. Оно представлялось сжатым от страха в маленький комочек, покрытым нарывами, исцарапанным, и оно едва смело дышать.

– Я выздоровела... – виновато опуская голову, сказала девушка и тихонько добавила:

– Меня теперь хотят судить за это...

Она выразилась неточно: судить её хотели не за то, что она выздоровела, – это

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
ещё не принято у нас, – а за покушение на самоубийство.

Мы разговорились. Она, оказалось, выпила на двадцать копеек нашатырного спирта и подлежала духовному суду. Я попросил её рассказать, что побудило её убить себя. Она стала рассказывать, а я слушал и думал:

«Вот теперь Лев русской литературы могуче рычит на весь мир о жизни и страданиях Масловой, и публика с наслаждением слушает речь пророка... Если б одна из подруг этой Масловой рассказала о своей жизни своими словами – это, быть может, ещё несколько увеличило бы интерес общества к погибающим людям, к этим женщинам, которые ему необходимы, но почему-то так жестоко презираются им... За что презираются?.. Они служат безропотно... Не возмутится ли, не оживёт ли чья-либо омертвевшая совесть при звуках этой речи со дна жизни, из самой густой грязи её? К рассказу гения о проститутке прислушиваются даже глухие от рождения души, – пусть же они выслушают ещё рассказ самой проститутки, нечто прямо из её уст... Если рассказ её будет только лишь горькой отрыжкой тех поцелуев, которыми мы, пьяные и слюнявые, награждали её долгие годы, – и то хорошо! Быть может, кто-нибудь почувствует отвращение к себе, – устыдится... быть может, чувство стыда будет для иного человека рычагом, а этот рычаг приведёт в движение другие, творческие, чувства – любовь, гнев, месть. Ибо за поругание ближнего – надо мстить...»

Девушка оказалась грамотной, и я предложил ей написать историю её жизни, рассказать, как она додумалась до необходимости умереть...

Сначала она всё смеялась, не веря мне, что найдутся люди, которые прочтут написанное ею. Наконец я уговорил её, и вот дня через два она принесла мне несколько листов написанной бумаги. Она написала свою повесть довольно грамотно и связно. Я не учил её, как нужно писать, и не исправлял её рассказа, лишь вставил в него несколько слов для того, чтоб связать отдельные фразы и сделать курсивы.

[Послесловие к рассказу Клавдии Грос]

Рассказ написан лучше, чем нужно бы. Жаль, это умаляет его внутреннее достоинство. О таких вещах нужно писать грубее, так, чтоб каждое слово входило в грудь читателя, как гвоздь в дерево, – глубоко и плотно. В таком случае можно бы надеяться на более сильный отзвук. Ибо всегда искреннее и громче кричит человек тогда, когда ему больно.

Посмотрите, как эта девушка любит детей... И как она искренна: одну из своих крестниц она не любила, – об этом ей можно б и не говорить. Но она говорит – просто, прямо. Искренность всюду звучит в этом рассказе. Но однако в нём есть одно лживое место. Таким я считаю сцену в беседе со студентом академии и револьвером. Я думаю, что ничего этого не было. Наверно, девушка выдумала всё это, а теперь, может быть, искренно верит, что так и было. Её ложь – хорошая ложь. Мой покойный товарищ Саша Коновалов именно эту ложь имел в виду, когда говорил, что «иногда враньё-то лучше правды объясняет человека!»

Источник этой лжи – страстное и каждому человеку, кто б он ни был, более или менее, но необходимо присущее желание чего-либо благородного, героического, истинно человеческого. Такое – редко в проклятых условиях жизни, в которых человек скован и – нет свободы творческому духу его! Хорошее – приходится выдумывать, ибо все звенья цепи, которой мы скованы, одинаково тяжелы и все до ран перетирают тело. И если б только тело!

Женский, человеческий стыд тоже жив у этой продажной девушки. Рассказывая о поездке в вагоне с офицером, она пишет: «Он был порядочный... не злоупотреблял моей беззащитностью...» «Мы ехали больше недели», – говорит она и – ставит точки. Вы должны понять, что эти точки – слёзы стыда, обидные, горькие слёзы.

«Он был порядочный, он не злоупотреблял моей беззащитностью... Но ведь у меня не было гроша за душой... я была истощена голодом...»

У мужчины не хватило догадки накормить голодную и, очевидно, не нашлось ни стыда, ни совести для того, чтобы отказаться от её тела, – от платы, предложенной ему за рубль, нужный ей на хлеб.

Здесь она продаёт себя с голода, дальше торгует собой ради удовлетворения

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
прихотей любовника... Разумеется, она продавалась и просто «так», без
необходимости. Иногда это бывало из удальства, иногда по минутному увлечению
какой-нибудь красивой рожей.

Но чаще всего – я это знаю – она падала в грязь «от скуки жизни». «Скука жизни»
– это страшная, тёмная силища, которая одним дуновением своим может искалечить
слабого человека на всю жизнь. От неё спиваются, сходят с ума, развратничают,
убивают... Она может зародиться в глубине всякой души, потому что она есть
опять-таки инстинктивная тоска духа человеческого о хорошем, о красоте жизни, о
свободе...

Вы слышали, проститутка спрашивает:

– А разве человек без веры жить может?

И отвечает:

– Нет!..

И, может быть, именно в то время, когда этот её вопрос, ещё не решённый ею, жёг
ей сердце, кто-нибудь из нас обнимал её пьяными объятиями, целовал слюнявыми
губами и, досадуя на то, что она вяло отвечает на ласки, говорил ей:

– Что ты как-кая невесёлая, а? Ну же! Будь поразвяз-зней... я тебе прибавлю
двугривенный!..

...Для чего я говорю всё это? Чтобы вы чувствовали – живых людей давим, живые
умерщвляем души.

Быть может, найдутся люди, которые с брезгливой миной скажут:

– Зачем всё это печатать? Нелепая идея! В литературе совсем не место
проституткам с их рассказками...

Это будут глупые и лживые слова. В литературе место всякой правде. И в ней есть
проститутки с рассказками, есть, к сожалению. Их имена хорошо известны для того,
чтобы здесь называть их. Адреса их знают те, кому они продаются.

В литературе место всякому голосу – если это искренний голос. Литература есть
трибуна для всякого человека, имеющего в сердце горячее желание поведать людям о
неустройстве жизни и о страданиях человеческих, о том, что надо уважать
человека, и о необходимости для всех людей – свободы! свободы! свободы!

Мутер. История живописи в XIX веке
Библиографическая заметка
Мутер, История живописи в XIX веке,

издание товарищества «Знание». С.-Петербург, Невский, 92.

Выпуски 1 и 2

Ещё не истекло двух лет с той поры, как на книжном рынке явились издания
товарищества «Знание», но уже издания эти приобрели себе весьма почётную и
вполне заслуженную известность. Книги, издаваемые этой фирмой, прежде всего
являются образцовыми по внешности, что сразу бросается в глаза, особенно при
настоящей издательской горячке, когда очень многие из издателей, стремясь
расширить сбыт путём удешевления своих изданий, порой выкидывают на рынок книги,
напечатанные скверным, слепым и сбитым шрифтом, на отвратительной бумаге, в
которой почти совсем нет тряпки и которая поэтому быстро ломается и не может
быть хорошо сброшюрована. Издания этого типа, даже и при своей сравнительной
дешевизне, крайне невыгодны, ибо скоро изнашиваются, что, разумеется, очень
убыточно для покупателя, а особенно для публичных библиотек.

Книги, издаваемые фирмой «Знание», печатаются на прекрасной, прочной бумаге,
ясным, удобочитаемым шрифтом, прочно брошюруются и почти все снабжены хорошими
иллюстрациями и замечательными по исполнению портретами авторов. Ссылаюсь в
подтверждение моих слов на портрет Рёскина, приложенный к труду Гобсона

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru «Общественные идеалы Рёскина» [75], и портрет Вольтера в книге Штрауса «Вольтер». О том же свидетельствует масса портретов политических деятелей нашего века в книге Сеньбоса «Политическая история современной Европы. Эволюция партий и политических форм» [76]. А такие книги, как труд Юнга «Солнце» [77] и Клейна «Прошедшее, настоящее и будущее вселенной» [78], могут быть названы образцовыми по красоте изданиями и в то же время являются доказательством того, что высокая техника издания может быть, при серьёзном отношении к делу, соединена с дешёвизной. В книге Клейна 185 портретов и 11 цветных таблиц, в книге Юнга – 150 и 3 таблицы при цене в 1 рубль 50 копеек за том около 20 печатных листов, – такое обилие иллюстраций является уже роскошью.

Упомянутые выше имена авторов и названия книг сами по себе определяют внутренние достоинства издания фирмы «Знание». Редакция переводов является образцово тщательной. Помимо названных книг, «Знание» выпустило в свет прекрасные переводы ценных и важных трудов Леклерка «Воспитание и общество в Англии» [79] и Гуго «Английское городское самоуправление» [80], – последняя книга особенно интересна и поучительна для нас, русских. Кроме того, «Знание» издаёт полное собрание сочинений Гюйо и уже выпустило два тома [81], издало «Настольную книгу по народному образованию», составленную Фальборком и Чарнолуцким [82], и предполагает издавать «Общедоступную научную библиотеку», в которой предполагает знакомить читателя, стремящегося к самообразованию, с наиболее ценными фактами, теориями и идеями современного естествознания. Всё сказанное в известной степени выдвигает фирму «Знание» из ряда других книгоиздательских фирм и, позволяя многого ожидать от неё в деле снабжения книжного рынка ценным материалом, позволяет предъявлять к ней требования более строгие, чем к другим издателям.

В данный момент пред нами два выпуска нового издания «Знания» – «История живописи в XIX веке» Мутера. Это большой труд, переведённый на несколько языков и пользующийся за границей крупной известностью. В книге этой Мутер стремится дать сжатый и ясный очерк решительных моментов в развитии искусства с конца восемнадцатого века до наших дней, и, судя по первым главам книги, она должна быть высокоинтересной как по обилию материала, так и изложению, ясному и напоминающему язык и манеру Тэна.

Во введении к своей книге автор говорит: «Тот, кто взялся рассказать историю живописи в XIX веке, должен удовлетворять совершенно иным требованиям, чем историк искусства предшествовавших времён». Наибольшая трудность для историка прошлых времён – в отсутствии точных источников. Историк часто оказывался в полном мраке относительно жизненных обстоятельств и произведений великих мастеров прошлого. «Этих трудностей историк современного искусства не встречает на своём пути». Подобное заявление со стороны автора позволяет ожидать от него большей точности в характеристиках школ и лиц, а также и в изображении эволюции современного искусства. Мы считаем очень ценными следующие слова автора: «XIX век обозначает не только новое столетие, но и новую эпоху всемирной истории. Государственные и общественные перевороты, которые совершились в течение его, средства сообщения, успехи промышленности и торговли коренным образом изменили жизнь...» и, – прибавим мы от себя, – создали много новых людей, введя в изжившееся буржуазное общество более здорового духовно трудящегося человека с новыми требованиями ко всему порядку жизни этого общества, а в частности и к искусству. «Новые люди, – говорит автор, – нуждаются в новом искусстве». Он не определяет, кто они, эти новые люди, но мы думаем, что это именно указанный нами трудящийся человек. «Можно было бы предположить поэтому, что XIX век выработал совершенно своеобразный, ясно выраженный стиль». Но этого нет, как известно. «XIX век не имеет своего стиля», во всех областях искусства царит смута и неясность, а некоторые, как, например, архитектура, возрождает формы всех предыдущих веков и нового не создаёт, хотя имеет к этому больше шансов ввиду развития строительной техники. Чем же объясняется такое противоречие? Разве новые формы жизни не влияют на искусство, не вносят в него новизны? «Исторические труды современных писателей, – говорит Мутер, – заставляют предположить, что XIX век – хаос, в котором может разобраться лишь потомство». Но он не согласен с этим взглядом и, полагая, что, может быть, уже и теперь мыслим некоторый порядок в изучении современного искусства, посвящает свой труд изучению современного искусства, имея целью – указать в нём всё новое и важное, что внесли в него осложнённые формы жизни. Таким образом, книга Мутера, как и всякая попытка синтеза, является крайне интересной и важной для нас.

Несколько слов о внешности издания. Книга богато иллюстрирована снимками с картин, в трёх её томах будет помещено 1200 рисунков. Клише все изготавливаются за

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru границей. Иллюстрации в первом выпуске несколько темны, но второй, по отчётливости и изяществу снимков, уже вполне может удовлетворить даже и очень придирчивые требования. Цена книги, при таком богатстве иллюстраций, объёме и высокой во всех отношениях технике, очень скромна – только 10 рублей и 12 – с пересылкой. Из того, что второй выпуск – 221 страница – только ещё коснулся тридцатых годов столетия, – ясно, что труд Мутера очень обширен.

По поводу нового рассказа А.П. Чехова «В овраге»

«...Жизнь долгая – будет ещё и хорошего и дурного, всего будет! Велика матушка Россия! Я во всей России был и всё в ней видел... Ты моему слову верь, милая. Будет и хорошее, будет и дурное...»

Это говорит один из героев нового рассказа Чехова «В овраге», – это говорит Чехов, сострадательно и бодро улыбаясь читателю. Я не стану излагать содержание его рассказа, это одно из тех его произведений, в которых содержания гораздо больше, чем слов. Чехов, как стилист, единственный из художников нашего времени, в высокой степени усвоивший искусство писать так, «чтобы словам было тесно, мыслям – просторно» [83]. И если б я начал последовательно излагать содержание его рассказа, то моё изложение было бы больше по размерам, чем самый рассказ. Это может показаться смешным. Что ж? Правда очень часто кажется смешной. Передавать содержание рассказов Чехова ещё и потому нельзя, что все они, как дорогие и тонкие кружева, требуют осторожного обращения с собою и не выносят прикосновения грубых рук, которые могут только смять их...

В новом рассказе Чехова героями являются: деревенский лавочник, грабитель и мошенник; его сын, агент сыскальной полиции; другой сын, глухой и глупый; жена лавочника, добрая баба; его снохи – одна хорошая, другая дурная; старый плотник Костыль, человек мудрый и милый, как малое дитя.

«Кто трудится, кто терпит, тот и старше...» – наивно говорит этот плотник.

Все эти люди, хорошие и дурные, живут в рассказе Чехова именно так, как они живут в действительности. В рассказах Чехова нет ничего такого, чего не было бы в действительности. Страшная сила его таланта именно в том, что он никогда ничего не выдумывает от себя, не изображает того, «чего нет на свете», но что, быть может, и хорошо, может быть, и желательно. Он никогда не прикрашивает людей, и те, кто его не любят, – такие, впрочем, совсем уже вымирают, – не любят его именно за это, хотя и объясняют свою неприязнь иначе. Они, в сущности, просто чувствуют себя обиженными, когда видят своё отражение в этом удивительном огромном зеркале – сердце автора. Им становится стыдно за себя, и они немножко злятся. Это можно простить им – всякий современный человек нуждается в подрисовке не меньше любой старой кокетки. Он ведь страшно много прожил сердца на обожание профессора Серебрякова, в книгах которого, как «дядя Ваня», двадцать пять лет видел руководство к жизни, а жизнь промигал. Чехов очень много написал маленьких комедий о людях, проглядевших жизнь, и этим нажил себе множество неприятелей.

Ещё со времён «Скучной истории» начали говорить о Чехове. «Да, конечно, это талант крупный, но...» и, подражая Сент-Беву, старались превратить похвалу в гнездо ос. А Чехов слушал – впрочем, вероятнее, не слушал – и писал. В самом начале трудной литературной карьеры Чехова один из наших критиков, наиболее бездарный и тем отличающийся от других, менее бездарных, пророчил о нём как о человеке, который сопьётся и умрёт под забором [84]. Критик этот жив до сего дня, и... я не хотел бы быть на его месте, если он не забывает того, что пишет. Критик этот умрёт, и тогда о нём вспомнят, немножко попишут о нём и снова забудут его. А когда умрёт Чехов – умрёт один из лучших друзей России, друг умный, беспристрастный, правдивый, – друг, любящий её, страдающий ей во всём, и Россия вся дрогнет от горя и долго не забудет его, долго будет учиться понимать жизнь по его писаниям, освещённым грустной улыбкой любящего сердца, по его рассказам, пропитанным глубоким вниманием жизни, мудрым беспристрастием и состраданием к людям, не жалостью, а состраданием умного и чуткого человека, который всё понимает.

Человек, который всё понимает, очень несчастный человек, у него непременно должна быть та болезненная трещина в сердце, о которой говорит Гейне [85]. Он, этот человек, видит пред собою жизнь такой, какова она есть, – отдельные жизни – как нити, а всё вместе – как огромный, страшно спутанный клубок. Этот клубок болтается где-то в пространстве и весь трепещет от силы противоположных

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895–1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
стремлений и страстей. Одну и ту же нитку тянет в разные стороны.

Жена лавочника Цыбукина говорит своему сыну, сыщику:

«Живём мы хорошо, всего у нас много... только вот скучно у нас. Уж очень народ обижаем. Сердце моё болит, дружок, обижаем как – и боже мой!»

Ей не хочется обижать народ, но порядок жизни таков, что надо обижать.

А сын её, сыщик, отправляясь подделывать рубли и полтинники, говорит:

«Теперь так говорят, что будто конец света пришёл оттого, что народ ослабел, родителей не почитают и прочее. Это пустяки. Я так, мамаша, понимаю, что всё горе оттого, что совести мало в людях...»

Его давно уже тяготят мучения совести, но он всё-таки делает фальшивые рубли. Это очень правдиво, это удивительно верно взято Чеховым. Ведь, милостивые государи, как подумаешь хорошенько – все мы фальшивые монетки! Не подделываем ли мы слово – серебро, влагая в него искусственно подогретые чувства? Вот, например, искренность – она почти всегда фальшивая у нас. И всякий знает, сколько он лжёт даже тогда, когда говорит о правде, о необходимости любви к ближнему, уважения к человеку. И постоянно каждого из нас, как Анисима Цыбукина, тянет в противоположные стороны, к заботам о воплощении в жизнь истины и справедливости и к езде верхом на шее ближнего. Всего более и всего чаще в человеке борются два взаимно друг друга отрицающие стремления: стремление быть лучше и стремление лучше жить. Объединить эти два позыва в стройное одно – невозможно при существующей путанице жизни.

Чехов понимает этот разрыв в человеке как никто и как никто умеет в простой и ослепительно ясной форме рисовать трагикомедии на этой почве. Он не говорит нового, но то, что он говорит, выходит у него потрясающе убедительно и просто, до ужаса просто и ясно, неопровержимо верно. И потом, речь его всегда облечена в удивительно красивую и тоже до наивности простую форму, и эта форма ещё усиливает значение речи. Как стилист, Чехов недосыгаем, и будущий историк литературы, говоря о росте русского языка, скажет, что язык этот создали Пушкин, Тургенев и Чехов. Его упрекали в отсутствии мирозерцания. Нелепый упрек! Мирозерцание в широком смысле слова есть нечто необходимо свойственное человеку, потому что оно есть личное представление человека о мире и о своей роли в нём.

В этом смысле оно свойственно даже таракану, что и подтверждается тем, что большинство из нас обладает именно тараканьим мирозерцанием, то есть сидит всю жизнь в тёплом месте, шевелит усами, ест хлеб и расплождает таракашков.

У Чехова есть нечто большее, чем мирозерцание, – он овладел своим представлением жизни и таким образом стал выше её. Он освещает её скуку, её нелепости, её стремления, весь её хаос с высшей точки зрения. И хотя эта точка зрения неуловима, не поддаётся определению – быть может, потому, что высока, – но она всегда чувствовалась в его рассказах и всё ярче пробивается в них. Всё чаще слышится в его рассказах грустный, но тяжёлый и меткий упрек людям за их неумение жить, всё красивее светит в них сострадание к людям и – это главное! – звучит что-то простое, сильное, примиряющее всех и вся. Его скорбь о людях очеловечивает и сыщика и грабителя-лавочника, всех, кого она коснётся: «Понять – значит простить» – это давно сказано, и это сказано верно. Чехов понимает и говорит – простите! и ещё говорит – помогите! Помогите жить людям, помогайте друг другу!..

«Откуда мне знать, есть бог или нет? – говорит сыщик Цыбукин своей матери. – Нас с малолетства не тому учили, и младенец ещё мать сосёт, а его только одному и учат: кто к чему приставлен! Папаша ведь тоже в бога не верует... И старшина тоже не верует в бога, и писарь тоже, и дьячок тоже... А ежели они ходят в церковь и посты соблюдают, так это для того, чтоб люди про них худо не говорили, и на тот случай, что, может, и в самом деле страшный суд будет...»

Бросьте камнем осуждения в этого сыщика, если можете! Разумеется, у вас не поднимется рука на Цыбукина, ибо и вы тоже ведь заглядываете в храмы ваших святынь лишь для того, чтоб «люди про вас худо не думали». Не сами ли вы называете святыни ваши «забытыми словами». А так как вам много дано – с вас

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895–1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
нужно спросить не только больше, но и раньше, чем с человека без почвы, без веры в себя, в людей и в бога. Человек болит душой, но идёт делать фальшивые деньги, заглушая тревогу совести ссылкой на других, которые «тоже»... Разумеется, дрянный человек! Но как он может быть лучше? И куда его, если он будет лучше? В той обстановке, в которой он живёт, лучшие должны погибнуть. И остается сыщику Цыбукину сказать вам, судьям своим, словами плотника Костыля:

«Мы на этом свете жулики, а вы на том свете будете жулики».

Осветить так жизненное явление – это значит приложить к нему меру высшей справедливости. Чехову это доступно, и за это его глубоко человеческий объективизм называли бездушным и холодным. Говорилось даже, что ему все равно, о чём ни писать – о цветах, о трупах, о детях, о лягушках, у него всё выходит одинаково хорошо и холодно [86]. Вообще, едва ли был и есть писатель, к которому в начале деятельности относились бы так несправедливо, как к Чехову.

Но дело не в этом.

Дело в том, что каждый новый рассказ Чехова всё усиливает одну глубоко ценную и нужную для нас ноту – ноту бодрости и любви к жизни.

«Жизнь долгая – будет ещё и хорошего и дурного, всего будет! Велика матушка Россия...»

В новом рассказе, трагическом, мрачном до ужаса, эта нота звучит сильнее, чем раньше, и будит в душе радость и за нас и за него, трубадура «хмурой» действительности, грустного певца о горе, страданиях «нудных» людей.

Глядя на жизнь и наше горе, Чехов, сначала смущённый неурядицей и хаосом нашего бытия, стонал и вздыхал с нами; ныне, поднявшись выше, овладев своими впечатлениями, он, как огромный рефлектор, собрал в себя все лучи её, все краски, взвесил всё дурное и хорошее в сердце своём и говорит:

«Жизнь долгая – будет ещё и хорошего и дурного, всего будет. Велика матушка Россия! Я во всей России был и всё в ней видел, и ты моему слову верь, милая. Будет и хорошее, будет и дурное. Я ходоком в Сибирь ходил, и на Амуре был и на Алтае, и в Сибирь переселился, землю там пахал; соскучился потом по матушке России и назад вернулся в родную деревню. Назад, в Россию, пешком шли, и, помню, плывём мы на пароме, а я худой-худой, рваный весь, босой, озяб, сосу корку, а проезжий господин тут какой-то на пароме, – если помер, то царство ему небесное, – глядит на меня жалостно, слёзы текут: «Эх, говорит, хлеб твой чёрный, дни твои чёрные...» А домой приехал – как говорится, ни кола, ни двора; баба была, да в Сибири осталась – закопали. Так, в батраках живу. А что ж? Скажу тебе: потом было и дурное, было и хорошее. Вот и помирать не хочется, милая, ещё бы годочков двадцать прожил, значит, хорошего было больше... А велика матушка Россия!..»

И огромные рождаются в ней таланты, прекрасные, глубокие сердца в ней есть! Будем верить, что хорошего не только было больше, но и будет больше!

Эд. Эстонье. «Жульен Дарто»

ЭД. ЭСТОНЬЕ. «ЖУЛЬЕН ДАРТО»

Библиотека «Жизнь», номер 5

(Я не излагаю содержание книги, находя это ненужным – важна мысль её, олицетворяемая в Жульене Дарто. К тому же изложения содержания книг поощряют умственную лень и празднословие в русском читателе, ибо, позволяя ему не читать книги, в то же время не мешают болтать о ней. – М.Г.)

Молодой французский писатель Эстонье написал небольшую, но очень значительную книгу, в которой резкими штрихами изобразил французскую дипломированную молодёжь, – ту молодёжь, из которой вырабатываются деятели в областях промышленности и политики. Как произведение искусства, эта книга не выдержит строгой критики: она написана сильно – но торопливо, ярко – но эскизно; она производит впечатление картины, очень большой и по размеру и по мысли, но кажется написанной учеником. В порыве творчества, увлечённый идеей, положенной в

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru основу книги, Эстонье писал, пожалуй, слишком однотонными красками, но это не лишает его книгу глубокого общественного значения, не мешает ей возбуждать в читателе мысль и чувство. В книге Эстонье явно ощущается страстное отношение автора к жизни, в ней звучит большая внутренняя правда; внешние недостатки порою даже как бы подчёркивают внутреннее значение книги, ибо кажется, что автор – сам один из героев, изображаемых им, и во многом кровно сроден с ними.

Главное лицо книги – Жульен Дарто, сын мужика – только что кончил политехническую школу и на первых страницах романа ищет себе места. У этого молодца сильная воля, но она ещё не дисциплинирована, и хорошо развитое чувство собственного достоинства. Он – мужик, здоров, практичен, жадно хочет жить, хочет богатства, власти, наслаждения, но ещё не имеет места в жизни, достойного его способностей, и пока живёт уроками. Его отец смотрит на него как на «дело», в которое он вложил известный капитал и которому уже пора приносить известные проценты. И сам Жульен смотрит на себя так же:

«Пятнадцать лет мы выбивались из сил, – говорит он своим товарищам Шеню и Градуану, людям, менее прямым в своих стремлениях, чем он, и более слабым, чем он. – После коллегии – экзамен на бакалавра, потом ещё два года долбни; наконец, конкурс, то есть сортировка. На конкурс нас пришло восемьсот, а через день пятьсот исчезло. Остались избранники, и мы в том числе. Но этого мало: нас снова выбирают, дают дипломы при выпуске. На этот раз остаются лучшие из лучших... Эти избранники олицетворяют собою умственный капитал. Капитал – в точнейшем значении слова: в каждом из нас воплощены расходы на ученье за пятнадцать лет и столько же жизни без заработка. Существует правило, что капитал должен давать доход... Я имею право на проценты с моего времени, с моих денег.»

Старик Дарто полагал, что это право имеет только он, общество уверено, что ему именно должны идти проценты с воспитанной им личности, государство предъявляет свой счёт. Но у молодого Дарто своя точка зрения, – точка зрения личности, считающей себя совершенно свободной от всяких иных обязательств, кроме тех, которые ей внушают её личные желания и стремления.

«Это какой-то грабёж мозгов без всякого внимания к отдельным лицам и их склонностям! В один прекрасный день берут ребёнка, замуровывают его в коллегию: он не знает, чего от него хотят, куда его ведут. Когда операция кончена, общество производит сортировку и кидает отбросы в помойную яму! Вот кто эксплуататор! Вот кто истинный виновник, убивающий без жалости, ради своего удовольствия!»

«И пользы», – следовало бы прибавить Шеню, ибо это уже говорит второй Дарто, неудачник.

Как видите, в его словах звучит нечто, с чем, при всём нашем лицемерии, мы должны согласиться.

И мы – русское общество – тоже должны подумать над этим, хотя кричит француз Дарто. Ведь очень возможно, что завтра же закричит Василий Петров – человек, восемь лет сидевший в классической гимназии и четыре года голодавший в университете:

«Вы отравили меня латынью, вы исковеркали мне мозг глупостью школьных учебников, вы не помогли мне, когда я голодал, когда меня выгоняли из университета за невзнос платы... Так не смейте же требовать от меня ничего, – я не должен!»

Услышав такие речи из уст Василия Петрова, мы, разумеется, расскажем его, иссечём кнутами моральных сентенций... но Васька не будет нас слушать, а станет с аппетитом и жадностью есть общественный пирог и даже, может быть, будет запивать его кровью другого классика, ближнего своего.

«Я не хочу быть только орудием», – говорит личность современному обществу, которое строит фабрики, делает машины, исподволь стремится обратить человека в машину, всё меньше ценит его и уже не хочет идеалов иных, кроме миллиона.

Но пока Василий Петров, Шеню, Градуан и другие протестуют только словом, они не беспокоят никого. Очень жаль, потому что из среды этих бунтарей против порабощения их обществом являются такие люди, как Дарто.

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895–1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Дарто – не Саккар Золя [87], человек, в сущности, недалёкий, тупой человек, который любил дело само по себе, увлекался работой, процессом её, и которому деньги нравились также сами по себе, как дикарю блестящие бусы. Дарто – не хладнокровный Поль Астье Додэ [88], человек, который, устроив себе жизнь тёплую и уютную, всё-таки счёл необходимым найти и самооправдание в теории Дарвиновой борьбы за жизнь.

Дарто – изувеченный условиями жизни, изголодавшийся, оскорблённый в своём достоинстве человек, который никому ничего не может простить и может и будет наслаждаться местью, разрушая то, что исковеркало его как личность.

Он – сознательный враг общества. Его цель – власть, его главная задача – месть. По дороге к этой цели он хладнокровно будет давить людей и с приятным чувством посмотрит на их падение, на их несчастье. В нём нет ничего демонического, как нет демонического в машине, как нет демонизма в динамитном патроне. В нём есть страсть разрушения, он воспитал её в себе, но она скипелась в нём почти в инстинкт.

Шеню, его товарищ, говорит:

«В помойную яму всех молодчиков, которые... иссохли над книгами, извелись, отяжелели мозгом! В навозную кучу их за негодность! Так – нет же! Этого не может быть и не будет! Близок час, когда на этом навозе взойдёт нежданная жатва. Рабочий – это только руки, мозги – здесь! Он – тесто, годное для выделки чего угодно, а тут – дрожжи, та невидимая закваска, которой необходимо, ради сохранения своего существования, разложить окружающую среду... Да, да, вот они, эти дрожжи! Это все учёные, все надорвавшиеся, все переутомлённые, все обманутые, для которых уже не существуют более никакие понятия о нравственности, которые утратили веру в небесное правосудие и требуют от земли того, что она может им дать. Они замесят ту квашню, которая преобразует мир! Что они такое? Закваска жизни или смерти – не знаю!»

Шеню говорит верно. Да, все эти люди понемножку разрушают общество, как коховские бактерии живой организм. Да, они логически необходимо должны сделать это. Да, да, общество развивается, давит людей, и растёт в нём тот яд, от которого оно погибнет. «Ум и чувство наших граждан киснут и грязнятся в трясине наших городов...» – говорит Теннисон. Пускай киснут! Вот кислота, которая разъедает железную жизнь, машинную жизнь, созданную капиталом! «Ничто в природе не пропадает бесследно!» И даже запах трупов, запах раздавленных тяжёлыми колесами технического прогресса людей, – и этот запах имеет свою творческую силу! Он не только отравляет жирное тело капитала, он носится в воздухе, питает собою цветы идей человеколюбия, и они растут, они цветут – украшают жизнь и возбуждают в человеке ненависть к тому, что поработало его дух, его творческий дух, свободный дух!

Но Шеню только пассивно примет участие в процессе разложения общества. Слова в его устах – слова и только. Дело – делает Дарто. Он возражает Шеню:

«В ожидании рая вы хорошо сделаете, если займётесь настоящим. Гнилое или нет – общество существует, и мы принуждены жить в нём. Вы утверждаете, что нет справедливости. Тем лучше! Пусть каждая личность устраивается как может, а браться за спасение человечества глупо.»

Здесь Дарто говорит ещё как слепое, бессознательное орудие разрушения. Но в конце книги, крепко стоя на первой ступени к своей цели, он страстно кричит Градуану, только что выстрелившему в него из револьвера:

«Убивать под предлогом справедливости – какая глупость! Твоя справедливость – прямо зависть, злоба против тех, кому везёт в жизни. Свались тебе в руки клад, и завтра ты найдёшь, что мир прекрасен...»

Пока я подчинялся законам общества, оно оставляло меня в бедности; в тот день, когда я пренебрёг ими и пошёл другой дорогой, оно стало воздвигать предо мною всякие препятствия. Я ненавижу его так же, как и ты. Ненависть у нас одна, но мы идём разными путями... Ты говоришь, что власть – обман и произвол, правосудие – подкупно, религия – лжёт; всё это одни слова, которых никто не слушает, которым не верят. Власть, правосудие, религию – я всё куплю! Я живой пример того, как можно издеваться над правительством, как можно красть под покровительством

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
законов и тайно грешить! При одном моём приближении богатство будет в опасности, совесть людская развратится. В один какой-нибудь час я причину больше бедствий, чем ты, убивая каждый день. Где я – там нет чести, добра, кастовых преимуществ. Так согласишься, что в сравнении со всем этим твоя анархия – смешна! Из нас двоих анархист – это я, я – делец, аферист, выскочка, стремящийся взять от жизни все наслаждения.»

Вот – Дарто! Вы видите, что это новый человек, а не Саккар, не Поль Астье. Его слова – истина, прямая и грубая, как сам он. Он не оправдывается, он только определяет самого себя. Общество хотело сделать из него орудие услуг для себя и исковеркало его душу, он воспротивился и – стал разрушителем. Он – почти символ.

Он погибнет, этот Дарто, – и чорт с ним, к слову сказать! Его столкнёт с высоты, из его рук вырвет власть другой Дарто, более ловкий, более сильный и прямой. И этот погибнет, в свою очередь. Но каждое падение этих людей будет оставлять трещину в той стене, которую одни люди отгородились от других. Каждое падение – будит чьё-то сознание, возмущает чьё-то человеческое достоинство.

В жизни есть справедливость, высшая, чем та, которую пытаются установить теоретики. Судьбой назвать её, или логикой фактов, или ещё как – всё равно. Она есть, – вот истина!

И всё то, что унижает человека, низвергая его в грязь и, как раба, уродуя его, и всё то, что мешает человеку жить согласно желаниям духа его, – всё это падёт пред силой справедливости, которая действует в жизни медленно, как дождь и ветер, уничтожающий высокие горы, – но верно действует и – восторжествует!

О «размагниченном» интеллигенте
Недавно вышел в свет посвящённый Н.К. Михайловскому сборник «На славном посту» [89]. Во второй его части, среди ряда интересных статей, подписанных такими именами, как Милуков, Анненский, Пешехонов, Мякотин, Карышев, Чупров, Семевский, Лесевич и другие, очень поучительна коротенькая статейка Рубакина «Размагниченный интеллигент».

Не могу отказать себе в удовольствии ознакомить уважаемого читателя с лейтмотивом статьи, а таковым является, на мой взгляд, замечательно меткая характеристика духовной смерти интеллигента – «размагничивания».

«Как известно, – говорит Рубакин, – процесс размагничивания особенно резко наблюдается на мягком железе, которое обладает способностью быстро приобретать магнитные свойства и так же быстро терять их. Закалённая сталь размагничивается не так скоро, а долго сохраняет магнетизм и сама делается способной возбуждать магнитные явления вокруг себя. Впрочем, и мягкое железо может сохранять магнитные свойства неопределённо долгое время... если его окружает со всех сторон проводник электрической энергии – проволока, по которой идёт ток. Если есть живые токи, то и мягкое железо не размагнитится, а будет представлять из себя отличный электромагнит, который не хуже – а может быть, и сильнее – постоянного и который делает все дела, какие надлежит делать магниту.»

Интеллигент, переписка с которым дала Рубакину материал для статьи, восклицает:

«Друг мой! Я это самое мягкое железо и есть! Но разве я не способен и теперь стать снова магнитом? Ей-богу, способен! Пропусти только живые токи вокруг меня – и сила во мне тотчас явится. Вот когда я был студентом, этих токов вокруг меня было сколько угодно. Ты думаешь, что теперь, десять лет спустя после университета, я считаю те токи худыми, не выдерживающими критики? Да ничуть. Я верю в их благотворность и силу по-прежнему. Ни в одном пункте своих убеждений я не раскаялся и не изменил им. Я только размагнитился, иначе сказать – настроение потерял.»

В этих словах немало правды, но... ещё больше – лжи. Сознательно или бессознательно лжёт человек, в данном случае – неважно. Важно – где он лжёт? Я слышу эту ложь в словах: «Пропусти только живые токи вокруг меня – и сила во мне явится». Увы, живые токи в жизни работают и намагничивают сталь, но сила в «размагниченном» интеллигенте не явилась, – он сидит в месте тёплом, в месте уютном, окружённый милыми детками, и, разглядывая живые токи, творящие жизнь, сытенький и хитренький, скептически критикует их.

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895-1906. Максим Горький gorkiyamaxim.ru
«Это всё не то! – говорит он. – Это не так как-то... это, кажется, марксизм или декадентство... а может быть, нищезанство, но только совсем не то...»

Очень вероятно, что в глубине души он прекрасно понимает, что «это» и есть именно «то». Но он продолжает сугубо лгать, ибо – сила в нём явиться не может. Его – мягкое железо – разъела ржавчина, и он живёт спокойно... «применительно к подлости». [90] В благотворность и силу своих старых убеждений он – не верит, ибо верить – значит и жить по вере твоей. Но он в них не раскаялся, это верно. Они, убеждения, при нём – только спрятались подалеже. По праздникам, в кругу друзей, он вытаскивает их и надевает на себя, как перчатки, галстук, как праздничное платье. Надевает и – кричит, с пафосом кричит, лживо и пошло. На самом-то деле, по душе своей он – если бы хватило у него искренности – должен обеими руками подписаться под этой, приведённой в статье Рубакина, «песенкой размагниченного интеллигента»:

Я каждый день читаю,
К чему – не понимаю!
Я также не могу понять,
Зачем хочу я ночью спать.
Я каждый день хожу-сизу
И цели в том не нахожу;
Мне ничего не надо –
Ни рая и ни ада.
Противны мне до смерти
И ангелы и черти.
Гоню я прочь в три шеи
И чувства и идеи.
Мне б смерти не хотелось,
Но жизнь – весьма приелась.
Я, право, сам не знаю –
Живу иль умираю..

«Песня эта, – говорит Рубакин, и с ним нельзя не согласиться, – так характерна, что господа «размагниченные интеллигенты», которых и в столицах и в провинциях не мало, должны бы переложить её на музыку и распевать хором в клубах, за картами, даже на службе». Эта песнь – нечто вроде зауспокойного гимна о человеке, умершем гражданской смертью, и она вызывает желание сказать этому человеку: «Умирай скорее и физически, ибо «всё, что мог, ты уже совершил», ни на что больше не годен, никому не нужен, умирай».

Автор песенки, «размагниченный интеллигент», сочинив её, пошёл к своему товарищу и прочитал ему. «Тот засмеялся и сказал:

– Это хорошо сказано – бывают такие!

– А мы с тобой не такие? – спросил автор.

– Ты – холостяк, ты, может, и такой, а я женат, у меня дети.

Я плюнул и ушёл. И это говорит «пострадавший за правду»! Вот фальсификатор! Вместо слов «вселенная», «счастье человечества», «царство божие на земле» этот господин подставил в свой катехизис: «жена, дети». Из-за них и вселенной стало не видно. Ну, разве это не размагничивание, да ещё с обманом?»

Большинство размагниченных интеллигентов потому, главным образом, и противно, что, не имея мужества искренно сознаться в совершенной утрате живой души, искусственно возбуждает себя фразами, буесловит и лжёт, усиленно пытается доказать, что не он – мёртв, а сама-де жизнь остановилась и омертвела. Тогда как жизнь неустанно растёт и вширь, и вглубь, и нет сил, которые могли бы остановить рост её.

«Перед восходом солнца». Драма Г. Гауптмана
К сегодняшнему спектаклю
Драма разыгрывается в Силезии.

В земле маленькой деревушки Витцдорфа открыты богатые залежи угля; крестьяне сдали землю в аренду акционерной компании, компания хорошо заплатила им – и вот начало драмы.

Невежественные, забытые трудом мужики обезумели, получив массу денег. Они выстроили себе прекрасные дома, завели золочёную мебель, мраморные ясли для своих коров и затем начали пьянствовать. Под ними, в недрах земли, день и ночь работали углекопы, а они день и ночь сидели в кабаках, пропивая золото углекопов. В результате такого положения дела уже следующее поколение крестьян было сплошь поражено алкоголизмом. Гауптман рисует один из эпизодов этой тяжёлой драмы – одну из семей алкоголиков. Вот крестьянин Краузе, вечно пьяный, развратный старик, пристающий даже к своей дочери с циничными предложениями. Он совершенно спился и уже не замечает, что его жена – сорокалетняя баба, глупая, жадная и злая – живёт с молодым соседом по усадьбе, жирным парнем, почти идиотом. Он не знает, что его старшая дочь Магда пьёт водку и что её трёхлетний сын погиб тоже жертвой инстинктивного тяготения к алкоголю. Муж Магды, инженер Гофман, – жалкий человек, наживает деньги на копяк – тоже пьёт и очень не прочь взять в любовницы сестру своей жены. Вторая дочь, Елена, чрезмерно впечатлительна для крестьянки и слишком плаксива для здоровой женщины. Мать хочет выдать её замуж за своего любовника. Около этой бабы вертится госпожа Шпиллер, паразит в юбке, противная, старая приживалка, готовая на всё ради вкусного куска. Все эти люди целыми днями пьют, едят, болтают противный вздор, хвастаются своим богатством и погибают день за днём, разлагаясь, как гнилушки.

А вокруг них и под ними – в земле – без отдыха, неустанно работают насквозь пропитанные угольной пылью, молчаливые, чёрные люди...

Первый акт драмы Гауптмана начинается появлением в семье Краузе Альфреда Лота. Лот – университетский товарищ зятя Краузе, Гофмана, но университета не кончил, ибо юношей попал в тюрьму, где провёл два года и в это время написал какое-то сочинение по политической экономии. В Силезию он явился для изучения быта углекопов.

Его приезд действует на гнилых людей, как яд, как дневной свет на ночных птиц. Он ничего не пьёт, и уже одно это вызывает у пьяных смущение пред ним, раздражение против него и удивление Елены, привыкшей всех людей видеть пьющими. Елена училась в пансионе. По её словам, когда она кончила учиться, то почувствовала себя глупой – жизнь семьи ошеломила её, как удар по голове, но всё же она читает книги, искренно возмущается окружающей её грубостью и грязью и возмущает мачеху своим «образованием» и любовью к чтению «каких-то Шиллеров и Гётов»... Её уже кто-то развратил; она говорит, что это – её жених Калль, но, вероятно, она говорит это лишь потому, что ей стыдно назвать развратителем своего зятя или, может быть, отца.

И вот эта девушка вдруг слышит длинную речь Лота, рисующую ужасные последствия алкоголизма, а на свой вопрос «что, Ибсен и Золя – большие поэты?» – получает странный ответ: «Это вовсе не поэты, а необходимое зло, фрейлейн. Я здоровый человек и требую от поэзии светлого, освежающего напитка. А Золя и Ибсен предлагают лекарства». Альфред Лот – прямолинеен и, пожалуй, жесток в своей прямолинейности. Говорит он много, ясно, убедительно и глубоко верит в правду своих слов. Он – ригорист спокойный, верующий в победу своих идеалов, сознающий себя силой.

«Моя борьба, – говорит он, – борьба за всеобщее счастье. Чтобы мне стать счастливым, необходимо, чтобы сначала все люди были счастливы. Мне для моего счастья необходимо не видеть вокруг себя ни болезней, ни бедности, ни подлости. Я мог бы сесть за стол только последним.»

Слова – не новые. Многие люди говорят так, имея двадцать пять лет от роду; в тридцать они обыкновенно понижают свои требования, а в сорок – смеются, когда слышат их. Но в устах Лота эти слова имеют особую ценность, особый вес, – они оплачены им: он заплатил за них лишением свободы. На Елену, никогда не слышавшую таких слов, они действуют чарующе, и Лот сразу вырастает пред нею в героя.

«– Какое счастье родиться таким! – говорит она ему.

– Таким никто не родится, – отвечает Лот. – Мне кажется, таким делаешься благодаря несообразности наших отношений...

– Что вы называете несообразным? – спрашивает Елена.

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru – несообразно, например, если работающий в поте лица голодает, а ленивый живёт в избытке... Несообразно иметь государственной религией религию Христа, – религию терпения, самопожертвования и любви и воспитывать народ в духе кровопролитий, – воспитывать для убийства таких же людей. И ведь это только единицы среди миллионов таких же несообразностей; пойти наперекор им нелегко... Чем раньше начнёшь, тем лучше...»

Елена – девушка слабовольная; речи Лота, быть может, не касаются её души, но влекут её к молодому человеку, возбуждают в ней любовь к нему. Лот, в свою очередь, тоже увлекается ею, и с каждой новой беседой это увлечение растёт в нём. Но он слишком занят своей мечтой о счастье всех людей и не замечает странной плаксивости этой девушки, рокового признака её дурной наследственности. Гофман почти сразу чувствует в Лоте своего врага:

«В высшей степени опасный мечтатель, этот господин Лот», – говорит он Елене после своей попытки уговорить её жить с ним, как с мужем. Ему неприятно присутствие Лота в доме, но, человек жалкий и трусливый, – он сначала не может показать это бывшему товарищу, а когда, наконец, говорит, – так делает это дрянно, грубо и даже не возмущает Лота, а лишь вызывает в нём презрение. Он боится Лота, боится его «затеи» – изучить быт углекопов, тех людей, трудом которых он, Гофман, живёт. По мнению Гофмана, углекопы живут «в общем очень хорошо». Во время разговора о намерении Лота заняться бытом углекопов Гофман, пользуясь присутствием Елены, заговаривает с Лотом о его отношениях к девушке, с которой Лот был некогда помолвлен. Это нужно ему только для того, чтобы подорвать доверие Елены к Лоту. Но он дурно рассчитал и не достиг желаемого. Елена объясняется с Лотом, который всё ещё не замечает, что он живёт среди людей, отравленных ядом, не способных к здоровой жизни и деятельности. Всё идёт хорошо между ним и девушкой и так продолжается до пятого акта.

В пятом акте у жены Гофмана наступают роды, на сцену является доктор Таммельпфениг, старый товарищ Лота, и открывает ему глаза. Он говорит Лоту, что «если для него важно произвести на свет род людей, здоровых телом и душой», он не достигнет этого женитьбой на Елене, рождённой алкоголиком, развращённой физически, слабой морально. Лот – в ужасе. Он любит Елену, да, но считает преступным жениться на больной и увеличивать количество больных людей на земле, и без его помощи густо населённой ими.

«Есть три выхода, – говорит он, – или я женюсь на ней и тогда...»

Тогда ему пришлось бы всю жизнь посвятить возне с больной женою и детьми. Ему нужна жена здоровая, жена-товарищ, способный рисковать всей личной жизнью ради осуществления идеала. Он видит, что Елена не способна на это, и говорит:

«Нет, этот выход невозможен. Или – пуля в лоб... Ну, тогда, по крайней мере, будет хоть покой. Но нет, так далеко мы ещё не зашли... Это всегда успеется. И так – жить, бороться! Дальше, всё дальше...»

Лот произносит эти слова не как обещание и клятву; он говорит их просто, спокойно, только определяя себе своё будущее.

Он уходит. Когда Елена узнаёт об этом, она бросается в свою комнату и там зарезывается. Её не жалко, ибо погибает тот, кто должен погибнуть, чью гибель жалость не предотвратит. Кто не может жить для жизни, не нужно, не стоит жалеть о его смерти.

Драма, в узком смысле слова, разыгрывается между Лотом и Еленой; остальные действующие лица пьесы просто погибают от алкоголя, обжорства и разврата.

Но Гауптману на этот раз удалось написать удивительно яркую картину. Все эпизодические лица хотя обрисованы немногими резкими чертами, но живы и ясны. Вообще, на наш взгляд, это – лучшая из пьес Гауптмана, так часто лишённых ясности и простоты и страдающих какой-то недоговорённостью.

Нам удалось быть на репетиции и ознакомиться с постановкой пьесы. Как в «Крамере» и «Трёх сёстрах», в этой пьесе обстановочная часть вызывает чувство полного удовлетворения. Сложная декорация второго и четвёртого актов, представляющая двор фермы, прямо великолепна и делает честь вкусу и серьёзному отношению к своим задачам господ антрепренёра и декоратора. Не менее хороша и

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
декорация первого, третьего и пятого актов – внутренность дома богатого крестьянина, где грубая роскошь и отсутствие вкуса создают своеобразную иллюстрацию человеческой глупости.

[Всем русским гражданам и общественному мнению европейских государств]
Мы, нижеподписавшиеся, считаем своим нравственным долгом довести до сведения всех русских граждан и общественного мнения европейских государств следующее:

зная, что 9 января рабочие города Петербурга решили всей массой идти к Зимнему дворцу, для того чтобы, вызвав к себе государя, вручить ему программу общегосударственных реформ,

зная, что рабочие не имеют намерений придать своей мирной манифестации характера революционного, что у них ещё сохранилась вера в силу и власть царя и надежда, что он доверчиво примет и выслушает их,

мы, нижеподписавшиеся, 8 января вечером отправились к министру внутренних дел с целью потребовать от него, чтобы он – во избежание кровавых событий – сделал распоряжение не выводить на улицы войска в день 9 января и дал бы рабочим возможность свободно говорить с их царём.

Когда мы с этой целью [явились] к министру внутренних дел, нам сказали, что его нет дома и направили нас к товарищу его господину Рыздзевскому, который сначала отказывался принять нас, а потом принял, выслушал наше заявление, сказал нам, что это его не касается, и, равнодушно пожав плечами, ушёл.

Тогда мы пошли к председателю Комитета министров С.Ю.Витте, которому сделали то же самое заявление, то есть [что] необходимо довести до сведения государя и министра внутренних дел о мирном настроении рабочих и допустить их к государю для представления проекта реформ и необходимо, чтобы войска и полиция не оказывали препятствий рабочим в их желании говорить с государем, в противном же случае, по нашему искреннему убеждению, прольётся кровь, что вызовет естественное желание мести за неё, то есть широкое развитие террористических действий со стороны рабочего люда.

Господин Витте заявил нам, что министры Святополк-Мирский и Коковцов имеют более точные сведения о положении дел, чем сведения наши, что, по его мнению, и сам государь должен быть осведомлён о положении и намерениях рабочих и что лично он, Витте, бессилён сделать что-либо в желаемом нам направлении.

Мы просили его устроить нам свидание с Святополк-Мирским; господин Витте согласился на это и при нас спрашивал по телефону господина Святополк-Мирского, желает ли он принять нас как выразителей мнения группы литераторов и учёных по вопросу о возможных 9 января кровавых событиях и о мерах к устранению их.

Господин Святополк-Мирский отказался принять нас.

9 января в разных местах города Петербурга началось движение рабочих, мирно шедших к Зимнему дворцу, и нижеподписавшиеся частью сами видели, частью знают от других очевидцев такие факты.

Когда рабочие Путиловского завода, с церковными хоругвями и портретами государя и государыни в руках, во главе со священником отцом Георгием Гапоном в облачении и с крестом в руке, подошли к Нарвской заставе, по ним, без всякого предупреждения со стороны офицеров, командовавших войсками, и полиции, был дан троекратный залп боевыми патронами. Несколько десятков людей упало ранеными и убитыми, остальная толпа частью бросилась бежать, частью же легла на землю, дабы спасти себя от пуль, но, когда они поднялись, по ним снова был дан троекратный залп, и это повторилось дважды.

Когда рабочие Петербургской стороны подошли к Троицкому мосту, по ним, опять-таки без приглашения разойтись, был дан залп, которым человек шестьдесят [было] ранено и убито.

Один из нас лично видел четырнадцать человек раненых, из них пять женщин, и троих убитых, он же видел, как во время конной атаки на Невском, около Полицейского моста, солдат с коня выстрелил в упавшего на землю человека.

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895–1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Расстреливали, а также били шашками рабочих и публику у Адмиралтейства, на Мойке, – мы не имеем пока точных цифр убитых и раненых и не это считаем важным в данном случае.

Мы находим себя вправе заявить всей России и общественному мнению Европы:

- 1) что министр внутренних дел Святополк–Мирский был предупреждён нами о мирных намерениях и спокойном настроении рабочих и что они шли с полным доверием к своему царю;
- 2) что мы предлагали министру внутренних дел убрать войска с улиц;
- 3) что мы предлагали известить государя о происходящем и убедить его в необходимости допустить [рабочих] на Дворцовую площадь и выслушать требования их;
- 4) что рабочие действительно вели себя вполне миролюбиво и по отношению к войскам не держались вызывающе;
- 5) что командовавшие частями войск стреляли и избивали народ, не предупреждая его разойтись.

Подобное поведение по отношению к манифестантам–рабочим мы, по совести, не можем назвать иначе, как предумышленным избиением, и, исходя из этого, мы, нижеподписавшиеся, перед лицом всех русских граждан и перед лицом европейского общественного мнения обвиняем министра внутренних дел Святополк–Мирского в предумышленном, не вызванном положением дел и бессмысленном убийстве множества русских граждан.

А так как Николай Второй был осведомлён о характере рабочего движения и о миролюбивых намерениях его бывших подданных, безвинно убитых солдатами, и, зная это, допустил избиение их, – мы и его обвиняем в убийстве мирных людей, ничем не вызвавших такой меры против них.

Вместе с тем мы заявляем, что далее подобный порядок не должен быть терпим, и приглашаем всех граждан России к немедленной, упорной и дружной борьбе с самодержавием.

О кавказских событиях
Уважаемый товарищ!

Что я думаю о современных событиях на Кавказе? – спрашиваете вы.

Стыдно и больно читать и слышать о том, что творится у вас! Я так горячо люблю эту прекрасную страну, олицетворение грандиозной красоты и силы, её горы, окрылённые снегами, долины и ущелья, полные весёлого шума быстрых, певучих рек, и её красивых, гордых детей.

Бывая на Кавказе, я всюду видел, как дружно и мирно работали рядом грузин с татаринном и армянином, как детски весело и просто они пели и смеялись, и так трудно поверить, что эти простые, славные люди ныне тупо и бессмысленно избивают друг друга, подчиняясь подстрекающей их злой и тёмной силе.

Меня не так угнетает жестокость, как глупость людей, не понимающих, что их тёмными страстями играет внешняя злая сила. Мне не кажется, чтоб одинаково позорные для всей страны кровавые трагедии в Баку и Эривани отличались по своим мотивам от таких же трагедий в Кишинёве и Варшаве, в Житомире и Лодзи. В Нахичевани, Курске, в Риге и в Иваново–Вознесенске – везде видна гнусная работа кучки людей, обезумевших от страха потерять свою власть над страной, – людей, которые стремятся залить кровью ярко вспыхнувший огонь сознания народом своего права быть строителем форм жизни.

Эти люди привыкли к власти, им так хорошо жилось, когда они могли, никому не давая отчёта в своих действиях, распоряжаться судьбою и богатствами нашей страны, силой и кровью народа: они привыкли смотреть на Россию как на своё поместье, они насильно держали бесправный народ в невежестве и грязи – для того, чтобы ослабить дух народа, не дать роста его энергии, сделать его слепым и немым

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895–1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
рабом, послушным их воле.

С цинизмом людей, развращённых безнаказанностью, с жестокой откровенностью животных, сознающих свою силу, они делали всё для того, чтоб убить творческий дух народа. Но они, эти жалкие люди, считающие себя хозяевами всей жизни страны, – невежественны и тупы; они не понимают, что превратить народ в слепую, механическую силу так же невозможно, как обработать в кучу глины гранитные горы Кавказа.

Бессмысленное и бесчеловечное угнетение людей не погасило в стране нашей огонь смелой и свободной мысли, – он разгорается всё ярче и сильнее, даже слепые видят теперь его гневный блеск, он неожиданно вспыхивает повсюду и жаждет слиться в одно мощное, радостное пламя, в бурный вихрь протеста всех разумных и честных людей против насилия над ними со стороны бездарной и беспочвенной кучки паразитов, вспоённых лучшими соками родной земли.

Паразиты чувствуют, что наступает их агония и близка смерть, но они хотят жить и борются, как могут, против воли народа, – борются бесчестно, трусливо и позорно.

Они поднимают со дна жизни всё тёмное и грязное, всё, что изуродовано их гнётом до потери человеческого образа, своекорыстное, продажное, подлое, и эту тупую массу хищников и животных они натравливают на лучших людей страны, чтобы раздавить их и хоть на год ещё удержать власть в своих бессильных руках.

Они открыто науськивают, как собак, русских на евреев, поляков и финнов, татар на армян и грузин, отупевшего от голода, забитого мужика на студентов и даже на детей!

И может быть так: если завтра татары потребуют признания за ними человеческих прав на самоопределение – противлшх пошлют киргиз и мордву, чтобы перебить их чужими руками. Повсюду одно и то же: злая сила паразитов привлекает на защиту своего положения в стране наиболее диких, наименее разумных людей против тех, кто искренно и бескорыстно желает добра и свободы своей родине и народу своему.

На всём протяжении истории человечества ни в одной стране борьба командующего класса за сохранение своей власти над народом не велась столь позорно, так бесстыдно и цинически жестоко, как она ведётся в нашей стране в наши кровавые дни.

Какое гнусное и жалкое бессилие чувствуется в этих людях, опьяневших от пролитой крови и от предчувствия своего конца!

Какое презрение должна возбуждать наша страна у европейцев благодаря тому, что те, кто правит нами, вызывают в ней к жизни только животное, грубое и зверское, стараясь им поразить всё воистину творческое, честное и человеческое!

Дни, которые переживаем мы, – это канун духовного обновления всей страны, но та борьба, которая ведётся в России против стремления к свету и новой жизни, – эта борьба будет записана в истории как одно из гнуснейших деяний за всю жизнь человечества...

Эта борьба не может длиться долго, ибо власть развращает. Те, кому сегодня дана власть безнаказанно грабить и убивать, не скоро выпустят её из своих рук. Рука, которая вчера разбила череп армянина или еврея за то, что они сознали себя свободными людьми раньше русского или татарина, – кто скажет, на чью голову опустится завтра эта рука?

Её слепые взмахи и удары легко остановить. Нужно только, чтобы все лучшие, все честные люди Кавказа и Финляндии, Польши и России – соединились в одну семью друзей-борцов, в дружину честных и бесстрашных, соединились и спросили друг друга:

«Кто наш враг?»

Ответ найти легко.

Все люди – татары, русские, армяне и евреи, поляки, финны – все хотят одного: жить лучше, чем им живётся. И у всех одинаково нет свободы, нет права жить

Что прежде всего необходимо для роста человека и народа?

Право свободно определять свои личные и общественные желания, право свободно строить формы общежития, наиболее просторные для роста своего духа и духа племени своего.

Так разве армянин лишает татарина этой свободы, и разве грузин? Разве русский, еврей и поляк не связаны по рукам и ногам той же силой, которая одинаково тяжело ложится и на плечи татарина?

У всех нас – один враг.

И все, у кого разум светел, чья воля не поддается порабощению, должны соединиться в одну семью для борьбы с той злой и бессмысленной силой, которая одинаково тяжело давит всех нас.

У всех – один враг.

Да будет же между всеми нами равенство и братство, да просветит нас всех свет разума, сольёмся в одну великую, непоборимую волю и тогда –

свобода!

Заметки о мещанстве

I

Мещанство – это строй души современного представителя командующих классов. Основные ноты мещанства – уродливо развитое чувство собственности, всегда напряженное желание покоя внутри и вне себя, темный страх пред всем, что так или иначе может вспугнуть этот покой, и настойчивое стремление скорее объяснить себе все, что колеблет установившееся равновесие души, что нарушает привычные взгляды на жизнь и на людей.

Но объясняет мещанин не для того, чтобы только понять новое и неизвестное, а лишь для того, чтобы оправдать себя, свою пассивную позицию в битве жизни.

Отвратительное развитие чувства собственности в обществе, построенном на порабощении человека, может быть, объясняется тем, что только деньги как будто дают личности некоторую возможность чувствовать себя свободной и сильной, только деньги могут иногда охранить личность от произвола всесильного чудовища – государства.

Но объяснение – не оправдание. Современное государство создано мещанами для защиты своего имущества – мещане же и дали государству развиться до полного порабощения и искажения личности. Не ищи защиты от силы, враждебной тебе, вне себя – умей в себе самом развить сопротивление насилию.

Жизнь, как это известно, – борьба господ за власть и рабов – за освобождение от гнета власти. Темп этой борьбы становится все быстрее по мере роста в народных массах чувства личного достоинства и сознания классового единства интересов.

Мещанство хотело бы жить спокойно и красиво, не принимая активного участия в этой борьбе, его любимая позиция – мирная жизнь в тылу наиболее сильной армии. Всегда внутренне бессильное, мещанство преклоняется пред грубой внешней силой своего правительства, но если – как мы это видели и видим – правительство дряхлеет, мещанство способно выпросить и даже вырвать у него долю власти над страной, причем оно делает это, опираясь на силу народа и его же рукой.

Оно густо облепило народ своим серым, клейким слоем, но не может не чувствовать, как тонок этот холодный слой, как кипят под ним враждебные ему инстинкты, как ярко разгорается непримиримая, смелая мысль и плавит, сжигает вековую ложь...

Этот натиск энергии снизу вверх возбуждает в мещанстве жуткий страх пред жизнью, – в корне своем это страх пред народом, слепой силой которого мещанство выстроило громоздкое, тесное и скучное здание своею благополучия. На тревожной почве этого страха, на предчувствии отмщения у мещан вспыхивают торопливые и грубые попытки оправдать свою роль паразитов на теле народа – тогда мещане

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru становятся Мальтусами, Спенсерами, Ае-Бонами, Ломброзо – имя им легион...

В будущем, вероятно, кто-то напишет «Историю социальной лжи» – многотомную книгу, где все эти трусливые попытки самооправдания, собранные воедино, представят собой целый Арабат бесстыдных усилий подавить очевидную, реальную истину грудами липкой, хитрой лжи.

Мещане всегда соблазняются призрачной возможностью доказать самим себе и всему миру, что они ни в чем не виноваты.

И доказывают более или менее многословно и скучно, что в жизни существуют неборимые, роковые законы, созданные богом, или природой, или самими людьми, что по силе этих законов человек может удобно устроиться только на шее ближнего своего и что, если все рабочие захотят есть котлеты, – на земле не хватит быков...

Противоречия между народом и командующими классами – непримиримы. Каждый человек, искренно желающий видеть на земле торжество истины, свободы, красоты, должен бы, по мере сил своих, работать в пользу быстрее и нормального развития этих противоречий до конца – ибо в конце этого процесса пред всеми людьми с одинаковой очевидностью встанет и преступность нашего общественного устройства и ясная для всех невозможность дальнейшего существования его в современных формах...

Мещанство всегда пытается задержать процесс нормального развития классовых противоречий.

Когда в жизни усиливается трение враждебных сил, мещане тревожно прячут головы под крыло какой-либо примирительной теории. Уклоняясь от личного участия в борьбе, мещанин старается ввести в нее более или менее авторитетное третье лицо и возлагает на него защиту своих мещанских интересов. Раньше он ловко пользовался для своих целей богом; задавив бога устройством церкви – обратился к науке, везде стараясь найти доказательства необходимости для большинства людей подчиниться меньшинству.

Каждый раз, когда на светлом и величественном храме науки появляется какая-то темная, подозрительная плесень, – так и знайте! – это мещанин коснулся храма истины своей нахальной, нечистой рукой...

Науку родили опыт и мысль человечества, она есть свободная сила, которую трудно подчинить интересам мещанства, – в науке не нашлось доводов, оправдывающих бытие мещанства, напротив – чем дальше она развивается, тем более ярко освещает вред паразитизма...

На почве усиленных попыток примирить непримиримое у мещанина развилась болезнь, которую он назвал – совесть. В ней есть много общего с тем чувством тревожной неловкости, которое испытывает дармоед и бездельник в суровой рабочей семье, откуда – он ждет – его могут однажды выгнать вон. В сущности, и совесть – все тот же страх возмездия, но уже ослабленный, принявший, как ревматизм, хроническую форму... Эта особенность мещанской души позволила мещанину создать новое орудие примирения – гуманизм, – это нечто вроде религии, но не так цельно и красиво: тут есть немного логики, немного доброго чувства, жалости и много наивности и всего больше христианского стремления дать людям вместо хлеба насущного мыльные пузыри. В конце концов – это милостыня народу, довольно жалкие и пресные крохи, великодушно брошенные богатым Лазарем своему бедному тезке... Это не имело успеха, народ не насытился, не стал более кротким и по-прежнему хотя и безмолвно, но очень косо смотрел голодными глазами, как пожирались плоды его труда... Было ясно – гуманизм не может служить для мещан орудием защиты против напора справедливости...

Мещанин любит говорить народу: «Возлюби ближнего твоего, как самого себя», но под ближним всегда подразумевает только самого себя и, поучая народ любви, оставляет за собою право жить за счет чужого труда – незабываемым.

Когда мещанство убедилось, что народ не хочет быть гуманным и учение Христа не примиряет рабочего с его ролью раба, навязанной ему государством, – оно почувствовало и гуманизм и религию как излишний балласт в своей тесной, квадратной, маленькой душе, оно захотело освободить себя от этого балласта –

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895–1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru отсюда и начался отвратительный процесс разложения мещанской души.

Нужно было видеть пьяную радость мещан, когда Ницше громко заговорил о своей ненависти к демократии!

Им показалось, что вот, наконец, явился некий Геркулес, он очистит авгиевы конюшни мещанской души от серой путаницы понятий, освободит из мелкой и пестрой сети чувствований, которую они так долго, усердно и бездарно плели своими руками, которая связала их взаимно друг друга отрицающими нитями, – «я хочу, но я не должен, я должен, но я не хочу», – связала и привела в тупик бессильного отчаяния – «я не могу жить». Мещанство немедленно сделало из Ницше идола, заключив всю многообразную душу его в один жуткий крик:

«Спасайтесь, как сможете. Мир погибает, ибо идет демократия!»

Но это был крик агонии самого мещанского общества, издыхающего от утомления в поисках хотя бы и дешевого, но прочного счастья, хотя бы и скучного, но устойчивого покоя, тесного, но твердого порядка. Может быть, Ницше был гений, но он не мог сделать чуда, не мог влить новую горячую кровь в изношенные жилы и огнем своей души не мог пережечь мелких лавочников в аристократов духа. Призыв к самозащите пал на бесплодную почву – мещанство живет чужим трудом и может бороться только чужими руками...

Раньше оно могло покупать людей на службу себе деньгами, позднее подкупало их обещаниями и всегда обманывало. Теперь, когда люди начали понимать свои личные интересы, их трудно обмануть. Люди всё более резко делятся на два непримиримых лагеря – меньшинство, вооруженное всем, что только может защитить его, большинство, у которого только одно оружие – руки – и одно желание – равенство. Направо стоят бесстрашные, как машины, закованные в железо рабы капитала, они привыкли считать себя хозяевами жизни, а на самом деле это безвольные слуги холодного, желтого дьявола, имя которому – золото. Налево всё быстрее сливаются в неборимую дружину действительные хозяева всей жизни, единственная живая сила, все приводящая в движение, – рабочий народ... сердце его горит уверенностью в победе и он видит свое будущее – свободу...

Между этими двумя силами растерянно суетятся мещане, – они видят: примирение невозможно, им стыдно идти направо, страшно – налево, а полоса, на которой они толкуются, становится всё теснее, враги всё ближе друг к другу, уже начинается бой...

Что делать мещанину? Он не герой, героическое непонятно ему, только иногда на сцене театра он любит героями, спокойно уверенный, что театральные герои не помешают ему жить. Он не чувствует будущего и, живя интересами данного момента, свое отношение к жизни определяет так:

Не рассуждай, не хлопочи,
Безумство ищет, глупость судит;
Дневные раны сном лечи,
А завтра быть тому, что будет,
Живя – умей все пережить:
Печаль, и радость, и тревогу.
Чего желать? О чем тужить?
День пережит – и слава богу...

Он любит жить, но впечатления переживает неглубоко, социальный трагизм недоступен его чувствам, только ужас перед своей смертью он может чувствовать глубоко и выражает его порою ярко и сильно. Мещанин всегда лирик, пафос совершенно недоступен мещанам, тут они точно прокляты проклятием бессилия...

Что им делать в битве жизни? И вот мы видим, как они тревожно и жалко прячутся от нее, кто куда может – в темные уголки мистицизма, в красивенькие беседки эстетики, построенные ими на скорую руку из краденого материала; печально и безнадежно бродят в лабиринтах метафизики и снова возвращаются на узкие, засоренные хламом вековой лжи тропинки религии, всюду внося с собою клейкую пошлость, истерические стоны души, полной мелкого страха, свою бездарность, свое нахальство, и всё, до чего они касаются, они осыпают градом красивеньких, но пустых и холодных слов, звенящих фальшиво и жалобно.

Эту скучную и тревожную суету мещанства наших дней, испуганного предчувствием

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru своей гибели, последнюю главу его бесцветной истории можно назвать так:

«Мещане, кто во что горазд!»

II

Каждый, разумеется, видит все в жизни так, как он хочет видеть, а кто ничего не хочет, видит только себя – скучное и жалкое зрелище!

Мещанин не способен видеть ничего, кроме отражений своей серой, мягкой и бессильной души.

Наиболее уродливые формы отношения мещанства к народу сложились в нашей нелепой стране. Вероятно, на земле нет другой страны, где бы командующие классы говорили и писали о народе так усердно и много, как у нас, и уж, наверное, ни одна литература в мире, кроме русской, не изображала свой народ так приторно-слащаво и не описывала его страданий с таким странным, подозрительным упоением.

Придавленный к земле тяжелым и грубым механизмом бездарно устроенной государственной машины, русский народ – скованный и ослепленный Самсон – воистину, великий страдалец!

И, воистину, с молчаливым терпением титана долго держал он на плечах своих страшную тяжесть рабского, каторжного труда, зверских преступлений со стороны власти, сладострастного издевательства над его личностью помещиков и полиции, держал безропотно и лишь порою, встряхнув плечами, рвался к свободе, но – слепой – не находил пути к ней, и снова и еще крепче связывали его...

Когда человека пытаются, а он, полный презрения к палачам, мужественно молчит, – это красиво, это вызывает восторженное уважение к мученику и несомненно является прекрасной темой для поэта...

Но когда русского мужика бьют по зубам, секут розгами, ломают ему ребра, а он, едва ли в чем-либо виновный, стонет «не буду!» – в этом мало человеческого и совсем нет красоты – это должно бы вызывать гнев и ненависть к силе, угнетающей народ, должно бы возбуждать страстное, упорное желание разрушить и перестроить мрачную, душную казарму, в которой задыхается родина.

Русская литература с печальным умилением смотрела, как тупая сила власти, разнузданной своей безнаказанностью, насилует русский народ, как она старательно отравляет суевериями этот вечный источник энергии, которой бесправно пользуются все, как истощается почва, дающая всем и хлеб и цветы, она смотрела на это преступление против жизни ее родины и лирически вздыхала:

Край родной долготерпенья,
Край ты русского народа!

Наша литература – сплошной гимн терпению русского человека, она вся пропитана тихим восторгом пред страдальцем-мужичком и удивлением пред его нечеловеческой выносливостью.

Где ты черпал эту силу?

– спрашивает она его, но народ был для нее натурой, с которой она красиво и сочно писала более или менее талантливые картины для удовлетворения своих творческих эмоций и эстетического вкуса мещан...

Соль истинной поэзии в изображениях мужика и его жизни, даже у крупных писателей, часто и странно смешивается с патокой грустного лиризма, а он всегда неуместен при описаниях жизни русской деревни, ибо, по меньшей мере, неприлично лирически вздыхать, когда на ваших глазах люди утопают в грязи и во тьме.

И всегда в отношениях русского писателя к своим героям-мужикам чувствуется нечто вроде удовольствия видеть их ничтожными, мягкими, добрыми и терпеливыми...

Положим – необходимо употребить солидные усилия для того, чтобы вывести из терпения русского мужика, но наше правительство – воздадим ему должное! – всегда успешно выполняло эту задачу; однако роскошное зеркало русской литературы почему-то не отразило всплеск народного гнева – ясных признаков его стремления к свободе. Она изображала нам Калиныча и Хоря, героя «Муму», Касьяна, Антона

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895–1906. Максим Горький gorkiy.maxim.ru
Горемыку, Платона Каратаева, дедушку Якова и Мазая, Акима во «Власти тьмы» и бесконечную вереницу иных мудрых, но косноязычных и немых людей. На ее глазах из среды народа выходили: Ломоносовы, Кольцовы, Никитины, Суриковы, но она не замечала их и забыла отметить в прошлом таких крупных выразителей народной воли, как Разин и другие. Она не искала героев, она любила рассказывать о людях сильных только в терпении, кротких, мягких, мечтающих о рае на небесах, безмолвно страдающих на земле. Все они терпеливо – непременно терпеливо, без гнева, без ропота! – несут на плечах своих гнетущие душу и тело невзгоды и позор рабской жизни. Милые люди! Они совершенно не способны к делу строительства жизни и кажутся созданными природой специально для мирной работы на господ. Такие славные божьи коровки – эти духовно чистенькие мужички, они так любовно мудры, полны такой готовностью страдать, что, право, удивляешься, как можно было таких людей-младенцев драть на конюшнях плетью, пороть розгами, продавать оптом и в розницу, как баранов, и вообще обращаться с ними... неделикатно?

Сознательно или бессознательно, но всегда настойчиво наша дворянская литература рисовала народ терпеливо равнодушным к порядкам его жизни, всегда занятым мечтами о боге и душе, полным желанием внутреннего мира, мещански недоверчивым ко всему новому, незлобивым до отвращения, готовым все и всем простить, курносый идеалистом, который еще долго и долго способен подчиняться всем, кому это нужно.

Мещанство читало красивые рассказы о смирном русском народе, искренно восхищалось его незлобивым терпением и, спокойно, крепко сидя на его хребте, дало ему лестный титул народа-богоносца.

Ко времени вынужденного народом освобождения его от крепостного права, и – кстати – от земли, в нашей стране, как это известно, образовался небольшой, но энергичный слой людей, сильных духом и внутренне свободных. Это была смелая вольница, «кто с борку, кто с сосенки», – неудачные дети духовенства, уроды из дворянских семей, блудные сыновья чиновников, только что рожденные фабрикой рабочие – всё умные, здоровые, веселые работники, бодрые, как люди, проснувшиеся на рассвете ясного майского дня. Полные молодой жажды жизни красивой и свободной, они увидели пред собой жизнь, устроенную их отцами, и с презрением, с гордой насмешкой отвернулись от нее – тесной, скучной, нищенски бедной содержанием, формами и красками, нагло и грубо построенной на непосильном труде ограбленного, темного народа.

Вокруг них шумно суетилось встревоженное реформами мещанское общество, – ожиревшее, вырождающееся, уже духовно мертвое, оно судорожно корчилось, как гальванизированный труп, и на пороге новой жизни тупо злилось, трусливо и злобно шипело, чувствуя, что на земле для него остались только могилы. Буйная молодость дерзко и весело пела отходную остаткам крепостного строя и зорко присматривалась, ища свое место в жизни.

А правительство, освободив народ, тотчас же усердно занялось разведением чиновников, ковкой звеньев новой цепи для народа. К разночинцам оно относилось подозрительно и враждебно, люди, которые не хотели быть чиновниками, были излишни и вредны для него, Было ясно – если интеллигент-разночинец хочет жить, он должен встать ближе к народу, опереться на него и увеличить свою дружину за его счет. Интеллигент понял это, пошел в народ сеять среди неге «разумное, доброе, вечное»...

Разумеется, наше правительство не могло допустить на ниве народной никаких посевов, кроме тех, которые укрепляли бы легенду о неземном происхождении его власти. И вот началась беспримерная в истории эпическая борьба горсти смелых людей с чудовищем, которое похитило свободу и зорко, жадно стережет ее...

Эта битва была красива, как старый рыцарский роман, она родила много героев и пожрала их, как Сатурн своих детей. Герои погибли. Участь героев – всегда такова, и не будем оскорблять память героев сожалением о гибели их...

Это были стойкие, крепкие люди, но история поставила их между холодной наковальней и тяжелым молотом. Много они хотели поднять, много сдвинули с места и надорвались в усилиях разбудить народ, – он до этой поры не видел ничего доброго от господ и не поверил им, когда они бескорыстно принесли ему ученье о свободе, равенстве, братстве.

Те, кому лгали столетия, не могли научиться верить в годы...

В эти дни, когда рыцари бились насмерть со змеем, – мещанство в стихах и прозе доказывало, что

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить;
У ней особенная статья,
В Россию можно только верить,
что русский народ чрезвычайно самобытен и что греховная западная наука, развратные формы жизни Запада совершенно не годятся для него. Влияние Запада может только испортить, разрушить кроткую, мягкую душу и прочие редкие качества народа-богоносца, воспитанные в нем порками на конюшнях, сплошной неграмотностью и другими идеальными условиями русской самобытности.

В творениях мещан на эту тему есть много любопытного, но самое замечательное в них – соединение таланта с какой-то истинно восточной ленью ума и татарской хитростью, которой мещане прикрывали эту лень мыслью смело и до конца яркопестрыми словами восторга пред народом. Немой, полуголодный, безграмотный народ, по уверению мещан, был призван обновить весь мир таинственной силой своей души, но для этого прежде всего требовалось отгородить его от мира высокой стеной самобытности, дабы не коснулся его свет и воздух Запада. Он, еще недавно награда вельможам за придворные услуги, живой инвентарь помещичьих хозяйств, доходная статья, предмет торговли, вдруг стал любимой темой разговоров, объектом всяческих забот о его будущей судьбе, идолом, пред которым мещане шумно каялись во грехах своих. Растерянная, суетливая мещанская мысль, как летучая мышь над костром, завертелась вокруг народа в своих поисках оправдания и примирения.

Эта жалкая суета развращала порою лучшего поэта тех дней, и часто он, вступая в общий хор лицемерно кающихся, фальшиво вторил им:

...Успели мы всем насладиться.
Что ж нам делать? Чего пожелать?..

...Пожелаем тому доброй ночи,
Кто все терпит во имя Христа,
Чьи не плачут суровые очи,
Чьи не ропщут немые уста,
Чьи работают грубые руки,
Предоставив почтительно нам
Погружаться в искусство, науки
Предаваться мечтам и страстям..

В этом, допустим, искреннем лирическом порыве сытого и несколько сконфуженного своей сытостью человека чувствуется немного иронии над собой, но – какая странная скудость фантазии! Неужели народу, усыпленному насильно, народу, сон которого ревниво оберегали тысячи верных слуг Левиафана-государства, неужели этому народу нельзя было пожелать ничего лучшего доброй ночи? В те дни, когда уже многие били в набат, стараясь разбудить его? В те дни, когда герои одиноко погибали в битвах за свободу?

Мещанам нравились подобные стихи, и они искренно, от всей души, желали милому народу – спокойной ночи. Что они могли пожелать ему, кроме этого? Это и гуманно и дешево...

В это время – время борьбы – одни из них тревожно и угрюмо, как совы, кивали головами на Запад, где горел, не угасая, огонь свободы и в муках рождалась истина; они кричали, что оттуда льется отравка, которая погубит русский народ. Другие пристраивались в услужение к радикальным идеям, незаметно стараясь одеть их в уродующие одежды компромисса. Третьи злобно в стихах и прозе клеветали на все, что было им враждебно, – молодо, красиво, смело, – и во всем, что они делали, звучала их вечная тревога за свой покой – тре-вога нищих духом.

А в страну медленно входил железной стопой окутанный серыми тучами дыма и пара великий революционер, бесстрашный слуга желтого дьявола, жадного золота, – все разрушающий капитализм...

III

Толстой и Достоевский – два величайших гения, силою своих талантов они потрясли весь мир, они обратили на Россию изумленное внимание всей Европы, и оба встали,

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru как равные, в великие ряды людей, чьи имена – Шекспир, Данте, Сервантес, Руссо и Гете. Но однажды они оказали плохую услугу своей темной, несчастной стране.

Это случилось как раз в то время, когда наши лучшие люди изнемогли и пали в борьбе за освобождение народа от произвола власти, а юные силы, готовые идти на смену павшим, остановились в смятении и страхе пред виселицами, каторгой и зловещей немотой загадочно неподвижного народа, молча, как земля, поглотившего кровь, пролитую в битвах за его свободу. Мещане, напуганные взрывами революционной борьбы, изнывали в жажде покоя и порядка, готовые подчиниться победителю, предать побежденного и получить за предательство хоть маленький, но всегда лакомый для них кусок власти...

Тяжелые серые тучи реакции плыли над страной, гасли яркие звезды надежд, уныние и тоска давили юность, окровавленные руки темной силы снова быстро плели сети рабства.

В это печальное время духовные вожди общества должны бы сказать разумным и честным силам его:

«Нищета и невежество народа – вот источник всех несчастий нашей жизни, вот трагедия, в которой мы не должны быть пассивными зрителями, потому что рано или поздно сила вещей заставит всех нас играть в этой трагедии страдающие и ответственные роли. Для государства мы – кирпичи, оно строит из нас стены и башни, укрепляющие злую власть его. Искусно отделяя народ от нас, оно делает всех бессильными в борьбе с его бездушным механизмом. Никто разумный не может быть спокоен, доколе народ – раб и слепой зверь, ибо он прозреет, освободится и отомстит за насилие над ним и невнимание к нему. Не может быть красивой жизни, когда вокруг нас так много нищих и рабов. Государство убивает человека, чтобы воскресить в нем животное и силою животного укрепить свою власть; оно борется против разума, всегда враждебного насилию. Благо страны – в свободе народа, только его сила может победить темную силу государства. Поймите – нет иной страны, где бы люди чести, люди разума были так одиноки, как у нас. Боритесь же за торжество свободы и справедливости, в этом торжестве – красота. Да будет ваша жизнь героической поэмой!..»

– Терпи! – сказал русскому обществу Достоевский своей речью на открытии памятника Пушкину.

– Самосовершенствуйся! – сказал Толстой и добавил: – Не противься злу насилием!..

..Есть что-то подавляюще уродливое и постыдное, есть что-то близкое злой насмешке в этой проповеди терпения и непротivления злу. Ведь два мировых гения жили в стране, где насилие над людьми уже достигло размеров, поражающих своим сладострастным цинизмом. Произвол власти, опьяненный безнаказанностью, сделал всю страну мрачным застенком, где слуги власти, от губернатора до урядника, нагло грабили и истязали миллионы людей, издеваясь над ними, точно кошка над пойманной мышью.

И этим замученным людям говорили:

– Не противьтесь злу! Терпите!

И красиво воспевали их терпение. Этот тяжелый пример наиболее ярко освещает истинный характер отношения русской литературы к народу. Вся наша литература – настойчивое учение о пассивном отношении к жизни, апология пассивности. И это естественно.

Иной не может быть литература мещан даже и тогда, когда мещанин-художник гениален.

Одно из свойств мещанской души – раболепие, рабье преклонение перед авторитетами. Если некто однажды подал мещанину от щедрот своих милостыню внимания, – мещанин делает благодетеля кумиром и кланяется ему, точно нищий лавочнику. Но это только до поры, покуда кумир живет в гармонии с мещанскими требованиями, а если он начнет противоречить им, – что бывает крайне редко, – его сбрасывают с пьедестала, как мертвую ворону с крыши. Вот почему

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895–1906. Максим Горький gorkiy.maxim.ru
писатель-мещанин всегда более или менее лакей своего читателя, – человеку приятно быть идолом.

Ожидаю, что идолопоклонники закричат мне:

«Как? Толстой? Достоевский?»

Я не занимаюсь критикой произведений этих великих художников, я только открываю мещан. Я не знаю более злых врагов жизни, чем они. Они хотят примирить мучителя и мученика и хотят оправдать себя за близость к мучителям, за бесстрашие свое к страданиям мира. Они учат мучеников терпению, они убеждают их не противиться насилию, они всегда ищут доказательств невозможности изменить порядок отношений имущего к неимущему, они обещают народу вознаграждение за труд и муки на небесах и, любясь его невыносимо тяжелой жизнью на земле, сосут его живые соки, как тля. Большая часть их служит насилию прямо, меньшая – косвенно: проповедью терпения, примирения, прощения, оправдания...

Это – преступная работа, она задерживает правильное развитие процесса, который должен освободить людей из неволи заблуждений, она тем более преступна, что совершается из мотивов личного удобства. Мещанин любит иметь удобную обстановку в своей душе. Когда в душе его все разложено прилично – душа мещанина спокойна. Он – индивидуалист, это так же верно, как нет козла без запаха.

В древности еврейский мудрец Гиллель дал человеку удивительно простую и ясную формулу индивидуального и социального поведения.

«Если я не за себя, – сказал он, – то кто же за меня? Но если я только за себя – зачем я?»

Мещанин охотно принимает первую половину формулы и не может вместить другой.

Есть два типа индивидуализма: индивидуализм мещанский и героический.

Первый ставит «я» в центре мира – нечто удивительно противное, напыщенное и нищенское. Подумайте, как это красиво – в центре мира стоит жирный человечек с брюшком, любитель устриц, женщин, хороших стихов, сигар, музыки, человек, поглощающий все блага жизни, как бездонный мешок. Всегда несъятый, всегда трусливый, он способен возвести свою зубную боль на степень мирового события, «я» для этого паразита – все!

Второй говорит: «Мир во мне; я все вмещаю в душе моей, все ужасы и недоумения, всю боль и радость жизни, всю пестроту и хаос ее радужной игры. Мир – это народ. Человек – клетка моего организма. Если его бьют – мне больно, если его оскорбляют – я в гнев, я хочу мести. Я не могу допустить примирения между поработителем и поработленным. Противоречия жизни должны быть свободно развиты до конца, дабы из трения их вспыхнула истинная свобода и красота, животворящая, как солнце. Великое, неисчерпаемое горе мира, погрязшего во лжи, во тьме, в насилии, обмане, – мое личное горе. Я есть человек, нет ничего, кроме меня».

Это миропонимание, утонченное и развитое до красоты и глубины, которой мы себе представить не можем, вероятно, и будет миропониманием рабочего, истинного и единственно законного хозяина жизни, ибо строит ее он. Это миропонимание в русской литературе не отражалось. Она вообще не могла создать героя, ибо героизм видела в пассивности, и если пыталась изобразить активного человека, – это выходило бескровно и бесцветно даже у такого красивого и крупного таланта, как Тургенев. Только яркий и огромный Помяловский глубоко чувствовал враждебную жизни силу мещанства, умел беспощадно правдиво изобразить ее и мог бы дать живой тип героя, да Слепцов, устами Рязанова, зло и метко посмеялся над мещанином...

Восьмидесятые годы были временем полного торжества мещан, и, как всегда, они торжествовали злобно, но скучно и бесцветно. Со слезами восторга прослушали речь Достоевского, и она успокоила их. Терпение ни к чему не обязывало мещан, но его можно было рекомендовать народу. Они, конечно, спокойно сложили бы бессильные, хоть и жадные руки, но совесть – эта на-кожная болезнь мещанской души – настойчиво указывала на необходимость вооружения народа оружием грамоты, и некая, небольшая часть их видела свое одиночество в стране, где так мало грамотных людей, которые могли бы играть для мещан роли слушателей,

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895–1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
собеседников, читателей, потребителей газет, книг и прочих продуктов высшей деятельности мещанского духа. Мещанин любит философствовать, как лентяй удить рыбу, он любит поговорить и пописать об основных проблемах бытия – занятие, видимо, не налагающее никаких обязанностей к народу и как нельзя более уместное в стране, где десятки миллионов человекоподобных существ в пьяном виде бьют женщин пинками в животы и с удовольствием таскают их за косы, где вечно голодают, где целые деревни гниют в сифилисе, горят, ходят – в виде развлечения – в бой на кулачки друг с другом, при случае опиваются водкой и во всем своем быте обнаруживают какую-то своеобразную юность, которая делает их похожими на первобытных дикарей... И так – мещане все-таки поняли необходимость увеличить свою армию и взялись за дело.

Раздался успокаивающий и довольный крик – истинно мещанский пароль: «Наше время – не время широких задач!»

И наскоро создали пошлый культ «мелких дел» – воистину мещанский культ. Какая масса лицемерия была вложена в этот культ и сколько было в нем самообожания!

Другая группа мещанства – быть может, более искренняя в своем желании оправдать печальный и постыдный факт своего бытия – пошла на зов Толстого. Началось «самоусовершенствование», этот жалкий водевиль с переодеванием. В стране, где люди еще настолько не разумны, что пахут землю деревянной сохой, боятся колдунов, верят в чёрта, – в этой грустной и бедной стране грамотные люди, юродствуя идеи ради, стали отрицать разум. Подвергли науку наивной и убогой критике. Отрицали искусство, отрицали красоту, одевались в крестьянское платье и неумелыми руками ковыряли бесплодную землю, всячески стараясь приблизиться к дикарю и называя это самоистязание «опрощением». Дикий, но совсем не глупый мужик смотрел на чудаков и пренебрежительно усмехался, не понимая мотивов странного и смешного поведения господ. Иногда, раздраженный своей тяжкой жизнью, выпивший водки, мужик обижал опрощенных, но они «не противились злу» и этим вызывали к себе искреннее презрение мужика.

Так вело себя мещанство совестливое, а масса его – жадная и наглая – открыто торжествовала победу грубой силы над честью и разумом, цинично добывая раненых. Она создала из клеветы, грязи и лицемерной угодливости победителю некий форт для защиты своего положения в жизни, в него засели довольно талантливые языкоблуды, на вербованные по преимуществу из ренегатов, и дружно принялись заливать клеветой и ложью все, что еще горело в русской жизни.

Погибли «Отечественные записки», и один из ренегатов проводил их в могилу гаденькой усмешкой:

– Пела-пела пташечка да замолкла. Отчего ж ты, пташечка, приуныла?

Эти потомки крови Иуды Искарриота, Игнатия Лойолы и других хриstopродавцев, охваченные болезненной жаждой известности, но слишком ничтожные для того, чтобы создать нечто крупное, скоро почувствовали свое бессилие быть вождями и сделали растлителями мещанства. Открыто брызгая пахучей слюной больных верблюдов на все мало-мальски порядочное в русской жизни, они более четверти века развращали людей проповедью ненависти к инородцам, лакейской услужливости силе, проповедью лжи, обмана, – и нет числа преступлениям их, нет меры злу, содеянному ими. Малограмотные и невежественные, они судили обо всем всегда «применительно к подлости», всегда с желчью неудачников на языке. Некоторые из этих желчных честолюбцев еще и теперь старчески ползают по страницам своей газеты, но это уже змеи, потерявшие яд. Безвредные гады, они вызывают только чувство отвращения к ним своими бессильными попытками сказать еще что-нибудь гнусное и развратное, еще раз подстрекнуть кого-то на преступление...

Но все это известно, и обо всем этом так же противно и стыдно говорить, как о насилии над женщиной, как о растлении ребенка, и хочется поскорее подойти к поведению мещанства сегодня, в наши трагические дни...

Однако справедливость побуждает указать, что наиболее жизнеспособные мещане шли и в революцию. Они понимали, что толкнутся в тесных развалинах старой тюрьмы, выстроенной подневольным трудом, у них не было определенной позиции в темном хаосе русской жизни, жизнь их была бесцветна и скучна. И они пошли в революцию охотно, но – как спортсмены-англичане ездят из Лондона на Каспий бить диких уток. Со временем мы увидим этих господ среди работников революции, где они,

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895–1906. Максим Горький gorkiy.maxim.ru вместе с господами Кукшиными, производят неприятный шум, вредную суету и путаницу, увидим, как они, органически с народом не связанные, чуждые ему, капризные в своих настроениях, быстро, как фокусники, меняли свои взгляды, вызывая этим тяжелые недоумения в головах своих учеников и отрицательное, враждебное отношение у рабочих к представителям пролетарской интеллигенции.

Рядом со всеми этими попытками маленьких, трусливых людей уклониться от суровых требований действительности в тихую область мечтаний или удобно встать где-либо с краю жизни в качестве зрителя, наблюдающего ее драмы, рядом с иезуитской суетой мещанства – бесстрастно шла железная работа капитала, математически правильно сортировавшего людей на две резко враждебных группы, а в красных корпусах фабрик и заводов, под гулкой шум машин, воспитывалась новая, могучая, истинно жизненная сила, та сила, которой ныне все мещане обязаны своим освобождением из тесной клетки государства и для которой они готовы создать другую клетку, попрочнее той, где они сами сидели. Мещанин в политике ведет себя, как вор на пожаре, – украл перину, снес ее домой и вновь явился на пожар гасить огонь, который он же сам тихонько раздувал из-за угла...

IV

В ту пору, когда мягкосердечные мещане осторожно пытались пронести во тьму народной жизни, мимо глаз стоокого цербера-государства, тускло горевшие светильники своих добрых намерений, в то время, когда ренегаты, опьяненные мстительной злобой, цинично плясали разнузданный танец торжества своего над могилами павших героев, а мещане, безразличные, наслаждались покоем и крепким порядком в серой мгле все победившей пошлости, – в эту пору государство снова хлопотливо стягивало грудь народа железными обручами рабства...

Дряхлый демон России, прокурор церкви Христовой, слуга насилия и апологет его, сладострастными руками фанатика вцепился в горло страны и душил ее и в безумии восторга кричал:

– Велико и свято значение власти! Она служит для всех зеркалом правды, достоинства, энергии!

И вводил церковные школы в дополнение к земским начальникам.

Это было нагло, но многие находили, что это сильно и талантливо, – иногда цинизм выгоден мещанам, они находят его красивым.

Власть, подобно Цирцею, превращает человека в животное. Стремление ко власти свойственно только людям ограниченным, только тем, кто не способен понять красоту и великую мудрость внутренней свободы, той свободы, которая не способна подчиняться и не хочет подчиняться. Властные люди вообще – тупы, а когда они могут действовать безнаказанно, в них просыпается атавистическое чувство предка-раба, и они как бы мстят за его страдания, но мстят не тем, кто заставляет страдать, а тем бесправным людям, которые отданы государством под власть его представителей, – а так как Россия слишком долго была страной рабов – в ней представители власти более, чем где-либо, разнузданны и жестоки...

Когда люди, незадолго пред этим чувствовавшие, что кто-то энергично вырывает власть из их рук, снова увидели себя владыками, – они бросились на страну, как звери, и ненасытно стали сосать кровь ее покорных людей, они вцепились жадными когтями в ее огромное неуклюжее тело и грабили, истязали, душили людей, как варвары-завоеватели, истощали ее, как бациллы гноя зараженный организм. Это было время буйного торжества животных, тем более злых, что еще недавно они трепетали от страха.

Страна, казалось, скоро задохнется.

Но, сгибаясь под тяжестью насилия, ослепленный невежеством, ленивый с отчаяния, народ жил и молча наблюдал. Тяжелая жизнь выработала в нем нечеловеческую выносливость, изумительную способность пассивного сопротивления, и под гнетом злой силы государства он жил, как медведь на цепи, молчаливой, сосредоточенной жизнью пленника, не забывая о свободе, но не видя дороги к ней.

Народ по природе сильный и предприимчивый, он долго ничего не мог сделать своими крепкими руками, туго связанными бесправием; неглупый, он был духовно бессилён, ибо мозг его своевременно задавили темным хламом суеверия; смелый, он двигался

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
медленно и безнадежно, ибо не верил в возможность вырваться из плена; невежественный, он был тупо недоверчив ко всему новому и не принимал участия в жизни, подозрительно косясь на всех.

И во что он мог верить? Все новое приходило к нему со стороны барина, давнего врага, и всегда в этом новом он должен был чувствовать нечто не для него, но против него. Когда он немного выучился грамоте и стал читать маленькие книжки, он чувствовал в них всегда одно: настойчивое желание господ видеть его добрым, трезвым, мягким.

«Все люди – братья, все равны!» – доказывали ему авторы книжек.

А вокруг него стояли исправники, земские начальники, становые, урядники – ели его хлеб, брали с него подати, секли его розгами, а за чтение книжек сначала просто били по зубам, а потом даже начали сажать в тюрьму.

«Не в силе бог, а в правде!» – утешали его добрые господа, а он, от применения к его спине силы, по неделям сесть не мог.

«Надо любить ближнего, как самого себя!» – убедительно, и даже порой красиво, поучали его люди из города, а их отцы и братья в деревнях старались возможно дешевле купить его труд и просили начальство сочинить пострее законы о найме сельскохозяйственных рабочих.

«Не бей свою жену, ибо она хотя и женщина, но тоже человек, учи детей грамоте, ибо «знание – радость, знание – свет», не пей водку – она разрушает организм, – и не воруй!» – говорилось в книжках.

Мужик читал это и видел: господа спокойно берут его жену на должность коровы – кормить ее молоком своих детей, его жена беременная моет за гривенник полы в усадьбе, дочь его при первом же удобном случае развращают, и вообще к жителям деревни господа относятся менее внимательно и бережливо, чем, например, к своим лошадям, собакам и другим домашним животным. Он видел, что господам действительно очень полезна грамота, но школа, устроенная ими для его детей, ничего хорошего не дает им, а только отбивает от работы. И видел, что господа, поучая его не пить водку, сами с большим наслаждением разрушают свои организмы и водкой, и вином, и обжорством, и развратом. И видел, что его кругом обокрали.

«Не будь жаден!» – говорили ему и всё повышали аренду на землю, всё понижали плату за труд.

Книжки резко противоречили всему складу мужицкой жизни, и поступки господ тоже противоречили морали книжек, написанных ими. В самом факте появления какой-то особенной литературы, нарочито сочиняемой «для народа», уже есть нечто подозрительное, как и вообще во всех действиях мещан, направленных к торжеству «общего блага».

Мещане – повторяю – во что бы то ни стало хотят жить в мире со всем миром, спокойно пользуясь плодами чужого труда и всячески стараясь сохранить то равновесие души, которое они называют счастьем.

Что же, кроме лжи и лицемерия, можно внести в «общее благо», обладая такой психологией? И это «общее благо», как его представляют себе мещане, – огромное, топкое болото, оно покрыто густой плесенью добрых намерений, над ним вечно стоит серый, мертвый туман лживых слов, а на дне его – задавленные люди, живые люди, обращенные в орудия обогащения мещан. Это «общее благо» пахнет кровью и потом обманутых, поработанных людей.

Жизнь ставит дело просто и ясно: общее благо невозможно, пока существует хозяин и работник, подчиненный и командующий, имущий и неимущий.

Или все люди – несмотря на яркое различие их душ – товарищи, политически и экономически равные друг другу, или вся жизнь – отвратительное преступление, гадкая трагедия извращенности, процесс, не имеющий оправдания...

Сколько ни кропи море духами, оно все-таки даст запах соли, и, конечно, немного бы сделали добрые мещанские книжки, если бы они учили только добродетелям, выгодным для мещан, и если бы, кроме книжек, не было других влияний, способных

По степям, мимо деревень, как гигантские железные черви, рассыпая огненные искры, с торжествующим грохотом поползли локомотивы и вагоны, пожирая хлеб мужика. Около деревень хмуро встали красные стены заводов и фабрик, угрожающе поднялись в небеса огромные трубы, черный дым кощунственно летел к жилищу бога, не боясь его гнева. В барских усадьбах явились машины, они сеяли, жали, косили, отнимая стальными руками работу у человека, и человек, чтобы не умереть с голоду, шел с поля в широко открытую жаркую пасть фабрики. Там вокруг него хлопотливо, шумно, правильно вертелись колеса, двигались поршни, зловеще гудело железо, и всё, все плоды земли, всё рожденное ею – камень, дерево и сама она – всё превращалось в золото и уходило куда-то далеко прочь от человека, оставляя его, истомленного, усталого, с одним куском хлеба и без копейки на старость.

Рев плавильных печей, визг станков, глухие удары молота, сотрясавшие землю, бесконечное движение ремней и всюду ярко пылающий красивый, веселый огонь – всё это было грандиозно, страшно, подавляло человека своей лихорадочной жизнью и невольно возбуждало в нем острый, разрушительный вопрос:

«Зачем так? Для кого?»

И он начинал понемногу догадываться, что весь этот механически правильно, но бессмысленно действующий ад создан и приведен в движение ненасытной жадностью тех людей, которые захватили в свои руки власть над всей землей и над человеком и всё хотят развить, укрепить эту власть силою золота. Они обезумели от жадности, сами стали глупыми и жалкими рабами своих фабрик и машин, своих векселей и золота, зарвались, запутались в сетях дьявола наживы, как мухи в паутине, и уже не отдают себе отчета – зачем все это им? – и не видят, отупевшие, не могут видеть возможности жить иначе – иной жизнью, красивой, свободной, разумной. Они плывут безвольно, как утопленники, в отвратительном потоке бессмысленной и противной суеты, окутанные едким дымом и запахом человеческого пота, окруженные жадным лязгом железа и стонами людей, которые служат при железе для того, чтобы увеличить золото в карманах мещан, – золото, умертвившее душу мещанина, – золото – металлического бога ограниченных и жалких людей.

Человек увидел и понял, что его руки создают все, а он не имеет ничего, кроме нищенского права съесть столько хлеба, сколько нужно, чтобы снова работать и, наконец, создав в течение жизни неисчислимое количество богатств, издохнуть с голоду. Человек задумался, потрясенный очевидностью кто он, создающий так много лишнего и не имеющий необходимого? Хозяин жизни или раб ее?

Человек работал на фабрике и видел, как из бесформенных кусков руды его труд создает машины и ружья, как бессильные, тонкие, робко дрожащие нити соединяются в плотную, крепкую ткань и веревки, – человек протестовал против жадности капитала и видел, что из ружей, им же сделанных, убивают его товарищей, что из веревок делают петли для его друзей.

Всюду вокруг ярко смеялся над ним красный, злобно веселый могучий огонь и возбуждал к жизни необоримую силу человека, мысль его. Капитал, раздевая его тело, превращал человека из раба – хозяина кусочка бесплодной земли – в свободного нищего, из пассивного страдальца, поражавшего мир терпением, в пылкого, упорного борца за свое право быть человеком, а не доходной статьёй мещан.

И он начал свою великую борьбу.

Жестокость богатства так же очевидна, как и глупая жадность его. Неразборчивый, как свинья, капитал пожирает всё, что видит, но нельзя съесть больше того, сколько можешь, и однажды он должен пожрать сам себя – эта трагикомедия лежит в основе его механики. Сила капитала – механическая грубая сила; этот ком золота, точно ком снега, брошенный под гору, вовлекая в себя всякую дрянь, увеличивается в объеме от движения, но само движение слепо, безвольно и не может иметь оправдания, когда оно давит и уничтожает миллионы людей...

По пути к самоуничтожению капитал, развиваясь, захватывает на служение своим интересам и государство, оно растворяется в нем, теряет свой животно-само-довлеющий характер власти ради власти, и короли ныне покорно служат

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
интересам фабрикантов и лавочников Капитал похож на чуму, которая одинаково равнодушно убивает водовоза и губернатора, священника и музыканта. И, как чума, сам по себе он не нуждается в оправдании бессмысленности своего роста, – механически правильно сортируя людей на классы, независимо от своей воли развивая их сознание, он сам создает себе непримиримых врагов, раздражая человека своей жадностью, как дурак раздражает быка красным Зло жизни, он не стесняется своей ролью, он цинично откровенен в своих действиях и, нагло говоря грохотом машин «все мое!», равнодушно развращает людей, искажает жизнь Таков он есть, он не может быть иным, и это хорошо, потому что просто, всем понятно и очень быстро создает в душе представителя гряда резко отрицательное, непримиримо враждебное отношение к представителю капитала.

Но для мещан капитал – идол, сила и неборимая власть, и они раболепно служат ему, довольные теми объедками, которые пресыщенное животное бросает им под стол, как собакам. Они не обижаются на это – чувство человеческого достоинства не развито у мещан, – ослепленные блеском золота, они служат господину не только из страха пред силой его, но уважая силу, и не только служат, что естественно, ибо и мещанин любит есть много и вкусно, но подслуживаются, что уже противно. Мещане всегда моралисты, и вот, сознавая моральную наготу своего кумира, смутно чувствуя преступность его бытия, они пытаются подложить смягчающие вину философские основания под этот процесс насилия, истязания и убийства миллионов людей ради накопления золота в карманах десятков. И, доказывая право капитала грабить, убивать, они думают скрыть факт своего соучастия в грабежах и убийствах.

«Иначе – нельзя!» – говорят они.

«Можно!» – отвечают им социалисты.

«Ах, это мечта!» – возражают мещане и снова жульничают, всюду выискивая доводы, способные подтвердить вечную необходимость деления людей на богатых и бедных и неизбежность такого порядка, одинаково унижающего и рабочего, и капиталиста, и самих мещан.

Эти жалкие попытки трусливых холопов остановить колесницу истории гудами лживых слов, брошенных по пути ее движения, иногда действительно замедляют ход жизни, затемняя и запутывая медленно растущее в массе народа сознание своего права, и вот почему нужно всегда помнить, как свое имя, что истинный враг жизни не капитал – стихийная, глупая, безвольная сила, – а холопы его, почтенные мещане, желающие в интересах своего личного счастья доказать массам народа невозможность иного порядка жизни, примирить рабочего с его ролью доходной статьи для хозяина и оправдать жизнь, построенную на порабощении большинства меньшинством...

Роль примирителя – двойственная роль, и мещанин – вечный пленник внутреннего раздвоения. Все, что он когда-либо выдумал, носит в себе непримиримые и подлые противоречия. Он в одно время дает человеку бутылку водки и книжку о вреде алкоголя, взимая с того и другого товара известный процент в свою пользу. Он говорит о необходимости строить тюрьмы гуманно. Признавая женщину всячески равной мужчине, он из соображений «реальной политики» – то есть политики скорейшего и во что бы то ни стало установления твердого порядка – лишает ее права голоса, несмотря на то, что его супруга, вероятно, не менее, чем он, жаждет торжества порядка и равновесия души. Он готов приять в свои объятия свободу, но обязательно в качестве законной супруги, дабы «в пределах законности» насиловать ее, как ему угодно. Он обладает, как все паразиты, изумительной способностью приспособления, но никогда не приспосабливается к истине. Он способен видеть и принять только правду факта, и ему чужда и непонятна правда человеческого стремления к творчеству фактов.

Всего ярче открывается его пестрая, искаженная холопством пред силой, отравленная неустанной жадной покоем и довольства, маленькая, скучно честолюбивая, липкая душа в эпохи народного возбуждения, когда он, серый, суетливый и жадный, жутко мечется между черным представителем гнета и красным борцом за свободу, стараясь скорее понять – кто из этих двух победит? Где сильнейший, на чью сторону он мог бы скорее встать, дабы водворить порядок в жизни, установить равновесие в душе своей и урвать кусок власти?

Жалкое существо, и, если б оно не было так вредно, о нем не следовало бы говорить, но о нем необходимо говорить больше всего, как это ни противно.

Мещане – лилипуты, народ – Гулливер, но если его запутать всеми нитками лжи и обмана, которые находятся в руках этого племени, он должен будет потратить лишнее время для того, чтобы порвать эти нитки.

Наши дни не только дни борьбы, но и дни суда, не только дни слияния всех работников правды, свободы и чести в одну дружину непобедимых, но и дни разъединения со всеми, кто еще недавно шел в тылу армии пролетариата, а теперь, когда она одержала победу, выбегает вперед и кричит:

«Это мы победили! Мы – представители народа! Пожалуйста, давайте нам место, где бы мы могли сесть, чтобы торговаться с вами. Мы продаем русский рабочий народ – сколько дадите?»

Они, вероятно, скоро продадут, потому что просят дешево...

По поводу

Мне присланы разными лицами несколько писем, – все они написаны в истерическом, воющем тоне, со страниц их брызжет темный, жуткий страх. Ясно чувствуешь – те, кто писал, переживают тяжёлые дни и часы, видишь, что много мучительно острых мыслей режет их сердце, пугает их сон.

«...Что случилось с этим добрым русским народом, почему он вдруг стал кровожадным зверем?» – спрашивает дама, приславшая письмо на дорогой, пропитанной духами бумаге.

«Забыт Христос и его учение, поругана проповедь любви, нет уважения к человеку...» – мрачно сообщает «дворянин Ф.» из Сум. И осведомляется: «Вы довольны?»

«Где же плоды проповеди любви к ближнему, где влияние школы и церкви? – спрашивает Х.Бровцын из Тамбова. – Одни ругаются и грозят смертью, другие только жалуются и вопят, все взволнованы, всем тяжело и больно, всем жутко жить в эти великие трагические дни».

Я не могу отвечать каждому порознь и отвечаю всем сразу.

Наступили дни возмездия, господа, дни расплаты за ваше преступное невнимание к жизни народа. Всё, что вы чувствуете, всё, что вас мучает, – вы заслужили. И я могу только одно сказать вам, одного пожелать – чтобы ещё глубже, ещё с большей силой вы впитали, поняли, пережили весь ужас этой жизни, созданной вами. Пусть сердца ваши дышат страхом, пусть кошмары давят ваш сон, пусть всё безумное и жестокое, что творится в нашей стране, жжёт вас, как огонь, – вы стоите этого. Это или погубит вас или – быть может – очистит от грязи и пошлости всё честное и здоровое, что осталось в душе вашей, которую вы так мало берегли, наполняя её жадностью, властолюбием, ложью и всяческой скверной.

Сударыня! Вы хотите знать, что случилось с народом? У него лопнуло терпение. Он долго молчал, долго неподвижно подчинялся насилию, он терпеливо держал всю вашу жизнь на своей спине раба, и вот – больше не может! Он сбросил ещё далеко не всю тяжесть, насильно возложенную на него, – вы рано испугались, сударыня!

И почему бы – давайте говорить откровенно – почему не быть ему зверем? Что сделали вы для того, чтобы он не был таким? Вы чему-нибудь разумному научили его, что-нибудь доброе посеяли в душе его?

Вы всю жизнь только брали его труд, его последний кусок хлеба, брали легко и просто, не понимая, что вы берёте; вы жили, не спрашивая себя, чем, чьей силой вы живы. Вы дразнили голодного и нищего богатством ваших нарядов, когда жили на даче, около мужиков, вы смотрели на них как на людей низшей расы. Они всё это понимали. Они довольно чуткие люди и не очень уж злые, но вот вы разозлили их наконец. Это ведь очень просто: пируя на глазах нищих, нельзя ожидать от них благодарности; ваше пение, ваша музыка не могли облагородить голодного, ваше снисходительно брезгливое отношение к мужику не могло воспитать в душе его уважения к вам. Что вы сделали для него? Вы позаботились о том, чтобы он был мягче сердцем? Вы ожесточали его. Вы хотели, чтобы он был умнее? Вы не думали об этом. Мужик был для вас рабочее животное, иногда вы забавлялись им, как дикарём, вы никогда не смотрели на него как на человека, что же удивительного, что он зверь для вас?

Сударыня! В вашем вопросе не только ваше незнание жизни, в нём есть и лицемерие грешника, который уже чувствует, что согрешил, но ещё не хочет искренно покаяться.

Вы знали, вы не могли не видеть, как живёт мужик. Человек, которого бьют, рано или поздно даст сдачи; человек, которого не жалеют, не может жалеть, – это ясно. Хуже – это справедливо. Поймите меня – ужас не в том, что бьют, а в том, что не могут не бить, не в том ужас, что не жалеют, а в том, что не могут жалеть.

Как можете вы искать жалости в сердце, где вами посеяна месть?

Сударыня! В Киеве добрый русский народ выкинул из окон дома Бродского вместе с мебелью гувернантку и бережно сохранил канарейку в клетке. Подумайте над этим – маленькая жёлтая птица вызвала что-то вроде сострадания к себе, а человек был выкинут из окна. Сострадание, видимо, есть, но человек, должно быть, не заслужил его – вот где ужас и трагедия. Сударыня! Уверены ли вы в своём праве требовать, чтобы с вами обращались, как с человеком, если вы сами всю жизнь относились к человеку без жалости, без сострадания, не признавая в нём равного себе?

Вы пишете письма, вы грамотны; вероятно, вы читали книги, изображающие жизнь мужика? Чего вы хотите от него для себя, если, зная, как он живёт, вы не могли изменить его жизнь к лучшему? И вот он изменил вашу жизнь к худшему, заставив вас дрожащей от страха рукой писать полные отчаяния письма к человеку, который – вы бы должны это знать – не захочет рассеять ваш страх, не захочет утешать вас, нет!

Везде естественно. Мы живём в стране, где людей до сего дня секут, хлещут нагайками, забивают палками до смерти, где ломают рёбра, бьют по лицу ради забавы, где нет предела насилиям над людьми, где формы мучений разнообразны до отвращения, до безумного стыда. Народ, воспитанный в школе, так похожей на лубочное изображение адских мук, народ, воспитанный кулаками, розгами и нагайками, не может быть мягкосердечен. Человек, которого в участке топтали ногами, становится способен топтать ногами подобного себе. В стране, где так долго царил бесправие, трудно народу сразу признать силу права, невозможно требовать справедливости от него, незнакомого с нею. Это надо понять, это так же просто, как жестоко. Всё естественно там, где обществом и вами, сударыня, допускались без протеста все ужасы насилия над людьми. Люди теперь глубже чувствуют, и косою взгляд брошенный вами сегодня на вашу горничную, равен пощёчине, которую давал ваш отец своему лакею пятьдесят лет тому назад. Люди растут, и растёт в них чувство достоинства, но с ними обращаются всё ещё как с рабами, и животное не исчезает в них.

Сударыня! Не требуйте от людей того, чего вы им не давали. Вы не имеете права на сострадание, ибо вам оно неведомо. Народ мучили и мучают все, кто имел и имеет один золотник власти над ним. Теперь, когда наше бездарное правительство довело страну до анархии, все её тёмные силы почувствовали призрачность той власти, которая давила их века, и вот они поднялись, встали и мстят всем за всё, что вытерпели в долгую ночь бесправия.

Но есть в стране другая, светлая сила, озарённая великой мыслью, охваченная яркой мечтой о царстве справедливости, свободы, красоты... А впрочем, сударыня, тому, кто родился слепым, я не могу передать на словах красоту и величие моря...

Люди, которые говорят и пишут о любви к ближнему, всегда были глубоко противны мне, как лицемеры и лгуны, – я слишком хорошо знаю жизнь для того, чтобы верить им.

Эх, господа! Имейте мужество быть правдивыми! Ведь всё так ясно, так понятно.

Когда вы говорите о любви, вы вашей сладкой речью хотите только заговорить зубы ваших ближних, оскаленные голодом и злобой, вам кажется, что, смягчив любовью сердца озлобленных и угнетённых вами, вы можете ослабить силу их справедливой мести. Вы лицемерите, когда зовёте братьями людей, которых вы поработили, вы лжётё, проповедуя любовь тем людям, в сердцах которых вы сами же посеяли зависть, ненависть и злобу. Вы искренни, конечно, когда советуете ближним вашим: любите нас. Но вы скрываете за этими словами другие, более правдивые слова: несите

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895-1906. Максим Горький gorkiyamaxim.ru
терпеливо, не возмущаясь, без ропота тяжёлый гнёт труда, унижения, нищеты, возложенной нами на ваши спины. Но вы все нагло лжётё, когда говорите своим рабам: мы тоже любим вас.

Рабов – нельзя любить! Их можно только презирать или бояться.

И вот вы учите рабов любви из страха перед ними.

Евангелие? Его страницы давно захватаны грязными руками насильников, правда его стёрта лицемерами, но вы и за него хватаетесь как за оружие для защиты своей от прилива справедливости, облечённой в такие жестокие формы вашей ложью, вашим лицемерием.

В сердцах у вас нет любви, там тесно улеглись три стооких жабы, ревниво охраняющие дремотный ваш покой и равновесие души от вторжения жестокой правды жизни и творческого чувства, в сердцах у вас три цербера – Жадность, Пошлость, Ложь.

И нет у вас уважения к человеку – как можете вы уважать другого, когда не уважаете себя?

Я не оправдываю жестокости, которую вы сами сделали законом жизни, я только говорю, что в стране, где все вы так долго допускали произвол и насилие, – в этой несчастной стране среди вас нет правых, нет достойных сострадания...

По поводу московских событий[91]

Революцию у нас делали так: 6 декабря господин Дубасов заявил москвичам с балкона генерал-губернаторского дворца, что он прибыл в Москву нарочито для укрепления самодержавия и что при нём «крамола не посмеет поднять голову».

Изложив столь кратко и остроумно свою программу спасения Москвы от когтей крамолы, сей государственный муж тотчас же приступил к нарушению манифеста 17 октября и полному искоренению всего, к чему московский обыватель уже успел привыкнуть, несмотря на краткий срок пользования «свободами», их внутреннюю хилость и внешнюю незащищённость.

Драгуны и жандармы начали ревностно разгонять с улиц гуляющую публику, а обыватель стал сердиться. Многие думают, что баррикады начали строить революционеры; это, конечно, очень лестно, но не вполне справедливо – баррикады начал строить именно обыватель, человек внепартийный, и в этом соль события. Первые баррикады на Тверской строились весело, шутя, со смехом, в этой весёлой работе принимали участие самые разнообразные люди, от солидного барина в дорогом пальто до кухарки и дворника, недавнего «оплота твёрдой власти». Баррикады строила типичная «гуляющая публика», и, глядя на неё, можно было с уверенностью сказать, что она не отдаёт себе ясного отчёта в своём деянии, она была возбуждена скотской грубостью драгун, глупой заносчивостью жандармов и полиции, и, создавая на улице препятствия для лошадей храброй конницы, она хотела позлить её – не больше. Если с этого момента обывателя следует наименовать революционером, Россия должна благодарить за такую метаморфозу государственный такт сухопутного адмирала. Поначалу события имели характер добродушный – всякий серьёзный человек не может не понять, что московский обыватель, создающий баррикады, – это есть нечто юмористическое, но мудростью московской власти в лице господина Дубасова оперетта немедленно была превращена в трагедию, истинное значение которой никто не в состоянии теперь же оценить правильно, – так оно глубоко и огромно.

Драгуны дали залп по баррикаде – несколько человек ранено, двое или трое убиты – вопль возмущения, единодушный крик мести, и сразу всё изменилось. За последнее время мы все много пережили, самооценка русского человека несколько повысилась, – с этим нужно считаться, – и теперь он уже не так охотно, как прежде, позволяет себя бить и расстреливать. После залпа обыватель начал возводить баррикады не играючи, а серьёзно, желая оградить свою жизнь от господина Дубасова и его драгун. С этого же момента в дело вступают боевые дружины, но их численность была далеко не так велика, как об этом писали. Разделившись на группы в пять–десять человек, более и менее, они вступили в перестрелку с драгунами и, само собою разумеется, не могли одновременно и стрелять и строить баррикады. Обыватель защищал их от пуль, они его от шашек и нагаек, и это-то своеобразное сотрудничество, вероятно, не будет отрицать господин Дубасов, как невозможно

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru отрицать частых случаев бегства драгун от огня дружинников. Надо думать, московским властям известно, что в ответ на их распоряжение закрывать ворота домов обыватели-домовладельцы тотчас же отдали ворота для устройства баррикад.

Господин Дубасов немедленно двинул в дело артиллерию. Мера решительная, но почему она необходима? В городе, где сосредоточен целый корпус гренадёр, несколько сотен казаков и много войск специальных родов оружия, можно бы не сразу действовать шрапнелью. Но что было, то было. Кровь, так обильно и бессмысленно пролитую господином Дубасовым, не сотрут никакие объяснения. Его поведение – поведение человека безумного или же доведённого страхом до отчаяния. Он, например, отдал распоряжение стрелять в санитаров – вероятно, международный «Красный Крест» обратит внимание на это варварство и оценит его как следует. На предложение известного капиталиста Зимина открыть у себя в доме перевязочный пункт господин Дубасов ответил угрозой разнести дом Зимина до основания. Такое зверство едва ли характеризует адмирала как нормального человека.

Внешняя война с революционерами – ещё вчера мирными жителями, жадно ожидавшими какого-либо «порядка», – происходила так: из манежа, где помещался штаб правительственных войск, выезжала такая процессия: впереди, рассыпным строем, сводная полурота от различных полков – очевидно, для того, чтобы солдаты не были знакомы друг с другом и не обнаружили какой-либо преступной солидарности. За этой полуротой, гуськом по одному, драгуны, за ними батарея артиллерии, снова драгуны как прикрытие и, наконец, пожарная команда.

Выезжая на площадь вблизи забаррикадированных улиц, солдаты громко кричат:

– Эй, расходись! Стрелять будем!

Публика, иногда молча, иногда со свистом и нелестными криками по адресу воинов, но всегда одинаково медленно и неохотно, расходится. Если она слишком медлит – солдаты стреляют. Особенной охоты попадать в людей они, как мне казалось, не обнаруживали. Разогнав публику, начинали стрелять с площади вдоль улиц по баррикадам. Разрушив одну, разрушали другую. Дружинники, конечно, не защищали баррикад, – было бы смешно идти против пушек с револьверами. И эта пальба по пустым баррикадам продолжалась целые дни до поздней ночи. Ездят по городу печальные, молчаливые, серые отряды и, осыпая улицы свинцом, убивают издали мирных зрителей этой удивительной по нелепости и жестокости бойни... С домов сыплется штукатурка, в окнах лопаются стёкла, падают карнизы, трещат стены. Обыватель погибал десятками и сотнями, но, когда утомлённые и голодные воины уходили на ночь в манеж, – москвичи снова строили баррикады. Поутру всё начиналось сначала: бухали пушки, падали люди, разрушались дома, и всё росла ненависть...

Пока своей мудрой деятельностью господин Дубасов доказал одно – возможность у нас вооружённого восстания, в чём многие сомневались.

А затем этот мудрый стратег как нельзя лучше, быстро и глубоко революционизировал московских буржуа.

[К рабочим всех стран]

Товарищи! Борьба против гнусного притеснения несчастных есть борьба за освобождение мира, жаждущего избавления от целой сети грубых противоречий, о которые разбивается [всё человечество], полное чувства горечи и бессилия. Вы, товарищи, храбро пытаетесь разорвать эту сеть, но ваши враги настойчиво хотят возвратить вас к ещё большему ограничению. Ваше оружие, ваш острый меч – правда, оружие же врагов ваших – ложь. Они, ослеплённые золотом, преклоняются пред его могуществом и не видят великих идеалов единения всего человечества в одной большой семье свободных тружеников. Этот идеал сверкает, как звезда, и поднимается всё выше и ярче светит во мраке бури. Видя могучее движение масс к свободе и свету, они, дрожа от ужаса, тщетно утешают себя надеждой победить справедливость и прибегают к последнему средству, к клевете, представляя пролетариат толпой голодных зверей, способных только безжалостно разрушать всё встречающееся им на пути. Они превратили религию и науку в оружие вашего порабощения. Они придумали национализм и антисемитизм – этот яд, которым они хотят убить веру в братство всех людей. Их бог однако существует только для буржуазии, для того, чтобы караулить её имущество.

В России началась революция, – они же представляют русский пролетариат

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895–1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru оклеветанным как бессознательную грубую силу, орду варваров, не способную ни на что другое, кроме анархии.

Я обращаюсь к вам как человек, вышедший из народа и который никогда не потеряет с ним связи. Я обращаюсь к вам как беспристрастный свидетель борьбы русского пролетариата за политическую свободу, которая ему необходима. Манифест 17 октября был вырван у правительства силою пролетариата. Этот акт не был милостью народу, это было его завоевание. Вот правда. Если бы наше правительство истинно ценило интересы страны, оно, без сомнения, приняло бы все меры к тому, чтобы этот манифест по всей России получил бы прочность непоколебимого закона. Но наше правительство, привыкшее к самоволию и пренебрежению законами, поглощено другой мыслью – укрепить свою власть, которую оно находит настолько выгодною, чтобы защищать её во что бы то ни стало. Итак, сейчас же после опубликования манифеста губернаторами и некоторыми высшими чинами был составлен заговор против народа, – заговор, воспользовавшийся лживым мнением как оружием, что, мол, русский народ ещё не в состоянии понять сущности политической свободы и не умеет пользоваться ею. Этот заговор был открыт в печати одним из участников его. Результатом же этого заговора были зверские убийства несчастных евреев, интеллигентов и рабочих. Вы читали статьи, описывающие поступки администрации. Вы знаете, что она совершила преступления, подобных которым нельзя найти в истории человечества, и мы напрасно искали бы названия им. Вы, конечно, прекрасно понимаете, что если говорят о русской анархии, то настоящей причиной её является тоже русское правительство, во главе которого стоит С.Витте.

Говорят, что европейская и американская буржуазия считает его великим государственным деятелем. Я не знаю, правда ли это... Я считаю, что его проект отдачи наших железных дорог под залог иностранным капиталистам может быть назван турецкой политикой. В России этот проект не может одобрить даже последний кретин.

Правительство Витте, начиная с 17 октября, открыто и дерзко вызывало русский народ, стремясь дискредитировать революцию, натравливая одну национальность на другую, класс на класс, деревню на город и друг на друга. Всё это со временем будет рассказано будущим историком, если он захочет быть вполне объективным. Тот, кто говорит, что правительство стремится успокоить народное возбуждение, вызванное современными несчастьями, говорит ложь. Все поступки и действия нашего правительства, начиная с 17 октября и до сего дня, – открытое разрушение прав, завоеванных народом, и мы имеем основания верить, что это разрушение было сознательное и преднамеренное, чтобы раздражить народ, возбудить вооружённое восстание и иметь предлог подавить своей армией всякое проявление революции. Анархистский план из Петербурга, которым желали сокрушить силу пролетариата, прежде чем он соединится и организуется для открытой борьбы, до известной степени удался. Возмущение в Москве и других городах явилось следствием провокаторской деятельности правительства, открыто издевавшегося над законом. Адмирал Дубасов, назначенный московским генерал-губернатором, нагло заявил, что он употребит все усилия восстановить самодержавие, нарушенное 17 октября. И в этом заявлении нужно видеть начало Московского восстания. Но правительство грубо ошиблось, и плоды этой ошибки будут для него горьки.

На улицах Москвы инстинкт и эгоизм сражались рядом с сознанием. И сражались ожесточённо, [одни], как дикие звери, другие, как истые революционеры, героически, как люди, одухотворённые идеей. «Пролетариат побеждён. Революция подавлена», – с радостью кричала реакционная пресса. Но радость преждевременная: пролетариат не побеждён, хотя и понёс потери. Революция укреплена новыми надеждами, кадры её увеличились колоссально... Русское правительство одержало победу Пирра благодаря недостатку понимания людей; своей беспомощностью и зверствами оно толкнуло налево умеренные элементы, и я уверен, что оно будет толкать и дальше в этом направлении. Русский пролетариат подвигается вперёд к решительной победе, потому что это единственный класс, морально сильный, сознательный и верящий в своё будущее в России. Я говорю правду, и эта правда будет подтверждена честным и беспристрастным историком.

Да здравствует пролетариат, смело стремящийся к обновлению мира! Да здравствуют рабочие всех стран, руками которых созданы богатства народов и которые стремятся теперь [создать] новую жизнь! Да здравствует социализм – религия рабочих! Привет борцам, привет рабочим всех стран, пусть они всегда сохраняют свою веру в победу истины и справедливости! Да здравствует человечество, соединённое великими идеалами равенства и свободы!

Не давайте денег русскому правительству!

Когда правительство теряет доверие народа, но не уступает ему своей власти, – оно становится только политической партией.

Когда такая политическая партия идёт против здравого смысла народа, отрицающего её, и, стремясь подавить это отрицание, употребляет насилие, – всякий разумный и честный человек должен сказать, что подобная борьба против воли народа – преступна, что данная партия ставит свои корыстные интересы выше интересов всей страны.

Русское правительство есть только политическая партия, лишённая моральной связи с русским народом и враждебная ему по своим задачам, – это должно быть понятно всем неглупым людям, наблюдающим за жизнью России...

Русский народ тяжёлым и горьким опытом убедился, наконец, что правительство неуклонно ведёт страну к гибели, он восстал против политики разорения России и бессмысленных авантюр, он восстал и потребовал контроля над действиями лиц, правящих его судьбой.

Под напором народного протеста правительство уступило его воле и обещало ввести в России конституцию, дабы поставить её на широкий путь свободного развития духовных сил народа, на путь экономического прогресса.

Но тотчас же, видя недостаток организации и дисциплины в народных массах, оно пожелало возратить себе утраченную власть и, пользуясь своим административным аппаратом, с варварской простотой приёмов приступило к восстановлению своей власти.

За время с 17 октября по сей день приговорами военных судов предано смертной казни 397 человек, арестовано и выслано в Сибирь 18 тысяч, закрыто 79 газет в провинциях и 57 в столицах. Сколько расстреляно народа вообще в России, это трудно сказать, но следует считать тысячами. (достаточно указать, что один генерал Орлов при усмирении Прибалтийского края расстрелял, по официальному отчёту, 621 человека – прим. М.Г.).

Эти аресты, ссылки, казни, эти реки горячей крови народа вырыли ещё глубже пропасть между ним и партией насильников, всё это ещё выше приподняло революционное настроение. Голод в 22 губерниях тоже помогает росту ненависти к правительству.

Сила народа – растёт. Всё более развивается в массах ясное сознание своего положения, всё определённое встаёт пред глазами единственный выход из него. В крестьянских и рабочих массах возникают организации, развивается дисциплина. Давление – сплачивает. Сто сорок миллионов разумных существ постепенно и быстро сливаются в одну волну, дабы нанести решительный удар злой и тёмной силе, так долго порабоцевавшей его.

Сила правительства – его армия. Но она уже дезорганизована и дезорганизуется всё более. Солдат не может спокойно подчиняться начальнику, когда он знает, что у него в деревне мать и отец умирают с голода, что при малейшей попытке к протесту – их секут нагайками, рубят шашками и расстреливают, как зверей, такие же жалкие серые люди, как он сам. Из Маньчжурии войска возвращаются разоружёнными и под конвоем.

Партия, именующая себя русским правительством, всё-таки ещё может опереться на армию, но она уже и теперь не имеет денег для борьбы с народом. И вот она обращается к Европе. Европа говорит:

«Сначала я хочу видеть у вас порядок, потом я вам дам денег...»

Под давлением необходимости иметь деньги русские власти устраивают гнуснейшую комедию народного представительства. Честные люди, искренно и бескорыстно желающие добра стране, посажены в тюрьмы, высланы в Сибирь, всеми способами устранены от выборов. Выборы всюду идут под давлением полиции или тех людей, которые зовут себя «монархистами». Те из них, которые не служат в тайной полиции, не лучше тех которые служат в ней. За деньги они не только Христа продадут, – Сатану признают главой церкви. Если этим «монархистам» перестать

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
давать деньги – завтра же большинство из них будет врагами правительства. Связи с народом у них нет и не может быть.

Народ понял эту грубую комедию, он ясно видит, что Дума – декорация, которую хотят обмануть Европу, чтобы достать из её карманов денег на борьбу же с ним. Он не хочет Думы, в которую желают посадить на роли представителей его желаний каких-то тёмных людей, не известных ему. Там, где его полиция гоняет на выборы нагайками, он выбирает мошенников, угодных правительству, там же, где есть хоть малейшая свобода, – он выбирает только тех, кто уже сослан в Сибирь или сидит в тюрьме за свои политические убеждения.

Он выбирает также глухонемых, остроумно идя навстречу желанию своего правительства, которое хотело бы наполнить Думу восковыми фигурами, деревянными болванами, чем угодно – только не честными людьми.

И в то же время народ вооружается. Он видит, что нужно драться, если ему не уступят. Он будет драться.

И, разумеется, он победит.

Не давайте ни гроша денег русскому правительству! Оно не имеет связи с народом, миллионы людей уже осудили его на гибель.

Оно почти триста лет держало русский народ в диком невежестве, создав из него огромный, глупый, тяжёлый кулак, который уже несколько раз поднимался над головами народов Европы в то время, когда они шли к свободе, – поднимался и останавливал их на пути. Этот кулак всё ещё висит над вами, вызывая всюду страшное напряжение милитаризма, бессмысленную трату средств на броненосцы и пушки.

Оно даже из религии создало средство для травли инородцев, дубину для истребления иноверцев.

Понимают ли еврейские банкиры Европы, что они дают деньги в Россию на организацию еврейских погромов?

Если они это понимают, – их преступление равно разве только их жадности к наживе. История готовит для них заслуженную ими тяжёлую пощечину.

Нет, не нужно давать денег той анархической партии, которую Европа по недоразумению, продолжает считать русским правительством, – эти деньги пойдут на убийства. Не давайте денег насильникам над духом и телом русского народа!

Мне так трудно представить, чтобы культурная Европа, видя, как варварская власть, обезумевшая от страха потерять своё положение в стране, давит, душит, убивает тысячи людей, хотела помочь этой власти в её преступлениях.

И неужели Европу так мало беспокоит простая мысль, что ведь небезопасно иметь своими соседями сто сорок миллионов людей, которых всячески стараются превратить в животных, упорно внушая им вражду и ненависть ко всему, что не русское, воспитывая в них жестокостью – жестокость ещё большую, насилиями – страсть к насилиям ещё более грубым?

Когда то народы Европы ходили далеко на восток освобождать гроб господень из рук мусульман. Теперь на глазах Европы искажают и грязнят душу великого народа, вместилище бога живого.

К этому преступлению относятся равнодушно. Более: готовы дать злой силе, угнетающей русский народ, средства для дальнейшего угнетения.

Вероятно, люди неясно представляют себе то, что они делают в данном случае. Тем более, что ведь в конце концов придётся иметь дело не с партией, именующей себя русским правительством, а с русским народом.

Ибо – он победит.

Не давайте же денег партии Романовых для борьбы за свою власть, у них есть своё,
Страница 179

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895–1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
личное золото.

Я говорю о тех деньгах, которые лежат в английском банке и которые Англия, вероятно, давала японцам на войну с Россией.

Не давайте денег в руки варваров, политика которых всегда была враждебна культурным стремлениям Европы.

Как они заплатят вам?

Россия ограблена ими. Покупательная способность народа – ничтожна, его промышленность не развита, земля истощена, её мало. Народу предстоит долгие годы борьбы за своё освобождение – годы, если вы будете давать деньги партии Романовых для борьбы с русским народом.

Не делайте исторического преступления, ещё никем не сделанного, – преступления бессмысленного столь же, как и позорного.

Не давайте Романовым денег на убийства...

Я думаю, что мой голос дойдёт до сердца каждого честного человека. Не для всех же рента – дороже человека?

Я верю в истинную культурность европейца. Он всегда рисуется мне стоящим на высоте, пред ним открыта вся жизнь мира, ум его обширен, сердце отзывчиво к стонам людей, и его честные глаза видят правду везде, как бы глубоко ни скрывали её те, для кого она враждебна.

Неужели моё представление ошибочно и наивно, неужели, ставя европейца так высоко, я ставлю его только в неловкое и смешное положение?

Письмо Анатолю Франсу
Искренно уважаемый мною собрат по оружию!

Когда я узнал, что во Франции образовалось «Общество друзей русского народа» – этот день был днём моей великой радости.

Для меня земля – гордое сердце вселенной, искусство – огненное сердце земли, люди искусства – фибры её сердца.

Искусство чувствует за всех, грустит со всеми, оно – неиссякаемый источник любви и правды, справедливое, как солнце, оно, воспевая героя, печально любит и ничтожного, оно есть Мать, для которой все люди мира – маленькие, горячо любимые дети.

И только для людей искусства воистину – нет эллина, нет иудея! Для них человек прежде всего – душа, душа печальная и мятежная, душа, искажённая жестокостью скверно созданной жизни. Трагически раздвоенный насилиями над его духом со стороны отвратительных маниаков, которые считают себя призванными небом, чтобы управлять судьбами народов, – каждый человек для искусства – неисчерпаемый источник мудрости и поэзии, великого и жалкого, горя и пошлости.

Да, только люди искусства – всегда верные рыцари на страже вечной красоты, истины и справедливости, вот почему только они – истинные аристократы мира!

Вот почему, когда я увидел в списке друзей русского народа Ваше блестящее имя, имя острого Мирбо, Стейнлейна, чьи рисунки улицы и жизни дали мне много красивой печали и гневного смеха, Ланглуа, Сеньобоса, Клемансо, – всё это люди, которых я давно знаю и привык уважать, – вот почему, говорю я, я обрадовался пылкой радостью сердца.

Ибо Ваше отношение к русскому народу не только подтверждает мою веру в силу искусства – оно воскрешает в мире великую мечту о братстве народов.

Дорогой собрат!

Каждая народная масса есть источник чудесных возможностей, в каждой стране, под гнётом труда и насилия, гибнут, быть может, десятки гениев, сотни великих людей,

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895–1906. Максим Горький gorkiy.maxim.ru
всем народам необходима полная свобода приобщения ко всему, что создано и создаётся творческой работой духа.

Каждая страна в наши дни – женщина, которую насилуют животные, вот почему она так много родит уродов, так редко – великих людей.

Больше свободы народам, если мы хотим видеть жизнь достойной человека, прекрасной и радостной! Вот лозунг для всех, кто любит жизнь.

Моя родина – страна невыразимых, безумных, зверских насилий над человеком, – моя родина становится кошмаром всего мира.

Молодая страна, ещё не жившая свободной духовной жизнью, она многое может дать миру, если освободится от гнёта бездарной и грубой силы, убивающей её душу.

Я знаю русский народ и не склонен преувеличивать его достоинства, но я убеждён, я верю – этот народ может внести в духовную жизнь земли нечто своеобразное и глубокое, нечто важное для всех.

Придавленный к земле своекорыстными стремлениями Романовых утвердить свою власть, расшатанную их бездарностью и жестокостью, ныне мой народ поднимает голову, он хочет открыто бороться за свою свободу со зверями – владыками его судьбы.

Он понял, наконец, что, если будет молча терпеть и далее, – он погибнет, из него высосут всю кровь, раздавят ему грудь, убьют сердце.

Он понял, кто его враг, он нашёл своих друзей и верит им, он видит, где источник его горя, он чувствует свою силу, он – победит. Примирение между ним и его правительством с каждым днём становится всё более невозможным, и это ясно чувствуют обе враждующие стороны.

Всё честное, смелое, искреннее дружно встало на сторону народа – все чувствуют, что только его сила может спасти страну от гибели, и даже священники, старые враги его, идут ныне во главе крестьян-революционеров.

А бездарное, выродившееся семейство Романовых, желая во что бы то ни стало удержать в своих руках власть над страной, обезумевшее от страха потерять эту власть, окружает себя всем, что есть в России подлого, зверского, позорного.

Посмотрите – ни одного даровитого, даже ни одного просто приличного человека не выдвигает русское правительство на защиту интересов своего дома, только тёмные люди, изверги, лишённые сердца, животные без разума, стая хищных птиц, почуявших запах трупов, суетится и вьётся около трона, утопающего в крови народа.

Правительство потеряло не только честь и разум, оно лишилось даже чувства простой брезгливости: министр Дурново, публично обвинённый в краже казённого овса, не выгнан из кабинета министров. Он даёт балы, и его дом охотно посещают все воры, убийцы, окружающие трон последнего из Романовых и самого жалкого из них.

Кто в России защищает принцип самодержавия? Люди, которые даже сами себя не решаются назвать честными людьми, боясь, что им сейчас же без труда докажут обратное.

Вы посмотрите: полковник Мин за убийство на улице 18 декабря получает чин генерал-майора и назначается флигель-адъютантом царя. Полицейский Ермолов, убивший профессора Воробьева во время обыска в его квартире выстрелом подлеца – сзади, в затылок, когда профессор наклонился, – получает повышение в чине. Казачий офицер Абрамов и полицейский Жданов, избившие и изнасиловавшие политическую арестованную Спиридонову, не отданы под суд и тоже, вероятно, будут назначены на высшие должности.

Я назову Вам десятки подобных примеров, и все они будут говорить об одном: правительство русское, не имея нигде опоры, ныне опирается на свору жадных псов, готовых растерзать даже младенца, лишь бы удовлетворить свою сладострастную, болезненную жажду власти над людьми.

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Это безумие, в которое впадают все рабы, когда им дают возможность командовать.

Русское правительство – источник анархизма в стране. Это не парадокс. Все обезумели – одни от усилий удержать свою власть и страха потерять её, другие от наслаждения властью.

Временно назначенный генерал-губернатор Забайкалья, некто Полковников, начинает свои действия с того, что арестует забайкальского военного губернатора Холщевникова – порядочного человека, но уж, конечно, не революционера – и обвиняет его в государственной измене.

Генерал Ренненкампф, один из «героев» последней войны, – человек, явно психически больной, он арестует вице-губернаторов, расстреливает директоров гимназий, делает всё, что он должен был, по роду службы, делать с японцами. К нему посылают для ревизии его деяний генерала Меллер-Закомельского, но он его прогоняет назад.

Как видите, – властей множество, но власти – нет. Россия разделена на участки и отдана в полное распоряжение военных, а военные в России – это столь же культурные люди, как киргизы или башкиры. Разве это не анархия?

Каждый новый акт бессмысленного зверства всё более отталкивает народ от правительства. Дело лейтенанта Шмидта уже вызвало отставку ста сорока офицеров флота, казнь его создала во флоте героя и легенду, которая долго будет питать сердца честных людей чувством мести.

Уже против донских казачьих полков, этой опоры престола, приходится выдвигать пушки и расстреливать казаков.

Армия дезорганизована – Вы это знаете. Сегодня она ещё не знает, что ей делать, и обращает скопившееся в ней чувство злости туда, куда велит начальство. Но за последнее время я видел в разных местах много солдат и офицеров, и мне ясно: здесь дело Романовых скоро тоже будет проиграно.

Но эта партия «анархистов», раздирающих живое тело России хищными, звериными когтями, эта шайка безумных – всё ещё держится.

В её руках административный аппарат, пока она ещё владеет армией и её поддерживает инерция. Сгнившее, пропитанное кровью здание качается, скрипит, но не падает.

Народ видит это. Он всё сопоставляет, взвешивает, выдвигает из своей среды вождей, готовится к бою. Двадцать две губернии голодают в России в данный момент, и правительство, из опасения пропаганды, запрещает помогать голодающим. Крестьяне это понимают. Отказывая детям в куске хлеба, они хотят иметь оружие.

Выборы в Думу открыто и нагло фальсифицируются – ведь Дума нужна правительству лишь для того, чтобы Европа дала ему денег на продолжение борьбы с народом. Полиция явно и грубо насилует волю выборщиков, подсовывая им угодных ей кандидатов, но это плохо удаётся – если выбирают, то лишь под страхом нагаек и штыков. Там, где есть хоть малейшая свобода выборов, – выбранными оказываются люди, сидящие в тюрьмах, сосланные в Сибирь, безземельные крестьяне.

Местами неунывающий русский народ шутит: выбирает глухонемых, заик; в одном случае выбрали собаку, объяснив это так: «Правительству, видимо, хочется, чтобы именно скоты представляли наши интересы, оно так заботится об этом! К тому же содержание собаки дешевле стоит, чем даже содержание провокатора, а у правительства так мало денег!»

Рабочие выбирают своими депутатами фабричные трубы на том основании, что их «казак нагайкой не достанет и пулей не пробьёт».

А рабочие Петербурга единодушно сорвали выборы.

Русский народ понимает, что его хотят грубо обмануть, и не поддаётся обману. Он готовится к бою.

Этот бой не будет продолжителен и тяжёл, если русскому правительству не дадут

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru денег в Европе на продолжение убийств и казней, бой будет краток и решителен, если народ получит теперь же материальную помощь.

Но если будет продолжаться то напряжение, в котором живёт теперь мой народ, – в душе его всё более будет скопляться ненависти, всё больше жестокости, и в решительный момент, – он неустраним всё равно! – эта сила ненависти, этот обвал жестокости ужаснёт весь мир!..

Через Вас, дорогой Анатолий Франс, я обращаюсь ко всем друзьям русского народа с горячей просьбой усилить энергию своей деятельности в пользу освобождения этого народа от варварской власти Романовых и их тёмной компании.

Не давайте роста ненависти, не усиливайте мощь жестокости!

С лишком сто миллионов людей с каждым днём всё более ожесточаются.

В нации искусственно воспитывают и раздражают зверя.

Кто искренно любит человека – должен помочь русскому народу скорее сбросить с своей груди иго людей, развращающих душу его, – душу глубокую, мягкую, душу прекрасную!

Письмо в редакцию газеты «XX век»
Уважаемый господин редактор!

Я прочитал в Вашей почтенной газете несколько писем, вызванных возмущением по поводу инцидента со мною в Нью-Йорке. Моя благодарность авторам писем за их прекрасные чувства – безгранична, что я и свидетельствую. Но они, мне кажется, слишком волнуются и чрезмерно резко формулируют свои мнения об американцах. Прежде всего – доза яда, выпитая мною здесь, не так велика, как это кажется тем, кто, видимо, мало пил его. Я ведь слишком хорошо иммунизирован всевозможными ядами в России для того, чтобы страдать от нескольких капель американского яда. Наконец, авторам писем должно быть известно, что во всех странах мещане – люди единственно праведные и что именно они всюду являются наиболее строгими жрецами морали. Мещанин невозможен без морали, как удавленник без петли. Естественно, что они должны были показать мне чистоту своих душ в полной парадной форме. Ведь для мещанина наказать грешника так же приятно, как почесать тайные язвы души своей, заросшие грязью. Они меня наказали, они показали мне самих себя, как тухлые яйца на огне свечи. Но я уже не однажды наблюдал на родине эту грустную картину духовной нищеты, и она не поразила меня ни глубиной, ни оригинальностью.

После всего этого Америка – прекрасная страна, это – вулкан человеческой энергии, здесь не работают только мертвецы и... безработные. Нет, право, не надо сердиться на Америку: в семье – не без уродов, а в такой большой семье и уродов много. С этой стороны Америка удивительно напоминает Россию. Не следует также нападать на почтенного Марка Твена. Это превосходный человек, но – он стар, а старики очень часто неясно понимают значение фактов, чему печальным и ярким примером служит наш великий гений Л. Толстой. Наконец, в телеграммах сказано:

Тщетно защищался от нападок русский писатель, тщетно указывал он на гнусные интриги, тщетно взывал он к высшим законам человечества; вызванное им недоразумение подняло против него настоящую бурю в местном обществе.

Это звучит весьма драматично, но – не гармонирует с правдой. В ответ на весь шум я сказал всего несколько фраз, но одну из них нашли дерзкой и остались мною недовольны. Что поделаешь? Я очень любезный человек, но я знаю, что невозможно угодить на всех. Угодливость, даже когда она является программой либеральных партий, не достигает цели – это факт, в котором скоро убедится вся Россия.

Да, так я не «защищался», не «взывал», не «указывал» и так далее. Это делали за меня американцы в лице профессора Гиддингса, Д. Мартина, Деббса и других. В общем все они говорили на ту тему, что привычка господ моралистов всех стран и наций влезать в душу человека в галошах и с зонтиками – совершенно не похвальная привычка и что свобода политическая мало стоит, если и она не сливается во единое целое со свободой духа.

Извиняюсь за эти дразги, отвлекающие внимание авторов писем от событий на родине и побудившие их направить энергию своих чувств за океан, а не куда-нибудь ближе.

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Например, в окрестности Петербурга, на набережную Невы. А впрочем – всё на свете развивается по линии наименьшего сопротивления.

В конце концов – спасибо за внимание! Я всегда думал, что свободы духа в России больше, чем где-либо. Если бы к этому прибавить побольше энергии, мы, вероятно, быстро сделали то, что необходимо давно сделать и от чего так часто нас отвлекают в сторону мелочи и пустяки.

К французским рабочим
французы-рабочие!

К вам, которые всю жизнь работают, предоставляя хозяевам своим издавать законы для ограждения собственности, созданной вашим трудом,

к вам, которые не всегда имеют достаточно хлеба, чтобы насытиться, и которыми управляют люди, пресыщенные всем, что вы создаёте,

к вам, рабочие, истинные хозяева всей земли, – я обращаюсь!

Как перед всем рабочим людом мира, пред вами лежит путь борьбы за освобождение человека из рабства экономики и политики, из плена капитала и государства, лакейски служащего ему против вас.

Эта борьба скоро охватит весь мир, и она будет борьбой двух рас: расы бедных, которые пойдут в бой под знаменем разума, правды, любви и справедливости, против расы богатых, которые будут защищаться всеми силами своими – жадностью и лицемерием, хитростью и жестокостью.

Эта борьба неизбежна, как смерть, – и она началась.

Первым отрядом всемирной армии двинулся в битву русский рабочий.

Его победы и поражения его – известны вам, вы знаете, как много сил потратил он и ещё потратит, вы знаете, как обильно текла и потечёт ещё его кровь.

Он уже нанёс славные удары врагу, но враг ещё силен, и впереди у русских – много битв.

Чем скорее грянет ближайшая битва, тем скорей её гром пронесётся по всей земле, и, если русский рабочий победит, – рабочие всей Европы, всего света почерпнут в этой победе вдохновение и силу, и уроки для себя...

Поймите, когда речь идёт о рабочем народе, весь мир – одна семья!..

И потому я уверенно призываю вас на помощь к вашим товарищам в России, к вашим товарищам, которые идут в бой под одним знаменем с вами – под красным знаменем социализма, к одной цели с вами – к освобождению труда от гнета капитала.

Они пошли первыми, и вы должны помочь им, ибо, повторяю, в этой борьбе победа одних – победа всех!

В России близок день общего восстания, – неужели вы допустите, чтобы ваши товарищи пошли в бой с голыми руками?

Дайте им серебра для железа и свинца!

Я знаю – рабочий беден серебром, он богат только сердцем...

Но вы должны показать старому миру ханжей и лицемеров, что именно в сердце рабочего горит истинный огонь любви к человеку, в нём пылает пламень веры в братство людей, – вы должны показать этот пожар в груди слепым глазам жадных и сытых...

И пусть они вздрогнут в предчувствии бессилия своего, и пусть надгробным пением издыхающему от пресыщения миру злобы и жадности, миру лжи и жестокости прозвучит наш боевой, святой наш лозунг, лозунг братства народов:

– Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Верую, что братство народов – не мечта, что оно осуществится на земле, – я верую в этот великий праздник будущего, потому что я – рабочий.

Я работал и жил среди рабочего народа, я знаю его душу и знаю, что только он может осуществить на земле царство справедливости, только он способен создать жизнь новую, жизнь братскую, жизнь света и разума.

Только он.

К итальянцам
Граждане!

Со дня, когда я приехал в Италию, и до сего дня вы щедро осыпаете меня яркими выражениями ваших симпатий к русскому народу, который ныне борется и будет бороться вплоть до своей победы, за торжество свободы, необходимой ему, как хлеб и воздух.

Благодарю вас от лица той огромной и всё растущей массы русского народа, которая уже освободилась внутренне от варварского гнёта царизма, с его насилиями над духом справедливости, с его жестокостями и зверством.

Мне кажется, я имею право благодарить вас, – истинными представителями народа в каждой стране являются его честные люди, борцы за свободу его духа, – я имею счастье стоять в рядах честных людей России и, – рядовой её революционной армии, – полагаю, что благодарить вас за ваши чувства к русскому народу – не только моё право, но и обязанность моя.

Сын моей родины, я, лично, глубоко счастлив видеть ваш бескорыстный, ваш горячий интерес к жизни моей матери. Вы заставляете меня переживать минуты радостных волнений, вы ещё более укрепляете крепкую веру мою в возможность братства всех со всеми. Я соберу все ваши пожелания победы русскому народу и пошлю их ему.

Он сумеет понять и оценить прекрасные чувства граждан, более свободных, чем он, и, как мне кажется, более глубоко любящих свободу, чем люди других стран.

Может быть, я тороплюсь оформить свои впечатления в вашей стране и ошибаюсь? Если это так, – я не виноват, в итальянцах хорошее ярче дурного, и дурного я не вижу пока. Да и, наконец, всегда лучше впасть в ошибку, думая хорошо, чем ошибиться, подумав дурно.

В каждой стране есть капиталисты и чиновники, они уже позаботятся, чтобы дурного было всегда достаточно! А мы будем любить хорошее, мы будем бороться за свободу его роста!

Тот факт, что вы, граждане, не позволили запятнать землю вашу приёмом Николая Романова, – царя крови и ужаса, царя насилия и цинизма, – этот факт навеки останется в истории вашей прекрасной страны доказательством высоко развитого в ней чувства нравственной брезгливости, а это чувство доступно только людям, для которых понятие свободы неотделимо от понятия духовной красоты.

Всей силою сердца желаю счастья стране, богатой красотой, желаю ей больше любви к свободе!

Да здравствует демократическая Италия!

Мой привет всем честным людям её!

Мой товарищеский привет итальянскому пролетариату, друзьям социалистам!

10 декабря 1906 г.

Дело Николая Шмита

В Москве начались слушанием «дела» о вооружённом восстании в декабре 1905 года, – мне хочется показать публике, как создавались эти «дела» полицией и судебною властью. Для примера возьму «дело» Николая Шмита, о котором имею точные, строго проверенные мною сведения.

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Николай Шмит – студент университета, очень богатый человек, он владел лучшей в Москве фабрикой стильной мебели, предприятие его было поставлено во всех отношениях прекрасно, славилось изяществом своих работ, давало большие доходы.

Человек молодой, по природе своей мягкий, влюблённый в художественную сторону своего дела, Шмит нашёл справедливым улучшить положение рабочих своей фабрики, что, вероятно, было небезвыгодно ему как хозяину предприятия.

Его приличные отношения к рабочим и – обратно – добрые отношения рабочих к нему создали Шмиту в глазах московской полиции репутацию либерального фабриканта, политически неблагонадёжного человека.

Порядочность, как бы она ни проявлялась, считается преступлением в стране, которой, как это известно, управляют министры, ворующие овёс и хлеб у крестьян, где царь любит делать убиийц генералами и поощряет генералов к убийствам классически циничной фразой, которую он бросил генерал-лейтенанту Казбеку, после его доклада о мирном конце восстания солдат владивостокского гарнизона:

«В народ всегда надо стрелять, генерал!»

17 декабря, в 4 часа ночи, отряд полиции и казаков ворвался в квартиру Н. Шмита.

На требование Шмита – объяснить, в чём дело, ему показали бумагу, в которой говорилось, что он, Шмит, должен быть арестован и отвезён в Таганскую тюрьму. Обыск не дал никаких результатов. Шмита арестовали, но отвезли не в Таганскую тюрьму, а в Пресненский полицейский дом.

Там полицейский чиновник объявил ему новость: «Нам известно, что вы один из руководителей революционного движения, что у вас на фабрике хранятся пушки, пулемёты и прочее, а поэтому немедленно выдайте всё это, или мы вас расстреляем!»

Арестованный отрицал свою причастность к революции, но, принуждённый угрозами и криками, согласился написать рабочим своей фабрики записку такого содержания: «Говорят, что у вас имеется оружие, если это правда, выдайте его, в противном случае грозят уничтожить фабрику». Эта записка, очевидно, не была доставлена по назначению, так как уже через пять минут после её написания началась страшная канонада всей Пресни – местности, где находилась фабрика Шмита.

Его посадили, вместе с одним студентом, в камеру, из которой было видно всю Пресню и фабрику. Пресненский полицейский дом, как и все другие помещения полиции в городе, представлял собой вооружённый лагерь, полный казаков, артиллерии, пехоты и городских. Все они были страшно пьяны. Когда Шмита привели в полицию, городские набросились на него с криками: «Ах ты, собака, ты захотел царём быть?.. Вот мы тебе покажем!» И угрожали избить, но кто-то втолкнул его в камеру и запер. Из окна её Шмит видел, как горела его, разрушенная снарядами и разграбляемая солдатами, фабрика. Рядом с домом полиции находился вдовый дом, – это здание, наполненное искалеченными старухами, было расстреляно храбрым воинством, несмотря на мольбы старух. Шмит видел истребление старух, и, разумеется, такая картина не могла укрепить его нервы.

Пресненская часть подверглась нападению дружинников-революционеров, и так как окна камеры Шмита выходили на улицу, а дверь её, конечно, была заперта, то ему и его товарищу по камере пришлось спасаться от залетавших пуль, прижимаясь к наружной стене.

На третий день Шмиту было приказано одеться и идти. Во дворе его бросили в больничную военную телегу, посадили с ним несколько солдат Семёновского полка, окружили конвоем и повезли... По дороге семёновцы, щёлкая затворами винтовок и подталкивая его пинками, говорили:

– Вот сейчас мы тебя расстреляем!.. И чего с тобой возиться?.. Убить бы сейчас, как собаку!..

Через час Шмит был привезён за город, в местность около кладбища, и высажен из телеги. Здесь уже находилась пехота, казаки, пленные рабочие с его фабрики и других, обыватели Пресни, оцепленные войсками. Полупьяные солдаты грубо

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895-1906. Максим Горький gorkiy.ucoz.ru издевались над людьми, били их. К Шмиту подошёл один из офицеров Семёновского полка, размахнулся и ударил в лицо, цинично ругаясь... А через несколько минут Шмит видел, как двое рабочих с его фабрики были отведены в сторону, раздался залп, другой... Солдаты побежали смотреть трупы.

Часа два Шмит наблюдал картины ужаса и жестокости, наконец, стал требовать к себе офицера, чтобы узнать, зачем его привезли сюда и нельзя ли ему сделать какие-нибудь распоряжения.

Явился полковник Мин и спокойно сказал:

– Теперь завещания делать не время, поздно, сейчас ты будешь расстрелян! Но, впрочем, если ты назовёшь своих сообщников, тогда мы посмотрим...

Потрясённый всем, что он видел, ужасом, который пережил, разбитый угрозой смерти, Шмит назвал несколько имён своих знакомых, первые имена, какие пришли ему в голову, вспомнились без отношения к событиям. После этого Мин уже сам отвёз его снова в Пресненскую часть, приказал дать отдельную комнату, бумаги, перо и дал час времени для того, чтобы Шмит написал показание. Через час Мин явился и, прочитав показание, отвёз Шмита в здание тайной полиции, так называемое охранное отделение.

Здесь градоначальник Москвы, вместе с Мином и начальником охранного отделения, стали допрашивать запуганного, нервно разбитого юношу. При попытке отказать от данных показаний, как вынужденных у него угрозами истязаний и смерти, ему заявляли:

– Помните, у нас есть много средств заставить вас говорить!..

И в то же время Шмит слышал, как со двора неслись стоны людей, которых мучили и убивали, вырывая у них нужные для создания «дел» показания. В окно можно было видеть, как человека подбрасывают в воздух, он падает на камни двора, его бьют ногами и снова бросают вверх. Неслись крики:

– Убьём! Говори!

Допрос этот длился почти непрерывно для Шмита, при постоянной смене чиновников, в течение 8 дней. Спать Шмиту не давали. Когда он начинал дремать, то караулившие его городовые кричали: «А, ты спать захотел?» И толкали его кулаками в бока, трясли за ворот.

За эти 8 дней «следствие» было закончено, и Шмит, наконец, отвезён в тюрьму... Конечно, он был в ненормальном состоянии после всех этих пыток, и показания его, вероятно, носили характер безумного бреда, и, отдохнув в тюрьме от пыток, он сам понял это. 14 или 15 января Шмита вызвали к судебному следователю, где предъявили ему обвинение в организации и участии в вооружённом восстании против царя и предложили дать показания. Шмит заявил, что всё, ранее сказанное им, – ложь, вынужденная угрозами смерти и пытками, что он себя виновным не признаёт ни в чём и от всех показаний своих отказывается. Этот замученный, наивный человек думал, что он, наконец, видит представителя закона, а не насилия.

На другой же день его снова отвезли в охранное отделение, и здесь начальник тайной полиции встретил его такой фразой:

– Что вы, господин Шмит, со мною делаете? Вы отказались от показаний? Разве это можно?

И снова началась пытка. После двух суток пребывания в охранке Шмит, вновь запуганный, замученный, подтвердил все свои прежние показания.

И вот в тот момент, когда он подписал их, начальник шпионов вышел в следующую комнату и, пригласив представителей «истинного закона», судебного следователя и товарища прокурора Виссарионова, объявил им:

– Ну, теперь отдаю его в ваше распоряжение!..

После этого начался допрос «следственной власти», законной власти.

Теперь Николая Шмита судят.

Юноша был доведён пытками «предварительного следствия» до состояния невменяемости и в этом состоянии, может быть, дал суду мотивы для обвинения как себя самого, так и лиц, невольно оговорённых им. Суд, конечно, не признает того факта, что показания были вырваны у обвиняемого насильно, угрозами. Это насилие известно товарищу прокурора и судебному следователю, оба они стояли за дверью той комнаты, в которой начальник охранного отделения вынуждал признания у Шмита, и они не только не протестовали против беззакония, но, как видно, были заинтересованы в том, чтобы оно совершилось. В Москве было вооружённое восстание, оно кончилось победой «порядка и законной власти», но необходимо кого-нибудь судить и обязательно наказать за участие в восстании. Полиции было предписано доставить материал для русской Фемиды – существа чудовищного, ибо оно безвольно, глухо и слепо, а челюсти его приводятся в движение не живой силой справедливости, а механическими толчками из Петербурга. Полиция с удовольствием нахватала и представила в суд лиц, по разным причинам наиболее неприятных ей, что же касается до их участия в восстании – это для неё не вопрос, – она знает, что все приличные люди в России против самодержавия, значит – они преступны, значит – нужно их истреблять. Это очень поощряется петербургским правительством и помогает сделать карьеру. В России сначала человека сажают в тюрьму, а потом уже ищут причин ареста...

Случай с Шмитом – не единичен, таких фактов – десятки в «деле о вооружённом восстании».

Правительство хочет погасить всё разгорающееся движение русского народа к свободе кровью, хочет подавить его ужасом. Собирая вокруг трона всё наиболее циничное, животное и наглое, русские министры, прикрываясь этой грязью, стоя в ней по уши, говорят тем людям Европы, у которых жаждут занять ещё денег:

– Видите, народ не хочет конституции, он хочет только самодержавия и порядка. Мы думаем, что и для вас тоже выгоднее «порядок», чем свобода. Давайте же нам ещё денег, а мы дадим вам хорошие проценты и такой порядок, при котором вам можно будет, вместе с нами, немножко пограбить русский народ. У него ещё кое-что есть! Давайте нам денег для окончательного подавления революции!

И, как видно, многие в Европе полагают, что правительство Романова, Столыпина и К^о достигает своей благородной цели – в России «водворяется спокойствие», и господин Гурко спешит доказать миру, что благодатная возможность безнаказанно воровать снова вернулась.

Но революция не подавлена, она не будет подавлена.

Для пламени порою необходимо окутать себя дымом и скрыть в нём своё грозное лицо, но скрыть не для того, чтобы угаснуть в нём, а только для того, чтобы собрать все силы и снова вспыхнуть, обнять всё и сжечь.

Это – понятно?

Я обращаюсь к честным людям, которым противна жестокость, отвратительно насилие:

– Протестуйте против осуждения Николая Шмита! Если вы искренно любите дело свободы, если верите в грядущую победу разума и справедливости, – ваша вера и любовь даёт вам право всегда и всюду вмешиваться во всё, что встает на пути правды и разума. А ваше право – есть ваша обязанность!
9 декабря 1906 г.

Открытое письмо господину Олару
В туче злых слов и бессильного раздражения, в брызгах грязи и пошлой болтовни, которыми ответила французская пресса на мою статью о позорном поступке финансовой и правительственной Франции, я с удивлением и печалью встретил Ваше почтенное имя, профессор.

Вашу книгу о днях эпической борьбы французского народа с насилием читает русский пролетариат, по ней он учится умирать за свободу, необходимую ему, как воздух.

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895–1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Моё уважение к Вам, историку, глубоко, и, уважая Вас, я не могу оставить Вашу статью по поводу «Прекрасной Франции» без ответа, ибо мне всегда важно не то, как люди относятся ко мне, а то, как я отношусь к ним.

Вы, очевидно, не прочитали всю мою статью, но всё же Вы отчасти признаёте, что я имел солидный мотив негодовать.

Нужно вполне признать это, уважаемый профессор. Дело не только в том, что, как говорите Вы, «без денег Франции царь не мог бы разогнать Думу», нет, дело в том, что без этих проклятых денег не было бы пролито крови русского народа так много и так зверски. И хотите Вы этого или нет, но кровь легла позорным пятном на лицо французского буржуа и правительства, разрешившего Иудин заём.

Не французской прессе стереть это пятно, она сама недостаточно чиста для этого.

Вы ошибаетесь, видимо, полагая, что я бросил мои упреки в лицо всей Франции. Зачем считать меня наивным. Я знаю, что народ никогда не ответствен за политику командующих классов и правительства, послушного лакея их. Я, в частности, знаю французский народ, знаю, как он сеял в Европе свободу, знаю, что он сознательно не пойдёт против неё. Но, как всегда, народ обманывают и позорят руководители его жизни, – им мои проклятия, кто бы они ни были – немцы, англичане, французы, короли, банкиры, журналисты.

Я говорил в лицо Франции банков и финансистов, Франции полицейского участка и министерств, я плюнул в лицо той Франции, которая плевала на Э. Золя, той, которая утопила в страхе перед королём Пруссии и жрецом всяческой глупости все свои рыцарские чувства и ныне живёт только трепетом за свой покой и целостность франков.

Но, уважаемый профессор, я думаю, эта Франция не избегнет страха и трепета тем, что даёт и, кажется, ещё даст шайке грабителей и убийц, или, иначе, дружественному ей правительству России, франки, сплавленные из крови народа своего.

Русская революция будет развиваться медленно и долго, но она кончится победой народа. Следуя примеру старой Франции, мы отрубим головы гидре паразитизма, но далее мы постараемся не подражать даже и великой Франции.

Когда власть будет в руках народа, ему напомнят о банкирах Франции, помогавших семейству Романовых бороться против свободы, права, правды за свою власть, варварскую, антикультурную роль которой ясно понимают и видят все честные сердца и глаза Европы.

Я уверен, что русский народ не возвратит банкирам Франции займов, уже оплаченных им своей кровью.

Не возвратит.

Открытое письмо гг. Ж. Ришару, Ж. Кларети, Р. Вивиани и другим журналистам Франции
Милостивые государи!

Я познакомился с гейзерами красноречия, которые вызвала из ваших чернилниц моя статья о займе, данном правительством и финансистами Франции Николаю Романову на устройство в России кровавых экзекуций, военно-полевых судов и всевозможных зверств, я познакомился с вашими возражениями мне и – не поздравляю вас!

Союз с так называемым русским правительством идёт вам в пользу: вы стали обращаться с логикой, правдой и благородным французским языком, точно казаки с женщинами. Насилие, как видите, ещё потому гнусно, что оно развращает даже посторонних и равнодушных зрителей его, что и случилось с вами.

Я никогда не отвечаю на личные выходы против меня, и чем они грубее, тем скорее забываешь их, но, господа, вы обвиняете меня в неблагодарности – и я должен объясниться.

Вы говорите: «Мы встали на защиту Горького, когда он сидел в тюрьме, а он...»

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895–1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Позволю себе дать вам добрый совет: если однажды, по неосторожности или по иной причине, вы дали свободу своим человеческим чувствам, – не хвастайтесь этим! Нехорошо...

«Я был добр к тебе – ты должен за это заплатить мне благодарностью!» – вот что звучит в ваших словах. Но я не чувствую благодарности и доброту вашу считаю недоразумением.

Я не мученик и не страдалец, каким вы меня усердно изображали, я просто человек, который уверенно делает своё небольшое дело, находит в работе полное удовлетворение, а если меня за это иногда ненадолго сажали в тюрьму – я там отдыхал от естественной усталости, не ощущая особенных неудобств, не говоря уже о страданиях.

С точки зрения здравого смысла вам, господа, следует желать, чтобы я в тюрьме сидел возможно чаще и дольше, а когда вы протестуете против этого, – меня такое поведение – извините – смешит.

Ибо мы – враги, и – непримиримые, я уверен. Честный писатель всегда – враг общества и ещё больший враг тех, кто защищает и оправдывает жадность и зависть, эти основные устои современной общественной организации.

Затем, вы говорите ещё: «Мы любим Горького, а он...»

Господа! Искренно говорю вам: мне, социалисту, глубоко оскорбительна любовь буржуа!

Надеюсь, что эти строки вполне точно и навсегда определяют наши взаимные отношения.

Комментарии

В примечаниях к статьям М. Горького, помещённым в настоящем томе, а также в томах 24–27, сообщаются те же сведения, которые давались в примечаниях к его художественным произведениям: библиографические данные об авторизованных изданиях, сведения о времени и обстоятельствах написания статьи (если имеются представляющие интерес документы по этому вопросу); приводятся отзывы В.И. Ленина, И.В. Сталина, крупнейших писателей и деятелей большевистской партии, а также сохранившиеся высказывания самого М. Горького о данном произведении, авторские пояснения к нему; в случае необходимости приводятся подтверждения принадлежности М. Горькому данной статьи (сведения о псевдонимах и т. п.); отмечаются наиболее показательные факты вмешательства царской цензуры в публикацию текстов писателя. Кроме того, к статьям даётся краткий «реальный комментарий» следующего содержания: поясняются лишь те места текста, которые без комментария остались бы непонятными современному читателю; делаются такие пояснения к тексту, без которых читатель не всегда может найти в энциклопедиях, курсах литературы, истории и других доступных источниках справки по интересующему его вопросу; если в тексте упомянут лишь герой произведения или приведена цитата, а произведение или автор не названы, в примечаниях даются соответствующие сведения; примечания содержат также необходимые уточнения фактов, названий, цитат, библиографические данные об упоминаемых в тексте научных трудах. Сведения об упоминаемых лицах, характеристики цитируемых произведений, как правило, не даются.

На арене борьбы за правду и добро
Впервые напечатано в «Самарской газете», 1895, номер 111 от 30 мая, в отделе «Очерки и наброски», без подписи.

Принадлежность фельетона М. Горькому подтверждается перепиской писателя с В.Г. Короленко (Архив А.М. Горького), а также отдельными текстовыми совпадениями фельетона со статьёй «Газетные «мошки» да «букашки», помещённой в «Самарской газете», 1895, номер 205 от 24 сентября, за подписью «М. Горький».

Печатается по тексту «Самарской газеты».

«Минул век богатырей...» – изменённая вторая строфа стихотворения Дениса Давыдова «Современная песня». У Давыдова:

То был век богатырей,

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895–1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Но смешались шашки...
Несколько тёплых слов
Впервые напечатано в «Самарской газете», 1895, номер 124 от 14 июня, в отделе «Маленький фельетон».

Печатается по тексту «Самарской газеты».

Д.А. Линёв (Далин). «Не сказки»
Впервые напечатано в «Самарской газете», 1895, номер 261 от 3 декабря, в отделе «Библиография». Подпись: «И.Х.» (то есть Иегудиил Хламида). О принадлежности этого псевдонима М. Горькому см. в очерке «В.Г. Короленко»

Рецензия печатается по тексту «Самарской газеты».

Между прочим. (Мелочи, наброски и т. д.)
Фельетоны «Между прочим» впервые печатались в «Самарской газете» с 14 июля 1895 года (номер 149) по 21 апреля 1896 года (номер 88), из номера в номер, иногда – через номер или два; всего было напечатано свыше 180 фельетонов. Подпись всюду: «Иегудиил Хламида».

Сотрудничество М. Горького в «Самарской газете» началось с октября 1894 года: в номерах 212, 217, 219, 222 был помещён его первый в этой газете рассказ «Два босняка» (том 1 настоящего издания). По настоятельному совету В.Г. Короленко, М. Горький в феврале 1895 года уехал из Нижнего Новгорода и поселился в Самаре, куда он был приглашён, по рекомендации В.Г. Короленко, для постоянного сотрудничества в «Самарской газете». Об этом рассказывается в очерке М. Горького «В.Г. Короленко».

В течение первой половины 1895 года в «Самарской газете» почти ежедневно печатаются рассказы, очерки и фельетоны М. Горького. Фельетон «Между прочим» сначала вёл журналист С. Гусев, писавший под псевдонимом «Слово-Глаголь». После его ухода из газеты этот фельетон начинает вести М. Горький, и 14 июля 1895 года в «Самарской газете» впервые под фельетоном появилась подпись «Иегудиил Хламида».

Принадлежность М. Горькому этого псевдонима подтверждена им самим в очерке «В.Г. Короленко». Рассказав о том, как В.Г. Короленко уговаривал его уехать в Самару, М. Горький вспоминал: «Потом, когда я писал в «Самарской газете» плохие ежедневные фельетоны, подписывая их хорошим псевдонимом «Иегудиил Хламида», Короленко посылал мне письма, критикуя окаянную работу мою насмешливо, внушительно, строго, но – всегда дружески» (том 15 настоящего издания).

В настоящем издании даются избранные фельетоны. Нумерация принадлежит редакции, на что указывают прямые скобки.

Все фельетоны печатаются по текстам «Самарской газеты».

[1]

Впервые напечатано в «Самарской газете», 1895, номер 153 от 19 июля.

В настоящем издании печатается первая часть фельетона. «Северный вестник» – реакционный ежемесячный журнал, издававшийся в Петербурге. В 90-е годы стал органом воинствующих идеалистов и декадентов

Волинский – псевдоним реакционного литературного критика и философа-идеалиста А.Л. Флексера (1863–1926), ведшего в те годы яростную кампанию против наследия революционеров-демократов

...статья В. Соловьева – «Гроза с Востока» – Речь идёт о статье Вл. Соловьева «Враг с Востока», напечатанной в журнале «Северный вестник», 1892, № 7, июль. См. оценку этой статьи М. Горьким в томе 26 настоящего издания (статья «О борьбе с природой»)

Недавно мы сообщили о песчаных заносах в Новоузенском уезде... – сообщение помещено в хронике «Самарской газеты», 1895, номер 148 от 13 июля

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895–1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru ...самарскими горчишниками – По словам А. Треплёва (А.А. Смирнова), одного из сотрудников «Самарской газеты», этой кличкой окрестили сначала самарских огородников, потомков первых засельщиков города, сажавших стручковый перец, который назывался тогда горчицей; позднее эту кличку получили самарские хулиганы (см. статью А.Треплёва об Иегудииле Хламиде в журнале «Штурм», Самара, 1932, номера 8–9) См. об этом также очерк «Самара во всех отношениях».

[2]

Впервые напечатано в «Самарской газете», 1895, номер 160 от 28 июля. см. о Струковском саде

[3]

Впервые напечатано в «Самарской газете», 1895, номер 183 от 25 августа.

[4]

Впервые напечатано в «Самарской газете», 1895, номер 184 от 26 августа.

В настоящем издании печатаются первая и вторая части фельетона.

[5]

Впервые напечатано в «Самарской газете», 1895, номер 188 от 2 сентября...напомнил мне издателя одной газеты, именуемой «Волгарь»... – издателем-редактором газеты «Волгарь» с 1892 года был купец С.И. Жуков.

[6]

Впервые напечатано в «Самарской газете», 1895, номер 198 от 16 сентября.

В настоящем издании печатается первая часть фельетона.

[7]

Впервые напечатано в «Самарской газете», 1895, номер 201 от 20 сентября.

[8]

Впервые напечатано в «Самарской газете», 1895, номер 204 от 23 сентября.

[9]

Впервые напечатано в «Самарской газете», 1895 номер 206 от 26 сентября.

[10]

Впервые напечатано в «Самарской газете», 1895 номер 208 от 29 сентября.

Владелец чугунолитейного завода Н.И. Лебедев прислал в редакцию «опровержение», полностью напечатанное М. Горьким в газете (см. фельетон 11). Одновременно с письмом в редакцию Н.И. Лебедев подал жалобу в министерство внутренних дел.

В ответе начальника Главного управления по делам печати Е.М. Феоктистова от 27 октября 1895 года говорится: «Главное управление по делам печати сим объявляет проживающему в г. Самаре 3-й части, на собственном механическом заводе, купцу Николаю Ивановичу Лебедеву, на поданное прошение г. министру внутренних дел о привлечении к уголовной ответственности цензора, дозволившего к печати номер 208

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895–1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru «Самарской газеты», в которой допущены оскорбительные для него, Лебедева, выражения, что лицо, виновное в дозволении к печати этих выражений, подвергнуто взысканию в административном порядке» (см. М. Горький (Иегудиил Хламида). Между прочим. Фельетоны 1895–96 гг., Куйбышев, 1941, стр.309).

[11]

Впервые напечатано в «Самарской газете», 1895, номер 213 от 5 октября.

О Н.И. Лебедеве см. фельетон 10.

[12]

Впервые напечатано в «Самарской газете», 1895, номер 218 от 11 октября.

[13]

Впервые напечатано в «Самарской газете», 1895, номер 225 от 19 октября.

На этот фельетон титулярным советником Вороничем было подано заявление в Главное управление по делам печати. Начальник Главного управления Е.М. Феоктистов 10 ноября 1895 года направил самарскому губернатору следующее отношение:

«В номере 225 «Самарской газеты» помещён фельетон «Между прочим», в котором указывается на сбавку русским рабочим заработной платы самарскими владельцами вальцовых мельниц. Автор фельетона негодует, что рабочий должен работать на купца, который остаётся хозяином всего современного экономического положения, и при этом высказывает, что представляется отрядным только то обстоятельство, что самые успехи капиталиста, на которого даром трудится рабочий, готовят ему гибель. Принимая во внимание, что подобного рода отличающиеся тенденциозностью направления статьи, согласно циркулярному распоряжению от 28 июня 1893 года за номером 3138, не должны быть дозволены к печати, Главное управление по делам печати имеет честь покорнейше просить Ваше превосходительство сделать распоряжение, чтобы на будущее время не были разрешены в местные повременные издания статьи, могущие поселить вражду рабочих к хозяевам»

(см. М. Горький (Иегудиил Хламида). Между прочим. Фельетоны 1895–96 гг., Куйбышев, 1941, стр.311).

У вас было напечатано... – заметка о найме помещена в «Самарской газете», 1895, номер 222 от 15 октября, в отделе «Последние известия».

[14]

Впервые напечатано в «Самарской газете», 1895, номер 226 от 20 октября.

В настоящем издании печатается первая часть фельетона.

Фельетон написан на основе заметки «Что читают канцеляристы» («Самарская газета», 1895, номер 224 от 18 октября) – о работе библиотеки клуба канцеляристов, открытой в Самаре 27 марта 1895 года. В библиотеке насчитывалось до 1500 томов, полученных главным образом путём пожертвований; число читателей доходило до 2000 человек...

«пленной мысли раздраженье» – из стихотворения М.Ю. Лермонтова «Не верь себе».

...Мещерский князь–гражданин... – так иронически называет М. Горький князя В.П. Мещерского, редактора–издателя крайне реакционной газеты «Гражданин».

Неистович–Вральченко – имеется в виду писатель Вас. Ив. Немирович–Данченко (1848–1927).

[15]

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895–1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru

Впервые напечатано в «Самарской газете», 1895, номер 233 от 29 октября.

[16]

Впервые напечатано в «Самарской газете», 1895, номер 254 от 25 ноября.

В хорошей книге господина Далина «Не сказки»... – см. рецензию на неё М. Горького в настоящем томе. М. Горький приводит факты из очерка Далина «Живой товар».

[17]

Впервые напечатано в «Самарской газете», 1895, номер 257 от 29 ноября.

Фельетон написан по поводу заметки о найме домашнего учителя коммерсантом Тищетоном (газета «Самарский вестник» 1895 номер 251 от 21 ноября).

[18]

Впервые напечатано в «Самарской газете», 1895, номер 261 от 3 декабря.

Прошлый раз я говорил... – в фельетоне «Между прочим», который не вошёл в данный сборник («Самарская газета», 1895, номер 252 от 22 ноября).

[19]

Впервые напечатано в «Самарской газете», 1895, номер 265 от 9 декабря.

[20]

Впервые напечатано в «Самарской газете», 1895, номер 268 от 13 декабря.

[21]

Впервые напечатано в «Самарской газете», 1895, номер 269 от 14 декабря

...удал-добрый молодец В.Б... – Василий Буслаев.

...тёзки и однофамильца... – имеется в виду Василий Ермолаевич Буслаев, владелец мануфактурного магазина и колокольного завода, гласный думы.

...как это делал Г. Ч... – Гордей Чернов, волжский купец. О нём М. Горький писал позднее в статье «Беседы о ремесле» (см. том 25 настоящего издания).

Один купец побил своего «мальчика»... – см. заметку «Купецкие ндравы» («Самарская газета», 1895, номер 267 от 12 декабря).

[22]

Впервые напечатано в «Самарской газете», 1896, номер 1 от 1 января.

«Что новый год, то новых дум...» – из стихотворения Н.А. Некрасова «Новый год».

[23]

Впервые напечатано в «Самарской газете», 1896, номер 7 от 10 января.

Один из наших репортёров... – речь идёт о заметке «Образцовая жадность», опубликованной в отделе «Местная хроника» («Самарская газета», 1896, номер 6 от 9 января).

«Жизнью пользуйся, живущий» – из переводной баллады В.А. Жуковского «Торжество победителей».

[24]

Впервые напечатано в «Самарской газете», 1896, номер 11 от 14 января. Дон-Сезар де-Базан – герой пьесы французских писателей Дюмануара и д'Эннери «Испанский дворянин». Переделка этой пьесы была поставлена в самарском театре 12 января 1895 года.

[25]

Впервые напечатано в «Самарской газете», 1896, номер 14 от 18 января.

на страницах «Самарского вестника» заговорил «один из «теперешних» – Речь идёт о статье «Студенты и г Хламида», напечатанной в «Самарском вестнике» (1896, номер 12 от 16 января) за подписью: «Один из «теперешних».

«Теперешние» – так были названы М. Горьким представители буржуазной молодёжи.

Молчание Н.К.Михайловского о характере «теперешних»... – в статье «Литература и жизнь» Н.К. Михайловский писал: «Если бы меня спросили о преобладающем характере современной молодёжи, я уклонился бы от ответа, ибо не знаю его в столь общей форме» (журнал «Русское богатство», 1895, номер 9, сентябрь, стр.77).

...логику Минто... – Минто Вильям – английский буржуазный философ. Перевод его книги «Дедуктивная и индуктивная логика» вышел в 1896 году в издательстве И.Д. Сытина.

[26]

Впервые напечатано в «Самарской газете», 1896, номер 20 от 25 января.

В настоящем издании печатаются вторая и третья части фельетона.

Вл. Гиляровский. «Забятая тетрадь». Стихотворения, издание 2-е
Впервые напечатано в «Самарской газете», 1896, номер 22 от 27 января, в отделе «Библиография». Подпись: «И.Х.» (то есть Иегудиил Хламида).

Печатается по тексту «Самарской газеты»

...«разлюбил свои мечты»... – из стихотворения А.С. Пушкина «Я пережил свои желанья...»

Как её обвенчали

Впервые напечатано в «Самарской газете», 1896, номер 24 от 30 января. Подпись: «А.П.».

О принадлежности этой подписи М. Горькому см. «Очерки и наброски».

Печатается по тексту «Самарской газеты».

«Её медовый месяц»

Впервые напечатано в «Самарской газете», 1896, номер 31 от 9 февраля. Подпись: «А.П.».

Печатается по тексту «Самарской газеты».

Очерки и наброски

«Очерки и наброски» – так назывался отдел «Самарской газеты», в котором, начиная с января 1895 года, помещались газетные и журнальные обзоры и фельетоны.

Большинство обзоров печаталось без подписи или под инициалами: Н.Ч., П.Ч., Ч. По-видимому, отдел составлялся несколькими сотрудниками газеты. Среди них был и М. Горький. Е.С. Иванова, работавшая в то время заведующей редакцией и конторой «Самарской газеты», рассказывает о работе М. Горького в газете:

«На него возложили обязанность – делать вырезки из столичных газет и комментировать их.

Моей первой утренней заботой стало – обеспечить необходимый рабочий порядок на столе Алексея Максимовича... Чтобы были аккуратно подобраны все поступившие к нам столичные и другие газеты, чтобы лежала свежая стопочка узких, наподобие гранок, лент бумаги, на месте находились бы ножницы, клей...

Отделы, которые составлял Алексей Максимович из вырезок, назывались «По страницам газет» и «Толки печати». Шли они ежедневно и занимали видное место в «Самарской газете». Писал он также ежедневно «Очерки и наброски»

(сб. «Горький в Самаре», Москва, 1937, «Советский писатель», стр.221–222).

Начиная с февраля 1896 года, «Очерки и наброски» печатались под инициалами А.П. (то есть Алексей Пешков). С конца апреля 1896 года (в начале мая М. Горький уехал из Самары) эта подпись под фельетонами отсутствует, что подтверждает её принадлежность М. Горькому.

Редакция включила в настоящий том несколько очерков и набросков только из числа подписанных горьковскими инициалами, за исключением очерка «На арене борьбы за правду и добро», напечатанного вне цикла. Заглавия произведений даны автором.

Помещаемые очерки и наброски печатаются по текстам «Самарской газеты».

О жене, проданной за 40 рублей

Впервые напечатано в «Самарской газете», 1896, номер 28 от 6 февраля

...одна из одесских газет – «Одесский листок», 1896, номер 16 от 18 января, в фельетоне

«О чём говорят».

Сведения, использованные в этом фельетоне, почерпнуты из газеты «Приазовский край».

«Совсем как у нас»

Впервые напечатано в «Самарской газете», 1896, номер 48 от 29 февраля.

Для мира

Впервые напечатано в «Самарской газете», 1896, номер 50 от 2 марта.

Истязание Эвтерпы

Впервые напечатано в «Самарской газете», 1896, номер 53 от 6 марта.

«Бывали хуже времена...» – из поэмы Н.А. Некрасова «Современники».

Операция с «мужиком»

Впервые напечатано в «Самарской газете», 1896, номер 55 от 8 марта.

Власть тьмы

Впервые напечатано в «Самарской газете», 1896, номер 57 от 10 марта.

Л.Н. Толстого не раз упрекали в том, что он в своей драме... – имеется в виду

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895–1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
драма «Власть тьмы».

Нечто о наборщиках

Впервые напечатано в «Самарской газете», 1896, номер 75 от 6 апреля

...как говорит один из героев Мамина-Сибиряка... – Порфир Порфирыч Слезнев, персонаж романа «Черты из жизни Пепко».

Образцовый «голова»

Впервые напечатано в «Самарской газете», 1896, номер 76 от 7 апреля.

Самара во всех отношениях

Впервые напечатано в «Самарской газете», 1896, номер 47 от 28 февраля и номер 59 от 13 марта. Подпись: «Дон-Кихот». Принадлежность М. Горькому этого псевдонима подтверждается Е.П. Пешковой (Архив А.М. Горького)

...именуют себя «горчишниками»... – см. примечание к серии «Между прочим».

...дам в следующей за сим главе повести моей – Глава об интеллигенции в «Самарской газете» напечатана не была.

Ещё поэт Фёдор Сологуб. Стихи. Книга первая

Впервые напечатано в «Самарской газете», 1896, номер 47 от 28 февраля. Подпись: «А.П.».

Печатается по тексту «Самарской газеты».

Господин Дионео, отзываясь о стихах Сологуба в «Одесском листке»... – в фельетоне «Жизнь и идеалы» («Одесский листок», 1896, номер 37 от 10 февраля).

Поль Верлен и декаденты

Впервые напечатано в «Самарской газете», 1896, номер 81 от 13 апреля, и номер 85 от 18 апреля. Подпись: «А.П.».

При публикации статьи в номере 81 газеты конец первой половины её был напечатан с пропуском целой страницы авторского текста. Поэтому при публикации второй половины статьи в номере 85 конец первой части был перепечатан заново.

Печатается по тексту «Самарской газеты

...трёх ныне забытых слов... – «свобода, равенство, братство»

...хорошо дышалось Полю Астье... – Поль Астье – действующее лицо в романе «Бессмертный» и пьесе «Борьба за существование» французского писателя А. Додэ

...процессы Вильсонов... – имеется в виду процесс французского политического деятеля, зятя президента республики Греви, Даниэля Вильсона и других лиц. Вильсон в 1887 году был обвинён судом в торговле орденами

...разнообразные «Панама»... – имеется в виду колоссальное мошенничество в акционерном обществе для прорытия Панамского канала (хищения, подкупы должностных лиц и т. п.). Слово «панамы» стало нарицательным

...процесс Дрейфуса... – имеется в виду дело о французском офицере, еврее Альфреде Дрейфусе, который 10(22) декабря 1894 года был приговорён военным судом к пожизненной ссылке на Чёртов остров по обвинению в шпионаже (передаче Германии секретных военных документов). Вскоре обнаружилось, что Дрейфус был осуждён на основании подложных документов, сфабрикованных подлинным изменником майором Эстергази. Французский генеральный штаб и военное министерство, сознательно направившие дело по ложному пути, а также правительство республики всемерно противились пересмотру неправильного приговора. В то же время они разжигали антисемитские и шовинистические настроения и совершали всё новые и новые подлоги и подтасовки. 30 декабря 1897 года (11 января 1898 года нового стиля) настоящему виновнику преступления, майору Эстергази, военный суд вынес оправдательный

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895–1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru приговор, а полковник Пикар, разоблачивший этого шпиона, был арестован, посажен в тюрьму и затем выслан из Франции. Эстергази же помогли скрыться за границу. 1 (13) января 1898 года французский писатель Эмиль Золя в газете «Аврора» выступил с открытым письмом к президенту республики, озаглавленным «Я обвиняю». В этом письме Золя открыто обвинял поименно ряд лиц, а также генеральный штаб и военное министерство в целом ряде преступных действий, совершённых в связи с «делом Дрейфуса». Мужественное выступление Золя против военщины, антисемитизма и национализма вызвало широкий отклик во Франции и во всём мире. Всё прогрессивное человечество было на стороне Золя и выражало ему горячее сочувствие в письмах и телеграммах. Однако Золя был привлечён к суду за «клевету», и суд присяжных под давлением военщины и правительства 11 (23) февраля 1898 года приговорил его к одному году тюремного заключения и штрафу. Чтобы избежать тюрьмы, Золя вынужден был некоторое время скрываться за границей. Дело Дрейфуса пересматривалось дважды. В 1899 году военный суд в Ронне, под давлением военной партии, вновь признал Дрейфуса виновным, но он был помилован президентом. лишь в 1904–1906 годах высший кассационный суд полностью отменил оба приговора военного суда, и Дрейфус был восстановлен во всех правах.

«Кому, какой служба святыне...» – из стихотворения «Испытание полночи»; М. Горький цитирует по изданию: «Стихотворения Бодлера», издание Петровской библиотеки в Москве, М. 1895.

«Очнись! Великий грех...» – из стихотворения «Часы» (там же)

...о бомбах Равашоля и его сподвижников... – 11 и 23 марта 1892 г. в Париже взорвались бомбы, подложенные анархистом Равашолем в квартиры двух судебных чиновников, участвовавших в процессах над анархистами. Вслед за этим, после ареста Равашоля, анархисты совершили ещё ряд террористических актов, которые были использованы правящей верхушкой буржуазной Франции для усиления репрессий против трудящихся.

Морис Баррес, в то время только что выступивший... – в конце 80-х – начале 90-х годов выступил с трилогией «Культ «я», где проповедовал воинствующий индивидуализм в духе Ницше и реакционный национализм. Со второй половины 90-х годов возглавил наиболее реакционную группировку французских декадентов, выступавшую под знаменем шовинизма и империализма

...приводимая Гюйо... – в его книге «Искусство с точки зрения социологии», СПб. 1891, стр. 342

...приводимое у Нордау стихотворение «Скука»... – стихотворение бельгийского писателя-декадента М. Метерлинка.

«Есть наслаждение в бою...» – изменённая строка из произведения А.С. Пушкина «Пир во время чумы». У Пушкина:

«Есть упоение в бою...»

Беглые заметки

Весной 1896 года М. Горький приехал из Самары в Нижний Новгород в качестве корреспондента газеты «Одесские новости» на Всероссийской промышленной и художественной выставке. Одновременно он получил приглашение сотрудничать как беллетрист и публицист в газете «Нижегородский листок». Газета эта издавалась с 1895 года при ближайшем участии В.Г. Короленко.

Во второй половине 1890-х годов «Нижегородский листок» стал наиболее радикальной нижегородской газетой, отражавшей местные нужды, рисовавшей условия жизни трудящихся, общественную самодеятельность и культурно-просветительную работу.

О «Нижегородском листке» в донесении начальника нижегородского жандармского управления департаменту полиции за 1899 год сообщается:

«В минувшем году в Нижегородской губернии издавались следующие газеты: «Губернские ведомости», «Нижегородская почта» (издаётся только во время ярмарки), «Нижегородская биржа», «Вестник пароходства и промышленности», «Волгарь» и «Нижегородский листок».

Все означенные газеты, кроме «Нижегородского листка», вполне благонамеренного направления, и случаев вредного влияния их не замечалось.

Что касается «Нижегородского листка», то из докладов от 26 января и 11 февраля за номерами 108 и 181 департаменту полиции уже известно, что предшествовавшее направление и вредное влияние его на общество вызва[ло] в 1897 году приостановление издания его на 8 месяцев, каковая мера, по-видимому, не произвела должного влияния на газету, так как в истекшем году направление её, по существу, нисколько не изменилось... В числе сотрудников этой газеты состоят негласно поднадзорные: Пешков Алексей Максимович и Чехихин Василий, а также Николай Ашешев, Скворцов...»

(цит. по копии документа, хранящегося в архиве редакции «История фабрик и заводов». Материалы завода «Красное Сормово», папка номер 39 («Волнения и стачки рабочих»).

В 1905 году «Нижегородский листок» перешёл в ведение Е.М. Ещина и превратился в полукадетский орган.

Сотрудничество М. Горького в «Нижегородском листке» продолжалось с перерывами до 1902 года.

Цикл фельетонов под названием «Беглые заметки» М. Горький начал печатать в «Нижегородском листке» с 21 мая 1896 года. Закончен цикл в октябре 1896 года. «Беглые заметки» М. Горький подписывал: «Некто Х», «Н.Х», «I.M. Pacatus», «М. Г-ий» и «М. Горький».

Помимо свидетельства Е.П.Пешковой, принадлежность М. Горькому этих псевдонимов и инициалов устанавливается следующим образом. Прекратив в апреле 1896 года сотрудничество в «Самарской газете», М. Горький переехал в Нижний Новгород. С 21 мая 1896 года в газете «Нижегородский листок» стали появляться его «Беглые заметки», подписанные псевдонимом «Некто Х», принадлежность которого М. Горькому подтверждена им самим в письме к Е.П.Пешковой от 1 июня 1896 года (Архив А.М. Горького). В номерах 164, 167, 173, 178, 182 этой газеты «Беглые заметки» подписаны псевдонимом «I.M. Pacatus», причём в некоторых из этих статей М. Горький отсылал читателей к предыдущим статьям, подписанным псевдонимом «Некто Х» и «I.M. Pacatus» (см., например, фельетон, напечатанный в «Нижегородском листке», 1896, номер 167 от 19 июня).

Следует также указать, что более десяти последних статей из цикла «Беглые заметки» подписаны псевдонимами «М. Г-ий» и «М. Горький». Наконец, почти все статьи из цикла «Беглые заметки» содержат много текстуальных совпадений со статьями «С Всероссийской выставки», напечатанными М. Горьким в газете «Одесские новости».

В письмах к Е.П. Пешковой (Архив А.М. Горького) летом-осенью 1896 года М. Горький неоднократно сообщает о своей работе над фельетонами о выставке для «Нижегородского листка» и «Одесских новостей». Указание на принадлежность М. Горькому статей «Беглые заметки» и цикла «С Всероссийской выставки» содержится в его позднейшей статье «Беседы о ремесле» (1930). «В этом году, – вспоминал М. Горький о 1896 годе, – в Н.Новгороде была Всероссийская выставка и заседал «Торгово-промышленный съезд». В качестве корреспондента «Одесских новостей» и сотрудника «Нижегородского листка» я посещал заседания съезда, там обсуждались вопросы внешней торговли, таможенной и финансовой политики. Я видел там представителей крупной промышленности всей России, слышал их жестокие споры с «аграриями». Не всё в этих речах было понятно мне, но я чувствовал главное: это – женихи, они влюбились в богатую Россию, сватаются к ней и знают, что её необходимо развести с Николаем Романовым.

Съезд заседал в здании реального училища, на углу Б. Покровки и Мышкина переулка. Я написал юмористический фельетон «Сватовство в Мышкином переулке», «Нижегородский листок» не напечатал его, я послал фельетон Маракуеву в «Одесские новости», там фельетон и пропал». (Архив А.М. Горького).

В настоящем издании даются избранные статьи из цикла «Беглые заметки». Нумерация принадлежит редакции, на что указывают прямые скобки. Все статьи печатаются по текстам газеты «Нижегородский листок».

[1] Впервые напечатано в газете «Нижегородский листок», 1896, номер 138 от 21 мая.

[2] Впервые напечатано в газете «Нижегородский листок», 1896, номер 146 от 29 мая.

[3] Впервые напечатано в газете «Нижегородский листок», 1896, номер 152 от 4 июня.

[4] Впервые напечатано в газете «Нижегородский листок», 1896, номер 155 от 7 июня.

[5] Впервые напечатано в газете «Нижегородский листок», 1896, номер 160 от 12 июня.

[6] Впервые напечатано в газете «Нижегородский листок», 1896, номер 188 от 10 июля

...вопленица Федосова... – см. также статью 4 цикла «С Всероссийской выставки» в настоящем томе.

[7] Среди металла. Впервые вне цикла напечатано в газете «Нижегородский листок», 1896, номер 200 от 22 июля.

[8] М. Врубель и «Принцесса Грёза» Ростана. Впервые напечатано в газете «Нижегородский листок», 1896, номер 202 от 24 июля.

Фельетоны М. Горького о картинах Врубеля и Галлена, печатавшиеся в «Нижегородском листке», вызвали полемику, которая вышла за пределы провинциальной печати.

Непосредственным ответом на данный фельетон М. Горького явилось «Письмо в редакцию» нижегородского художника А.А. Карелина [92], напечатанное в газете «Нижегородская почта» (1896, номер 77 от 30 июля). А.А. Карелин выступил в защиту так называемого «нового искусства». Ответ на письмо А.А. Карелина был дан М. Горьким в фельетоне 9 «Беглых заметок» («Нижегородский листок», 1896, номер 209 от 31 июля). В этом же фельетоне М. Горький отвечал также Осипову, поместившему в одной из петербургских газет статью, защищавшую творчество М.А.Врубеля.

4 августа 1896 года А.А. Карелин напечатал «Письмо в редакцию. Ответ г-ну М. Горькому» («Нижегородский листок», 1896, номер 213). Это письмо вызвало статью М. Горького «Ответ А.А. Карелину» («Нижегородский листок», 1896, номер 215 от 6 августа). Но на этом полемика не закончилась. В неё включились газета «Волгарь», на страницах которой была помещена статья А.А. Карелина «Новая картина М.А. Врубеля» («Волгарь», 1896, номер 228 от 19 августа), и петербургская газета «Неделя», в которой 1 сентября 1896 года опубликована статья Дедлова «С выставки». 20 августа в очередном фельетоне «Беглые заметки» М. Горький выступил с резкой критикой статьи А.А. Карелина. 10 сентября в «Нижегородском листке» появился ответ М. Горького на статью Дедлова (см. фельетон 13 в «Беглых заметках»).

Пьеса французского писателя Э.Ростана «La Princesse Lointaine» (1895) была переведена стихами на русский язык Т.Л. Щепкиной-Куперник и издана под заглавием «Принцесса Грёза», изд. А.С.Суворина, СПб. 1896.

[9] Впервые напечатано в газете «Нижегородский листок», 1896, номер 209 от 31 июля.

[10] Впервые напечатано в газете «Нижегородский листок», 1896, номер 217 от 8 августа.

[11] Впервые напечатано в газете «Нижегородский листок», 1896, номер 220 от 11 августа.

[12] Впервые напечатано в газете «Нижегородский листок», 1896, номер 229 от 20 августа.

[13] Впервые напечатано в газете «Нижегородский листок», 1896, номер 250 от 10 сентября. См. примечания к статье [8] настоящего цикла.

[14] впервые напечатано в газете «Нижегородский листок», 1896, номер 271 от 1 октября.

На выставке

Впервые напечатано в газете «Нижегородский листок», 1896, номер 159 от 11 июня.

Печатается по тексту газеты «Нижегородский листок»

...«вопленицы» Федосовой... – см. также в статье 4 цикла «С Всероссийской выставки» в настоящем томе.

Ответ А.А. Карелину

Впервые напечатано в газете «Нижегородский листок», 1896, номер 215 от 6 августа.

М. Горький отвечает на «Письмо в редакцию» А.А. Карелина, помещённое в «Нижегородском листке», 1896, номер 213 от 4 августа.

Печатается по тексту газеты «Нижегородский листок».

Машинный отдел

Впервые напечатано в газете «Нижегородский листок», 1896, номер 226 от 17 августа, номер 229 от 20 августа, и номер 231 от 22 августа. Подпись в номерах 226 и 231 – «М. Г-кий»; в номере 229 – «А-а!».

Очерк посвящён машинному отделу на Всероссийской выставке в Нижнем Новгороде в 1896 году.

Печатается по тексту газеты «Нижегородский листок».

С Всероссийской выставки

Все статьи настоящего цикла (более 60) были напечатаны М. Горьким в газете «Одесские новости» за 1896 год. В 1895–1896 годах эта газета издавалась либеральными деятелями. Судя по переписке М. Горького с В.Н.Маракуевым (редактором «Одесских новостей» – см. «Томск», альманах 2, 1947, стр.143–153), предложение о сотрудничестве в «Одесских новостях» было сделано М. Горькому в конце 1895 или в самом начале 1896 года; весной 1896 года (15 апреля) М. Горький сообщил В.Н. Маракуеву о своём согласии. 28 мая того же года, за подписью «А.П-в», в газете появилась первая статья из серии «С Всероссийской выставки (Впечатления, наблюдения, наброски, сцены и т. д.)» с редакционным указанием «От нашего специального корреспондента». В газете было опубликовано следующее объявление:

«В настоящее время помещаются талантливые письма нашего специального корреспондента с Нижегородской выставки А.П-ва» («Одесские новости», 1896, номер 3684 от 9 июля).

Примерно в это же время М. Горький запрашивал В.Н. Маракуева: «Покорно просил бы Вас ответить мне, насколько удобны для Вас такие описания, как описание машинного отдела и горной промышленности, и нужно ли дать их по всем отделам выставки, заключив в конце одним большим мазком о всех их, взятых вместе? Принимая во внимание торгово-промышленный съезд, всю такую работу я кончил бы в сентябре, числа 15-го – 20-го» («Томск», альманах 2, 1947, стр.150).

По-видимому, редакция ответила согласием, и в конце июля и в августе в газете появились указанные М. Горьким статьи.

Отвечая на приглашение редакции приехать в Одессу, М. Горький в августе 1896 года писал: «Я не могу всё-таки выбратьсь отсюда ранее 22-го. До этого числа я дам очерк мануфактурн[ого], фабрично-ремесленного, сельскохоз[яйственного] и кустарного отделов, а также общий очерк торгово-промышленного съезда. Заключительный обзор выставки – всей вкуче – сделаю уже в Одессе» (там же, стр.152). Указанные М. Горьким очерки были напечатаны в «Одесских новостях» в середине августа – начале сентября 1896 года. Заключительная статья, под названием «Последнее сказанье», появилась в газете 11 октября того же года.

В 1910 году, получив предложение переиздать его статьи из «Одесских новостей»,

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895–1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
М. Горький ответил: «...против издания моих статей о Ниж[егородской] выставке в принципе – ничего не имею» (письмо от 20 июня 1910 года; опубликовано в ростовской газете «Молот», 1937, номер 4814 от 18 июня). Он попросил прислать ему материал для отбора, но, просмотрев статьи, нашёл, что издавать их отдельной книгой нецелесообразно (там же, письмо от 13 сентября 1910 года). В настоящем издании даются избранные статьи. Все они печатаются по тексту газеты «Одесские новости». Нумерация статей принадлежит редакции, на что указывают прямые скобки.

[1] Впервые напечатано в газете «Одесские новости», 1896, номер 3647 от 1 июня.

[2] Впервые напечатано в газете «Одесские новости», 1896, номер 3651 от 5 июня.

[3] Впервые напечатано в газете «Одесские новости», 1896, номер 3657 от 11 июня.

За неделю до появления этой статьи «Нижегородский листок» поместил на своих страницах корреспонденцию «Труппа Малого театра», подписанную инициалом «А». Не имея бесспорных данных, свидетельствующих о принадлежности этой корреспонденции М. Горькому, помещаем её в примечаниях:

«Вчера в большом ярмарочном театре начались спектакли товарищества артистов Императорского Малого театра в Москве. Выставочный сезон достаточно продолжителен, и на долю Нижнего выпал, таким образом, редкий случай серьёзно и всесторонне познакомиться с солидной и хорошо организованной труппой артистов. Малый театр пользуется не только всерусской, но и всеевропейской известностью и не нуждается, конечно, ни в какой рекомендации. За ним давным-давно прочно установилась слава первоклассной сцены, высоко держащей знамя истинного драматического искусства и обратившей театр в истинную кафедру для проповеди высоких художественных идеалов. Малый театр является хранителем лучших театральных традиций и продолжателем того великого дела создания национального драматического искусства, которому послужили великие, давно сошедшие в могилу гениальные силы русского театра. До сих пор живы в нём щепкинские традиции, оставшиеся в благородных талантливых руках и сохранившиеся в них в безупречно чистом виде. Жизнь сделала, конечно, свое: идеализм и романтизм, вернее сказать, реалистический романтизм Щепкина получил дальнейшее развитие в современном натурализме как сочетании красоты формы и красоты правды. Жизненность, естественность, зеркальную правдивость изображения видит зритель в Малом театре. Пред ним не проходят знакомые фигуры ходульных героев, козлогласующих и перевирающих жизнь. Вы видите даровитых артистов, вкладывающих в свои роли дисциплинированный ум и чуткое сердце. Ряд художественных образов, созданных Г.Н. Федотовой, М.Н. Ермоловой, А.П. Ленским, А.И. Южиным и другими, никогда не умрут в истории культуры России... И в то же время, будучи образцовой школой для сценических деятелей, Малый театр является и школой для жизни. Трудно измерить, учесть и представить в конкретных данных то глубокое духовное влияние, которое оказывал и оказывает Малый театр. Вместе с Московским университетом ему принадлежит крупная, выдающаяся роль в истории умственного развития русского общества, – и будущий историк Малого театра, несомненно, засвидетельствует, что эта роль выполнялась им безукоризненно.

Являясь последователями натуральной школы, артисты Малого театра резко разграничивают себя от новейших школ – грубого эгоистического натурализма или, как остроумно выразился один русский критик, нанатурализма – и от того течения, которое выражается на сцене постановкою пустейших, бессмысленных, балаганных фарсов, развращающих толпу и понижающих её эстетический уровень. Высокие, гуманные цели в красивой форме – таковы задачи Малого театра. Хотя у нас гастролирует «молодая» труппа Малого театра, тем не менее она является его детищем, плотью от плоти, костью от кости. Присутствие же в труппе лучших сил «старого» театра гарантирует в том, что вся труппа на Всероссийской выставке будет лучшим художественным экспонатом России. Труппе можно предсказать блестящий успех, – и он, конечно, вознаградит артистов за тот упорный труд, какой им пришлось употребить для подготовки к нижегородской сцене. Репетиции нижегородских спектаклей труппа начала ещё в декабре прошлого года, – из этого видно, как серьёзно она относится к экспонированию образцовой русской сцены в Нижнем. В добрый час!»

(«Нижегородский листок», 1896, номер 154 от 6 июня).

[4] Впервые напечатано в газете «Одесские новости», 1896, номер 3660 от 14 июня.

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895–1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Вопленица – Федосова Ирина Андреевна (1831–1899) – народная поэтесса, знаменитая вопленица и сказительница древнерусских былин. Е.В. Барсову она «наказала» свыше 30000 стихов свадебных, похоронных и рекрутских плачей. Причеты Федосовой использовал Н.А. Некрасов в поэме «Кому на Руси жить хорошо». Выступление И.А. Федосовой на Всероссийской промышленной и художественной выставке в Нижнем Новгороде описано М. Горьким в конце первой части «Жизни Клима Самгина» (см. том 19 настоящего издания). О своём впечатлении от выступления И.А. Федосовой М. Горький говорит также в очерке «На краю земли» (см. том 17 настоящего издания).

[5] Впервые напечатано в газете «Одесские новости», 1896, номер 3661 от 15 июня.

[6] Развлечения. Впервые напечатано в газете «Одесские новости», 1896, номер 3673 от 27 июня.

[7] Синематограф Люмьера. Впервые напечатано в газете «Одесские новости», 1896, номер 3681 от 6 июля.

[8] Впервые напечатано в газете «Одесские новости», 1896, номер 3691 от 16 июля.

[9] Отдел художественный. Впервые напечатано в газете «Одесские новости», 1896, номер 3696 от 21 июля, и номер 3697 от 22 июля.

Херсонес Таврический

Впервые напечатано в газете «Нижегородский листок», 1897, номер 60 от 2 марта и номер 67 от 9 марта.

Статья написана во время пребывания М. Горького в Крыму, куда он выехал из Нижнего Новгорода на лечение 12 января 1897 года. 15 января писатель остановился на один день в Севастополе для осмотра раскопок древнего Херсонеса и музея херсонесских древностей. В книге посетителей музея он оставил запись, фотокопия с которой хранится в Архиве А.М. Горького.

14 марта 1900 года М. Горький снова осматривал музей, о чём свидетельствует его запись в книге музея. Этот музей продолжал привлекать к себе внимание писателя и в более поздние годы: по сообщению Е.П. Пешковой, М. Горький посетил музей, когда жил в Тессели в последние годы своей жизни.

В некоторые цитаты, взятые из книг В.В. Латышева и В.Н. Юргевича, М. Горький вносит поправки редакционного характера.

Статья печатается по тексту газеты «Нижегородский листок».

Алексей Максимович Пешков, псевдоним Максим Горький

Впервые автобиография напечатана в книге «Русская литература XX века», т.1, изд. «Мир», М.1914.

Написана автобиография в 1897 году, о чём свидетельствует авторская пометка в рукописи: «Крым, Алупка, д. Хаджи-Мустафа». В Алупке М. Горький жил в январе–мае 1897 года.

Автобиография написана М. Горьким по просьбе литературоведа и библиографа С.А. Венгерова.

По-видимому, в это же время или несколько позднее М. Горький написал автобиографию, напечатанную в извлечениях в 1899 году в статье Д.Городецкого «Два портрета» (журнал «Семья», 1899, номер 36 от 5 сентября):

«Родился 14 марта 1868 или 9-го года в Нижнем, в семье красильщика Василия Васильевича Каширина, от дочери его Варвары и пермского мещанина Максима Савватиева Пешкова, по ремеслу драпировщика или обойщика. С тех пор с честью и незапятнанно ношу звание цехового малярного цеха... Отец умер в Астрахани, когда мне было 5 лет, мать – в Канавине-слободе. По смерти матери, дедушка отдал меня в магазин обуви; в ту пору имел я 9 лет от роду и был дедом обучен грамоте по псалтири и часослову. Из «мальчиков» сбежал и поступил в ученики к чертёжнику, – сбежал и поступил в иконописную мастерскую, потом на пароход, в поварята, потом в помощники садовника. В сих занятиях прожил до 15 лет, всё время занимаясь усердно чтением классических произведений неизвестных авторов, как-то: «Гуак, или непреоборимая верность», «Андрей Бесстрашный», «Япанча», «Яшка Смертенский»

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895–1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru и т. п.

На пароходе, когда был поварёнком, на образование моё сильно влиял повар Смурый, который заставлял меня читать жития святых, Эккертгаузена, Гоголя, Глеба Успенского, Дюма-отца и многие книжки франко-масонов. До повара – терпеть не мог книг, всякой печатной бумаги, до паспорта включительно.

После 15 лет возымел я свирепое желание учиться, с какою целью поехал в Казань, предполагая, что науки желающим даром преподаются. Оказалось, что оно не принято, вследствие чего я поступил в крендельное заведение, по 3 рубля в месяц. Это – самая тяжкая работа из всех, опробованных мною.

В Казани близко сошёлся и долго жил с «бывшими людьми»: зри «Коновалов» и «Бывшие люди». Работал на Устье, пилил дрова, таскал грузы... [В 1888 году покушался на самоубийство]. Похворав сколько требовалось, я ожил, дабы приняться за торговлю яблоками...

[В 1892 году вторично поступил письмоводителем к нижегородскому присяжному поверенному А.И. Ланину]. Влияние его на моё образование было неизмеримо огромно. Это высоко образованный и благороднейший человек, коему я обязан больше всех...

В Нижнем в 93–94 [93] году я познакомился с В.Г. Короленко, которому обязан тем, что попал в большую литературу. Он очень много сделал для меня, многое указал, многому научил.

Напишите об этом, непременно напишите: его, Горького, учил писать Короленко, а если Горький мало усвоил от Короленко, в этом виновен он, Горький. Пишите: первым учителем Горького был солдат-повар Смурый, вторым – адвокат Ланин, третьим – К[алуж]ный, человек «вне общества», четвёртым – Короленко...

Больше не хочу писать. Я расстроился и растрогался при воспоминании об этих великолепных людях».

Автобиография «Алексей Максимович Пешков, псевдоним Максим Горький», печатается по тексту, опубликованному в первом томе «Русской литературы XX века», сверенному с рукописью, написанной рукой Е.П. Пешковой и подписанной М. Горьким (Архив А.М. Горького).

Праздник шиитов

Впервые напечатано в газете «Нижегородский листок», 1898, номер 174 от 28 июня, и номер 181 от 5 июля. Под статьёй авторская пометка: «Тифлис».

Судя по пометке М. Горького, статья была написана им в тифлисском Метехском замке в мае 1898 года. В апреле 1898 года М. Горький был привлечён к дознанию в связи с арестом Ф.Афанасьева и других руководителей и членов социал-демократической организации Тифлиса и Батума. 6 мая того же года у М. Горького в Нижнем Новгороде был проведён обыск. По требованию тифлисского губернского жандармского управления писатель был арестован и доставлен в Метехский замок. Однако «за недостаточностью улик» 28 мая жандармы вынуждены были освободить писателя из тюрьмы. Получив 31 мая «проходное свидетельство», М. Горький в тот же день покинул Тифлис.

Находясь в заключении, М. Горький из окна своей камеры наблюдал «праздник шиитов» и рассказал о нём в письмах из тюрьмы к Е.П. Пешковой (Архив А.М. Горького).

Статья печатается по тексту газеты «Нижегородский листок».

«Журнал для всех»

Впервые напечатано в газете «Нижегородский листок», 1898, номер 287 от 19 октября, в отделе: «Библиографические заметки».

«Журнал для всех» – популярный иллюстрированный ежемесячный журнал, выходивший в Петербурге с 1896 года. С конца 1898 года издавался В.С.Миролюбовым. В журнале наряду с беллетристическим отделом, в котором принимали участие лучшие русские писатели того времени, существовал научный отдел. Демократическое направление журнала, его общедоступная цена создали ему большую популярность. В 1906 году

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895–1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru журнал был закрыт.

В первой половине 1898 года М. Горький писал редактору журнала В.С. Миролубову: «Прекрасное дело – Ваш журнал. Я постараюсь всячески быть Вам полезным и желаю Вам от души веры в успех дела» (сб. «М. Горький. Материалы и исследования», т. III, изд. Академии наук СССР, М.-Л. 1941, стр.22).

Рецензия печатается по тексту газеты «Нижегородский листок».

Ванькина литература

Впервые напечатано в газете «Нижегородский листок», 1899, номер 56 от 26 февраля. Подпись: «А.П.».

Печатается по тексту газеты «Нижегородский листок».

[Предисловие к рассказу Клавдии Грос]

Впервые напечатано в газете «Северный курьер», 1899, номер 13 от 13 ноября, в виде вступления к помещённому в той же газете рассказу Клавдии Грос (номер 13 от 13 ноября, номер 14 от 14 ноября, и номер 15 от 15 ноября 1899 года).

Предисловие печатается по тексту газеты «Северный курьер».

См. также письмо М. Горького А.П. Чехову по этому поводу.

[Послесловие к рассказу Клавдии Грос]

Впервые напечатано в газете «Северный курьер», 1899, номер 15 от 15 ноября, в виде заключения к рассказу Клавдии Грос.

Печатается по тексту газеты «Северный курьер».

См. также письмо М. Горького А.П. Чехову по этому поводу.

Мутер. История живописи в XIX веке

Впервые напечатано в газете «Нижегородский листок», 1899, номер 314 от 15 ноября.

Подпись: «М. Г-ий».

Печатается по тексту газеты «Нижегородский листок».

По поводу нового рассказа А.П. Чехова «В овраге»

Впервые напечатано в газете «Нижегородский листок», 1900, номер 29 от 30 января, в разделе «Литературные заметки». Рецензируемый рассказ А.П.Чехова «В овраге» впервые был напечатан в журнале «Жизнь», 1900, кн.1, январь. – 313.

По поводу этой статьи М. Горький писал А.П.Чехову в начале февраля 1900 года: «Согрешил и я заметкой по поводу «Оврага», но её у меня испортил сначала редактор, а потом цензор. Знаете – «В овраге» – удивительно хорошо вышло. Это будет одна из лучших ваших вещей» (сб. «М. Горький и А.Чехов. Переписка, статьи, высказывания», Гослитиздат, М.1951, стр. 66–67).

«..Ваш фельетон в «Нижегор[одском] листке» был бальзамом для моей души, – писал А.П.Чехов в ответном письме от 15 февраля. – Какой Вы талантливый! Я не умею писать ничего, кроме беллетристики. Вы же вполне владеете и пером журнального человека. Я думал сначала, что фельетон мне очень нравится, потому что Вы меня хвалите, потом же оказалось, что и Средин, и его семья, и Ярцев – все от него в восторге. Значит, валяйте и публицистику...» (там же, стр.69).

Находясь летом 1900 года в с. Мануйловке, Полтавской губернии, М. Горький читал рассказ «В овраге» крестьянам. В первой половине июля он сообщил А.П.Чехову о том впечатлении, которое произвёл его рассказ на слушателей:

«Читал я мужикам «В овраге». Если б Вы видели, как это хорошо вышло! Заплакали хохлы, и я заплакал с ними. Костыль понравился им – чёрт знает до чего! Так что один мужик, Петро Дерид, даже выразил сожаление, что мало про того Костыля написано. Липа понравилась, старик, который говорит «велика матушка Россия». Да, славно всё это вышло, должен я сказать... Чудесный Вы человек, Ант{он} Павл[ович], и огромный Вы талантище» (там же, стр.75).

Рецензия печатается по тексту газеты «Нижегородский листок».

Эд. Эстонье. «Жульен Дарто»

Впервые напечатано в газете «Нижегородский листок», 1900, номер 261 от 23 сентября.

Статья помещена в разделе «Литературные заметки». Рецензируемая книга: Эд. Эстонье, Жульен Дарто, роман, пер. с франц. А.Коморской, СПб. 1900 (библиотека «Жизнь», номер 5).

Печатается по тексту газеты «Нижегородский листок».

О «размагниченном» интеллигенте

Впервые напечатано в газете «Нижегородский листок», 1901, номер 86 от 30 марта.

Печатается по тексту газеты «Нижегородский листок».

«Перед восходом солнца». Драма Г. Гауптмана

Впервые напечатано в газете «Нижегородский листок», 1901, номер 307 от 9 ноября.

Подпись: «М. Г-ий».

В этом же номере было напечатано объявление нижегородского городского театра о том, что 9 ноября «представлена будет в первый раз нигде не шедшая в России новая пьеса Г.Гауптмана «Перед восходом солнца». Драма в 5 действиях, перевод О. Всеволодской».

«Перед восходом солнца» – не новая, а первая пьеса Г. Гауптмана (1889).

Во время спектакля «Перед восходом солнца», состоявшегося 9 ноября 1901 года, в зрительном зале раздались протесты против ареста и высылки из Нижнего М. Горького. С речью по этому поводу выступил Я.М. Свердлов (см. газету «Искра», 1901, номер 13 от 20 декабря).

Статья печатается по тексту газеты «Нижегородский листок».

[Всем русским гражданам и общественному мнению европейских государств]

Впервые напечатано в журнале «Новый мир», 1928, книга 3, март.

Написанное воззвание послужило поводом к аресту писателя 12 января и заключению его в Петропавловскую крепость. Под давлением общественного мнения царское правительство освободило М. Горького под залог, внесённый обществом «Знание».

Печатается по тексту, опубликованному в сборнике Центрархива «Революционный путь Горького», сверенному с машинописью (Архив А.М. Горького).

О кавказских событиях

Впервые напечатано в Швейцарии отдельной брошюрой издательством «Demos», Женева, 1905, с примечанием: «Это письмо М. Горький написал в ответ на запрос бакинской газеты «Каспий». В России оно было запрещено цензурой». Газета «Каспий» упомянута здесь ошибочно. Статья – ответ М. Горького на запрос газеты «Баку», в которой статья была частично опубликована 15 июля 1905 года. В редакционном примечании указывалось: «Редакция лишена возможности привести письмо целиком по независящим от неё обстоятельствам».

Как явствует из авторской пометки в рукописи, статья написана 5 июля 1905 года.

Речь в ней идёт об организованной царским правительством 6–9 февраля 1905 года татарско-армянской резне в г. Баку. По поводу этой резни И.В. Сталин написал 13 февраля 1905 года листовку «Да здравствует международное братство!» (см. И.В. Сталин, Сочинения, т.1, стр. 81–83).

Статья «О кавказских событиях» печатается по авторизованной машинописи (Архив А.М. Горького).

Заметки о мещанстве

Впервые напечатано в большевистской газете «Новая жизнь», 1905, номер 1 от 27

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895–1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru октября, номер 4 от 30 октября, номер 12 от 13 ноября, номер 18 от 20 ноября. До революции «Заметки о мещанстве» в России не переиздавались, за исключением двух небольших отрывков, которые в сильно искажённом цензурой виде были напечатаны в сборнике М. Горького «Статьи 1905–1916 гг.», издание первое (изд. «Парус», Петроград, [1917]). В том же издании, но уже без цензурных изъятий, сборник вторично вышел в свет в 1918 году.

В предисловии к сборнику М. Горький писал:

«В этой книжке собраны некоторые из статей, напечатанных мною в разных изданиях за время с 1905 г. по 1916-ый. Я издаю эти статьи по желанию читателей моих, неоднократно предлагавших мне сделать это.

Суждение о Л.Н. Толстом и Ф.М. Достоевском извлечено мною из «Заметок о мещанстве», печатавшихся в газете в 1905 г. Восстановить эти «заметки» в полном виде я не имею возможности и не нахожу надобности, К тому же – меня особенно резко порицали и порицают не за оценку «мещанства», как известного строя души, а именно за моё отрицательное отношение к Толстому и Достоевскому, как социальным педагогам. Я знаю, что отношение это выражено в резких формах и, если б я писал на эту тему теперь, – я нашёл бы более мягкие, а может быть – и более убедительные слова. Но, по существу, моё отношение к социальной педагогике Достоевского и Толстого не изменилось и не может измениться. Смысл двадцатипятилетней общественной работы моей, как я понимаю её, сводится к страстному моему желанию возбудить в людях действенное отношение к жизни. Я слишком много вытерпел и принуждён терпеть для того, чтоб равнодушно слушать проповедь о необходимости терпения, я не могу позволить себе учить других сомнительным добродетелям – покорности и терпению. Подобные проповеди органически враждебны мне, и я считаю их безусловно вредными для моей страны»

(М. Горький, «Статьи 1905–1916 гг.», изд. «Парус», Петроград, [1917], стр.3).

В марте 1906 года в статье «Победа кадетов и задачи рабочей партии» В.И. Ленин, взяв под защиту от нападок реакционной печати оценку М. Горьким учения Л.Н. Толстого, сделал следующее ироническое примечание к статье, обращённое к реакционерам, выступившим против М. Горького:

«Г. Бердяев! гг. редакторы «Полярной Звезды» или «Свободы и Культуры»! Вот вам ещё тема для долгих воплей... то-бишь долгих статей против «хулиганства» революционеров. Называют, дескать, Толстого мещанином!! – кель оррер, как говорила дама, приятная во всех отношениях» (В. И. Ленин, Сочинения, изд. 4-е, т. 10, стр. 220).

В письме от 2 февраля 1908 года, сообщая М. Горькому, что дело с изданием центрального большевистского органа «Пролетарий» налажено, В.И. Ленин писал:

«Всё налажено, на днях выпускаем анонс. В сотрудники ставим Вас. Черкните пару слов, могли ли бы Вы дать что-либо для первых, номеров (в духе ли заметок о мещанстве из «Новой Жизни» или отрывки из повести, которую пишете, и т. п.)» (В.И. Ленин, Сочинения, изд. 4-е, т. 34, стр. 328).

В письме от 7 февраля 1908 года, в котором идёт речь о возможных формах участия М. Горького в «Пролетарии», В.И. Ленин писал: «Но если есть охота и к совместной работе в политической газете, – почему бы не продолжить, не ввести в обычай тот жанр, который Вы начали «Заметками о мещанстве» в «Новой Жизни» и начали, по-моему, хорошо?» (там же, стр.331).

«Заметки о мещанстве» печатаются по тексту газеты «Новая жизнь», сверенному с правленными автором машинописью и газетной вырезкой из номера 4 «Новой жизни» (Архив А.М. Горького), а также с отрывками, помещёнными в двух изданиях сборника М. Горького «Статьи 1905–1916 гг.», текст которых редактировался автором.

«Новая жизнь» – первая легальная большевистская газета, издававшаяся в Петербурге с 27 октября по 3 декабря. С номера 9 выходила под непосредственным руководством В.И. Ленина. Всего вышло 28 номеров.

«Не рассуждай, не хлопочи...» – стихотворение Ф.И. Тютчева.

«Край родной долготерпенья...» – из стихотворения Ф.И. Тютчева «Эти бедные

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895–1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru селенья...»

«Где ты черпал эту силу?» – из стихотворения И.С. Никитина «Дедушка».

Калиныч и Хорь – персонажи из рассказа И.С.Тургенева «Хорь и Калиныч»

...героя Муму... – имеется в виду Герасим, герой рассказа И.С.Тургенева «Муму».

Касьян – персонаж из рассказа И.С.Тургенева «Касьян с Красивой Мечи».

Антон Горемыка – герой одноимённой повести Д.В.Григорovichа.

Платон Каратаев – персонаж из романа Л.Н. Толстого «Война и мир»

...дедушка Яков – персонаж из стихотворения Н.А. Некрасова «Дядюшка Яков».

Мазай – персонаж из стихотворения Н.А. Некрасова «Дед Мазай и зайцы».

Аким – персонаж из пьесы Л.Н. Толстого «Власть тьмы»

...сеять среди него «разумное, доброе, вечное»... – М. Горький цитирует стихотворение Н.А. Некрасова «Сеятелям».

«Умом Россию не понять...» – стихотворение Ф.И.Тютчева.

«...Успели мы всем насладиться...» – из стихотворения Н.А. Некрасова «Ночь. Успели мы всем насладиться...»

– Терпи! – сказал русскому обществу Достоевский своей речью... – имеется в виду речь Ф.М. Достоевского, произнесённая им в Обществе любителей российской словесности (Москва) 8 июня 1880 года на торжестве в честь открытия памятника А.С.Пушкину

...Слепцов, устами Рязанова, зло и метко посмеялся над мещанином... – в повести «Трудное время».

Погибли «Отечественные записки»... – петербургский журнал, издававшийся с перерывами с 1818 по 1884 год. В 1839–1846 годах в журнале сотрудничал В.Г. Белинский. После ухода его из редакции журнал превратился в умеренно-либеральное издание. С 1868 года «Отечественными записками» руководили Н.А. Некрасов, М.Е. Салтыков-Щедрин и др. Они превратили журнал в одно из лучших изданий России, сгруппировали вокруг него передовые силы революционно-демократической интеллигенции. После многочисленных цензурных гонений царское правительство в 1884 году закрыло журнал

...Судили обо всем всегда «применительно к подлости»... – выражение «применительно к подлости» принадлежит М.Е. Салтыкову-Щедрину. См. его сказку «Либерал»

...вместе с господами Кукшиными... – имеется в виду персонаж из романа И.С.Тургенева «Отцы и дети».

Дряхлый демон России... – речь идёт о К.П. Победоносцеве, обер-прокуроре святейшего синода, вдохновителе реакции в царствования Александра II, Александра III и Николая II.

По поводу

Впервые напечатано в газете «Новая жизнь», 1905, номер 23 от 27 ноября.

Печатается по тексту газеты «Новая жизнь», сверенному с авторизованной машинописью статьи (Архив А.М. Горького).

По поводу московских событий

Впервые напечатано в газете «Молодая Россия», 1906, номер 1 от 4 января.

Статья написана в декабре 1905 года, по приезде М. Горького 14 декабря из Москвы в Петербург, но до событий на пресне 17 декабря. Она предназначалась для новой еженедельной общественно-политической и литературной газеты «Молодая Россия», являвшейся легальным органом студентов социал-демократов. Первый номер газеты

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895–1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru должен был выйти в декабре 1905 года, но вышел 4 января 1906 года. Статья М. Горького помещена была в этом первом и единственном номере газеты в отделе «Фельетон». Передовой была статья В.И.Ленина «Рабочая партия и её задачи при современном положении». После первого же номера газеты департамент полиции возбудил дело об аресте автора передовой статьи; газета была конфискована, а её редактор арестован.

В.И. Ленин, оценивая в названной статье московское восстание 9–18 декабря 1905 года, писал: «Геройский пролетариат Москвы показал возможность активной борьбы и втянул в неё массу таких слоёв городского населения, которые до сих пор считались политически равнодушными, если не реакционными». И далее: «Дубасовские пушки революционизировали в невиданных размерах новые массы народа» (В.И. Ленин, Сочинения, изд. 4-е, т. 10, стр. 76).

В январе 1917 года В.И. Ленин, составляя план доклада о революции 1905 года, в разделе о московском вооружённом восстании вписал, подчеркнув, в перечень материалов имя М. Горького, имея, по-видимому, в виду статью его «По поводу московских событий» (см. «Ленинский сборник», XXVI, Партиздат, 1934, стр.152–153).

Обещанное газетой «Молодая Россия» продолжение статьи («продолжение следует») М. Горьким, по-видимому, не было написано.

Статья печатается по тексту газеты «Молодая Россия».

[К рабочим всех стран]

Воззвание написано М. Горьким 4 января 1906 года и послано для публикации центральным органам социалистических партий Западной Европы.

Газета «Юманите» (центральный орган французской социалистической партии) опубликовала воззвание М. Горького в номере 644 от 21 января 1906 года в разделе «К 22 [94] января», с предисловием редакции: «Великий русский писатель-социалист Максим Горький прислал редакции «Юманите», одновременно редакции «Форвертс», брюссельской «Пепль», римской «Аванти» и главным социалистическим газетам следующее волнующее воззвание, обращённое к рабочим всех стран».

Воззвание датировано М. Горьким: «Петербург, 17 января» (по новому стилю). В русской печати в 1904 году опубликовано было лишь следующее краткое сообщение об этом воззвании: «Берлинер тагеблат» передаёт содержание письма Максима Горького к известному вождю английских социалистов Гайндману» (газета «Русское слово», 1906, номер 20 от 21 января).

В Англии воззвание было, по-видимому, опубликовано в виде письма к Генри Меерс Гайндману (1842–1921), руководителю британской социалистической партии, позднее скатившемуся на позиции национал-шовинизма.

В России воззвание распространялось нелегально, в разного рода списках-копиях. Одна из таких копий была перехвачена в марте 1906 года царской почтовой цензурой и сохранилась в делах департамента полиции.

Копия эта, под заглавием «Письмо Горького», была опубликована в 1933 году в сборнике «Революционный путь Горького», Центрархив, ГИХЛ, М.-Л. 1933.

Воззвание печатается по тексту указанного сборника, сверенному с французским переводом.

Этот заговор был открыт в печати одним из участников его. – Вероятно, имеется в виду «Докладная записка директора департамента полиции Лопухина», изданная в 1905 г. в Женеве с предисловием В.И. Ленина (см. В.И. Ленин, Сочинения, изд.4-е, т.8, стр.176–179).

Не давайте денег русскому правительству!

Впервые напечатано в журнале «Красное знамя», Париж, 1906, номер 1 от апреля.

В первых числах апреля по новому стилю это воззвание напечатали немецкие газеты (информация газеты «Русские ведомости», 1906, номер 83 от 26 марта). Во Франции обращение было опубликовано в газете «Юманите», 1906, номер 722 от 9 апреля.

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895–1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
В России обращение М. Горького в 1906 году напечатано не было; газеты напечатали о нём лишь краткие сообщения.

Воззвание написано М. Горьким в марте 1906 года и послано И.П.Ладыжникову с просьбой отправить его в Америку с тем, чтобы оно было опубликовано до приезда туда автора.

Во втором номере журнала «Красное знамя» сообщено: «Против М. Горького возбуждено департаментом полиции судебное преследование за революционную агитацию за границей, выразившуюся в том, что он напечатал статью «Не давайте денег русскому правительству».

Агитируя против предоставления займа царскому правительству, М. Горький основывался на большевистской оценке политической роли внешних займов царского правительства. В 1905 году (газета «Вперёд», номер 13 от 23 марта) В.И. Ленин в статье «Европейский капитал и самодержавие» писал: «Социал-демократическая печать указывала уже неоднократно, что европейский капитал спасает русское самодержавие. Без иностранных займов оно не могло бы держаться». В той же статье В.И. Ленин назвал эти займы «спекуляцией международной буржуазии на избавление России от революции и царизма от полного краха» (В.И. Ленин, Сочинения, изд. 4-е, т. 8, стр. 238, 243. См. также примечания к тому 7 настоящего издания, стр. 523–524).

Обращение печатается по авторизованной машинописной копии (Архив А.М. Горького).

Письмо Анатолю Франсу
Впервые напечатано в журнале «Красное знамя», Париж, 1906, номер 1 от апреля.

В переводе на французский язык, вместе с ответом А.Франса, в том же году издано отдельной брошюрой «Обществом друзей русского народа» под заглавием «Письмо Максима Горького Анатолю Франсу о русских займах и ответ Анатоля Франса».

Анатоль Франс, выдающийся французский прогрессивный писатель, был одним из организаторов и председателем «Общества друзей русского народа». Общество ставило своей задачей давать точную, исходящую из авторитетных источников, информацию о «положении вещей в России». После ареста и заключения М. Горького в Петропавловскую крепость (январь 1905 года) французские писатели выступили в его защиту. Анатоль Франс был одним из первых, подписавших протест против ареста М. Горького. Он писал: «От всего сердца присоединяюсь к... движению в пользу Горького. Люди просвещённые, люди науки России, Германии, Италии, Франции, соединимся! Дело Горького – дело наше общее. Такой талант, как Горький, принадлежит всему миру. Весь мир заинтересован в его освобождении».

Отвечая на письмо М. Горького, Анатоль Франс писал: «Приветствую и чту Вас как поэта и человека действия, имевшего счастье пострадать за дело, которому служит Ваш гений. Это дело восторжествует... В качестве председателя «Общества друзей русского народа» я шлю Вам свои пожелания успеха в освободительной революции и свидетельствую Вам, что с горьким негодованием помышляю о том, что французские капиталисты могли доставить деньги правительству палачей, мучающему Ваш великодушный народ».

Упомянутые в письме М. Горького писатель Октав Мирбо, художник Т. Стейнлейн, учёные Ж.-П. Ланглуа и Ш. Сеньобос вместе с Анатодем Франсом составляли президиум «Общества друзей русского народа».

Письмо печатается по тексту авторизованной машинописной копии (Архив А.М. Горького).

Письмо в редакцию газеты «XX век»
Впервые напечатано после смерти писателя в «Литературной газете», 1938, номер 33 от 15 июня.

Письмо адресовано М. Горьким в редакцию русской либерально-буржуазной газеты «XX век». Написано в Америке, по-видимому, весной 1906 года. Под статьёй имеется авторская пометка: «NY».

После инцидента с выселением М. Горького из отеля в Нью-Йорке американская буржуазная печать начала клеветническую кампанию против писателя (см. примечания

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895-1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru к циклу очерков «В Америке» в томе 7 настоящего издания).

Письмо печатается по рукописи (Архив А.М. Горького).

Не следует также нападать на почтенного Марка Твена. – Прогрессивный американский писатель М.Твен, высоко ценивший М. Горького, не понял политической подкладки кампании, организованной против М. Горького буржуазной прессой, и не выступил в его защиту

...чему печальным и ярким примером служит наш великий гений Л.Толстой. – В 1905 году Л.Н. Толстой выступил с осуждением революционного движения в России.

К французским рабочим

Впервые напечатано в журнале «Красное знамя», Париж, 1906, номер 4, август, затем (в переводе на французский язык) в газете «Юманите», 1906, номер 869 от 3 сентября.

В машинописной копии, подписанной М. Горьким, воззвание разделено на две части. Вторая часть (начиная со слов: «Веруя, что братство народов – не мечта...») озаглавлена: «К американцам». В другой машинописной копии вторая часть имеет заглавие: «К тредюнионам».

Печатается по тексту журнала «Красное знамя», сверенному с авторизованной машинописной копией (Архив А.М. Горького). Текст находится в «Народной библиотеке М. Горького».

К итальянцам

Впервые напечатано в журнале «Красное знамя», Париж, 1906, номер 6, декабрь.

Написано М. Горьким на Капри (Италия) 27 ноября (10 декабря) 1906 года в ответ на многочисленные приветствия представителей итальянского народа.

Под статьёй имеется авторская дата:.

После приезда М. Горького в Италию «Биржа труда» организовала 28 октября 1906 года в Неаполе митинг, на котором были оглашены приветствия итальянцев М. Горькому.

По сообщению одной из итальянских газет, на митинге было прочитано следующее приветствие М. Горького:

«Товарищи итальянцы! Я не знаю вашего языка, и вы не знаете моего, но я знаю ваши чаяния и ваши надежды, вы знаете мои.

В этом великом и необыкновенном явлении залог братства всех людей.

Вера в близкую победу правды и разума пусть никогда вас не покинет и даст вам силу бороться и победить!

Да здравствует пролетариат всех стран, ибо он обновит весь мир!

Да здравствует пролетариат великолепной Италии!»

По сообщению той же газеты, митинг закончился следующим выступлением М. Горького:

«Когда говорят о моей революционной деятельности, я чувствую себя взволнованным и смущённым, потому что в большой революционной русской армии – я только рядовой. Принимая ваше приветствие, как адресованное революционной России, я благодарю вас за себя, за мою родину и от имени всего мирового пролетариата»

(журнал «Красная новь», 1939, книга 5–6, май-июнь, стр.221).

Печатается по тексту журнала «Красное знамя», сверенному с авторизованной машинописной копией (Архив А.М. Горького)

...не позволили запятнать землю вашу приёмом Николая Романова... – В 1903 году организованные итальянские рабочие выступили с протестом против

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895–1906. Максим Горький gorkiy.maxim.ru предполагавшегося приезда в Италию Николая II, заявив, что они встретят русского царя всеобщей забастовкой; Николай II вынужден был отказаться от посещения Италии.

Дело Николая Шмита

Впервые напечатано в журнале «Красное знамя», Париж, 1906, номер 6, декабрь, и одновременно в английской газете «Таймс» в форме письма к одному английскому журналисту.

Под статьёй – авторская дата: «9 декабря 1906» (по новому стилю).

М. Горький лично знал Николая Павловича Шмита, содействовавшего подготовке декабрьского вооружённого восстания. Шмит вооружил рабочих своей фабрики и через М. Горького доставлял московской большевистской организации денежные средства на вооружение рабочих.

В декабре 1906 года царскими органами было подготовлено судебное «дело» Николая Шмита. Суд над Н.П.Шмитом не состоялся: 13 февраля 1907 года он был найден мёртвым в камере тюремной больницы.

Статья печатается по авторизованной машинописной копии (Архив А.М. Горького).

Явился полковник Мин... – командир Семёновского полка, который зверски подавил московское вооружённое восстание, открыв 17 декабря оружейный обстрел Красной Пресни, где были сосредоточены главные силы дружинников

...господин Гурко спешит доказать миру... – Гурко – товарищ министра внутренних дел, уличённый в 1906 году в казнокрадстве и спекуляции при поставке хлеба в голодающие губернии.

Открытое письмо господину Олару

Впервые напечатано в журнале «Красное знамя», Париж, 1906, номер 6, декабрь, и одновременно, (в переводе на французский язык) в газете «Юманите», 1906, номер 968 от 11 декабря, вместе с «Открытым письмом господам Ж.Ришару, Жюлю Кларети, Рене Вивиани и другим журналистам Франции» под общим заглавием «Моим клеветникам!». Публикация сопровождается следующим примечанием редакции: «Наш знаменитый товарищ Максим Горький обратился к нам с этими двумя письмами в ответ на язвительные нападки, объектом которых он стал в связи с его произведением «Прекрасная Франция», – нападки, которые ему не были ранее известны ввиду его совсем недавнего возвращения из Америки».

Олар Альфонс (1849–1928) – французский буржуазный историк, автор книг по истории французской буржуазной революции 1789 года; в годы первой империалистической войны – шовинист.

Письмо печатается по тексту журнала «Красное знамя»

...на мою статью о позорном поступке... – имеется в виду памфлет «Прекрасная Франция» (см. том 7 настоящего издания).

Вашу книгу... – речь идёт о книге А.Олара «Политическая история французской революции» (1900)

...я не могу оставить Вашу статью... – по-видимому, М. Горький имеет в виду статью А. Олара по поводу памфлета «Прекрасная Франция», опубликованную в 1906 году в одной из тулузских буржуазных газет

...Франции, которая плевала на Э. Золя... – имеются в виду преследования, которым подвергся Э.Золя за выступление с разоблачением «дела Дрейфуса» (см. примечание к статье «Поль Верлен и декаденты» в настоящем томе).

Открытое письмо гг. Ж. Ришару, Ж. Кларети, Р. Вивиани и др

Впервые напечатано в журнале «Красное знамя», Париж, 1906, номер 6, декабрь, и одновременно, (в переводе на французский язык) в газете «Юманите», 1906, номер 968 от 11 декабря, (см. примечание к «Открытому письму господину Олару»)

Ж. Ришар, Ж. Кларети – французские буржуазные журналисты. Вивиани Рене – французский адвокат и политический деятель, изменивший делу социализма и

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895–1906. Максим Горький gorkiyamaxim.ru неоднократно занимавший министерские посты в реакционных буржуазных кабинетах Франции.

В русских газетах об этом, как и о предыдущем письме, появилась лишь краткая газетная информация (см. «Русское слово», 1906, номер 290 от 29 ноября).

Печатается по тексту журнала «Красное знамя», сверенному с авторизованной машинописью (Архив А.М. Горького)

...моя статья о займе... – имеется в виду памфлет «Прекрасная Франция» (см. цикл очерков «В Америке» в томе 7 настоящего издания)

...вы обвиняете меня в неблагодарности... – речь идёт о том, что во время заключения М. Горького в Петропавловскую крепость в 1905 году в петициях и протестах европейской общественности участвовали также буржуазные журналисты (см. примечание к «Письму Анатолю Франсу» в настоящем томе).

Примечания

1

родной дом, домашний очаг. У древних римлян боги – хранители и покровители домашнего очага, а затем и всего римского народа. Каждая семья имела обычно двух пенатов, их изображения помещались около очага – Ред.

2

ищите женщину – Ред.

3

плащ-накидка без рукавов. По имени французского актёра Ф.Тальмы, который изобрёл много предметов одежды, названных его именем – Ред.

4

выборные члены городских дум и земских собраний – Ред.

5

машина для размола зерна (пшеницы, ржи и др. культур) в муку; используется также для измельчения соли и иных видов сыпучего сырья – Ред.

6

река Татьяна – от слова «тать» – «вор». Протекает по территории г. Самары. – Ред.

7

название низших государственных служащих, не имевших чинов – Ред.

8

Regardez par là, (смотрите здесь, смотрите там (франц.)). Из популярной в то время комической оперы Ж.Р.Ж. Планкетта «Корневильские колокола» – Ред.

9

нескромность, игривость, почти непристойность – Ред.

10

простите (франц.) – Ред.

11

прощайте! (итал.) – Ред.

- Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895–1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
- 12
одно из имён Аполлона в древнегреческих и древнеримских мифологиях – Ред.
- 13
сейчас – районный город Волгоградской обл. – Ред.
- 14
«Декадент» – стихотворение Я.Полонского. «Неделя», февраль – Ред.
- 15
выделено М.Г. – Ред.
- 16
речь идёт, очевидно, об иллюстрациях Врубеля к поэме М.Ю. Лермонтова «Демон» – Ред.
- 17
«Гензель и Грета. Волшебная сказка в трёх действиях», музыка композитора Гумпердинка, М. 1895 – Ред.
- 18
да здравствует (итал.) – Ред.
- 19
речь идёт о статье А.А. Карелина «Новая картина М.А. Врубеля» в газете «Волгарь», 1896, номер 228 от 19 августа – Ред.
- 20
перефразировка стихотворения Ф.И.Тютчева:
«Умом России не понять,
Аршином общим не измерить,
У ней особенная стать –
В Россию можно только верить»
– Ред.
- 21
опера французского композитора Амбруаза Тома – Ред.
- 22
«Неделя», 1896, номер 35 от 1 сентября). Дедлов – псевдоним беллетриста, критика и публициста В.Л. Кигна – Ред.
- 23
изменённая строка из стихотворения поэтессы-декадентки З.Н. Гиппиус «Песня» – Ред.
- 24
стихотворение поэта-декадента К.Д. Бальмонта из сборника «В безбрежности», М. 1895, первый раздел которого озаглавлен «За пределы». – Ред.
- 25
из стихотворения поэта-декадента Д.С. Мережковского «Дети ночи». – Ред.

- Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895–1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
26
из того же стихотворения Мережковского – Ред.
- 27
цитата из предисловия французского философа Ж.-М. Гюйо к его книге «Искусство с точки зрения социологии», изд. Л.Ф. Пантелеева, 1891, стр. VIII. – Ред.
- 28
речь идёт о картине К.Е.Маковского «Минин на площади в Нижнем Новгороде призывает народ к пожертвованиям», законченной в 1896 году. В настоящее время картина находится в городе Нижнем Новгороде в зале Маковского в здании Государственного Художественного музея (бывш. дом купца Сироткина), Верхне-Волжская набережная, дом 3 – Ред.
- 29
имеются в виду пьеса французского драматурга Ж.-Б. Мольера «Дон-Жуан» и драматическая поэма А.К. Толстого «Дон-Жуан» – Ред.
- 30
речь идёт о картине французского художника Жоржа Рошгросса «Погоня за счастьем» – Ред.
- 31
М. Горький цитирует книгу А. Шопенгауэра «Афоризмы и максимы», СПб. 1892, т. 2, стр. 70 – Ред.
- 32
издание «Производительные силы России. Краткая характеристика различных отраслей труда – соответственно классификации выставки. Составлено под общєю редакцией директора департамента торговли и мануфактур В.И. Ковалевского», СПб. 1896 – Ред.
- 33
происходила в Москве в 1882 году – Ред.
- 34
Чикаго, США, 1893 год – Ред.
- 35
по-видимому, М. Горький имеет в виду свои фельетоны из цикла «Беглые заметки», напечатанные в «Нижегородском листке», 1896, номера 138, 143 и 145 – Ред.
- 36
вино? – Ред.
- 37
чёрт возьми! – Ред
- 38
благодарю. – Ред.
- 39
чёрт! – Ред.

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895–1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru

40

Яблочков Павел Николаевич (1847–1894) – крупнейший русский ученый и изобретатель в области электротехники. Его ценнейшие изобретения долгое время не находили практического применения в России из-за пренебрежения господствующих классов и царской власти к достижениям русской науки. – Ред.

41

прима-балерина (итал.). – Ред.

42

речь идёт о книге Е.В.Барсова «Причитания Северного края», в трёх томах, М.1872–1886. – Ред.

43

речь идёт об изданной Ольгой Христофоровной Славянской-Агреновой книге «Описание русской крестьянской свадьбы с текстом и песнями: обрядовыми, голосильными, причитальными и завывальными, в двух частях. Записаны от Ирины Андреевны Федосовой и др.», 1887–1889 гг. – Ред.

44

étoile фр. звезда – в западном театре лёгкого, развлекательного жанра: модная артистка – Ред.

45

grivois фр. – вольный, игривый, легкомысленный, не вполне пристойный – Ред.

46

имеется в виду роман французского писателя Луве де-Кувре «Приключения кавалера Фоблаза». – Ред.

47

речь идёт о торгово-промышленном съезде в Н. Новгороде в 1896 году – Ред.

48

изменённая вторая строфа стихотворения Дениса Давыдова «Современная песня». У Давыдова: «То был век богатырей, Но смешались шашки...» – Ред.

49

см. поэму Н.А.Некрасова «Современники», часть вторая. – Ред.

50

Страбон (ок.63 г. до н. э. – ок.23 г. н. э.) – греческий географ. Его труд «География» был напечатан в извлечениях академиком В.В. Латышевым в книге «Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Том I, Греческие писатели. Выпуск 1-й», СПб. 1893. Полностью «География» Страбона была издана в переводе Ф.Г. Мищенко в 1879 году в Москве – Ред.

51

исследование шведского историка Тунмана «Крымское ханство» впервые напечатано на русском языке в 1936 году. М. Горький, по-видимому, ознакомился с ним по извлечениям, цитированным другими авторами. Аркас З. – русский археолог, автор исследования «Описание Ираклийского полуострова и древностей его. История Херсониса», Николаев, 1879. Статья Аркаса под тем же названием была опубликована в «Записках императорского одесского общества истории и древностей», т. II, отделение первое, Одесса, 1848. – Ред.

- Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895–1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
- 52
Броневский Мартин – автор книги «Описание Крыма». Пер. с лат. И.Г. Шершеневича – «Записки императорского одесского общества истории и древностей», т. VI, 1867. – Ред.
- 53
об Ираклии см. у Геродота – «Жизнеописание Солона» – Прим. М.Г.
- 54
речь идёт о статье В.Н. Юргевича «Псифисм древнего города Херсониса о назначении почестей и наград Диофанту» – «Записки императорского одесского общества истории и древностей», т. XII, 1881 – Ред.
- 55
из XII тома записок Одесского общества истории и древностей – Прим. М.Г.
- 56
из 9 тома материалов по археологии России – Прим. М.Г.
- 57
не разобрано – Прим. М.Г.
- 58
см. В.В. Латышев «Греческие и латинские надписи, найденные в южной России в 1889–1891 гг.» («Материалы по археологии России», т.9. СПб. 1892) – Ред.
- 59
общественно-политическая и литературная газета, издававшаяся в 1897 году в г. Симферополе – Ред.
- 60
как документально установлено, М. Горький родился 16 марта 1868 года – Ред.
- 61
следовательно (лат.). – Ред.
- 62
заблудившиеся – Прим. М.Г.
- 63
сборник устных религиозных преданий – Прим. М.Г.
- 64
опера Рихарда Вагнера 1845 г. – Ред.
- 65
имеется в виду еженедельный иллюстрированный журнал с националистической и религиозной окраской, выходивший в Москве с 1891 по 1893 год – Ред.
- 66
рассказы М. Горького «Дружки» (см. том 3), Ив. Наживина «Журавли», П. Кулакова «Хищник» и К. Верга «Рыжий» (перевод с итальянского) – Ред.

- Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895–1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
67
репродукции с картин К.В. Лебедева «На побывку к сыну» и Н.П. Богданова-Вельского «Воскресные чтения в народной школе» – Ред.
- 68
в номере 11 «Журнала для всех» за 1898 год помещён рассказ А.П. Чехова «Жилец», в номере 12 – рассказы «Необыкновенный» и «Муж» – Ред.
- 69
псевдоним реакционного журналиста, критика и писателя Сенковского О.И. – Ред.
- 70
ежемесячный литературно-политический журнал реакционного направления, издававшийся с 1882 года в Петербурге – Ред.
- 71
реакционная петербургская газета, издававшаяся А.С. Сувориным. Выходила с 1868 по октябрь 1917 года, вначале была умеренно-либерального направления, а с 1876 года превратилась в подкупленный царским правительством орган махровой реакции. С 1905 года – орган черносотенцев – Ред.
- 72
см. ПСС, изд. 4-е, т. 34, стр. 15) – Ред.
- 73
речь идёт о статье П.Н. Ге «Арнольд Бёклин, Франц Штук и Саша Шнейдер», напечатанной в журнале «Жизнь», 1899, февраль, книга 1 – Ред.
- 74
Ефим Простосердов – псевдоним реакционного журналиста, редактора-издателя журнала «Наблюдатель» А.П. Пятковского. Имеется в виду его статья «И смех и горе (Литературные и общественные заметки)», помещённая в журнале «Наблюдатель», 1899, февраль – Ред.
- 75
речь идёт о книге Дж. Гобсона «Джон Рёскин как социальный реформатор», изд. Ф. Солдатенкова, 1899 – Ред.
- 76
1814–1896», пер. с франц. под ред. В.Поссе, тт. 1–2, изд. О.Н. Поповой, СПб.1898 – Ред.
- 77
с амер. издания пер. Л.Г.Малиса, изд. О.Н.Поповой, СПб.1898 – Ред.
- 78
«Общедоступное изложение основных космологических вопросов», с последнего нем. издания пер. К.П. Пятницкого, изд. О.Н. Поповой, СПб. 1898 – Ред.
- 79
пер. М.А. Шишмаревой, изд. т-ва «Знание», СПб. 1899 – Ред.
- 80
речь идёт о книге Линдемана (писавшего под псевдонимом К. Гуго) «Новейшие течения в английском городском самоуправлении», пер. с нем. под ред. Д.

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895–1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Протопопова, изд. О.Н. Поповой, СПб. 1898 – Ред.

81

М. Горький имеет в виду издание: Гюйо Ж.М. Собрание сочинений, тт. 1–5, СПб. 1898–1901 (т. 1 – изд. О.Н. Поповой, тт. 2–5 – изд. т-ва «Знание») – Ред.

82

т. 1, изд. т-ва «Знание», СПб, 1899 – Ред.

83

из стихотворения Н.А. Некрасова «Форма» – Ред.

84

имеется в виду А.М. Скабичевский, автор рецензии на книгу А.П. Чехова «Пёстрые рассказы» (СПб. 1886), опубликованной в журнале «Северный вестник», 1886, книга VI, июнь – Ред.

85

В «Путевых картинах», часть III – Ред.

86

имеется в виду статья Н.К. Михайловского «Об отцах и детях и о г. Чехове», посвящённая сборнику рассказов А.П. Чехова «Хмурые люди». Впервые статья опубликована в газете «Русские ведомости», 1890, номер 104 от 18 апреля, под названием «Письма о разных разностях» – Ред.

87

Саккар – персонаж романа французского писателя Э. Золя «Деньги» – Ред.

88

Поль Астье – действующее лицо в романе «Бессмертный» и пьесе «Борьба за существование» французского писателя А. Додэ – Ред.

89

1860–1900. Литературный сборник, посвященный Н.К. Михайловскому», СПб. Сборник издан в связи с сорокалетием литературной и общественной деятельности Н.К. Михайловского. См. о нём также очерк М. Горького «О Михайловском» в 15 томе настоящего издания – Ред.

90

Выражение «применительно к подлости» принадлежит М.Е. Салтыкову-Щедрину. См. его сказку «Либерал» – Ред.

91

Статья написана автором до событий на Пресне – прим. Ред.

92

1866–1928; что мачеха его была родственницей М.Ю. Лермонтова – Ред.

93

в 1889 году. – Ред.

94 то есть 9-му. – Ред.

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 23. Статьи 1895–1906. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!